Константин Соловьёв

НЕЙРО-ПАНК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мир далекого будущего не дал ни летающих машин, ни супер-компьютеров, ни межпланетных полетов. Единственное, что он дал человечеству - нейро-терминал. Устройство, способное редактировать нейроны головного мозга. Редактировать саму человеческую личность - ее склонности, привычки, предпочтения, все то, что делает нас индивидуальными. С этого момент началась новая жизнь для Земли. Больше нет стран - люди живут в городах-государствах "Фуджитсу", "Сони", "Эппл". Больше нет неорганизованной преступности: Мафия здесь - уважаемая и вполне легальная компания. И, главное, больше нет многочисленных проблем, связанных с эмоциями и разногласиями. Ведь всегда можно купить модную в этом сезоне улыбку или мимику кино-звезды. Можно скроить свою личность заново, используя достижения рынка нейро-софта - избавиться от не устраивающих черт характера, заменить старые привычки новыми, привить себе чувство юмора или вкус к хорошему вину. Ведь человеческая личность в этом мире - не более, чем совокупность нейро-модулей, каждый из которых хранит частичку разработанной инженерами чужой индивидуальности. За великим множеством этих частичек не каждый уже помнит свою настоящую личность... Детектив Соломон Пять идет по следу таинственного нейро-хакера, который взламывает чужие сознания и похищает у людей кусочки их личности.

- Константин Соловьёв
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16

- ГЛАВА 17
- ГЛАВА 18
- ГЛАВА 19
- ГЛАВА 20

- notes
  - 1

Константин Соловьёв
НЕЙРО-ПАНК

ГЛАВА 1

Длинную стрелку часов отделяло от двенадцати лишь три коротких минутных штриха, когда Соломон собрался было подняться из кресла и решительно перевернуть табличку на двери. Обращенная к нему сторона таблички – «Обеденный перерыв. Подождите» - маячила перед глазами так долго, что, казалось, будет преследовать вечно, стоит лишь сомкнуть веки. Соломон уже коснулся пальцами шероховатого пластика, когда увидел за стеклянной дверью кабинета фигуру в сером костюме. Фигура торчала посреди жала ожиданий позабытым пугалом, которое хозяева забыли убрать с поля с наступлением зимы, и уныло наблюдала за тем, как дрогнула табличка на двери.

«К черту ее, - раздраженно подумал Соломон, не выпуская из руки таблички, - Три минуты до обеда, не успею…»

Конечно, не успеет. Едва ли этот серый костюм пришел жаловаться на шумного соседа-имигранта или требовать поимки негодяя, оставившего вмятину на крыле его автомобиля. Такие серые костюмы приходят по делам сложным, долгим и важным. Соломон работал достаточно давно, чтоб научиться выделять популяцию именно этих Серых Костюмов из пестрого и разноцветного ареала десятимиллионного Фуджитсу.

Как и всякий мужчина, разменявший четвертый десяток лет, он ничего не смыслил в моде и покрое, но интуитивно, особенным мужским чутьем, узнавал дорогие, шитые на заказ, костюмы. Была в них некая особенная сдержанная и вальяжная гордость – как в неброских но очень дорогих породистых рысаках. Серые Костюмы сродни тому, что ждал за дверью, не беспокоят по пустякам. Они приходят, когда дело касается страхового мошенничества, биржевого вымогательства, подпольных игорных домов… Серые Костюмы прекрасно умеют держать себя в любой обстановке, вне зависимости от интерьера. На людей вроде Соломона они глядят с благосклонным недоумением, как бы вежливо удивляясь их, людей вроде Соломона, существованию.

Но этот вел себя как-то странно. Скованно и нерешительно. Не смотрел презрительно на потертые кушетки для посетителей, не смотрел демонстративно на часы. Вместо этого он мялся, бессмысленно вертел головой и часто облизывал губы. С таким Серым Костюмом, наверно, интересно иметь дело. Наверно, это и заинтересовало Соломона. Захотелось взглянуть на эту рыбешку поближе, изучить ее внутренности.

- Две минуты, - сказал он, открывая дверь, - Потом у меня

обед.

Получилось не очень приветливо, но Серый Костюм тряхнул головой и устремился в кабинет с такой готовностью, словно в дорогих кожаных туфлях вместо стелек были насыпаны угли. Соломон придержал за ним дверь, вздохнув, провел пальцем по табличке, возвещавшей наступление обеда и призывавшей ждать, сел в свое кресло. Если заставить этого типа говорить покороче да пояснее, возможно, удастся уложиться минут в десять…

- Детектив Соломон Пять. Слушаю вас.

- Пять?.. – Серый Костюм впервые встретился с ним взглядом, - Что значит пять?

- Это моя фамилия. Я – Соломон Пять, детектив Транс-Пола. Слушаю вас.

- Да. Конечно. Я… Извините. Мне надо было сразу же… Нет, я понимаю, что дело, можно сказать, личное, приватное, но… В конце концов, куда мне еще было идти? Ну и мне… И я… Полагаю, это единственный мой выход. Как гражданин Фуджитсу…

«Щеголь, ты уже потратил тридцать секунд из своих двух минут, - подумал Соломон, разглядывая ерзающего в кресле посетителя, - Как же тебя трясет… Впрочем, придавим тебя немного и посмотрим, что выйдет».

- Будем работать по порядку, по протоколу, - мягко сказал он, движением ладони останавливая суетливый поток слов, и мягкость эта была давящей, настойчивой, - Начнем с имени. Как вас зовут?

Серый Костюм дернул головой, как если бы его мучили судороги шейной мышцы.

- Эмпирей Тодд. Эмпирей Тодд.

- Отлично. Эмпирей Тодд. Вот мы уже и начали разбираться в вашем деле. Чтобы я смог оформить жалобу по всей форме, мне нужно знать, что произошло. Подробности и мелкие детали мы пока оставим за кадром. Сейчас лишь основное. Главное. Что привело вас в участок Транс-Пола?

Соломон знал, что его размеренный голос, немного охлажденный, как бутылка в ведерке со льдом, действует на посетителей почти гипнотизирующее. Главное, внимательно смотреть им в глаза. Взгляд – это та леска, которая протягивается между рыбаком и его добычей. И хоть их еще разделяет граница воды, хоть рыба еще трепыхается, леску уже не оборвать. Раз рыбка оказалась в этом аквариуме, значит, наживка ею проглочена. А опытному рыбаку остается только вести ее. Соломон считал себя опытным рыбаком.

- Меня… Я стал жертвой преступления. Ужасного,

бессмысленного преступления.

- Неужели? – Соломон с ловкостью профессионального провизора отмерил тщательно выверенную порцию сарказма, - Хорошо. Знаете, к нам в Транс-Пол почему-то часто обращаются по поводу преступлений. Теперь назовите тип преступления. Убийство.? Интеллектуальный грабеж? Религиозный терроризм? Медиа-саботаж?..

- Ограбление! Я хочу сообщить об ограблении.

Серый Костюм, которого Соломон еще не привык считать Эмпиреем Тоддом, дернулся в потертом кресле, как ударенный током. Движение человека, находящегося в состоянии нервного истощения, с трудом себя контролирующего. Только сейчас Соломон смог толком разглядеть его лицо в свете кабинетной лампы. Лицо было странное.

Детективы Транс-Пола в Фуджитсу всегда умели находить это «странное», безотчетно и интуитивно, как уличные псы, которые вдруг могут поднять морду и проводить тяжелым взглядом ничем не выделяющегося прохожего. «Странное» - это когда что-то выбивается из нормы, едва заметно, как нитка из рукава. Обнаружив «странное», детективы делают стойку и замирают. Такая уж у них природа. Соломон напрягся в своем потертом кресле.

Странным у Эмпирея «Серого Костюма» Тодда было именно лицо. Аккуратные и тонкие его черты, идеально-ровный нос и прекрасная гладкая кожа говорили о превосходной родословной – или же о мастерстве его пластического хирурга. Либо, как часто бывает, и о том и о другом одновременно. Дорогое и ухоженное лицо преуспевающего человека. Такое не скоблят ржавой бритвой и не моют дешевым бальзамом.

По десятку мелких признаков Соломон установил, что лицо это принадлежало человеку уверенному, даже властному, а еще – выдержанному и знающему себе цену. В этом отношении оно прекрасно гармонировало с дорогим серым костюмом. Важная шишка, сидящая на самой верхушке дерева. Тогда что же насторожило его чутье?.. Необычная бледность? Пожалуй. Нервные беспорядочные движения мимических мышц? Наверняка. Странный, болезненный, блеск глаз?..

Этот парень выглядит так, как будто выпил что-то нехорошее, подумал Соломон. И тут же поправился. Нет, он выглядит так, словно это его выпило что-то нехорошее. Не человек, а пустая оболочка, такая же выстиранная и выглаженная как сам костюм. Оболочка, обвисшая в кресле, выхолощенная, подергивающаяся.

- Ограбление, значит? – Соломон пробарабанил по столешнице отрывистую и короткую мелодию, - Отлично. То есть,

не отлично, конечно, просто… ммм-м-мм… Ну, неважно. Что украли?

Эмпирей Тодд подался вперед, практически нависая над столом. Бледное лицо, пустые глаза с искрой на самом дне – как пересохшие колодцы, в которые кто-то уронил по спичке – напряженная поза.

- Меня, - хрипло сказал он, - Украли меня.

- Ага, - сказал Соломон, - Ясно.

Великий Летающий Макаронный Монстр и тридцать три фрикадельки! Мысленно Соломон едва не заскрежетал зубами. Вот тебе и две минуты. Вот тебе и обеденный перерыв. Вот тебе и…

- Украли меня, - Эмпирей Тодд судорожно сжал пиджак у себя на груди, но дорогая ткань почти сразу же разгладилась, оставшись безупречной, - Понимаете? Мою суть. Душу мою. Всего… всего меня. Верните. Верните, умоляю вас! Пустота… Как вакуум в груди. Верните меня! Настоящего меня! Денег не жалко, черт с деньгами… Но душу…

- Вас не украли, - холодно сказал Соломон, одернув посетителя одним взглядом, - Вот вы здесь, сидите передо мной и занимаете определенный объем. А на счет души лучше обратитесь в Пастафарианскую церковь.

- Это не я, - горько сказал Эмперий Тодд, с отвращением и даже ненавистью взглянув на свои бледные кисти, - Это пустое, оболочка… Плоть, биологический материал, тело… Меня в нем нет, вот в чем беда.

- Так вы говорите о нейро-софте! – Соломон испустил краткий вздох облегчения, дело наконец прояснилось, - Вот оно что. Ну конечно. Нейро-софт! У вас украли нейро-софт?

- Да. Именно так. Украли.

- Сколько? – деловито поинтересовался Соломон, придвигая к себе блокнот для записей. Остро отточенный карандаш всегда лежал рядом. Все стало ясно и понятно, и он, подобно поезду, вставшему на давно знакомую изъезженную колею, ощутил уверенность и облегчение, - Назовите количество украденных у вас нейро-модулей, их специфику, наименование и…

- Все украли. Все модули до единого. Все, что были.

«Ох!» - сказал кто-то с досадой в голове у Соломона. Устремившаяся по привычному маршруту шаблонных формуляров мысль скрипнула шпалами и едва не слетела с рельс в облаке искр и обломков. Теперь он понял и странное поведение посетителя, и его нервические движения, и выражение лица. То-то он сам не свой, и ведет себя как привидение. Все модули… Подумать только. Редчайший случай, Бароссе будет интересно.

- Мммммм… - Соломон надеялся, что после «Мммммм» сама собой соорудится какая-нибудь отвечающая моменту фраза, успокаивающая и деловитая, но ничего не соорудилось, и ему пришлось самому сколачивать ее из разрозненных, блуждающих в мозгу слов, - Отлично. То есть, не отлично, но… Кхм. Значит, кто-то взломал ваш нейро-интерфейс и похитил установленные в нем нейро-модули… Это… нечастый случай. Сколько всего модулей было у вас установлено?

- Сто пятьдесят шесть.

Соломон попытался подавить изумленный вздох – и, кажется, подавил. Сто пятьдесят шесть! И, судя по всему, это были не копеечные модули, скачанные из сети за гроши. Серые Костюмы не используют дешевый нейро-софт. Сто пятьдесят шесть…

У самого Соломона было установлено лишь сорок шесть, и теперь он ощущал себя стареньким потрепанным рыболовецким катером, возле которого пришвартовалась шикарная, из стали и стекла, океанская яхта. Впрочем, учитывая бледный потерянный вид Эмпирея Тодда, яхта эта получила такие пробоины, что едва держалась на воде. Поэтому вслед за досадой Соломон ощутил сладкое, как вересковый мед, злорадство.

- Прилично у вас модулей, а? - сказал он нарочито грубовато, кашлянув, - Очень, я бы сказал, немалое число.

Он мысленно перевел это число в денежную сумму, сравнил со своей зарплатой. Сто пятьдесят шесть!..

Остатки господина Тодда, мумифицированные в дорогом сером костюме, улыбнулись в ответ печальной улыбкой умирающей лягушки:

- Немалое… Для вас это всего лишь число, детектив. Для меня… Господи, эти нейро-модули – вся моя жизнь. Каждый из них я подбирал с учетом тысяч факторов, добиваясь идеального и органичного соответствия. Я выстраивал свои нейро-модули двадцать лет. Идеальная, неповторимая коллекция. Каждый на своем месте… Уникальная композиция, произведение искусства. Вам не понять. Модуль «Сен де Сюре» - необычайно тонкая и скользящая улыбка. Специальная улыбка, которой можно улыбнуться хорошенькой женщине с расстояния в один шаг, идеально выверенная улыбка, бьющая без промаха… «Вербена-Три» - умение выдерживать спокойствие в минуту наибольшей душевной тревоги. Но не ледяное спокойствие – такой нейро-софт можно купить у оборванца на рынке – а особенное, с тонкой и едва различимой ноткой подрагивающего томления… Вы даже не видели таких нейро-модулей, детектив Пять… Многие из них сделаны на заказ, штучное производство, авторский дизайн…

- Сейчас это роли не играет, - оборвал его Соломон.

- Конечно. Для вас это всего лишь цифры, строчки… Вы не представляете, чем это было для меня. Все эти модули были частью меня, с которой я сжился сильнее, чем с собственной плотью. Любовь к хорошим лошадям и классическим картинам, сильная, но без перегиба, деловая хватка, способность воспринимать легкие остроты без обиды, чувство такта, невосприимчивость к лести… Сто пятьдесят шесть кусочков меня самого, украденные неизвестным подлецом. Из моего тела словно вытащили сто пятьдесят шесть костей. Для меня это было нечто большее, чем запрограммированные химические реакции и прописанные дорожки нейро-медиаторов. Я сам создал свою личность, детектив, это далось мне ценой многих потраченных лет – и многих денег. Но черт с деньгами! Деньги неважны! Я бы заплатил… Я бы… Пусть только вернут!

Соломон вздохнул. Спасибо старенькому модулю «Сапиенти Сат 3», позволявшему изобразить на лице сочувственную и терпеливую улыбку. Эта улыбка часто помогала ему при общении с посетителями, давно окупив свою стоимость. Впрочем, он давно привык считать ее частью себя самого.

- Почему вы не обратились к детективу Барроса? Он занимается делами по кражам нейро-софта.

- Обратился. Он посоветовал вас.

«Подлец Барроса, - подумал Соломон, бессмысленно вертя в пальцах карандаш, - Подлец, обманщик и лентяй. Если он отфутболил этого бедолагу ко мне, значит, и браться не за что. Но мог ведь сам объяснить ему, не спихивать на коллег…»

- Какая базовая нейро-модель была у вас установлена? – спросил он вслух, хотя никакой нужды в этом вопросе не было.

Эмпирей Тодд поморщился. Он и так морщился непрерывно, но в этот раз его лицо исказила настоящая гримаса.

- «Клавдий».

Соломон не знал параметров такой модели – не доводилось сталкиваться - но память услужливо выдала что-то, вычитанное в каталоге элитного нейро-софта: невозмутимое олимпийское спокойствие, грациозная величественность, мягкая, но не высокомерная властность, едва различимая насмешливость, ясный и уверенный взгляд… Кажется, что-то еще про царственную осанку и особенный, уникальный, созданный лучшими нейро-мастерами, комплекс из снисходительности, вежливой терпимости и показной миролюбивости… Отличный выбор для тех, кто хочет стать образчиком вкуса и выдержки, особенно подходящий для работников финансовых групп, административного аппарата и шоу-бизнеса. Соломон вспомнил эту формулировку из каталога так ярко, что на мгновенье даже

ощутил запах дорогой матовой бумаги.

«Клавдий»… Идеальный выбор для Серого Костюма. Вот кому принадлежало это породистое и властное лицо. «Клавдию», а не Эмпирею Тодду. Точнее, им обоим одновременно. Только теперь «Клавдия» не было, и тело напоминало посеревший и осевший дворец, утративший весь свой помпезный блеск. Или даже занесенные песком руины дворца… Жалкая картина, вызывающая больше отвращения, чем сочувствия.

- Теперь понимаете? – Эмпирей Тодд криво улыбнулся и снова стал похож на умирающую лягушку, - Не просто модуль. Личность. «Клавдий» и сто пятьдесят шесть нейро-модулей, подключенных к нему. Личность, характер, привычки, даже жесты… А теперь я чувствую себя так, словно кто-то взял меня за шкирку и вытряхнул. Из тела и из самой моей жизни. Как будто душа моя шлепнулась крохотным бледным червем о холодный камень – и теперь даже не знает, куда глядеть…

- Конечно, - Соломон искривил губы в улыбке, надеясь, что она похожа на искреннюю, - Понимаю.

- Ничего вы не понимаете! – человек в кресле с досадой стукнул сухим кулаком по подлокотнику, - Мои модули… Знаете, у меня был отдельный модуль для щелчка пальцами. Такой специальный щелчок, который вызывает у собеседника беспокойство и неуверенность. Теперь я могу щелкать пальцами хоть день напролет – но ничего похожего… Это был особенный щелчок, к которому я привык. Моя мышечная память помнит его, мои пальцы помнят его, но без нейро-модуля я не могу его воспроизвести. Я пытаюсь вести себя, как прежде, я ведь помню свои привычки и образ мышления. Но ничего не выходит. Я словно неудачный пародист, неумело пытающийся изображать другого человека. Все это замечают. Мои коллеги, партнеры, знакомые…

Эмпирей Тодд щелкнул пальцами. Насколько мог судить Соломон, получилось не очень выразительно. По крайней мере, беспокойства и неуверенности он не ощутил. Только лишь усталость человека, которого задержали в обеденный перерыв.

- Не стоит беспокоиться. Ваша память, ваш интеллект…

- О, они остались при мне, не сомневайтесь, детектив! Только толку от них… Я помню, как заключил самую важную в жизни сделку, как урвал у «Хайбол и Крафт» шестнадцать миллионов, и сам председатель совета директоров жал мне руку… - Эмпирей Тодд тоскливо поглядел на свою безвольную бледную кисть с подрагивающими пальцами, - Но я ничего не чувствую при этом. Потому что я – уже не тот человек, который это делал. Воспоминания блеклы, как выгоревшая на солнце древняя газета.

Это воспоминания чужого человека, которые я не могу сделать своими. Они безмерно далеки от меня. Однажды я встретил женщину, чудесную женщину. Я ухаживал за ней три года. И она наконец обратила на меня внимание. Я помню запах ее губ, когда мы целовались в тени миндальных деревьев, отставив бокалы в сторону и чувствуя на лице дыхание горного ветра… О, как я помню! Только тот «я», который сидит перед вами, уже другой. Меня лишили всего того, что составляло мою сущность, мои чувства и эмоции. Как шкура змеи… Вы даже не представляете, детектив, как это страшно и отвратительно. Секунду назад ты был человеком, и вот ты уже пустая оболочка, мусор от самого себя, шелуха… Все стало незнакомым, чужим, пугающим. Ты уже больше не ты, а кто-то другой, а настоящий «ты» пропал… Как же это страшно!

Соломон украдкой взглянул на часы. Они показывали двенадцать с четвертью. Четверть часа его обеденного перерыва была безвозвратно потеряна.

- Ваши душевные переживания не имеют значения для следствия, - сказал Соломон, - Лучше уточним обстоятельства кражи. Ваш нейро-интерфейс был защищен паролем?

Тот вспылил:

- Дурацкий вопрос, разумеется, был! Третий уровень шифрования, максимальная стойкость к любому виду взлома! Мой мозг – неприступный сейф!

- И вы никому не давали кода?..

- У меня стоял ассоциативный замок. Никто другой не смог бы им воспользоваться. Даже если бы я был настолько глуп, чтоб использовать непроверенный нейро-софт или шляться по сомнительным серверам…

Это верно. Серый Костюм с замашками настоящего «Клавдия» никогда не польстится на обычное сетевое мошенничество, призывающее купить всего за пять гульденов «настоящее бесстрашие, как у африканского льва», а за десять – «непревзойденный шарм, которому невозможно сопротивляться». Он не стал бы рисковать содержимым своей головы.

«А многие рискуют, - подумалось Соломону, - Покупают сомнительный нейро-софт, не имеющий лицензионного обеспечения, ставят его себе и превращаются в нейро-зомби. Ох и жуткая это картина – нейро-зомби… А вот он не ставил. Заботился о своем нейро-софте, не экономил денег, покупал лучшее… И что теперь?»

Параллельно с мыслями досужими и желчными текли мысли рабочие, деловые. Профессиональные ищейки Транс-Пола никогда не расслабляются, они всегда слушают, хотя бы одним

ухом, и всегда думают о деле, чем бы ни был занят мозг.

Рассеянно слушая Эмпирея Тодда, в речи которого бесполезного мусора было больше, чем ценных деталей, Соломон постукивал карандашом по столешнице и размышлял.

Несомненно, работал мастер. Взломать нейро-интерфейс третьего уровня, да еще и с ассоциативным замком… Это как вломиться в банковское хранилище за литой многотонной дверью. Причем вломиться бесшумно и среди бела дня. Ничего удивительного, что Эмпирей Тодд хорошо защитил свой мозг, свою святыню. Да только с этой защитой столкнулся тип, для которого она оказалась не более неприступной, чем занавеска в душевой кабинке.

И что дальше делает этот таинственный тип? Что обычно делают, когда вскрывают сейф и обнаруживают там ворохи бумаг вперемешку с золотыми слитками, долговыми расписками, старыми календарями и потрепанными банкнотами? Хватают самое ценное и дают дёру. Соломон редко имел дело с похитителями нейро-софта, но образ мысли обычного грабителя он знал превосходно. Ни один грабитель не станет мести по углам, кропотливо собирая крохи. Берут то, что представляет наибольшую ценность, то, что потом не выдаст и не помешает бежать. Может, нейро-грабители рассуждают иначе? Но к чему, взломав нейро-интерфейс этого хлыща, было красть вообще все? Это же не разумно. Может, кому-то на черном рынке и приглянется особенная улыбка Эмпирея Тодда, сделанная для него лучшими нейро-дизайнерами, но большая часть всего украденного определенно не представляет собой того, что можно легко сбыть. Это ведь штучный товар, который легко отследить… То же самое, как если б вор украл чье-то имя и пытался толкнуть его на черном рынке. Глупо.

Странная манера для нейро-грабителя. Насколько было известно Соломону, обычно они работают тоньше, гораздо тоньше. Взломав защиту, берут то, чье исчезновение владелец заметит не сразу, например. Обычный человек может прожить полгода, прежде чем заметит пропажу чувства юмора…

Хитрый гусь Баросса!.. Дело явно мутное, не из тех, что раскрываются щелчком. Не захотел, значит, связываться, отправил к детективу Пять. Ничего, поговорим и с Бароссой. Не сейчас, попозже…

- Как вас взломали? И когда?

- Это было два дня назад, во вторник. Детали не очень хорошо помню. Как дубинкой по темечку в темном переулке… Помню, вернулся домой с одной тяжелой встречи, открыл дверь… Ах да, включил нейро-терминал. Подключился к нему…

«Да понятно, что включил терминал, - нетерпеливо подумал Соломон, все еще постукивая карандашом по поверхности стола, - Не по воздуху же тебя нейро-взломщик достал!.. Там-то он тебя и ждал, в твоем домашнем нейро-терминале. Ты замкнул контакты на мозг, не подозревая о том, что нейро-акула уже близко, уже принюхивается к добыче… Впрочем, кто беспокоится, зная, что его сознание помещено в сейф?.. Проблема лишь в том, что акула оказалась хитра и быстра, а твой сейф – слаб…»

Только сейчас он заметил, что карандаш бьет по дереву не с ровным ритмом, а с небольшим его искажением, словно отстукивая какой-то хитрый и замысловатый джазовый мотив. Бу-бу-бу-буп-бу… Бу-бу-бу-буп… Хорошо бы послушать музыку, вместо того, чтоб сидеть в душном кабинете и смотреть на этого бледного извивающегося червяка в сером костюме. Что-нибудь освежающее, энергичное, с резкими саксофонными вставками… Что-нибудь из симфонического джаза старой волны, виртуозно играющего на контрастах, внезапных переходах и причудливых импровизациях – Архейма, Уайтмана или «Маленьких медных музыкантов»…

Но дело, как ни крути, уже появилось. А ищейки Транс-Пола не бросают дел на полпути. Тем более, что дело, пожалуй, намечается интересное.

- Зачем вы включили нейро-терминал? – спросил Соломон, делая вид, что делает в блокноте какую-то пометку.

Эмпирей Тодд дернул костлявым плечом.

- Не помню. Кажется, хотел что-то проверить. Когда у тебя в голове полторы сотни нейро-модулей, иногда забываешь, что именно себе установил. В общем, я включил терминал. Надел обруч на голову и… – Эмпирей Тодд стиснул зубы, - Кажется, просто отрубился. Очнулся на полу с ноющей, как от похмелья, головой. Ужасно мутило. Сперва не понял, что произошло. Просто чувствовал себя ужасно разбитым, уставшим, пустым. Тогда я еще не догадывался, как я пуст… О, дурак… Подумал, от перенапряжения, стрессов… Потом стал чувствовать неловкость. Как если надеть чужой костюм, который местами жмет, а местами висит как тряпка. Комната вдруг стала казаться чужой, непривычной, словно ее обустраивал совершенно незнакомый мне человек. Как будто я не у себя дома, понимаете? Картина на стене выглядела крикливо и напыщенно – но я ведь помню, что, когда вешал ее, учитывал тончайшие нюансы оттенков, графическую рифму интерьера, даже запах… Ужасные ощущения. Только тогда сообразил вновь подключить свой интерфейс к нейро-терминалу. Дальше представляете. Базовой нейро-модели нет. И ни одного модуля. Пустота на их месте, и пустота в душе.

Рассказывая, Эмпирей Тодд ерзал в кресле, ежесекундно дергался, кривился, дергал плечами, и выглядел так жалко, что Соломон даже стал испытывать определенное сочувствие. В конце концов, перед ним действительно сидел человек, у которого украли самое дорогое – не дом, не автомобиль и не счет в банке, а его личность. Разделенная на сто пятьдесят шесть кусков, личность Эмпирея Тодда сейчас принадлежала кому-то другому. Неизвестно кому, если точнее.

А ведь ситуация глупейшая, если подумать. Одно дело, когда украли кусок софта. Приходит посетитель и жалуется, что перестал испытывать сладкое томление от запаха фиалок, потому что кто-то украл у него нейро-модуль. А если украдено все подчистую? Получается, что и заявитель частично украден? Ведь этот нейро-софт формирует, полностью или фрагментарно, его социальную личность. Значит, заводить дело о похищении? Но тело-то – вот оно, дергается в кресле… Не похищено, но и не полноценно. Значит, кража?..

- Редкое дело, - сказал Соломон вслух, все еще барабаня карандашом по столу – бу-бум, бу-ду-бу-ду-ду-бум!.. - Часто бывает такое, что кто-то, узнав обманным путем пароль, похищает несколько нейро-модулей. Это случается в Фуджитсу на каждом шагу. Некоторые модули, особенно дорогие, сделанные на заказ, стоят хороших денег на черном рынке. Иногда крадут для себя, для личного пользования. Но чтоб похищать сразу все… Ваш похититель отличается либо непомерной жадностью, либо чудовищной глупостью. С другой стороны, если ваш грабитель умудрился открыть ассоциативный замок на интерфейсе высокой степени сложности, скорее все-таки жадность…

Надо браться. Соломон мысленно вздохнул и попытался вспомнить, с чего начинал подобные дела детектив Баросса. Старый хитрец Баросса, который предусмотрительно не стал связываться с Эмпиреем Тоддом. Кажется… Точно, он использовал четыре «В»…

Соломон взял лист бумаги (с одной стороны испорченный черновиком рапорта), положил его между собой и посетителем, после чего быстро нарисовал на нем четыре раздельно стоящие буквы «В», и каждую обвел кружком. Получилось на удивление внушительно.

- Господин Тодд, кто-то требовал у вас деньги за возвращение нейро-модулей?

- Нет. Никто. Отчего, думаете, я ждал два дня перед тем, как придти в Транс-Пол? Думал, что вор выйдет на связь и предложит цену, не хотел его спугнуть. И любая цена не показалась бы мне излишне большой, уверяю… Но тщетно. Похититель не

обращался ко мне. Ему не нужны мои деньги, ему нужен я. И он меня получил, с потрохами.

- Что-то личное? – предположил Соломон, аккуратно перечеркивая одну из «В», - Месть? Зависть? У вас есть враги?

Эмпирей Тодд качнул головой, так резко, что она едва удержалась на тощей шее.

- Никогда не было. Я был идеален, детектив. Я умел заводить друзей, но никогда не имел врагов и завистников. Я был бесконечно остроумен, щедр, спокоен, вразумителен и милостив. У таких не бывает врагов, даже среди компаньонов и конкурентов.

Соломон столь же аккуратно перечеркнул вторую «В». Человек, бывший прежде Эмпиреем Тоддом, с беспокойством взглянул на рисунок.

- Что это?

- Стандартная формула, которую мы используем при расследовании дел, связанных с похищением нейро-софта. Называется «Вымогатели-Враги-Воры-Вандалы». И раз вымогатели и враги здесь не присутствуют, остаются только воры и вандалы.

- Не думайте, что утешили меня!

Соломон пожал плечами.

- Как знать? Может, весь ваш нейро-софт или хотя бы часть него всплывет через неделю где-нибудь на юге Фуджитсу. А может, в Азусе или даже Уолмаркете. Каналы краденного нейро-софта могут вести через весь континент и десятки стран. Может, сейчас какой-нибудь воришка уже наслаждается вашим «Сен де Сюре» в сотнях миль отсюда…

Кресло подбросило Эмпирея Тодда, точно попытавшись катапультировать.

- Мою личность нельзя разбить на куски! Она – единое произведение искусства, продуманное до последних мелочей, и каждая его…

- Извините, - сказал Соломон, удержавшись от зевка, который выглядел бы сейчас в высшей степени неуместно, - Но только воры, когда им случается умыкнуть большой кусок нейро-софта, часто пытаются разбить его на составляющие. Так легче продать, да и Транс-Полу сложнее будет выйти на след. Так что, вполне может быть, вашего «Клавдия» кто-то уже использует в далеком Сони, а то, что вы годами собирали, уже разошлось от Лукойла до Боша. С некоторыми странами есть договоры о выдаче, но вы же сами понимаете…

С затаенным злорадством Соломон представил, как бесценная личность Эмпирея Тодда разлетается в разные стороны горстью оброненных бусин. Сто пятьдесят шесть нейро-модулей…

Некоторые люди в попытке исправить реальные или мнимые недостатки своего характера иногда хватают через край, а потом расплачиваются за это. Видно, нашелся грамотный взломщик, который ловко обошел защиту и сорвал с одного из Серых Костюмов все его погремушки. Впрочем, злорадство было изрядно оттенено стыдом. Каким бы тщеславным, напыщенным и гордым ни был господин Тодд в прошлой жизни, подобной участи он явно не заслужил. Соломон представил, каково это – в одно мгновенье лишится самого себя – и его мысленно передернуло. Наверно, так чувствуют себя люди, у которых ампутировали часть тела…

- Могу обещать, что Транс-Пол Фуджитсу примет все меры для скорейшего обнаружения вашего имущества. Разумеется, я не могу обещать, что это произойдет в скором времени, но…

- Я не могу долго ждать! - Эмпирей Тодд оскалился, - Каждая минута, которую я вынужден проводить в этой мертвой и чужой оболочке, кажется минутой в аду. Меня не просто лишили какой-то мелочи, меня лишили самого себя! Я не могу думать так, как я привык, и собственные мысли совершенно чужие и неприятные. Я задыхаюсь в этом чужом рассудке, вынужденный испытывать чужие чувства и смотреть чужими глазами. Это мучительно!

- Закажите дубликат, - посоветовал Соломон хладнокровно. Серый костюм мозолил глаза, почти столь же сильно, как и табличка на двери, напоминавшая об обеде. Но беспокойства от него было значительно больше.

- Не могу. Подлец, взломавший мою защиту, уничтожил резервные копии. Все до единой. Разумеется, у меня есть реестр, в котором записаны все приобретенные мною нейро-модули, но в данном случае он бесполезен. Ведь каждый модуль вручную подгоняется под остальные составляющие и базовую модель, настраивается, калибруется, проверяется… Вот о чем я вам толкую – моя личность была соединением множества сложнейших частей. Шедевром! Я необычайно тонко чувствовал мир, я упивался тысячами оттенков чувств, я был полон вкуса и достоинства… А теперь я заперт в теле безликого болванчика, пластикового манекена, а мои чувства беспомощны и примитивны, как у старой свиньи! Я мог улыбнуться тремя сотнями различных улыбок, и в каждой – идеально выверенная порция чувств. Я мог легким движением головы сказать больше, чем самой пространной речью! Я был решителен, великодушен, талантлив!..

- Обратитесь к нейро-мастерам, которые занимались внедрением, - посоветовал Соломон устало, - Наверняка у них осталась документация.

- Не осталось. Как я уже говорил, в прошлом моя личность

была уникальна, и я не хотел, чтоб какой-то нечистый на руку нейро-программист продал ее копию на сторону… В мире мог существовать только один Эмпирей Тодд!

«Он и существует, - чуть не ляпнул было Соломон, - Только отдельно от вас».

- Значит, вашу личность не сможет восстановить ни один нейро-хирург? Это ухудшает положение.

- Не говорите об этом так, словно речь идет о восстановлении ключа от автомобиля! – вспыхнул Эмпирей Тодд, - Дело касается моей жизни! Я пытался купить базовый образ «Клавдий», почти сразу же, когда это произошло. Хотя бы частично вернуть утраченное, ощутить хотя бы тень того, кем я был…

- И? – осторожно спросил Соломон.

Эмпирей Тодд горько покачал головой.

- Я не смог получить даже этого. Нейро-шрамы. Вы знали про такую штуку, детектив Пять? Я тоже нет. Тот, кто похитил меня, действовал не очень-то мягко. Это сродни рубцеванию поврежденной ткани. Кто-то вырвал мою суть с мясом из физической оболочки… Тонкая нервная ткань не терпит такого отношения. Как результат, я не могу воткнуть в себя любой другой имплант. Нужны месяцы, а то и годы восстановительных процедур, и то, без полной надежды на успех. Мне нужен не просто новый «я», мне нужен мой старый «я». Только он и никто другой. И вы должны найти меня.

- Мы приложим для этого все силы. Пожалуйста, оставьте номер своего социального билета, чтобы мы могли связаться с вами. Кто знает, вдруг скоро мы сможем вас обнадежить?

- Да. Да. Конечно, - Эмпирей Тодд буквально вырвал из недр дорогого пиджака визитную карточку и бросил ее на стол. Визитка была оформлена с хорошим вкусом, ничего лишнего, лишь тонкое благородство показной скромности и дорогая рисовая бумага. Соломон с деланным уважением положил ее в ящик стола. На этом, как он надеялся, встреча должна была закончиться. Дергающийся бледный человек в сером костюме стал раздражать его, как засевшая между зубами веточка укропа. Он выглядел беспомощным, жалким и отталкивающим. Как грязный нищий, напяливший на себя одежду с чужого плеча и теперь сам чувствующий себя в ней неуютно и скованно. В его обществе было неприятно находиться.

- Звоните мне в любое время суток, - сказал на прощание Эмпирей Тодд, угловатой зыбкой тенью замерев на пороге, - Я буду ждать. Наверно, я не смогу заснуть, пока вы не вернете меня. Я… Ладно. Прощайте.

- Удачного дня, - козырнул ему вслед Соломон, зная, что

посетитель уже не слышит его.

Часы показывали двенадцать часов и тридцать восемь минут.

Соломон вздохнул и, протянув руку, перевернул табличку на двери другой стороной.

Пора было отправляться на обед.

ГЛАВА 2

Конечно же, в кафетерии он детектива Барросу не застал, и сам тому не удивился. Часы готовились пробить час дня, то самое время, когда стайки строгих костюмов стягиваются к дверям, подобно мелким листикам водоросли, втягиваемых в фильтр огромного аквариума, а повара сердито грохочут тарелками, напоминая неслаженно играющий оркестр. Соломон ощутил запах свежей горячей окономияки, и почувствовал, как желудок отозвался сердитым дребезжанием. Ну, не сегодня, старик, потерпишь. Дела, сам понимаешь… Желудок не понимал. Он был бесчувственным и грубым существом, слишком примитивным, чтоб принимать во внимание чужие слабости. «Ты сам виноват, Соломон, - гудел он, - Если бы не задержался, если бы выкинул из кабинета этого Эмпирея Тодда, мерзавца, укравшего у тебя обеденный перерыв, этого жалкого червя, это пугало…». Соломон пообещал ему по дороге домой заехать в кафе и взять двойную порцию якитори с рисом и луком.

На всякий случай Соломон заскочил в курилку, что была неподалеку от кафетерия, но и там детектива Бароссы не обнаружилось. Зато обнаружились три строгих костюма, поношенных и потрепанных настолько одинаково, что выглядели единой униформой -

Маркес, Коротышка Лью и еще какой-то тип из отдела то ли контрабанды, то ли нравственных преступлений. Посасывая трубки, они плавали в густой до рези в горле атмосфере и, кажется, о чем-то спорили, давно и безнадежно, перевалив в своем споре за ту черту, где уже позволительно считается хватать друг друга за рукава и галстуки, перекрикивать и сплевывать в угол.

- …трилобиты! Скажите, пожалуйста! Трилобиты!

- И пусть! – Коротышка Лью насмешливо косился на распалившегося, почти искрящегося, Маркеса, огненная шевелюра которого была заметна в табачном тумане так же хорошо, как свет маяка, - И пусть трилобиты!

- Дурак ты, - сердился тот, дергая воротник несвежей рубашки, - С детства их ненавидел. Пакость, плавает себе в банке… Ну и что ты думаешь? Эта фурия прямо-таки насела на меня, хочу трилобитов, и все тут! Всегда, мол, мечтала завести в квартире эту живность. И почему все женщины без ума от трилобитов, а?

- Они снова в моде. Подчеркивают целостность духовного

мира хозяина, - сказал Коротышка Лью, ухмыляясь откровенно издевательски, - Ну так а ты что? Не захотел?

- Я, понятно, упирался. Предложил ей завести кота. А что такого?

- Кот, - многозначительно сказал тип из отдела то ли контрабанды, то ли нравственных преступлений. Глаза у него были скучные, потертые и темные, как кнопочки дверных звонков, а усы – обвислые, невнятного бурого цвета, что-то среднее между сединой и ржавчиной. Поскольку больше он ничего не сказал, на него никто не обратил внимания.

- Не спорь с женщиной! – поучительно заметил Коротышка Лью, и так веско постучал чубуком трубки по ладони, что прозвучала эта сентенция даже оригинально, - Хочет трилобитов – заведи трилобитов.

- Ну нет уж! Кто хозяин в доме? Я уперся. Никаких трилобитов, женщина, заводим кота, и точка. Тут и она на дыбы встала. Никаких котов в моем доме! Ох, началось… Три дня – точно не дома, а на Сони-Шарповском фронте… Ссоры, грохот. Не жизнь, а пытка.

- Напомни мне рассказать про один случай в Сони…

- Отстань ты со своим Сони, старик! – Маркес так дернул ворот рубашки, что галстук сбился на бок, да так и остался криво висеть неаккуратным серым язычком, - Три дня, в общем, терпел. Потом понял, что надо с этим делом разобраться. Я не из тех парней, что складывают дела в долгий ящик.

- Нейро-модуль! Разумеется! – Коротышка Лью не очень элегантно щелкнул толстыми пальцами, - Уважаю. Мужчина в нашем возрасте уже не может позволить себе терпеть негативные психо-физические факторы, скверно действует на нервную систему и потенцию. Да и мальчишество. А нейро-софт - самый разумный путь.

- Но не самый дешевый, - кисло сказал Маркес, - Пришлось отдать ползарплаты. Но сделали, конечно, на уровне. Это тебе не тот нейро-софт, что был у нас в молодости, никаких индонезийских компонентов и нелицензионного оборудования…

- Был у меня лет пять назад приятель, тоже из Фуджитсу, славный парень. Но проблемы у него были с женским полом, слишком уж страстен, если вы понимаете… Вечно драмы, страсти, шекспировщина всякая вокруг него вьется…

- Великий Макаронный Монстр! – вспылил Маркес, - Да причем здесь твой…

- А дай дорасскажу!.. В общем, устал он от собственной страсти, хоть в петлю. Ну я ему и подсказал, мол, поставь себе нейро-модуль, да и забудь. Станешь холоден, как айсберг, или

чего ты там хочешь… Он и пошел. Только, дурак такой, сэкономить решил. Вместо того, чтоб в официальный нейро-коррекционный центр пойти, к какому-то подвальщику сунулся, где дешевле. И попросил, чтоб ему установили нейро-модуль верности.

- Верность, - глубокомысленно сказал тип, который занимался то ли из контрабандой, то ли нравственными преступлениями, - Конечно.

На него вновь не обратили внимания. Кажется, он не обиделся.

- И что с ним? – без интереса спросил Маркес, - Спалили мозг? Стал нейро-зомби?

- Верность-то ему поставили, - Коротышка Лью засмеялся, масляно жмурясь и обнажая тронутые табачной желтизной зубы, - Только не ту. В то время, если помните, в моде был коктейль «Верность». Светлый ром, что-то там из ликеров, и ломтик лимона под кокосовой стружкой… В общем, полюбил он этот коктейль невероятно, просто до одури. Готов был по сорок порций в себя влить. Все свободное время стал в винной лавке просиживать, потом по барам, по ресторациям… Женщин любить не перестал, только времени на них уже как-то не оставалось. Да и какие уж тут женщины, если к бутылке постоянно тянет…

- Мошенники! Он обратился в суд?

- Нет, - Коротышка Лью махнул рукой, - Пришел к выводу, что любовь к бутылке обходится ему дешевле и выгоднее, чем женский пол. Так что остался вполне доволен сделкой.

- Так выпьем же за верность, - саркастично заявил Маркес, поднимая воображаемый стакан, - Впрочем, я всегда знал, что верность мешает отношениям…

- Ладно-ладно, ну что там у тебя с трилобитами?

Маркес скривился.

- Да почти как у твоего парня, только еще глупее. Пришел я, мне в секунду все установили. Не любите трилобитов, а любите котов?.. Ерунда какая. Подпишите форму, оплатите услуги, садитесь в кресло под нейро-корректор – и все дела. Будете обожать трилобитов всю жизнь. Тут уже и я рукой махнул, мол, если уж сдаваться, так с потрохами. Попросил, чтоб мне заодно и нелюбовь к котам поставили. Гулять так гулять, как говорится… Ну они и поставили.

- И что? Как ты теперь смотришь на трилобитов? – уточнил Коротышка Лью, откровенно забавляясь. Его маленькие озорные глаза обладали способностью по-дьявольски блестеть.

Лицо Маркеса, едва видимое в густом табачном дыму, потеплело, точно на него лег отсвет желтой домашней лампы.

- В сущности, милейшие существа. Вот сейчас вспоминаю, как их не любил, и даже понять не могу, отчего. Причем нет никакого ощущения искусственности или там нелогичности. Я просто стал любить трилобитов, вот и все.

- Так это и есть любовь, балда! Когда ты влюбляешься в женщину, у тебя разве возникает чувство искусственности?.. Что не любил, не любил – и вдруг полюбил? Ни черта не возникает! Ну так и с трилобитами то же самое. Это же нейроны, понимать надо.

- Дай рассказать, болтун… На радостях купил огромную банку – и домой, жену порадовать. А там…

Лицо Маркеса сделалось серым, словно кто-то, щелкнув выключателем, погасил освещавшую его лампу.

- В общем, а дома меня жена ждет. С котом. Уму непостижимо. Она, понимаешь, тоже нейро-софт себе установила. Теперь ненавидит трилобитов и обожает котов. Как глупо, а? Так и живем теперь, как дураки круглые. Я котов не люблю, она – трилобитов. А дома теперь и кот и трилобиты. Я на кота ее волком смотрю, она трилобитов тараканами обзывает. И денег на новую нейро-коррекцию пока нет. Не дураки ли?

- Дураки! - с готовностью подтвердил Коротышка Лью, - Только дураки в семейных делах обращаются в нейро-коррекцию по отдельности, а не вместе. Правда, дураки, Соломон?

Все вдруг посмотрели на Соломона, точно только сейчас его заметили.

- Может быть, - сказал тот, понимая, что заслушался и провел в курилке больше времени, чем было необходимо, - Я, знаешь ли, стараюсь не использовать нейро-софт без насущной необходимости. И трилобитов не люблю.

- А ты полюби! – предложил Маркес, кривя губы в вымученной улыбке, - Я вот полюбил, и мне легче. Надо же кого-то любить, так не все ли равно, кого?

Соломон покачал головой.

- Не нужна мне такая любовь, парни. Не хочу любить по приказу нейро-корректора.

- Ты омерзительно старомоден, - с наигранным отвращением сказал Коротышка Лью, - Впрочем, известно, отчего. Это все твой приятель Бейли…

- Он здесь ни при чем, - возразил Соломон, - Я не чураюсь нейро-софта, но он как… алкоголь. Он заполняет те пустоты, которые образуются в жизни. Чем больше пустот, тем чаще бегаешь в нейро-центр. А мне пока пары рюмочек хватает, за бутылкой не тянусь.

Коротышка Лью расхохотался и хлопнул Соломона по плечу:

- Слова мудрого человека! Правда, ребята? Наш осторожный и подозрительный Соломон Пять не доверяет нейро-софту. Сколько у тебя модулей, старик?

- Сорок шесть.

Маркес присвистнул, контрабандно-нравственный тип без имени закатил глаза.

- Всего-то?

- Мне хватает.

- Как у гармоничной личности может быть всего сорок шесть модулей? У меня столько было в четырнадцать лет.

- Личность как личность, - Соломон машинально повел плечами, как обычно делают, чтоб понять, не жмет ли пиджак, - Меня устраивает.

- Или просто экономишь, а?

- Отстань от Соломона, бездельник, - буркнул Маркес, поправляя галстук, - Есть люди, которые не собираются пичкать себя модулями без всякой нужды. По-моему, он отлично выглядит со своим неполным полтинником.

Крошка Лью отступил на шаг и прищурился, разглядывая Соломона.

- Ну конечно. Так сказать мог только тот, кто ни черта не понимает в социально-психологических аспектах. Нет, я не хочу сказать, что Соломон выглядит плохо, но… Нет, взгляните на него. Уставший взгляд. Поджатые губы. Эта мрачная ироничность, которая считалась модной чертой характера где-то во времена моего деда… Эта манера смотреть на собеседника с прищуром, наконец! Тяжеловесно, мрачновато, старомодно, непрактично. Чего еще ждать от человека, который использует нейро-модель «Бейли», снятую с производства двадцать лет назад?

- Я к ней привык, - сказал Соломон немного грубовато, - Иди к черту, Лью.

Крошка Лью не обиделся, он замахал руками, ухмыльнулся, затянулся из трубки, хмыкнул. В общем, сделал весь тот комплекс действий, который позволителен для человека, даром теряющего время.

- В этом наш Соломон, - провозгласил он, совершая очередной бесполезный жест, - Консерватор и ретроград, и мы его именно таким любим. Не кривись ты, краб сердитый, любим! К слову, когда-то давным-давно модель «Бейли» была очень популярна, причем именно среди нашего брата, среди детективов Транс-Пола. Как там писали в каталоге… Природная подозрительность, дотошность, ответственность, въедливость…

- …напускная холодная усталость, и в то же время –

спрятанное под ее слоем желание быть счастливым, - процитировал Маркес, устало улыбнувшись, - Я эти чертовы каталоги на память помню. Да, наш Соломон – типичный «Бейли». И это ему идет.

- Я не говорю, что не идет, - снова заговорил Крошка Лью, - Но нельзя ведь всю жизнь таскать одну личину, как черепаха таскает панцирь… Нейро-психологи давно уже установили, что незыблемость личных качеств плохо сказывается на нервной системе. Нельзя же вечно ездить по наезженным рельсам, старик, понимаешь? Рано или поздно они трескаются от постоянно нагрузки. Смени стиль, возьми что-то новое, отдохни от этого своего зануды «Бейли»! Вот я, например, - Крошка Лью выставил вперед живот, - Заметь, какая тонкая, многогранная, интересная работа. На первый взгляд, я всего лишь банальный балагур, пошляк и бездельник.

- Да, - сказал Соломон, улыбнувшись, - Похож. Клоун, сплетник, скандалист и никчемный остряк. Ты явно не напрасно отдал деньги.

Отчаянно захотелось выйти из курилки, от табачного дыма даже под языком загорчило.

- Вот! Но, прими во внимание, я использую базовую нейро-модель «Пан». Прошлого года, между прочим. Ты даже не представляешь, как тонко и интересно устроена ее суть. Я не просто шучу, я фиглярствую, находя удовольствие не в шутке, как таковой, а в возможности проявить насмешку над самим чувством юмора. Очень интересно и упоительно. Я чувствую себя многослойным, сложным и уникальным явлением природы. Разве раньше я мог почувствовать что-то подобное?

- Нет, - уверенно сказал Маркес, - Раньше ты использовал модель «Атос» - и был самовлюбленным флегматиком, алкоголиком и повесой.

- Верно, - легко согласился Крошка Лью, - В тот период жизни у меня были другие вкусы. В какой-то момент мне нужна была перемена. Ну так и Соломону не пристало нагонять на всех уныние своим безнадежно устаревшим «Бейли»! Слушай, - он ловко ткнул Соломона локтем, оказавшимся неожиданно острым, - Дать тебе каталог? У меня есть свежий, этого месяца. И слушай, если надо одолжить или там…

- Может, завтра гляну. Или послезавтра… - напрасный и бесполезный разговор грозил затянуть в пучину табачного дыма, оставить вечно болтаться подобно другим строгим костюмам, поэтому Соломон быстро спросил, - Бароссу не видели?

- Еще как видели, - сказал Коротышка Лью, - У себя в кабинете.

- О, ну спасибо. Бывайте.

Соломон решительно выбрался из курилки, где вновь кипел спор, уже на какую-то новую тему, и проворно поднялся на два этажа вверх, где располагался кабинет детектива Бароссы. К концу подъема его уже мучила одышка, но он сэкономил пару минут на ожидании лифта. А сэкономленная минута никогда не бывает лишней.

Подгоняемые ударами сердца, злые мысли трещали в голове как непотушенные угли забытого костра.

«Бейли», значит, уже устарел? Ах вы, кабинетные крысы, кривые вы галстуки… Ладно, может его модель и не писк сезона, не открытие известного нейро-модельера, не признанный эталон вкуса, но эта модель – часть его самого, и часть, ставшая достаточно привычной, чтоб судить о ней, как о костюме, который можно снять в любой момент. «Бейли»… Пожалуй, он нравился Соломону именно потому, что был старомоден, даже подчеркнуто консервативен. Какая-то особенная аура вещей прошлых эпох, добротных, тяжелых и как-то по-особенному неуклюжих. Именно «Бейли» помогал ему любоваться сквозь окно холодным серым дождем Фуджитсу. «Бейли» давал ему возможность улыбаться тяжелой, немного несимметричной и усталой улыбкой, которую так не любила Анна, но к которой он так привык. «Бейли» позволял ему благодушно ворчать, устроившись с газетой после сытного ужина.

«Это я сам, - напомнил себе Соломон, мучаясь одышкой, но упрямо не сбавляя темпа, - «Бейли» - это не фальшивая маска, которую я ношу подобно Лью или прочим, страдающим от внутренней пустоты и одиночества, «Бейли» - это просто механизация моих же чувств, невидимый аппарат, позволяющий избегать дополнительных соблазнов, этакая внешняя толстая…»

Дверь кабинета Бароссы была открыта, так что Соломон вошел без стука, сдерживая рвущееся из груди дыхание. Внутри было просторно, чисто, пахло мятными леденцами и, почему-то, старыми коврами, хотя ковров здесь никогда не было, только благородное лакированное дерево, сталь и пластик.

- Баросса!

- Чего кричишь? Заходи, Соломон. Ты что, поставил себе нейро-модуль астматика?.. Ах, поднимался быстро… Заходи, говорю.

Баросса стоял у окна, заложив руки за спину, и разглядывал что-то на улице. Соломон встал по левую руку от него и тоже посмотрел за стекло, но ничего толком не увидел.

Улицы Фуджитсу, прямые и знакомые, смотреть на них не интереснее, чем разглядывать какие-нибудь безымянные кости в

медицинском атласе. По улицам двигались автомобили. Не мчались, как в телевизионной рекламе, а тянулись один за другим унылой серо-сине-зеленой вереницей. Грязный туман, поднявшийся к обеду, не смог поглотить их – и теперь они, выныривая в просветах и вновь пропадая, казались какими-то странными механизмами, которые сам город извергает из асфальта, его внутренними шестеренками, чью работу невозможно понять или настроить.

- Видишь? – Баросса указал на что-то внизу пальцем с аккуратным и красивым ногтем, - На углу? Уже в третий раз.

Соломон присмотрелся, и сам заметил. На углу, возле самого участка Транс-Пола, крутилась одинокая фигура в плаще, а над ней трепетали грязно-белые крылья. Нет, понял он, не крылья, а крошечный транспарант.

- Вижу. Пикетчик какой-то. Но что написано, не разберу.

- Там написано – «Гетеросексуалы не хуже гомосексуалов», - устало сказал Баросса, - Представляешь? В третий раз. Этот парень определенно напрашивается. Знаешь, я ведь достаточно либерален, но всему должен быть предел. Если он…

- Я как раз только что видел детектива из отдела нравственных преступлений. Или из контрабандного… - вспомнил Соломон, но тут же перебил сам себя, - Да и черт с ним!.. Не в нем дело.

- А в ком?

- Эмпирей Тодд. Помнишь такого?

- Помню такого, - тяжело и мягко сказал Баросса, отворачиваясь от окна, - И что же?

- Этот твой Эмпирей Тодд заявился ко мне. После того, как ты его отшил. Очень мило с твоей стороны.

- Он действовал мне на нервы. Ужасно жалок.

- Это верно, от одного его взгляда хочется вымыться с мылом. Но он обратился в Транс-Пол, и мы обязаны помочь ему.

- Однако не поможем, - заметил спокойно Баросса, - Не сможем. Видишь ли, дорогой мой Соломон, дело тут гиблое, и заниматься им я смысла не вижу. Если хочешь, бери его, я и слова не скажу. Он твой со всеми своими трепыхающимися медузьими потрохами, этот Эмпирей Тодд.

Детектив Баросса был спокоен, собран и немного насмешлив. Он всегда был спокоен, собран и немного насмешлив. На окружающих он взирал с высоты двухметрового роста, а торс был столь широк в плечах, что Соломон всякий раз гадал, сколько денег из жалованья Бароссы идет на портного – в ателье Фуджитсу подобных моделей просто не могло существовать.

Вместе с тем, Баросса был отличным детективом, и свой

большой кабинет с деревянными панелями и огромным окном занимал по праву. Тем, кто знал его мало, он часто казался медлительным, даже сонным, совсем не тот образец детектива, что показывают по телевизору, но впечатление это было обманчивым. Баросса обладал превосходным чутьем, а еще – прекрасным интеллектом, гибким и сильным, как анаконда. Подчас преступник даже не успевал понять, что произошло – а хватка Бароссы уже делала невозможным любое сопротивление. Медлительность его была медлительностью особого свойства, фактически, это была замедленная и текучая энергичность, контролируемый, почти замерзший, водопад силы.

Кроме того, Баросса использовал базовую нейро-модель «Фридрих». Столь же старомодная, как и «Бейли» Соломона, она сумела остаться вечной классикой, так что ее обладатели могли в некоторой мере считать себя аристократами – ведь с производства та давно была снята. Впрочем, Баросса использовал своего «Фридриха» без пиетета, считая лишь удобным и функциональным подспорьем, а медлительная царственность его движений диктовалась скорее габаритами тела, чем ощущением собственного превосходства. Разговаривая с кем-то, Баросса имел привычку разглядывать собеседника с выражением насмешливого недоумения – как преподаватель выслушивает утомительного, но забавного в своей безграмотности студента.

Нет, подумалось Соломону внезапно, когда Баросса встретился с ним взглядом, скорее он похож на пирата. Немного постаревшего, давно забывшего про саблю, и повидавшего столько всего, что и рассказывать бесполезно. Пирата, в чьем хриплом голосе слышны отголоски штормов, а во взгляде можно разглядеть вспышки пушек.

И все-таки Соломон считал его своим приятелем.

- Я начал разбираться по порядку с этим Тоддом. По твоей схеме.

- «Четыре «В»? – усмехнулся Баросса в своей обычно манере, - Ну-ну. Ну-ну.

- Именно так. Вымогателей и врагов пришлось отбросить. Врагов нет, а вымогатели почему-то не обратились за вознаграждением. Значит…

- Значит – вандалы и воры. Блестяще, детектив Пять, ваш острый аналитический ум практически мгновенно вдвое сузил круг подозреваемых! Теперь их осталось всего тысяч сорок на городок вроде Фуджитсу…

- Брось ты дурака валять, - посоветовал Соломон, - Человек раздавлен, как мокрица, а случай весьма редкий. Каждый день у кого-то воруют нейро-софт, но не каждый – крадут вообще все.

Дело-то интересное.

- Нет в нем ничего интересного… Кофе хочешь?

- Зерновой что ли?

- Я что, похож на человека, способного предложить коллеге обычный зерновой кофе?.. Растворимый, конечно, высший сорт. Садись, Соломон. Рассказывай, пока готовлю.

Баросса удивительно ловко управлялся с кофейными приборами, излишняя масса тела не мешала ему ловко открывать банку, из которой сразу же потянуло тонким и приятным кофейным запахом с едва ощутимой горчинкой, ставить чашки, крутить в пальцах ложечки… У него в кабинете даже был кофейный столик, немыслимая роскошь для простого детектива. Все-таки правду болтают в курилке, старик Бобель выделяет чем-то Бароссу, имеет, как говорится, на него свои виды…

- Вандалы и воры, - повторил Соломон задумчиво, наблюдая за перемещениями кофейных чашек.

Говорить дальше было нечего. Он сам пришел к Бароссе за помощью, но старый пират сейчас был не в том настроении, чтоб бескорыстно помогать, это можно было определить по насмешливому блеску его темных глаз – и еще по тому, как он время от времени подкручивал свои роскошные усы. Но с чего-то начинать было надо.

- Вандалы и, значит…

- Слышал, - вежливо сказал Баросса, чем-то звеня на кофейном столике. Даже излишне вежливо. Даже почти зловеще вежливо, - А дальше?

- Дальше не знаю, - неохотно сказал Соломон, - Я не специалист по нейро-софту, черт возьми! И дело какое-то… Странное.

- В нейро-софте нет ничего сложного, - заметил Баросса, щурясь, - Нейро-софт сам по себе прост и естественен. Пойми грабителя, и ты всегда сможешь сказать, что знаешь, как мыслит нейро-грабитель. Давай, Соломон! Смелее! Рассуждай!

- Парня взломали ровно и гладко, как рыбку подсекли. Специалисты, которых я знаю, так не работают. Обычно все банально, грубо… Полез в сеть, скачать нелегальный модуль, там у тебя попросили номер нейро-интерфейса, ты, дурак, его дал и…

- …и проснулся, обнаружив, что больше не можешь любить коньяк, например. Или привычная работа вдруг вызывает отвращение. Или еще что-нибудь. Тут уже вопрос, что украли, а случаи бывают разные. Помню, у одного парня из Азуса украли его шовинизм. И ему было так стыдно в этом признаться, что он смолчал на допросе. Впрочем, может, просто боялся, шовинизм-то был контрабандный, с черного рынка… А у другого сперли его

человеколюбие. Так он сам нашел вора – и избил его до полусмерти. Изволь видеть, ирония судьбы во всем разнообразии.

- Ты что, решил скормить мне весь запас бородатых историй нашего участка? – осведомился Соломон кисло.

- Только если ты будешь так же бездарно тратить мое время, как сейчас, - сказал Баросса с насмешливым презрением, - Твоего парня подломили очень чисто. Ты пока это только предполагаешь, а у меня было время пообщаться с нашими нейро-техниками. Держи кофе. Так вот, они подтвердили, что взлом необычайно ловок. Никаких примитивных нейро-ловушек, никаких любительским схем с подменой кода к интерфейсу. «Сообщи код своего нейро-интерфейса и получи эксклюзивный софт обесплатно!..» Нет, Соломон, тут другое. Работал оригинал, Обычные воришки так не умеют. Им бы схватить какую-то мелочь, да бежать. Через день софт уже на черном рынке где-нибудь в Сони или в Нокии… Ставка – на скорость и незаметность. Никто и никогда не пытается стащить сразу все. Чем больше ты стащишь, тем глубже след останется. Поэтому крадут обычно или самое мелкое или самое дорогое. Но никто и никогда не крадет все. Это как… Как спереть из инкассаторской машины кроме мешков с деньгами еще и бампера с колесами. Слишком большой груз, с которым далеко не убежать.

Кофе у Бароссы всегда был хорош, просто отличный, можно сказать, кофе. Соломон пил его с удовольствием, отхлебывая мелкими глотками.

- Это я и понял, не дурак. Тут не мелочь работала. Значит, поэтому ты и отказался от дела? Работает профессионал? Побоялся с ним связываться?

Соломон думал, что Баросса рассердится и обожжет его взглядом, не менее горячим, чем кофе в чашках. Но тот остался спокоен, даже не скривился.

- Я не знаю, кто работает, - просто сказал он, разглядывая зачем-то свою чашку, - А знаю только, что обычными методами его выследить не удалось. А мы пытались. Ни малейшей лазейки, ни крошечного следа. Вошел в чужой нейро-интерфейс как к себе домой. Среди «вымогателей» и «врагов» спецов такого уровня обычно не бывает, они обычно весьма топорны и поспешны. Мелкая рыбешка, ты понимаешь. А тут работали точечно, грамотно, с пониманием. Значит…

- До этого я уже и сам дошел, - нетерпеливо сказал Соломон, - Остались две «В» - воры и вандалы. На какую из этих «В» ты бы поставил?

Баросса задумался. Но думал он не очень долго.

- Нейро-вандалы.

- Не воры? – уточнил Соломон, - Ладно, я не очень-то разбираюсь в ваших нейро-делах, но вывод кажется мне поспешным. Кража – и не воры?

- Не тот стиль, - пояснил Баросса, нюхая свой кофе, - Я с этой публикой много лет работаю, разные знаю почерки, но такой не попадался. Нейро-вор по своей натуре – шустрый, трусливый и ловкий. Никогда не берет больше, чем может унести. А тут… Сколько у него, сто шестьдесят шесть?

- Сто пятьдесят шесть модулей.

- Ну вот. Только самоубийца позарится на такой куш. Говорю же, почерк не тот. Больше похоже не на кражу, а на… Какой-то демарш, не знаю. Акцию. Насмешку.

Соломон подумал о том, что Баросса, пожалуй, прав – ему и самому мерещилось что-то подобное, еще во время разговора с Эмпиреем Тоддом. Кража его нейро-сокровищ с самого начала выглядела как-то чересчур дерзко, демонстративно, нагло. Необычно.

- Вандалы, значит… - пробормотал он, - Ты меня удивил, Баросса. Разве среди вандалов можно найти нечто подобное?

- А что тебя, собственно, смущает? – осведомился Баросса.

Соломону оставалось лишь развести руками.

- Вандалы… Это же не профессиональные преступники.

- А кто же?

Баросса прищурился и в его взгляде, темном, как жерла старинных пушек, опять полыхнула насмешливость.

- Ну… Хулиганы. Нейро-хулиганы. Молодежь, выскочки, мелкий сор, в общем.

- Ах, сор… И часто ты имел с ними дело, уважаемый Соломон?

- Да не сказал бы. Так, пару раз.

- Пару раз, значит…- Баросса закивал головой, - Понимаю. Так вот, дорогой специалист по нейро-преступлениям, среди вандалов можно найти специалистов необычайно высокого класса. Я бы даже сказал, что именно среди вандалов встречаются наиболее успешные нейро-взломщики.

- Смеешься? – поднял бровь Соломон.

- Смеюсь. Над тобой, горе-детектив. Схватился за дело… Решил, что опытнее меня, да? – Баросса подмигнул ему, - Ну сам и черпай теперь это дело дырявым ботинком. Ладно, без обид. Дело, конечно, твое, но профиль, как ни крути, мой, поэтому помогу, чем знаю. Но особо на меня не рассчитывай, тяни сам.

- Скорее я выйду на пенсию, чем ты начнешь говорить, - вздохнул Соломон, - Переходи к сути. Мне очень хочется узнать про нейро-вандалов.

- Нейро-вандалы… Это интересные ребята. Они – как хакеры прошлой, информационной, эпохи. Ну, знаешь, двадцать первый век, компьютеры… Там было что-то похожее. Нейро-вандалы почти всегда из молодежи, но не спеши называть их всех резвящимися подростками. Их почерк – эффектный нейро-взлом без цели личного обогащения.

- Хулиганство, - вставил Соломон, - Как я и говорил. Просто стайка детишек, чувствующих безнаказанность.

- Тут ты делаешь вторую ошибку, детектив Пять. Это чрезвычайно разношерстное сообщество. Из глубин твоего твидового костюма они кажутся племенем дикарей, не так ли? Невежественным пестрым сборищем охотников за адреналином и асоциальной славой. Так вот, сразу забудь про это. Нейро-вандалы – не команда и не группа единомышленников, сплоченных одной идеей. Среди них встречаются самые разные люди, и эти люди преследуют самые разные цели. Они не обязательно хулиганы, хотя есть и такие. Среди них можно найти революционеров, озорников, художников-концептуалистов, провокаторов, доморощенных психологов, анархистов, параноиков…

- Прелестная компания. Значит, объединяет их только любовь к бессмысленному взлому чужих нейро-интфейсов?

- Отчасти. Нейро-вандалы, как я уже сказал, исповедуют разные подходы, но практически все они – индивидуалисты. Работают поодиночке или небольшими группами, на редкость профессионально, решительно и даже дерзко. И не тянутся к выгоде.

- Почерк отчасти похож, - согласился Соломон, - Но почему Эмпирей Тодд?

- Потому, что основанная движущая сила нейро-вандалов – это насмешка, Соломон. Провокация. Вызов общественному мнению.

- Что ты имеешь в виду?

- Это их общая черта. Насмешка, - Баросса говорил серьезно, сам при этом не улыбаясь, хотя губы под ухоженными усами и казались немного искривленными, - Они не просто забавляются, каждая их акция – это насмешка над обществом. У нее могут быть разные мотивы и степень ее безобидности может серьезно варьироваться. Хакеры из прошлого обожали взломать защиту информационного хранилища, но делали это не просто чтоб проверить свои навыки, каждый их взлом был осознанной и направленной акцией. На что? Да как получалось. Иногда им нравилось думать, что они играют против бездумных потребителей или полицейских государств, иногда – что бичуют

грешников или наказывают мошенников. Вот и нейро-вандалы им подстать. Каждым своим взломом они насмехаются над обществом или отдельными институтами, его составляющими. Иногда это действительно выглядит забавно, а иногда становится причиной трагедии. Помнишь эпидемию «Выдри выдру»? Какой-то порнографический магазин, оказавшийся подставной пустышкой, предлагал всем желающим бесплатный нейро-модуль на феноменальное либидо, а как только очередной лопух предоставлял доступ к своему нейро-интерфейсу, тут же превращался в выдру. В социально-психологическом плане, конечно. Начинал считать себя выдрой и вести себя как выдра.

- Человек не может быть выдрой, - возразил Соломон, но без особой уверенности, - Нейро-софт не властен над интеллектом, он может менять лишь его оболочку, чувства, привычки, симпатии, склонности…

- А он и не менял! – Баросса допил кофе и отставил чашку на кофейный столик, - Но представь себе выдру с интеллектом человека!.. Ей хочется искать у себя блох, и она ищет. Ей хочется бегать за молоденькими самками и спариваться с ними в любом удобном месте – она это делает. А то, что выдра при этом – серьезный бухгалтер серьезной организации… Интеллект при ней, но вот над инстинктами и чувствами интеллект практически не властен. Представляешь?

Соломон представил.

- «Выдри выдру»?

- Ага. Одна из самых серьезных эпидемий, - кивнул Баросса, уже откровенно ухмыляясь, - Ох и забавно же было. Мы потом этих выдр месяц по болотам искали… Не поверишь, даже восьмидесятилетние выдры попадались… Согласись, изобретательно. И совершенно бессмысленно в плане личного обогащения.

- Не очень-то забавно. Я имею в виду, для тех, кто пострадал от этой шутки.

- Я же говорю, у них есть развлечения на любой вкус. Разве все их выходки упомнишь… В Форде какой-то весельчак запустил в официальный каталог лицензированного софта нейро-вирус, который перепрошивал интерфейсы и заставлял жертву любить сливы. Только и всего, просто любить сливы. Так что ты думаешь, когда дошло дело до лечения, за ним обратился хорошо, если один из десяти пострадавших. Зато в Форде с тех пор спрос на сливы вырос в несколько сотен раз. Вот тебе и вандалы. Где здесь смысл? Где логика, где мотив? И почему именно сливы?.. Черт его знает. Но такие уж это ребята, нейро-вандалы. Действуют нагло, умело и зачастую совершенно непредсказуемо.

- А в Кодаке тем временем другой весельчак заставил множество людей верить в то, что они умеют летать. И поймать его смогли только после того, как пара десятков человек разбилась насмерть, - пробормотал Соломон, - Я тоже кое-что знаю. Знаю и то, что границу невинной шутки эти ребята переходят сплошь и рядом. Это не безобидные детишки, пачкающие стены краской.

- Не подумай, будто я защищаю нейро-вандалов, - Баросса сгорбился, но выглядеть ниже от этого почему-то не стал, - Ничуть не защищаю. Но вот твой Эмпирей Тодд вполне мог попасть под руку к какому-нибудь весельчаку.

- Лишиться всех нейро-модулей – это такая шутка?

- Нейро-вандалы, как ты сам заметил, не всегда шутят. И даже когда шутят, их шутки могут быть самого разного рода. Но, думаю, да, какой-нибудь социальный диверсант вполне мог решить, что лишить человека всех его привычек разом – это ужасно смешно. Ну примерно, как вынести из чужой квартиры всю мебель. В каком-то смысле, действительно забавно.

Соломон заглянул в чашку с кофе – и внезапно увидел свое отражение. Отражение показалось ему некрасивым, постаревшим, каким-то опухшим. Может, и прав Крошка Лью, хватит цепляться за это старье в виде «Бейли». А взять что-то жизнерадостное, с запасом жизненных сил, с оптимизмом двадцатилетнего… Только надо будет сперва переговорить с Анной, а то получится как у Маркеса с его трилобитами…

Соломон улыбнулся своему отражению, то в ответ состроило какую-то ужасную гримасу.

- Ты же видел Эмпирея Тодда, Баросса. Он не выглядел так, будто ему ужасно смешно.

- Ну, в некотором социальном… кхм… - Баросса смутился, что было для него совсем не характерно, - То есть, я думаю, что определенный черный юмор здесь присутствует. Взять напыщенного индюка, который тридцать лет пичкал себя нейро-модулями, чтобы возлюбить дорогие вина и научиться томно вздыхать в ре миноре, и забрать у него все в одно мгновенье… Как в сказке про Золушку, которая лишилась всего показного блеска и лоска с двенадцатым ударом часов. Да, это может быть почерком нейро-вандала с хорошим воображением. Никаких тебе выдр…

Баросса резко опустил пустую чашку на кофейный столик так, что та едва не разбилась. Соломон протянул свою – тоже пустую. Никаких грязных разводов и топкого кофейного ила на донышке, как после зернового кофе, все уходит без остатка. Эх, если бы можно было взять все черное, что накопилось в душе, и

вот так вот тоже, до дна его, чтоб без остатка и осадка…

- Ладно, значит я ищу нейро-взломщика, - Соломон поднялся, - Я не знаю, как его зовут, как он выглядит, чем занимается и чем руководствуется. Словом, у меня на руках превосходный портрет преступника. Пожалуй, только дурак не найдет этого парня с такой-то прорвой информации! Бывай, Баросса. Спасибо за кофе.

- Бывай, Соломон Пять, - махнул рукой тот, - Привет предыдущим четырем. Впрочем… А ну-ка постой! Вот тебе бумажка.

Соломон без интереса наблюдал, как Баросса что-то пишет. Массивная рука с удивительной легкостью порхала над маленьким бумажным квадратиком.

- Что это?

- Адрес. Там живет один мой… знакомый. Вдруг он сможет тебе помочь, раз уж ты всерьез за этого своего Эмпирея взялся. Он в этом деле тоже немножко понимает. На голову выше нас с тобой, по крайней мере. Только предупреждаю, нрав у него… В общем, будь готов ко всякому и на меня особо не ссылайся. Понял? И, конечно, ни слову комиссару Бобелю!

Вот это было удивительно. Баросса обычно крайне неохотно открывал свои контакты. А уж такие…

Соломон уставился на бумажку с одной единственной строкой.

- Он… он – нейро-вандал?

Баросса усмехнулся. С видом усталого постаревшего пирата, у которого юнга-сопляк пытает, где зарыты сокровища.

- Нет. Но это уже неважно.

ГЛАВА 3

Записка Бароссы не содержала в себе ничего лишнего, в этом Соломон убедился еще раз, повторно рассмотрев ее в своем кабинете. Один лишь адрес, и только-то. Ни имени, ни даже инициалов. И, уж конечно, никакой информации, способной намекнуть на то, каким образом этот человек может помочь следствию в деле Эмпирея Тодда.

Соломон машинально начертал на бумажке ставшие уже знакомыми четыре «В» и стал их разглядывать. Воры-Враги-Вымогатели-Вандалы молча смотрели на него в ответ, оставаясь безжизненными черными символами на плоской бумаге. Никаких ассоциаций они не несли и, сколько ни вглядывался в них Соломон, ни за одной из этих букв не обнаруживалось подсказки или намека.

Обычные воры никогда не обчищают человека до нитки. Врагов у Эмпирея Тодда, как он считал, не было. Вымогатели не пытались с ним связаться. Значит, все-таки вандалы? Полумифические нейро-хулиганы, находящие удовольствие в том, чтоб сыграть над ничего не подозревающим человеком злую шутку? А может, вовсе и не шутку, кто их поймет. Может, эта наглая и даже циничная кража рождена вовсе не желанием похихикать над потерявшим свои привычки человеком, может, это вполне злонамеренный и враждебный акт…

Ничего, до вандалов мы еще доберемся, подумал Соломон, бумажка Бароссы пойдет в дело в самом скором времени. Пока же не лишним будет удостовериться в том, что с трех остальных «В» снято подозрение и он, детектив Соломон Пять, не идет от безысходности стезей ловли призраков. Иногда у него возникало подозрение, что какая-то часть «Бейли» склонна к ловле котов в темной комнате.

Соломон снял трубку телефона, приятно и остро пахнущую пластмассой.

- Телефонист тридцать четыре, - тут же отозвалась она хрипловатым женским голосом, - Слушаю вас.

- Детектив Соломон Пять, девятый отдел. Внутригородской звонок, пожалуйста.

- Аппаратура готова, детектив Пять. Пожалуйста, сообщите номер или название вызываемого абонента.

- Мафия, - кратко сказал Соломон, - Акционерное общество «Мафия».

- Подождите, пожалуйста, идет вызов.

Прошло всего секунд десять или двенадцать, которых хватило Соломону, чтоб поудобнее устроиться тощими ягодицами на рабочем столе.

- Связь установлена, - возвестила трубка, - Как вас представить?

- Детектив Пять, к уполномоченному отделения мафии в Фуджитсу, по вопросу кражи нейро-софта.

- Связь установлена, - еще раз повторила трубка и негромко щелкнула.

В следующий раз, когда она заговорила, голос ее был мужским, звучным и тоже немного хрипловатым, но, безусловно, мелодичным. Соломон рефлекторно определил несвойственный для Фуджитсу акцент, легкий и какой-то певучий, точно его собеседник не произносил слова, а пытался их напевать.

- Добрый день, детектив Пять. С вами говорит Франчезко Пацци, региональный вице-капореджиме Акционерного Общества «Мафия». Чем могу быть вам полезен?

Это было неплохое начало. Соломон был уверен, что звонок примет какой-нибудь младший менеджер по делам проституции и уличных краж или и вовсе специалист из сектора подпольного игорного бизнеса. «Мафия» часто испытывала кадровый голод, особенно в Фуджитсу, население которого давно перевалило за отметку в десять миллионов. Попасть на сведущего специалиста – это было удачей.

- Здравствуйте, господин Пацци, - сказал он в трубку, вежливо, но сухо, как и полагается детективу, вынужденного общаться с представителем преступного мира. Впрочем, сухости было отмерено нужное количество, без лишнего. В конце концов, разговор – всего лишь обмен информацией между двумя деловыми людьми. Оба из которых определенно являются специалистами в своем деле, - Я расследую дело о краже нейро-софта в Фуджитсу. Очень крупной краже.

- Кража нейро-софта – это очень плохо, - сказала трубка с таким глубоким сочувствием, которое выдавало установку дорогого и качественного нейро-модуля, может быть даже «Святого Иоанна», - Мы в «Мафии» очень негативно относимся к подобного рода преступлениям. Есть в них что-то низменное, согласитесь, что-то порочное…

- Но все же занимаетесь кражами подобного рода? – уточнил Соломон. Сухости в этой фразе было на одну песчинку больше. И чуткий слух регионального вице-капореджиме не мог этого не отметить.

- Си, сеньор, занимаемся, - вздохнул Франчезко Пацци с искренним огорчением человека, которому приходится признать

в высшей мере прискорбный, но очевидный факт, - АО «Мафия» занимается шестьюдесятью восемью направлениями криминальной деятельности и еще семью, признанными криминальными только в Фуджитсу. Кража нейро-софта является одним из видов нашей уставной деятельности.

Сколько же этот парень тратит на нейро-софт?.. Соломон ощутил глухое раздражение. Он со своим старомодным «Бейли», с недорогими и давно непопулярными нейро-модулями едва ли мог составить конкуренцию этому лощеному типу в шитом на заказ в самом Феррари – можно не сомневаться! – костюме. Он вдруг почувствовал, что не просто его нейро-софт устарел, а сам он устарел, и с трудом уже поспевает за молодыми и резвыми ребятами. За стремительными и хищными бизнес-акулами нового поколения. Ощущение это было мимолетным, но досадным. Соломон лишь понадеялся на то, что старенький телефон не донесет до абонента скрип зубов.

- Кто-то обчистил одного парня из Фуджитсу. Снял с него все модули и базовую модель.

- Быть того не может! – изумленно воскликнула трубка, не теряя мелодичности голоса, - Все модули?

- Все до единого. Полторы сотни с лишним. Думаю, вы представляете, какое это потрясение для жертвы.

- Великий Макаронный Монстр и Томатная Дева! – Франчезко Пацци всплеснул руками. Этого Соломон, конечно, видеть не мог, но почему-то почувствовал на расстоянии, - Невообразимо! Каким подлецом надо быть, чтобы пойти на такое!.. Могу вас заверить, детектив Пять, наша организация выступает решительно против подобных действий, ее принципы…

Парень умел заливать. А он, детектив Соломон Пять, умел обрывать таких парней и выбивать из них то, что ему нужно.

- О принципах вашей организации поговорим в следующий раз, господин Пацци. Пока же меня интересует, не был ли пострадавший связан с «Мафией».

- Назовите его имя, - покорно сказал тот, - И я тотчас проверю нашу служебную картотеку.

- Эмпирей Тодд.

- Минуточку, детектив, проверяю.

Соломон слышал шелест бумаги на том конце провода. Судя по всему, господин Пацци в данный момент рылся холеными проворными пальцами в своем бюро, перебирая тысячи бумажных карт. Транс-Пол несколькими годами ранее получил разрешение на создание отдела автоматизации, в котором работала дюжина проворных девушек, способных в считанные минуты просмотреть несколько шкафов с папками и выдать нужную, но «Мафия»

всегда была консервативна в некоторых вопросах.

- Алло, детектив. Вы слушаете? Я проверил нашу базу данных потерпевших за этот месяц, человек с таким именем здесь не значится. И я могу вас заверить в том, что Эмпирей Тодд никогда не становился потерпевшим по любому из шестидесяти восьми криминальных преступлений и еще семи…

- Ладно. Понял. Значит, это не ваша контора его обчистила? Тогда, может, кто-то из нелегальных преступников?

Господин Пацци поперхнулся от возмущения.

- Детектив Пять! Наша организация очень серьезно относится к подобному и постоянно борется с наличием в Фуджитсу нелегальных преступников. Все наши работники состоят на учете, проходят аттестационные мероприятия и действуют на основании принципа детальнейшей отчетности! Конечно, в городе существует некоторое количество незарегистрированных преступников, которые до сих пор остаются пятном на нашей репутации, но позвольте заметить, что подобное преступление, требующее хорошей профессиональной подготовки, им явно не по зубам!

Это он знал и сам. Но иногда надо немного нажать на человека, чтобы проверить, не утаивает ли он что-нибудь. Но в случае с господином Пацци это, несомненно, было пустой тратой времени – менеджеры его уровня обладают высочайшей психологической защитой и соответствующим нейро-софтом. Господин Пацци не выказывал желания увиливать, льстить или проявлять неуважение к Транс-Полу, напротив, он был полон сочувствия и едва ли не благоговейного почтения, словно имел счастье общаться не с простым детективом, а с премьер-министром Азуса. Скользкая рыбешка, прижать которую не так-то просто.

Соломон опять подумал о том, что его «Бейли» безапелляционно устарел. Для борьбы с подобными скользкими рыбешками нужны другие люди с софтом последнего поколения. Решительные, даже дерзкие, юркие как пираньи, со стальной хваткой… Старая дворняга «Бейли» выглядит анахронизмом по сравнению с ними. С другой стороны, у старой школы есть свои достоинства…

- Благодарю за информацию, господин Пацци, она должна помочь следствию.

- С превеликим удовольствием, детектив Пять, - невидимый собеседник мягко улыбнулся, и ощущение этой улыбки каким-то образом передалось по телефонному проводу, даже в ухе защекотало, - В любой момент всегда готов оказать Транс-Полу и его представителям любую посильную помощь, от своего лица и

лица организации, которую я представляю.

Соломон оскалился – как пес, которого мягко хлопнули по носу.

- Не разбейтесь там от старания, - процедил он в трубку, борясь с желанием нарочито грубо вернуть ее на рычаг, - Может, «Мафия» может обеспечить вам шикарный офис, дорогой костюм и полный набор элитного нейро-софта, но вы зря думаете, что с Транс-Полом можно заигрывать. В конце концов, вы всего лишь преступник!

Господин Пацци не обиделся, но огорчился. И огорчение это звучало в его голосе столь явственно, что делалось даже неловко.

- Детектив Пять, вы зря подозреваете меня в неискренности. Я действительно очень хочу вам помочь. Как вы, конечно, знаете, залог развития любой крупной корпорации – это общение и сотрудничество. А наша корпорация – одна из самых древнейших на континенте. Мы действительно стремимся к тому, чтоб сотрудничать с другими организациями и черпать в этом сотрудничестве двухстороннюю выгоду. Старые времена затворничества и намеренного ограничения давно проявили свою неэффективность. Только развитие, только совместный…

- Между прочим, всего два века назад ваша корпорация была не более, чем бандой преступников, которые уклонялись от любых контактов с законом.

- Новые времена требуют новых решений, - мягко сказал Пацци, кажется, опять улыбаясь, - Двести лет назад и Фуджитсу был не более, чем заштатной компанией. А теперь это – десятимиллионное государство.

Больше говорить было не о чем.

- Прощайте, господин Пацци.

- Всего доброго, детектив Пять. Обращайтесь, если возникнет потребность.

Соломон вернул телефонную трубку на место и потер ухо. Этот парень из «Мафии» и в самом деле скользкий, как кусок просроченного тофу, но надо признать очевидное – едва ли он скрывает от Транс-Пола информацию о таинственном похитителе. Скорее всего, похититель и в самом деле не имеет отношения к их организации и не состоит в штате. Еще хуже. Опытный и умелый преступник, действующий сам по себе. От таких часто бывают проблемы. И едва ли это обрадует господина Эмпирея Тодда.

- Одиночка… - пробормотал Соломон, разглядывая проклятые четыре «В», - Что ж, это вполне вероятно. Человек, готовый на самые дерзкие преступления, вполне может действовать самостоятельно, не решаясь довериться кому-либо.

Нейро-вандалы часто работают небольшими

организованными группами или поодиночке. Значит, все-таки…

Соломон аккуратно сложил листик Бароссы и засунул в жилетный карман. Судя по адресу, таинственный информатор проживает на севере Фуджитсу, в районе старой многоэтажной застройки. Пора выяснить, чем он может быть полезен Транс-Полу и детективу Пять.

Из сейфа Соломон, поморщившись от затхлого, проникнутого ржавчиной, воздуха, достал револьвер. Покрутив в руках, сунул в кобуру. Следом за револьвером последовал небольшой металлический предмет, удивительно увесистый для своих габаритов – его Соломон положил в карман пиджака. На вешалке висел плащ из нано-твида, его старый спутник по Фуджитсу. Потрепанный, непоправимо потерявший всякую связь с модой еще десятилетием раньше, но еще любимый. Соломон натянул его и, бросив последний взгляд на четыре невозмутимые «В», вышел из кабинета. Пора было заняться делом по-настоящему.

Из шеренги припаркованных возле участка Транс-Пола автомобилей «Лексус-Москвич» Соломона выделялся, как бык из табуна разномастных лошадей. Полторы тонны металла, дерева и пластика дремали на солнце, терпеливо ожидая, когда прикосновение хозяйской руки пробудит в глубине них грозно рычащего дракона. Дракон был старенький и чаще перхал, чем рычал, но Соломон все равно любил его. «Лексус-Москвич» не был грациозен или изящен, он был массивным, большим и неповоротливым. Но Соломон не собирался с ним расставаться.

Даже когда Анна всерьез потребовала от него «заменить эту рухлядь», он проявил несгибаемое упрямство, которое часто применял по службе, но очень изредка - дома. Может, автомобиль и старый, потрепан сверх меры и давно утратил блеск лакированных бортов, он, Соломон Пять, будет ездить на нем до тех пор, пока тот может передвигаться. И никаких вариантов замены рассматривать не хочет.

«Ты просто любишь старые вещи, - бросила ему тогда Анна с досадой, - Это все твой проклятый «Бейли»! Он заставляет тебя любить всякое старье!»

«Не говори глупостей, - ответил он ей, - Я знаю свою нейро-модель до мелочей и читал спецификацию. Любовь к старью за ней не значится».

«У многих моделей есть недокументированные особенности, и ты прекрасно это знаешь!»

Конечно, он знал. Но сдаваться не хотел. К некоторым вещам привыкаешь так же, как к своим собственным привычкам. И тогда

становится очень сложно отделить себя от них. Анна, кажется, поняла это – и бросила свои попытки отправить «Лексус-Москвич» на свалку.

Соломон вывел чихающий со сна автомобиль с территории служебной стоянки и заставил его влиться в поток прочих машин. Движение было плотным, как всегда в Фуджитсу в послеобеденный час, но это Соломона не раздражало – он привык доверять управление рефлексам, позволив мозгу обрабатывать крутящуюся в подкорке информацию. К городским пейзажам он давно привык настолько, что не обращал на них внимания. Мимо скользили многоэтажные обелиски серого камня, неуместно-торжественные, даже чопорные – точь-в-точь высокородные гости на званом обеде. Постные лица ухоженных фасадов, заваленные хламом задворки, теплые огоньки осеннего солнца, прыгающие в окнах. «Это их город, - подумал Соломон, рассеянно разглядывая нависающие над ним дома, - Город больших серых камней, которые родились в нем и будут жить до тех пор, пока не погаснут звезды. А мы, люди, вроде паразитов на них. Копошимся, ведем свою невидимую жизнь в недрах бетона и камня, куда-то бежим, крошечные создания, чего-то хотим…».

Людей на улицах, действительно, почти не было. Самый центр Фуджитсу, кому охота дышать выхлопными газами?.. Тем больше он удивился, увидев на тротуаре человеческую фигуру с мятым бумажным транспарантом над головой. Надпись показалась знакомой – неровные прыгающие буквы возвещали о том, что гетеросексуалы не хуже гомосексуалов. Ах да, этого парня он видел из кабинета Бароссы. Чертовски настойчивый тип, вроде бы. Что ж, значит, время оказать Бароссе ответную услугу.

«Лексус-Москвич», скрипнув тормозами, остановился напротив митингующего. Соломон опустил стекло, чтобы лучше видеть этого человека, но ничего необычного или заслуживающего внимания не обнаружил. Одежда потрепана и грязна, как у бродяги, волосы торчат в разные стороны засаленными клочьями, взгляд – мутный и тревожный. Типичный бродяга, еще не успевший спиться, но сделавший для этого первые и решительные шаги. От таких редко бывают серьезные проблемы, но и терпеть их рядом с собой неприятно.

- Эй! Ты! – Соломон махнул человеку рукой, - Подойди сюда!

Есть интонации, которым невозможно не подчиниться. И многими из них Соломон владел в совершенстве.

Человек покорно подошел, комкая в руках транспарант, но без особой поспешности, поглядывая на автомобиль настороженным взглядом. Сопровождавший его запах подсказал Соломону все то, о чем он догадывался, но чего знать не

стремился.

- Чего вам?

- Пикетируешь?

- А то не видишь!

- Я детектив Транс-Пола, приятель, - сказал Соломон тем голосом, который предназначен для общения с шумными подростками и злыми собаками, - А ты за свой пикет сейчас загремишь на восемь суток. Понял?

Бродяга мотнул головой.

- Мое право как гражданина!

Как же они все любят эту формулировку… И как мало понимает ее действительный смысл.

- Сейчас я отправлю тебя подучить права, если сам не уйдешь. Твой плакат оскорбляет чувства гомосексуалов. И по законам Фуджитсу это достаточно серьезное преступление.

- Это чем же он их оскорбляет? – бродяга тряхнул своим плакатом, - Тем, что кто-то может быть не хуже них? Это же как получается? Я – гетеросексуал!

Соломон пожал плечами.

- Я тоже, но что с того?

- Тогда почему ты выгораживаешь их? Что за любовь у вас, ищеек, такая к гомосексуалам?

Если этот парень пытался его спровоцировать, то напрасно терял время. Может, он и рассчитывал на то, что детектив сейчас врежет ему по уху и тем самым докажет несправедливость мира, в котором гетеросексуалы поставлены в угнетенное положение. Таких лучше всего бить их же оружием.

- Мы соблюдаем их права, только и всего. Законом им гарантировано право на защиту и равенство со всеми прочими гражданами.

- Равенство! – бродяга торжествующе хмыкнул, - Равенство! Так что ж это за равенство такое, если мы, выходит, хуже них? Напишешь, что не хуже – так тут же дубинкой по спине… Выходит, что никакое это не равенство.

Соломон мысленно вздохнул. Он рассчитывал на быструю победу, подкрепленную ледяным взглядом и парой незначительных угроз. Но бродяга оказался подкован и, кажется, нахватался кое-где умных слов. Конечно, проще всего плюнуть и ехать своей дорогой. У него достаточно дел, чтоб в придачу заниматься воспитанием бродяг. Но раз уж ввязался в этот глупый спор…

- Это называется дуализм правовой нормы, - спокойно пояснил Соломон через окно, - И это проходят в школьной программе. Как ты знаешь, гомосексуалы были самой

притесняемой категорией людей в старые времена. Им не давали устраиваться на работу, жениться, получать образование… В течение долгих столетий человечество целенаправленно унижало их, отказываясь считать полноценными гражданами. Поэтому в конце двадцатого века и возник дуализм правовой нормы. Гомосексуалам, чтоб компенсировать все, через что им пришлось пройти, дали льготы. На обучение, на трудоустройство, на кредиты, на социальные программы, политическую деятельность, службу в армии…

- Все вы шпарите, как по-писанному, - буркнул бродяга, - Как будто с одного листка читаете… Дуализм, льготы… Скажите сразу – эти сукины дети, эти гомосексуалы, получили право вперед прочих получать все, что им заблагорассудится. Хочешь устроиться на работу – предпочтение им. Стоишь в очереди в магазине – пропусти гомосексуала…

- В этом и заключается дуализм, - терпеливо сказал Соломон, борясь с желанием закрыть окно и отъехать, - Они как бы равны в правах вместе с обычными гражданами, но в то же время находятся на особом, так сказать, счету. Понимаешь, старик?

- Так значит, они считаются лучше прочего люда?

- Не лучше, а… - вот же проклятый бродяга, прицепился, как блоха!- Просто закон компенсирует им те лишения, которые им пришлось пережить в прошлом. Поэтому гомосексуал по определению заслуживает социальной защиты и уважения его прав в первую очередь. Поэтому у нас есть льготные магазины для гомосексуалов и специальные университеты, а еще мы раз в год проводим Парад Терпимости…

- Неравные среди равных, - непонятно сказал бродяга и засмеялся противным глухим смехом, - И все дружно в борьбе за равенство. А известно ли вам, детектив, что гомосексуалов в Фуджитсу нет?

Соломон погрозил ему сквозь открытое окно пальцем. Получилось весомо.

- Полегче, старик. За отрицание гомосексуализма можно угодить за решетку года на три…

- А к дьяволу ваше отрицание! По переписи трехлетней давности в Фуджитсу не проживает ни одного гомосексуала!

- И что же? – Соломон нахмурился, ожидая очередной бестактности. И она, конечно, последовала.

- Так для кого стараетесь? Для кого льготные магазины стоят? А? Кому вы все это?.. Гомосексуалов нет, но парады, понимаешь, маршируют… Это для чего?

- Гомосексуалы есть, - сказал Соломон, едва сдерживаясь, - Просто в какой-то момент они стали массово ставить себе нейро-

блоки для смены сексуальных предпочтений. По проведенным социологическим исследованиям, гетеросекусал испытывает меньше стрессовых ситуаций, чем гомосексуал, и гарантированные законом льготы не всегда помогают. Кроме того, проще реализовать право деторождения и…

- Вот! – бродяга стукнул сухим грязным кулаком по дверце «Лексуса-Москвича», - Вот оно как! Не осталось их! Все на баб перешли, как выбор появился!

«Ловкий подлец, - подумал Соломон со злостью, - И удивительно наглый. Надо было сразу наряд вызывать и тащить куда надо, а то на тебе, в увещевателя поиграть решил, отдувайся теперь…»

- Нейро-модуль позволяет меня сексуальную ориентацию, - сказал он вслух, все еще удерживая себя в рамках вежливости, - Ведь ориентация складывается из психологических факторов, которые можно подвергать коррекции. Многие гомосексуалы сделали выбор и, фактически, стали играть роль гетеросексуалов.

- Так чем же они тогда от нас отличаются?

- Тем, что на самом деле они гомосексуалы, черт возьми!

- Но любят женщин?

- Да неважно, кого любят! Они – гомосексуалы и закон обязан их защищать!

- Даже если они сами не считают себя гомосексуалами?

- Какая разница, кем они себя считают? Закон обязан защищать их – и он их защищает!

- Но разве эти люди не сделали свой осознанный выбор? Почему закон не может уважать их выбор?

- Да потому что закону нет дела до их выбора. Они будут защищены, хотят они того или нет!

- Безумие… - пробормотал бродяга, опуская транспарант, - Безумная страна и безумные люди. Эта нейро-дурь всех вас свела с ума.

- Двигай! – приказал ему Соломон раздраженно, окончательно теряя интерес к глупому спору, - И если через десять секунд ты будешь еще тут, отправишься отдыхать в подвал. На восемь суток! И тебе же будет лучше, если я тебя ни разу не увижу, понял?

- Не понял, - пробормотал бродяга, теряя запал, - Но это ничего. Я не понимаю в этом мире стольких вещей, одной больше, одной меньше… Подумать только… Ладно, эй! Иду уже.

Бродяга побрел по улице, прижимая транспарант к боку. Соломон некоторое время смотрел ему вслед, чувствуя, как медленно тают в крови крупинки злости – точно сахар в горячем растворимом кофе.

«Прекрати, - сказал он сам себе, закрывая окно и кладя руки на теплое рулевое колесо, - Этот старик просто беден и не может позволить себе нейро-софт. Как он назвал его?.. Нейро-дурь? Хорошо сказано, надо будет рассказать Бароссе при случае… Да, конечно, просто бедность. Не будь он так беден, он смог бы купить себе модуль «Вселенское прощение» или что-то менее современное и подешевле. И проблема гомосексуалов перестала бы его волновать раз и навсегда».

Какая-то часть сознания Соломона указала ему на мелкое недоразумение, допущенное в рассуждениях. То ли это был всегда бдительный «Бейли», то ли он сам. Ведь что получается… Если гомосексуал остается гомосексуалом даже с нейро-коррекцией, то и этот бедолага навсегда останется ненавистником гомосексуалов, просто ненависть эта навеки останется в подавленной, сокрытой от всех, форме.

Соломон на мгновенье закрыл глаза – ему показалось, что он оказался в галерее, полной кривых зеркал, отражающих друг друга. Искаженные отражения поплыли друг сквозь друга, на миг смешались и породили что-то запутанное, непонятное, да и жутковатое.

Соломон тряхнул головой, выгоняя из нее неуместный морок. И мягко нажал на акселератор. «Лексус-Москвич», неуверенно рыкнув мотором, пришел в движение и тяжелым неповоротливым хищником устремился вперед, в каменный лабиринт Фуджитсу, свою естественную среду обитания.

ГЛАВА 4

Радио в автомобиле болтало без умолку, точно безбрежный океан эфира, испещренный волнами радиочастот, торопился выплеснуть на Соломона порцию информации прежде, чем тот успеет опомниться и вновь щелкнуть кнопкой.

- …политическим новостям. Согласно сообщениям наших корреспондентов из Евразии, отношения между Боржоми и Калашниковым вновь вступили в ту фазу, которую аналитики склонны называть пред-критической. Вчера около семи часов вечера на боржомо-калашниковской границе вновь произошел инцидент, вину за который стороны традиционно возлагают друг на друга. Согласно источнику из Министерства внутренних дел Боржоми, боржомийский пограничный отряд во время патрулирования подвергся нападению со стороны калашниковских военнослужащих. Несмотря на то, что обе стороны поспешили заявить о прекращении огня, президент Калашникова Михаил Третий заявил, что эскалация конфликта со стороны Боржоми не отвечает…

«Лексус-Москвич», точно радуясь хорошей погоде и мягкому осеннему солнцу, шел сноровисто, споро, шелестя покрышками и поскрипывая коробкой передач. Он уже выбрался за пределы центра Фуджитсу, этого царства серых камней, и теперь катился среди кирпичных буханок фабричных корпусов, опутанных медными змеями трубопроводов. Когда-то здесь располагался промышленный район города, полный гула, грохота и солоноватого, отдающего на языке медью, тумана. Тут изготавливали телевизоры – сотни тысяч штук, если не миллионы. «Превращая мечту в реальность», как гласила строка на государственном гербе. Экспорт телевизоров по всему континенту был как раз такой реальностью, твердокаменной и осязаемой.

Но эта реальность закончилась семь лет назад – после того, как экономический союз ПАС – Панасоник, Акаи, Сони – наладил выпуск собственных телевизоров, которые оказались дешевле и доступнее. Началась новая реальность, уже без Фуджитсу. Долго конкурировать с объединением экономических гигантов страна не могла. Некоторое время на фабриках производили телефонные аппараты и микрофоны, но мечты уже не поспевали за беспощадной реальностью. Промышленные районы так и остались скопищем кирпичных корпусов, молчащих и заброшенных, напоминавших скорее причудливое кладбище,

полное одинаково-тоскливых неподвижных надгробий. Жить здесь остались только те, кто не мог позволить себе перебраться в более дорогой район.

Аккуратно объезжая бетонный блок, бывший когда-то основой шлагбаума, Соломон подумал о том, что знакомый Бароссы выбрал необычное место для проживания. То ли он не обладает лишними средствами, то ли жизнь в уединении полностью отвечает его интересам. И если этот парень и в самом деле нейро-вандал, вполне, пожалуй, можно допустить и второй вариант…

- …как помнят радиослушатели, боржомийско-калашниковские политические отношения в значительной мере обострились после кризиса прошлого года, когда войска Калашникова заняли Сацибелли, независимое государство, которое, однако, Боржоми считал находящимся под своим протекторатом. Мы продолжаем…

Соломон щелкнул кнопкой, переключаясь на другую волну.

- …волнения в Старбаксе. Свидетели Спагетти, отколовшиеся от Церкви Макаронного Монстра в результате раскола сорок шестого года и считающиеся наиболее радикально-настроенным религиозным течением региона, провели на улицах Старбакса массовые выступления, направленные против ущемления их прав и засилья неверных. Как заявил на последующей конференции кардинал Свидетелей Спагетти, Лука Петрариус, поводом для возмущения в первую очередь стал тот факт, что Всемирный Собор Церкви Макаронного Монстра, проведенный в священном для верующих государстве Гуччи, постановил считать верующих из Свидетелей Спагетти схизматиками, утратившими идеалы Церкви и погрязшими в ереси. «Клянусь пророком Кетчупом, это навет и бессовестная клевета! – возвестил кардинал Лука Петрариус, - Предстоятели Церкви Макаронного Монстра, пытаясь оклеветать нашу веру, не останавливаются даже перед грехом лукавства. Уж кому, как не им, знать, что Свидетели Спагетти никогда не были причастны к схизме, напротив, всегда держались внутренних и внешних идеалов церкви Макаронного Монстра. При этом Собор лицемерно не отказывает в каноничности таким сомнительным сектантским ответвлениям, как Адвентисты Вермишели, Церковь Последнего Равиоли и даже поддерживает изначально еретическое движение собаистов!..»

Соломон вновь щелкнул кнопкой, и в этот раз повезло больше, невидимый океан эфира прекратил бормотать ему в ухо, из динамиков донеслась музыка. Станция передавала фри-джаз, бесконечный перебор причудливейших фрагментов, переплетающихся друг с другом. Под такую музыку тяжело

думать, и Соломон позволил себе не думать вовсе, лишь следил за дорогой, которая делалась все хуже и хуже, обрастая выбоинами, колдобинами и открытыми зевами канализационных люков.

«Безумная страна и безумные люди», - слова бродяги всплыли в памяти, как дохлые рыбы, покачиваясь на волнах накатившей меланхолии. К чему это вспомнилось? Соломон не хотел разбираться. Композиция закончилась резким диссонансным криком саксофона, и почти сразу же «Лексус-Москвич», визгливо ругнувшись тормозами, остановился у подъезда одного из кирпичных домов. Если верить записке Бароссы, именно здесь проживал его таинственный информатор.

Соломон выключил радио, выбрался из автомобиля и привычно оправил плащ. Нано-твид, когда-то обладавший способностью автоматически разглаживаться, даже не пытался сам убрать глубокие складки. Никогда не стоит ожидать слишком многого от старых вещей.

Дом оказался запущен – покосившаяся кирпичная коробка в три этажа, где прежде наверняка жили рабочие с фабрики. Но запущенность эта была легкой, приглаженной – как легкая отечность на лице только начавшего спиваться человека. Штукатурка и стекла были в относительно пристойном состоянии и – чего Соломон никак не ожидал – в доме оказалась даже консьержка. Не обращая внимания на вошедшего, она сидела в своей крохотной каморке и смотрела помаргивающий и старчески-похрипывающий телевизор. Показывали рекламу.

- Прекрасные дамы и милые леди! – мутный глаз телевизора выплюнул из своих недр изображение широко улыбающейся девушки, - Помните, что мужское внимание важно не только завоевать, но и удержать!.. Каждая из нас неповторима, но каждая при этом знает, что разведанная дорога к сердцу мужчины лучше не натоптанной и путанной тропы. Так почему бы не воспользоваться тем, что уже доказало свою эффективность?..

На экране возникает сцена из какого-то фильма – трогательная блондинка с чувственным мягким лицом слышит звонок в дверь, открывает ее и на пороге сталкивается с мужчиной. У мужчины – портфель, плащ через рукав и модная в прошлом году стрижка с челкой. Женщина приятно удивлена. Ведь это ее муж. Она улыбается ему, белоснежные волосы развеваются за спиной. Но вместо того, чтоб приникнуть к нему всем телом, женщина улыбается – удивительно томно – и, моргая хорошенькими ресницами, произносит удивленно-строгим голосом: «Кажется, вы задержались на работе, господин Тук? Это очень, очень плохо. У нас по этому поводу будет серьезный

разговор…». Мужчина ухмыляется, бросает плащ прямо на пол и кладет руку в сером твиде на мягкую и покорную женскую талию. «Я давно ждал этого разговора, госпожа Тук, и настроен я тоже очень серьезно!»

- Вы, конечно, помните киноленту «Весна любви нашей», в которой обворожительная Виктория Фукс сыграла одну из лучших своих ролей. Настало время не равняться на звезд, а быть ими! Покупайте нейро-модуль «Солнечно-лиловый бархат», чтобы встретить своего мужа так же, как встречает его признанный секс-символ нашего времени. Покупайте обворожительную улыбку и мимику Виктории Фукс, покупайте удивление и страсть своего мужа. Заказав модуль «Солнечно-лиловый бархат» в течение этого месяца, вы бесплатно получаете подарочный модуль «Невесомый шелк» - особый взгляд Фиктории Фукс, полностью аналогичный тому, что вы видели в киноленте».

На экране появляется девушка – та самая белокурая девушка из фильма. Лицо ее, кажется, стало полнее, но все так же обворожительно. «Все именно так, - говорит она кокетливо улыбаясь зрителю, - Я, Виктория Фукс, гарантирую подлинность товара! И подлинный восторг того, кого вы встретите моей улыбкой. Заказывайте прямо сейчас!».

- Ни малейшей неловкости, ни малейшего неудобства. Теперь улыбка и интонации звезды принадлежат вам так же, как ваши собственные руки и ноги. Достоверность нейро-софта подтверждена правообладателем. Кстати, - телевизор переходит на вкрадчивый мужской баритон, - Есть у нас подарки и для мужчин. За совершенно небольшую плату вы можете купить нейро-модуль «Твид, табак и страсть» - чтобы на несколько секунд превратиться в Рейта Бади, самого страстного и сексуального мужчину континента. Будьте джентльменом, ответьте на страсть женщины той же моне…»

Соломон нетерпеливо постучал костяшками пальцев по двери, консьержка вздрогнула и оторвался от бубнящего телевизора.

- Комната сорок два, - сказал Соломон, ощущая, насколько сильно его сиплый голос проигрывает страстно-рокочущему баритону, льющемуся из телевизора, - Где это?

Консьержка лишь досадливо махнула рукой, не отрываясь от экрана. Это была стареющая женщина с лицом тусклым и невыразительным, как примелькавшиеся предметы домашнего обихода, потертая дверная ручка или старое пресс-папье.

- Третий этаж, - сказала она, - От двери – направо.

Когда Соломон стал подниматься по скрипучей деревянной лестнице, в каморке консьержки коротко тренькнула снятая с

рычага телефонная трубка. Он замедлил шаг и прислушался. Уж не хочет ли кто-то предупредить знакомого Бароссы из сорок второй комнаты о неожиданном визите? Люди, которые увлекаются собственной безопасностью, не всегда любят нежданных гостей…

- Добрый день. Я хотела бы узнать о вашем модуле «Солнечно-лиловый бархат». Да… Нет. Нет, я хотела бы узнать о гарантии. Подлежит ли он возврату в случае чего? Конечно… И вот еще… У госпожи Фукс, по всей видимости, иначе устроены мимические мышцы, смогу ли я… То есть, вы уверены?

Соломон был благодарен старым ступенькам, чей скрип заглушил голос консьержки. Реклама!.. Сколько миллионов человек поставили себе дополнительные, вероятно, совершенно ненужные им нейро-модули, наслушавшись откровений звезд спорта, политики и кинематографа? Сколько миллионов человек купили себе чужую страсть, чужую доброту, чужую улыбку?

Когда-то давно, во времена, которых Соломон почти не застал, люди осторожнее относились к нейро-софту. Тогда он казался чудом, насущным и необходимым. С помощью нейро-софта заики учились нормально разговаривать, социофобы возвращались в нормальное общество, а параноики избавлялись от своих недугов.

«Нейро-софт учил нас строить самих себя, - подумал Соломон, борясь с одышкой и одновременно придерживая полу плаща, норовившую поймать выпирающие из перил гвозди, - Просто никто не учел, что архитектурный шедевр каждого человека, намертво зашитый в генетической памяти, это вавилонская башня. Мы строим и строим, громоздим второй этаж, третий, четвертый… Балконы, эркеры, пилоны, купола и контрфорсы. Мы склонны быстро забывать о том, что нам хотелось всего-навсего уютный дом. Мы смотрим на соседские дома – и хотим не уступать им. Мы слушаем советов незнакомых людей из телевизора, которые точно знают, что нам надо. Мы тянем вверх наши шпили, перекраиваем на ходу чертежи, снова что-то приколачиваем, прибиваем, приклеиваем… Каждый из нас – обособленная маленькая вавилонская башня. И каждый из нас уверен, что она все еще не завершена, что для полного счастья остался кирпичик, два… Сколько кирпичиков оставалось до полного счастья Эмпирею Тодду? И что он ощутил, обнаружив себя на бесформенных руинах того, что строил всю жизнь?..»

Сорок второй номер. Соломон отдышался, стоя напротив двери. Дверь как дверь, ничего выдающегося. Серый потрескавшийся пластик и две цифры. За такой может жить кто угодно – опустившийся инженер, старый школьный учитель или,

например, какой-нибудь мелкий уличный бандит, стажирующийся в «Мафии» на испытательном сроке. Дверь была совершенно безлика. Впрочем, от соседних дверей она практически ничем не отличалась. Если бы не приглушенные звуки блюза из радиоприемника и запах подгоревшего риса, которые распространялись по лестничной площадке в равных пропорциях, можно было бы подумать, что этаж безлюден.

Соломон неосознанным жестом коснулся револьвера под левым плечом. Холодная металлическая игрушка дремала, приткнувшись к его боку, как доверчивое дрессированное существо. Но Соломон был уверен, что револьвер ему сегодня не пригодится. Баросса не стал бы направлять его туда, где может грозить опасность. По крайней мере, не предупредив. А если опасность и возникнет, он, детектив Пять, покажет, как умеют работать парни старой школы.

Соломон постучал. Властно, уверенно и четко. Нейро-модуль с этим стуком он купил когда-то давным-давно, когда только поступил в Транс-Пол и еще не успел заработать латунный значок детектива. Ему тогда казалось, что умение веско стучать в дверь – неотъемлемая часть работы хорошего сыщика. Приятели посмеивались над ним, а он думал, что они ему завидуют. Как назывался этот модуль? «Стук Закона»?.. Дурак ты был, Соломон Пять, ох и дурак… Но стук был и верно хорошим. От его мерных ударов люди мгновенно вскакивали из кресел и бежали открывать. Такому стуку редко кто может противиться, так не стучат курьеры, коммивояжеры и соседи, так стучат люди, которых облегает не только нано-твид, но и власть.

Дверь приоткрылась. Не очень широко, на ладонь.

- Кто? – требовательно спросил тот, кто стоял по другую ее сторону.

Хорошо, что он спросил именно так, а не спросил, к кому. На такой ответ у Соломона ответа в запасе не было.

- Детектив Транс-Пола Соломон Пять.

- Что?

- Дете…

- Почему пять?

- Моя фамилия.

- Дурацкая фамилия.

- Возможно, - дипломатично сказал Соломон, пытаясь придать голосу доверительные и даже неофициальные нотки. Для подобной ситуации у него нейро-модуля не было.

- Тебе больше подошла бы другая фамилия, приятель. Идинахренотсюда!

Голос был странный, с какими-то непривычными

модуляциями, странным был и тембр. Мужской или женский? Старческий или молодой? Отчего-то это невозможно было разобрать, может, от скверной акустики подъезда. Возникало ощущение, что из-за двери с ним говорит магнитофонная лента, с которой сложной аппаратурой было убрано все, что могло напоминать человеческие интонации. Но этот голос не был сухим и бездушным голосом робота. Он был по-своему эмоционален. Просто совершенно не походил ни на один знакомый голос – и это сбивало с толку.

В другой ситуации Соломон действовал бы решительно и быстро. У него был опыт работы с наглецами, и прививать уважение к детективам Транс-Пола ему случалось не раз. Но этот случай был особенным, и Соломон заставил себя быть вежливым и очень спокойным. С информатором нельзя быть грубым. Информатор должен быть зажат в руке сильно, но вместе с тем мягко, как бильярдный кий. Он должен испытывать к детективу одновременно страх и уважение. Информатор, который подчиняется только уважению, может утаить важную информацию. Информатор, знающий только страх, всегда может наговорить лишнего, того, что от него ждут.

Соломон вздохнул. Информатор не его, а Бароссы, но нахрапом его брать все равно нельзя. Придется быть терпеливым и вежливым, чтобы завоевать уважение. Заставить человека испытать страх всегда проще.

- Я приношу извинения за визит, о котором мне бы следовало известить вас заранее. Но дело, по которому я пришел, чрезвычайной важности. Полагаю, вы…

- Проваливай, тугоухий!

- Простите?

- Выметайся, говорю!

Дверь попыталась захлопнуться. Возможно, это ей бы и удалось, если бы Соломон в свое время озаботился установкой модуля повышенного терпения. Но среди его сорока шести модулей такого не значилось. И терпение его было все-таки ограничено.

Он коротко ударил ботинком в дверь, отчего старый пластик глухо треснул. Невежливый хозяин пискнул от неожиданности и отшатнулся вглубь прихожей. Это позволило Соломону придержать дверь рукой, распахнуть ее и шагнуть следом. Давно изученный фокус, безотказно работающий в тех случаях, когда не ждешь серьезного сопротивления. Иначе можно запросто нарваться на пулю в упор. Но в этой квартире пуля его не ждет, это он понял сразу же, как только оказался в прихожей.

Он ожидал увидеть что угодно. Смердящую нору опиатчиков,

в которой на истлевших матрасах валяются бывшие когда-то человеческими тела. Берлогу опытных налетчиков с почти казарменным порядком и маслянисто блестящими на брезенте разобранными винтовками. Логово безумца, в котором горы испражнений соседствуют с рисованными углем на стенах картинами пост-апокалиптического мира. А может, даже пристойную и хорошо убранную квартиру с фиалками на подоконнике и блестящим пианино в углу. Но вместо этого увидел нечто иное.

Настолько не отвечавшее его представлениям о квартире, что даже на миг забыл про хозяина.

Не квартира, а изолированный в кирпичной коробке кусок хаоса. Первозданного, бушевавшего еще до того, как зародились первые звезды. Это было не просто нагромождение элементов, не соответствующих друг другу, что не редкость и в хорошо обставленных богатых домах, это была какая-то авангардная выставка, сооруженная с непонятными целями. Соломон едва не присвистнул, обозревая ее с порога.

В углу гостиной стоял старенький телевизор, запыленный и явно давно не включавшийся. В другом – и в самом деле оказалось пианино. Между ними помещалась швейная машинка с какими-то разноцветными лоскутами, торчащими из нее. Мольберт с загрунтованным холстом отвоевал себе немного места у противоположной стены. У окна торчал телескоп – длинная тусклая труба на треноге. Подоконник оказался всплошную уставлен горшочками с растениями, причем Соломона поразило то, что часть из них пышно цвела, а другая – торчала давно засохшими веточками-скелетиками. Пишущая машинка уместилась на столе. Шахматная доска смогла занять место там же, но вот синтезатору уже места не хватило – он возлежал на кровати.

Кроме всего этого, в комнате присутствовали: ножницы для жести и множество каких-то металлических выкроек, вязанье с торчащими спицами, детские куклы, брошенные как попало, альбомы с фотографиями, конструктор, несколько несобранных паззлов, боксерские перчатки, глиняные статуэтки ручной работы, паяльник с припоем, игрушечные модели самолетов и танков, кегельбанный шар, коньки, гантели, вышитое полотенце, большой плюшевый заяц, чертежная доска, очки для подводного плавания, набор духов в фигурных флаконах, кляссер для марок, мишень для дартса, ручной тренажер, полупустой ящик джина, фигурно вырезанная надфилем полка, самодельные бусы из бисера, индейский барабан, заводные игрушки, набор косметики…

Часто встречались книги, разбросанные где попало, лежащие на полках, валяющиеся на полу и торчащие из шкафов. Они являли собой столь же запутанную и дикую систему, что и прочий интерьер. Судя по ним, живущий здесь человек либо обладал безумно разнообразным вкусом, либо не обладал им вовсе. Кажется, он читал все, от поэзии восемнадцатого века до работ по аналитической математике, от детских рассказов до трудов немецких средневековых теологов, от сборников юридических казусов до советов пчеловоду-любителю.

Столь же ужасным образом квартира была обставлена, впрочем, для обстановки в ней оставалось уже достаточно мало места. Цветы соседствовали с совершенно неуместными рядом с ними инсталляциями, репродукции классических картин – с абстракционистскими полотнами, настенные украшения – с панно. И все это налезало друг на друга, совершенно не сочетаясь ни по цвету, ни по стилю, ни по форме, все это резало глаз, топорщилось, привлекало внимание, сбивало с толку, путало…

Совершеннейшее сумасшествие. Человек, живущий здесь, не может быть нормален. Психопат, несомненный психопат.

- Что пялишься? – рявкнул хозяин, про которого Соломон за несколько секунд уже успел забыть – и который сливался с обстановкой так, что его сложно было заметить, - Тебя внутрь приглашали, ищейка блохастая? Вали, пока по жопе не получил! Гад толстобрюхий! Змея проклятая! Падаль смердячая!

Из-за странного тембра голоса угроза прозвучала не очень весомо, но все-таки грозно. По крайней мере, достаточно грозно, чтоб Соломон отвлекся от созерцания этого безумного инопланетного пейзажа и вспомнил, зачем пришел. И тут он впервые смог хорошенько разглядеть хозяина.

Великий Макаронный Монстр!.. Странное же это было существо. Машинально, как будто при составлении дежурного протокола, Соломон мысленно зафиксировал внешние данные. Рост – не очень высокий, но и не низкий, а вполне средний. Телосложение… Худощавое, но без признаков истощения. Волосы – давно не стриженные, но все-таки не длинные, торчат вихрами во все стороны, цвет сродни каштановому. После этого в оформлении невидимого протокола наступила непредвиденная пауза. Потому что в протоколе первым делом требуется указать пол и возраст. И Соломон, испытывая внезапное желание выскочить из проклятой квартиры номер сорок два, понял, что ни того, ни другого определить не может.

Лицо – тонких черт, какие редко бывают у мужчин, да и губы полноваты, но вот глаза– как будто совершенно мужские, смотрят уверенно, дерзко и с изрядной злостью. Или все-таки женские?

Совершенно невозможно определить. Человеческие глаза, сверкают от злости, и все. Упрямо вздернутый подбородок – весьма решительный подбородок, едва ли женский, но лишенный всяких признаков растительности. Гермафродит какой-то, чтоб его… Даже по фигуре не разобрать. Фигура как у мальчишки – или у тощей девчонки. Никаких округлостей как будто бы не наблюдается, но это и неудивительно – при бесформенной кофте и мешковатых штанах. Вот же дьявол… То ли аристократично-изможденный мужчина, то ли угловатая девчонка.

Не легче было и с возрастом. Соломону не раз приходилось встречать людей, чей возраст сложно было определить, но в этот раз случай и в самом деле был сложнейший. Судя по посадке головы и гладкой коже – юноша или девушка. Но судя по прищуру и недоброму огоньку в глазах – мужчина или женщина. Пятнадцать лет? Двадцать? Двадцать пять? Или тридцать?..

«Баросса, старый ты пират, куда ты меня завел? – тоскливо подумал Соломон, не в силах оторвать взгляд от этого жуткого и непонятного зрелища, которое, однако, гипнотизировало, - Что это за безумная кунсткамера?..»

Между тем, существо без пола и возраста посчитало замешательство Соломона хорошим знаком – и яростно атаковало его:

- Проваливай из моего дома, слизень тухлый! Что пялишься? Глаза не выпадут? Ах ты падла из сточной канавы, бастард от семи отцов, зараза сифилисная, тварь безмозглая…

Прежде Соломон считал, что мужчины и женщины ругаются совершенно по-разному, что по темпераменту и используемым терминам можно с известной вероятностью определить пол. Но здесь сделать это было совершенно невозможно. Независимо от того, что делало это существо – ругался или ругалась – получалось у него это так яростно и ожесточенно, что никаких логических умозаключений делать не получалось.

- Хватит! – Соломон решительно поднял руку, - Замолчите. Я представляю закон и…

- Жопу лупоглазую ты представляешь! – заявило существо, сверкая глазами и трясясь от злости, - А еще - лошадь околевшую и хрящ свиной!..

- И все-таки я бы хотел…

- Болван дубовый! Идиот безмозглый! Тля бесхозная!

Соломон понял, что прервать этот поток не представляется возможным. Поэтому он запустил руку в карман пиджака, нащупал там плоскую металлическую коробку и вытащил ее. На гладкой поверхности была лишь одна кнопка. Соломон нажал на нее, легко и быстро, словно переключая канал радио в

автомобиле.

- Сука гулящая! Мразь позабор…

Голос прервался. Неожиданно, словно кто-то остановил магнитофонную запись. Существо, бывшее хозяином странной квартиры, несколько секунд беззвучно открывало и закрывало рот. Оно выглядело очень удивленным и даже растерянным. И в таком состоянии походило больше на женщину. Впрочем, спустя несколько секунд глаза вновь взглянули на Соломона решительно, уверенно – и он поспешно отказался от первоначального вывода.

Некоторое время они молчали и смотрели друг на друга. Сцена была до нелепости глупой, и жуткий кавардак в квартире лишь подчеркивал это.

- Ух, - сказало наконец существо, приложив руку к затылку, - Ловко.

Соломон задумался, какую линию разговора проводить дальше, жесткую или мягкую. И выбрал мягкую. В изменившихся условиях разговор определенно станет более продуктивным.

- Извините, у меня не было выбора. Иначе у меня не было бы возможности с вами поговорить. А эта возможность для меня важна.

Оно покосилось на металлическую коробку в руке Соломона. Та едва слышимо гудела.

- Отрубатор?

- Блокиратор полицейского типа, - сказал Соломон, пряча коробку обратно в карман, - Направленное излучение, избирательно воздействующее на нейро-интерфейс. Блокирует все активные нейро-модули, которые своей работой мешают конструктивному диалогу, а именно…

- Отключают все, что связано со злостью, упрямостью, наглостью, нетерпением, лживостью и замкнутностью. Я ж и говорю – отрубатор. Красивая штучка. Черт возьми, я даже ругаться не могу… - существо набрало в грудь воздуха, - Гангрена ты тифозная… Нет. Проклятье. Никакого удовольствия. Как будто не ругаешься, а таблицу умножения бормочешь…

- Помогает наладить общение с тяжелыми клиентами, - пояснил Соломон, - Иногда такие случаются.

- Попробуй выключить эту штуку – и еще узнаешь, насколько я тяжелый клиент. Для этого сегодня как раз подходящий день.

- Не буду выключать. Точнее, выключу, но только тогда, когда мы поговорим. Итак, я…

- Ты – господин Идинахренотсюда, - проворчало существо, одергивая кофту, - Что? Ты бы вырубатор свой перепрограммировал. Злиться я теперь, может, и не могу, а вот на

сарказм твоя штуковина, извини, не действует. Чего тебе, ищейка?

И в самом деле, чего? Глупо было предположить, что странное создание, обитающее в этом безумном логове, способно навести его на след виртуозного нейро-взломщика. Точнее, всякий след, полученный им здесь, неизбежно приведет в сумасшедший дом.

- Для начала мне надо имя, - сказал Соломон, все еще испытывая сильнейшее неудобство оттого, что не может определить пол собеседника. Всякий опытный детектив строит беседу в зависимости от того, кто находится перед ним. Как врач определяет на глаз симптомы и комбинирует, исходя из них, лекарства, так и детектив сочетает доводы и угрозы, чтобы добиться нужного ему результата.

- Имя… - существо насмешливо фыркнуло, - Мы оба знаем, что мое имя тебе ничуть не поможет, верно? Но ты все равно начал именно с этого.

- Таков порядок.

- Порядок вламываться в чужие дома? Ладно. Энглин Кейне Нул. Так меня зовут.

Соломон чуть зубами не скрипнул от досады. Имя было ему незнакомо и непонятно – черт его знает, кому такое может принадлежать…

- А… ваш возраст? – спросил он.

- Он имеет значение?

- Нет, - вынужден был ответить Соломон, - В рамках расследуемого мною дела - едва ли.

- Тогда ставьте прочерк, - зевнуло существо по имени Энглин Кейне Нул, всем своим видом выражая желание скорее закончить разговор.

- Мне посоветовали обратиться к вам, как к человеку, разбирающемуся в… некоторых нелегальных аспектах по части нейро-софта.

Энглин Кейне Нул насторожилось:

- Кто посоветовал?

- Неважно. Надежный человек.

- Я редко веду дела с надежными людьми. Впрочем… Этот ваш человек, случайно, не размером со шкаф?

- Возможно, - сказал Соломон, вспоминая богатырские пропорции детектива Бароссы, - Очень возможно.

- Ясно, - Энглин кивнуло, кажется, немного успокоившись, - Этот тип однажды оказал мне… небольшую услугу. И хоть я считаю, что практика платы услугой за услугу безнадежно устарела и глупа по определению, с моей стороны будет разумно

оказать вам посильную помощь. Что у вас там с нейро-софтом?

Соломон изложил суть дела, и это заняло у него едва ли более минуты. Неудивительно, учитывая, что «дело» состояло из одних пробелов и не имело даже зримой формы. Просто одному обеспеченному человеку однажды крупно не повезло…

- Понятно, - Энглин дернуло вихрастой головой, даже не дослушав, - Ход мысли у детективов Транс-Пола прямой, как линейка. Кража нехарактерная, дерзкая, непонятная – и вы тут же решили, что под этим делом подписались нейро-вандалы. Ну конечно! Невероятно логично! А так как я у вас числюсь большим знатоком по этой части, проще всего заявиться ко мне и выяснить, не их ли это рука. Ужасно простая и эффективная схема! Даже блестящая. Вы сами ее придумали?

Соломон пожалел, что его «отрубатор» не запрограммирован на подавление в том числе и сарказма. Что ж, иногда приходится работать с тем, что есть.

- Будем считать, мне просто интересно ваше мнение.

- Даже не зная того, кто я и каким образом могу владеть соответствующей информацией?

- Я уважаю вашу приватность, госпо… эмм-мм-мм… Энглин. В данный момент меня интересует не ваша биография, а ваша осведомленность.

- Вы хотите знать, не нейро-вандалы ли обчистили этого типчика, Тодда?

- Именно так.

- Тогда я сэкономлю вам много времени, госпо… эм-м-ммм… Идинахренотсюда, - Энглин скорчило красноречивую гримасу, хулиганскую и наглую, изображающую, как догадался Соломон, его собственное лицо, излишне напыщенное и туповатое, - Нет, это сделали не нейро-вандалы.

- Простите, но как…

- «Но как вы сделали этот вывод и чем руководствовались при этом?»

- Вроде того.

Энглин устало закатило глаза. И сразу набрало десяток лет.

- Ищейки… Всегда одинаковы. Сперва они говорят, что им нужна голая и однозначная информация, а потом хватаются за нее зубами, как щенок за подушку, и начинают потрошить, сами не зная, что им надо. Для Транс-Пола нейро-вандалы – это какая-то организация сродни «Мафии». Или секта, как угодно… То есть, организованная группа нелегальных элементов, внутри которой все друг друга знают.

- А это не так? – осторожно спросил Соломон. Вопрос прозвучал глупо – и новая гримаса Энглин это подтвердила – но

надо было хоть как-то двигаться вперед, и Соломон двигался.

- Нейро-вандалы никогда не были упорядоченным движением. Скорее, напротив, это сборище самых разных людей, которые под влиянием обстоятельств иногда сбиваются в небольшие группы. Как правило, лишь на время.

«Как некоторые хищники, - подумал Соломон, - Собираются вместе для охоты, а потом вновь уходят в свободное плавание. Интересно, какой виток эволюции породил подобное?»

- И между группами нет каналов передачи информации?

- Очень редко.

- Но все же вы уверены в том, что за похищением нейро-софта стоят не нейро-вандалы?

Он ожидал, что Энглин ответит «Уверен» или «Уверена», но загадочное существо лишь тряхнуло непокорными вихрами, словно в насмешку над его бесхитростной уловкой.

- Да. Могу это заявить с очень большой степенью вероятности. Вы, детектив Идитенахренотсюда, как и прочие твидовые ищейки, просто не понимаете того, с чем имеете дело. Очень характерно… Вы не представляете себе сути нейро-вандалов, полагая их обычными хулиганами.

Соломон мысленно скривился. Кажется, с чего-то подобного начинался их недавний разговор с Бароссой.

- Отчасти, - был вынужден сказать он.

- Ну вот. Вы как человек, которому приходится выживать в лесу, но который лес видит одним лишь бледно-зеленым пятном на карте, не различая в нем отдельных деревьев. Нейро-вандалы никогда не были бездумными разрушителями. Нет, им свойственна определенная хулиганская бравада, вызов обществу, даже шокирование… Но в большинстве своем это не те люди, которые совершают преступление из любви нарушать закон. Все… сложнее.

- Расскажите, - попросил Соломон.

Судя по тому, как взглянуло на него Энглин, его ждала очередная острота, но то ли «отрубатор» вовремя подавил нужный позыв, то ли Соломон сумел выглядеть достаточно безобидно, существо лишь вздохнуло. Устало, как утомленный взрослый, которому приходится объяснять ребенку, почему солнце катается по небосводу.

- Нейро-вандалы, как вы их называете, это ответ общества разросшемуся рынку нейро-софта. Своеобразная реакция организма, если вы понимаете.

- Как реакция на лекарство? – тут же уточнил Соломон.

Энглин раздраженно махнуло рукой. Кажется, диалога оно не искало.

- Время, когда нейро-модули были лекарством, давно прошли. Они стали наркотиком, причем наркотиком, намертво вживленным в метаболизм человечества. Когда-то давно люди знали опиум и другие забавные штуки. Примитивные препараты, вызывающие привыкание и дарующие счастье. Сейчас люди загоняют в себя невидимые иглы нейро-терминалов. Каждый нейро-модуль – это точка от укола на вашем предплечье.

Соломон представил себе сорок шесть точек на собственной руке и машинально потер сгиб локтя. Полнейшая глупость, конечно, только философствующие дураки, склонные к эклектике, могут заявлять что-то подобное. Да еще и с подобным апломбом… Но ему придется слушать дальше, если в этой куче песка нужно найти одну золотую песчинку.

- Представили? – Энглин хихикнуло и на несколько секунд опять выглядело довольной отпущенной шуткой девчонкой, - Нейро-вандалы развлекаются тем, что насмехаются над самой сутью нейро-софта, над теми дарами, что он якобы дает человеку. Их цель – люди, которые так увлеклись накачиванием себя всякой дрянью, что уже потеряли человеческий облик и забыли сами себя. Знаете, как бывает… Стоит где-нибудь в центре дом, красивый, блестящий краской и новенький. А заглянешь внутрь – там труха, паутина и сгнившие перекрытия. То же и людьми. Иные становятся настолько зависимыми от нейро-модулей, что прекращают быть людьми в некотором смысле этого слова.

- Это нелогично, - сказал было Соломон, но его оборвали самым решительным образом.

- Это страшно, - сказало Энглин и на краткий миг показалось даже серьезным, - Даже не представляете, как это страшно. Идет по улице человек, в костюме, с дипломатом… А на самом деле человека в нем и нет. Улыбка у него от «Фирменных солнечных улыбок», взгляд – от «Лимба ЛТД», терпение и такт – от «Кляссе и сыновья», а взгляд на мир – комплексная нейро-модель «Вектор Семь». Вот и попробуй разбери, что в нем человеческого…

Соломон хотел было возразить, но вспомнил консьержку с «Солнечно-лиловым бархатом» - и не возразил.

- Нейро-вандалы просто смеются над теми, кто прочно связал себя с нейро-дурью. Иногда эти шутки могут показаться жестокими, но это всегда шутки. Хулиганство. Проказы. Нейро-вандалы считают себя борцами за свободный разум и действуют исходя из этой позиции.

- Я читал в газете про одного парня из Крайслера, - медленно сказал Соломон, - Где-то на черном рынке он купил нейро-модуль, который едва не убил его. Он просто безостановочно смеялся. Сутки напролет. Стоило ему показать палец – и бедного

малого аж скрючивало от смеха. Если бы он не попал в больницу, где у него изъяли злополучный модуль, он бы точно умер в конце концов, смех свел бы его в могилу.

- Могло быть хуже. Он мог сжечь себе к черту мозг и стать нейро-зомби.

- Я лишь хотел сказать, что шутки нейро-вандалов далеко не всегда безобидны.

- Знаю об этом парне, - Энглин удовлетворенно кивнуло, - Классический случай. Знаете, что он хотел получить? Идеальное чувство юмора. В каком-то смысле он его и получил. Когда имеешь дело с нейро-вандалами, надо быть осторожным в желаниях. А доводилось вам слышать про одну даму, которая захотела стать целеустремленной карьеристкой и заработать много денег?

- Не уверен.

- Она стала проституткой. Действительно, совершила неплохой карьерный взлет и стала много зарабатывать. Насколько я знаю, свою новую работу она так и не бросила. Что ж, иногда нейро-модули просто помогают человеку найти себя самого, правда?

Взгляд у Энглин был насмешливый и наглый. Соломон нахмурился, встретив его.

- Не могу одобрить подобных развлечений. То, что вам кажется забавным, у человека может вызвать серьезнейший стресс.

- Нейро-вандалы знают, с кем и как шутить. Помните историю с «Розовым Треугольником»?

Соломон напряг память. Спасибо въедливому и дотошному «Бейли», который помогал держать в уме все, что связано с работой, пусть даже не профильной.

- Одна из контор, разрабатывавшая нейро-софт, - сказал он, - Прикрылась пару лет назад. Официально продавала флирт для мужчин и женщин. Всякие чувственные взгляды, особую щекотку нервов, оригинальные романтические наборы чувств… Потом выяснилось, что хозяин «Розового Треугольника» имел еще и побочный, так сказать, бизнес. В подсознание своих клиентов он, помимо трогательных взглядов, вкладывал любовь к определенным сортам табака, алкоголя и прочего. Получая на выходе преданных покупателей и имея щедрую плату со стороны соответствующих компаний.

- Именно, - Энглин ловко щелкнуло пальцами, - Его владельцу удалось уйти от ответственности даже после того, как махинации «Розового Треугольника» всплыли на поверхность. Но для того, чтоб уйти от нейро-вандалов, мало хорошего адвоката и

неограниченного бюджета.

- Они выследили его?

- Да, спустя несколько месяцев. Они взломали его нейро-интерфейс и… внесли небольшие изменения.

У Соломона нехорошо похолодело под ребрами. Ему не очень хотелось знать, какую именно шутку сыграли с незадачливым мошенником нейро-вандалы.

- И что с ним? – спросил он через силу.

- Он стал счастливым обладателем всех известных человечеству сексуальных девиаций, - Энглин заливисто расхохоталось и, кажется, только кислое выражение на лице Соломона заставило его перестать смеяться, - Нет, серьезно! Парень стал ходячей энциклопедией сексопатологии. Среди его предпочтений оказались настолько оригинальные, что и знает-то про них не каждый…

- Он вылечился?

- От чего? – удивилось Энглин, - Вы же сами не считаете нейро-софт болезнью. Он стал получать от этого подлинное удовольствие. А с каких это пор человек добровольно отказывается от удовольствия?..

- Когда понимает, что это удовольствие идет ему во вред.

- Вздор. Научившись редактировать сам себя, человек только и делает, что ищет новые способы получения удовольствия. Как голодный без устали выбирает все новые и новые пункты в меню. Люди прививают себе вкус к винам и трубочному табаку, учатся нравиться окружающим, лучше выполнять свои рабочие обязанности… Они всеми путями ищут возможность удовлетворить себя, такова уж их природа.

- Хорошо, - Соломону не улыбалось слушать досужие размышления непонятного существа о сути человечества, - Но я не вижу причины, по которой кто-то из нейро-вандалов не решил бы сыграть шутку над Эмпиреем Тоддом. Ужасно смешную шутку, с его точки зрения. Взять человека, который давно забыл меру и стал одним огромным куском нейро-софта – и забрать у него все. Отличный повод для смеха, не так ли?

Энглин вдруг посерьезнело. Смешливые глаза посерели, сузились, губы плотно сжались, сделавшись совершенно мужскими.

- Нет, господин детектив. Вы ничего не поняли. Во-первых, шутка и в самом деле излишне жестока. Сорвать с человека все пласты иллюзорных сущностей, в которых он пытался спрятаться, это верный способ свести его в сумасшедший дом. Очень немногие способны перенести подобный удар. Это как… Как выковырять улитку из ее раковины. Жестоко и глупо. Кроме того,

настоящий нейро-вандал никогда не опустится до банальной кражи. Подчистить все модули – это работа профессионала, но не идейного.

- Тогда кто приложил к этому руку?

- Мне откуда знать? Это ваша работа, детектив. И будет лучше, если вы займетесь непосредственно ею, перестав тратить чужое время.

Соломон вздохнул. Кажется, разговор уже приблизился к логическому финалу.

- Вам не помешало бы проявлять больше почтения к представителю Транс-Пола.

Существо вновь фыркнуло – как мальчишка, услышавший скабрезную шутку.

- Уважение – это то, что проявляют по отношению к людям, детектив Идинахренотсюда.

- А я, значит, не человек?

- Вы не человек. У меня достаточный опыт в этой сфере… Ваша модель… Это же «Бейли», да? Этот хлам сложно с чем-то спутать. Сколько у вас установлено нейро-модулей? Не вздрагивайте так, на самом деле мне это абсолютно безразлично. Тридцать? Пятьдесят? Каждый кусок чужой жизни сродни валуну, который вы грузите на себя. И где-то там, в самом низу, - Энглин пошевелило пальцами, словно копаясь в кучке щебня, - в самом-самом низу находится то, что может называть себя детективом Соломоном Пять. Погребенное под тоннами лишнего груза, маленькое, беззащитное и забывшее о том, что оно такое. И я не испытываю к нему уважения. А это… То, чем вы, по вашему мнению, являетесь… Всего лишь искусственная оболочка вроде твидового плаща. Фальш, обман и дешевка.

Соломон встретился с ним взглядом – и в самом деле вздрогнул, только мысленно. Энглин смотрело на него с нескрываемым презрением, как смотрят на что-то раздражающее и откровенно неприятное. Например, на манекен, которому кто-то шутки ради подрисовал глаза. Странное дело, под этим взглядом он почувствовал себя до крайности неуютно – словно бесполое и лишенное возраста существо каким-то невообразимым волшебством на секунду и в самом деле превратило его в неодушевленный предмет, рядящийся под живого человека. К счастью, дисциплинированность и самоконтроль «Бейли» быстро пришли на помощь.

- Ваши суждения о человеческой душе интереса для следствия не представляют, - Соломон нарочито вежливо улыбнулся и шагнул к двери, - От лица Транс-Пола благодарю вас за сотрудничество.

- Катитесь, - беззлобно буркнуло Энглин, отворачиваясь, - И лучше не выключайте свой «отрубатор» до того, как закроете за собой дверь. А то услышите еще больше.

Соломон охотно воспользовался его советом.

К дому Соломона «Лексус-Москвич» подполз уже в сумерках. Фуджитсу тонул в липкой, зарождавшейся у горизонта, темноте, его обелиски серого камня превращались в полные звезд коробки – в каждой светились сотни окон-огоньков. Настоящих звезд видно не было, вместо них над головами клубилось месиво сродни тому, что бывает обычно в вымоине после дождя - грязь вперемешку с мутной водой.

Соломон ощущал себя уставшим, даже иррационально-уставшим. Точно прошедший день был бесконечной продувочной трубой в каком-то цеху, где его тело потоком воздуха несло вперед сквозь сухие клочья паутины. Выматывающий день. Суматоха, даже пообедать не успел. Нейро-софт, нейро-вандалы, нейро…

Он никогда не любил сумерки, странное время между днем и ночью, тревожное, муторное, наполняющее душу чем-то холодным и тягучим. Возможно, стоило поставить модуль «Чарующий закат», предлагали же когда-то с хорошей скидкой… Поставить – и навеки избавиться от этого ощущения неуютности, которое овладевает им в этом время суток.

Соломон улыбнулся – сам себе. Может, поэтому улыбка получилась вялой, какой-то ненастоящей, как глянцевое изображение блюд на витрине ресторана. Так просто полюбить сумерки. Сунуть кредитную карточку в щель нейро-корректора, нажать несколько клавиш на клавиатуре, опустить на голову обруч и прикрыть на секунду глаза. Когда он откроет глаза, сумерки уже не будут казаться ему тревожными, напротив, мягкими и уютными, как тяжелая домашняя штора. Проще некуда. Но…

Как знать, вдруг это странное существо по имени Энглин, не так уж и заблуждается?

«Глупости, - сказал сам себе Соломон, наблюдая за тем, как серая полоса асфальта с шуршанием втягивается под массивный капот автомобиля, - Сам себя растравил. Это все Эмпирей Тодд… Некоторые люди просто не знают, когда надо остановиться, не знают чувства меры. Для некоторых нейро-софт просто становится фетишем, культом, вот они и теряют голову… Разумный взвешенный подход и голова на плечах – вот и все, что необходимо, когда имеешь с этим дело. У меня голова на плечах

есть».

Но внутренний голос, зудевший всю дорогу злым болотным комаром, не успокаивался, сбивал с мысли, чего-то требовал, не намереваясь замолкать.

«Ты можешь поставить себе еще пять, десять, сорок нейро-модулей, - говорил он, - Ты можешь полюбить сумерки, котов, запеканку с ревенем и хоккей. Ты часто уверял себя в том, что нейро-софт, в сущности, неопасен, он – лишь костыли и распорки, которые помогают твоему характеру выдерживать постоянство. Но коль скоро ты начинаешь диктовать сам себе, что тебе любить, не время ли задуматься о том, не много ли каменных глыб ты водрузил себе на загривок? И помнишь ли ты Соломона Пять таким, каким он был сорок шесть итераций назад?.. Может, ты уже давно не Соломон Пять, а просто искусственный комплекс симпатий, антипатий и воззрений, сплетенный вместе нейро-нитью. Комплекс, ходящий на двух ногах и искренне считающий, будто он и есть Соломон Пять?..»

«Парадокс Арго», вспомнил Соломон, вот как это называется. Еще в университете проходили. Если в старом корабле из года в год проводить ремонт, меняя доски и оснастку, рано или поздно возникнет вопрос – тот ли это корабль, что был, или уже совершенно новый, просто повторяющий форму старого? И если новый, то в какой момент наступает это превращение?

А потом за поворотом мелькнули огни дома – и неприятные мысли ушли сами собой, растворились в зарождающейся ночи. Дом был небольшим, двухэтажным, тоже немножко старомодным. Но это был его, Соломона, дом. Дом, в котором его ждут.

Он завел «Лексус-Москвич» в гараж, выключил двигатель и подошел к входной двери. Он знал, что та распахнется быстро, стоит ему коснуться пальцем звонка, но специально тянул секунды, замедляя шаг. Собственные мысли, досаждавшие всю дорогу, уже казались ему мелочными и нелепыми. Нейро-модули, вздор какой… Он – это он. И в одном доме из нескольких сотен тысяч домов Фуджитсу его ждут и любят. Его, Соломона Пять, только его и никого кроме. Настоящего.

Соломон позвонил в дверь и та действительно почти тотчас распахнулась. На пороге стояла Анна. В пушистом белом халате, с россыпью золотых локонов на плечах, она распространяла вокруг себя ауру безмятежного тепла – и Соломону на миг показалось, что его окружает не зябкий осенний вечер, а ласковое дуновение тропического острова.

Обычно Анна приникала к нему и втягивала внутрь. Он любил мягкое прикосновение теплых и неожиданно сильных рук, любил ее сияющий взгляд, устремленный в упор, запах ее волос,

похожий на запах каких-то неведомых цветущих растений. Но в этот раз Анна не стала его обнимать. Напротив, отстранилась с вежливым недоумением на прекрасном лице.

- Кажется, вы задержались на работе, господин Пять? – сказала она, ослепительно улыбаясь, в нарочитой строгости ее голоса угадывалась тлеющая страсть, - Это очень, очень плохо. У нас по этому поводу будет серьезный разговор!..

ГЛАВА 5

Баросса нашел Соломона в участковой картотеке. Едва ли ему долго пришлось искать – последние два дня Соломон провел именно здесь, в тесном закутке, уставленном десятками стальных стеллажей и шкафов. Пожелтевшие от времени картонные папки занимали все свободное пространство. Соломон снимал их с полок по очереди, развязывал трещащие от старости тесемки – и вытаскивал документы.

Рапорты, донесения, отчеты, информационные сводки, статистические выкладки, докладные, протоколы, пояснительные, квартальные справки, выписки, извещения и рабочие записи. Невообразимое множество листов бумаги, исписанных неровным почерком или шаблонными ровными строками печатных машинок. Атмосфера тут была тяжелая, душная, может, оттого, что окон в комнатушке не планировалось изначально. Неудивительно, что в участке ее именовали Склепом Мертвых Документов.

Запах здесь тоже царил своеобразный, запах старой бумаги и картона. Поначалу он нравился Соломону, было в нем что-то от благородного аромата старинных фолиантов, но со временем этот запах сделался невыносим. От тусклого освещения слезились глаза, от духоты ныл правый висок.

- Вот, значит, где ты коротаешь время, - сказал Баросса, с усмешкой обозревая заваленный документами стол, над которым нависал Соломон, - Ребята из отдела сказали, ты решил удалиться от мира и стать отшельником. Уютное местечко. Правда, слишком много пыли, как по мне. Впрочем, если один из способов угнетения плоти…

- Смейся, смейся… - Соломон даже не поднял головы, - Как бы потом не пришлось раскаиваться.

- Все мусолишь дело Эмпирея Тодда?

- Да.

- И как?

- То же самое, что вытягивать из болота грузовик, - Соломон позволил себе прикрыть на несколько секунд глаза. Облегчения это не принесло, только острую резь под веками от всепроникающей бумажной пыли, - Причем уже после того, как он ушел на дно. Вчера весь день наводил справки. Чуть телефонная трубка к уху не приросла. Похищенный софт нигде не всплывал, ни целиком, ни по частям. Я говорил с менеджерами из «Мафии», с коллекционерами, с завязавшими ворами, даже с

министерствами иностранных дел Сони и Тойоты. Ноль. Ничего. Даже на черном рынке, насколько мне известно, этот софт не всплывал. Одним словом, канул без следа.

Баросса осторожно привалился широкой спиной к стене, тщательно пытаясь не задеть ни одного из пыльных шкафов. Любому из них он мог дать фору, если бы кто-то вздумал сравнивать их габариты.

- Чего ты вообще схватился за это дело? – спросил он, - Нейро-кражи – не твой конек. Гоняй уличную шпану, хватай подпольных букмекеров, допрашивай взяточников… Почему нейро-софт?

- Не знаю, - признался Соломон, - Но это дело меня увлекло. Есть в нем что-то… не знаю. Что-то странное, необъяснимое. Вроде бы лежащее у поверхности, но все равно какое-то загадочное. Таинственная кража, таинственный похититель – так ведь, кажется, всегда начинаются хорошие детективы.

- Только те, что в мягких обложках, - Баросса изобразил зевок, вышло достаточно натурально, - Теперь, значит, решил покорить бездны архивов? Что ты пытаешься найти среди этого хлама?

- То, что должен был начать искать с самого начала. Иногда следы остаются не на мостовой, а на бумаге. И именно эти следы я хочу найти.

- И какого рода следы тебя заинтересовали?

- Просто ищу аналогичные случаи в недалеком прошлом Фуджитсу. Случаи столь же дерзкого и необычного похищения нейро-софта. Раз наш воришка – профессионал, вполне может быть, что Эмпирей Тодд – не первая его жертва. На ком-то же он должен был набить руку…

- Допустим, - кивнул Барроса, сделавшись серьезным, - Допустим. Я даже помню нечто похожее. Была одна необычная кража в прошлом году…

Соломон кивнул.

- В октябре. Уже нашел.

- Может быть. Но и в тот раз все закончилось пшиком. Преступника не нашли.

- Если мы знаем о двух случаях, вполне может быть, что речь идет и о десяти. Или двадцати. Просто никто не занимался этим дотошно, верно? Куда проще списать все на нейро-хулиганов и задвинуть папку в темный угол архива.

- Ты стал опытным детективом Транс-Пола, - Баросса одобрительно кивнул, - Теперь ты понимаешь суть.

- То октябрьское дело спихивали друг на друга до тех пор, пока оно не оказалось в архиве. Точно так же, как ты сам спихнул

мне Эмпирея Тодда. Как знать, сколько обобранных до нитки бедняг встретится мне еще под слоем вековой паутины?

Баросса пожал своими широкими плечами. Задетым он не выглядел.

- Подобные случаи чрезвычайно редки, Соломон, не рой землю копытом. Даже если ты найдешь несколько схожих, нельзя просто обвести их карандашом и сделать переменными одного и того же уравнения. Это было бы слишком легко.

- У нас есть преступления с характерным почерком. А значит, всегда есть…

- Дело уже закрыто, - сказал Баросса, голос его прозвучал неожиданно тихо, - И ты бы знал об этом, если б не сидел здесь безвылазно, нюхая прошлогоднюю пыль. Господин Эмпирей Тодд уже никогда не вернет себе свою собственность.

- Не закрыто, - возразил Соломон, - Пока еще нет. И не будет закрыто, пока я не вытащу на свет то, что ищу… Кстати, благодарю покорно за информатора. Где ты откопал такое чудовище?

- Полагаю, вы мило пообщались.

- Еще как. Но что это за странное создание?

- Энглин? А что такое? – притворно удивился Баросса, ущипнув себя за ус, - Вы быстро нашли общий язык?

- Совершенно безумное существо, аж дрожь берет, - признался Соломон, - Стыдно сказать, я так и не понял, какого оно пола.

Баросса хохотнул.

- Ну, это, старик, загадка века. Я ее тоже не решил. И сомневаюсь, что кто-то вообще способен ее решить. В какой-то момент я просто подумал, что дальнейшее любопытство невежливо. В конце концов, нельзя же требовать у мира раскрыть все его загадки?

- Но почему… Я имею в виду, что оно вообще такое, это Энглин? – не выдержал Соломон. Напряжение последних дней и душная замкнутая комната лишили его привычной сосредоточенности, - Ты, как я понимаю, вел с ним дела? Никогда не поверю, что ты способен общаться с информатором, совершенно не представляя его подноготную. Только не ты.

Но Барросу таким выпадом было не пробить. Для того, чтоб потопить его огромный пиратский бриг, требовалось орудие совсем другого калибра.

- Что такое Энглин?.. – он приподнял густые брови, - Человек, я полагаю.

- Очень смешно. Но без ответа я не останусь, не надейся. Что это за человек?

- Человек, который мне немного обязан. Не настолько сильно,

чтоб я этим злоупотреблял. Но достаточно, чтоб предоставлять мне консультации время от времени.

- Чертовски странный человек, я бы сказал. Как будто… Нет, не знаю. Какое-то совершенно увечное мышление, дерзость, путанность…

- Да, у него или нее необычная манера общения. Но я никогда не придавал этому большого значения, мне куда важнее то, что оно может мне дать.

- Оно было нейро-вандалом, так ведь? – напрямик спросил Соломон.

- Так, - подтвердил Баросса, делая вид, что разглядывает обложку какой-то пыльной папки, - Наверняка. Но уже давно этим не занимается. Скажем так, этот человек в свое время оказался неспособен сотрудничать с другими представителями своего вида. И стал изгоем. Был вышвырнут из закрытого круга нейро-вандалов в наш мир, мир обычных скучных людей и никчемных бумаг. Это не просто исключение из клуба, это жестокое наказание. То же самое, что пинком скинуть с Олимпа на грешную землю.

- У этого наказания была причина?

Баросса ковырнул пальцем корешок какого-то каталога и брезгливо сдул с ногтя пыль.

- Конечно. И был виновник. Скажем так, существо, которое ты знаешь как Энглин, сделало то, что не следовало делать. Или то, что другие нейро-вандалы сочли предосудительным. А они весьма скоры на суд, даже в отношении себе подобных. Наказание было скорым и достаточно жестоким. И я имею в виду не просто остракизм.

Соломон напрягся. Он вспомнил странные манеры странного существа – и странные слова, некоторые из которых за прошедшие дни так и не удалось вытряхнуть из памяти.

- Они сделали с ним что-то, верно? Не просто сослали? В чем заключалось наказание?

Баросса взглянул на Соломона едва ли не с сочувствием.

- А ты не понял? До сих пор не понял? Эх ты… Я-то всегда полагал, будто у тебя острый ум и развитая наблюдательность.

- Ни черта я не понял, - огрызнулся Соломон, - И буду благодарен, если растолкуешь.

- Извини, старик. Но я не чувствую себя вправе говорить о таких вещах. Хочешь – спроси Энглин. В сущности, оно милое создание, если не считать некоторых… Ну, ты сам знаешь. Впрочем, теперь, когда дело Эмпирея Тодда закрыто…

- Не закрыто! И не будет закрыто, пока я не найду того, что ищу!

Баросса положил ему руку на плечо. Осторожно, как касаются взведенной бомбы. Ладонь у него была тяжелая, но ее тяжесть не вызывала дискомфорта.

- Соломон, ты что, не понял? Дело закрыто. Сегодня утром, в десять часов. Комиссар Бобель подписал все бумаги.

- Почему вдруг закрыто? – не понял Соломон, - Кража произошла всего пять дней назад!

- Да, всего пять дней. Но вернуть украденную собственность потерпевшему ты уже не сможешь. Даже если превратишься в мумию среди здешних скрижалей.

- Почему? – поднял голову Соломон.

- Потому что господин Эмпирей Тодд скончался сегодня утром.

Соломон уставился на Бароссу снизу вверх. Черные глаза детектива Бароссы, обычно насмешливые и часто подмигивающие, были торжественно-печальны. Не шутка. Да и кто шутит такими вещами.

- Умер? Убит?

- Нет. Самоубийство, - Баросса развел руками, и этот жест дался ему с трудом, учитывая объем комнаты, - Самое обычное самоубийство.

Соломон не знал, что сказать, поэтому безотчетно сказал самую глупую вещь из всех возможных:

- Этого не может быть.

Баросса лишь вздохнул:

- Это случилось. Полчаса назад я был на месте его смерти. Самоубийство.

- Стой, стой, стой… Да не мог он убить себя! Он жил надеждой на то, что ему вернут его нейро-софт!

- Угу. Его нейро-душу. Видно, не дождался. Винить некого.

- Пять дней!..

- Пять вечностей муки, - Баросса взял с полки какую-то папку наугад, брезгливо перелистнул несколько желтоватых страниц, нахмурился, - Знаешь, подводные лодки обыкновенно лопаются, оказавшись на критической глубине, если у них нет достаточного прочной обшивки, позволяющей выдержать давление. Как оказалось, у Эмпирея Тодда не было своей природной брони. Он держался, сколько мог, а потом его просто раздавило.

- Уверенные в себе взрослые мужчины не сводят счеты с жизнью из-за каких-то нейро-модулей!

- Под слоем нейро-модулей, как оказалось, скрывался слишком слабый человек. Печальная, глупая картина. Но что ж с того.

- Где его нашли? – спросил Соломон, теребя край папки,

которую до этого просматривал.

- Тело нашли в его собственной квартире. Записки не оставил.

- Как он умер?

- Не слишком изобретательно. Взял нож для бумаг у себя в кабинете и перерезал вены на руках. Получилось не очень опрятно. Но достаточно эффективно.

Соломон вспомнил Эмпирея Тодда – бледное человекоподобное существо в дорогом сером костюме. Вспомнил его прыгающий подбородок и подрагивающие пальцы, страдание в голосе и опустошенность в глазах. Этот человек был пуст, когда зашел в кабинет детектива Соломона Пять.

«Украли меня! Понимаете? Мою суть. Душу мою. Всего… всего меня. Верните. Верните, умоляю вас! Пустота… Как вакуум в груди. Верните меня! Настоящего меня! Денег не жалко, черт с деньгами… Но душу…»

И он, детектив Соломон Пять, даже не понял, насколько пуст был господин Эмпирей Тодд. Ныне уже не господин, да и не Эмпирей Тодд, а сверток на холодной полке прозекторской комнаты. Человек, потерявший самого себя и не способный жить с этой потерей.

- Это могло быть замаскированное убийство, - сказал Соломон, понимая, что голос его звучит без особой убежденности, - Об этом ты подумал?

- Первым же делом. Но… - Баросса неопределенно пошевелил пальцами, - Это все-таки самоубийство. Дверь заперта изнутри, а привратник показал под присягой, что этим утром в дом не заходил ни один человек. Сам понимаешь. Он сломался, просто сломался. Так бывает.

Соломон потер лоб. Где-то в голове блуждала мысль, настолько слабая и размытая, что ее невозможно было зафиксировать и расшифровать.

- Я видел его спустя три дня после кражи. Он был подавлен, ужасно выглядел, но он был жив.

- Значит, следующие два дня многие изменили в его отношениях с жизнью. Сам понимаешь, никто не может вечно терпеть депрессию. Он превысил запас прочности своей психики и… - Баросса щелкнул языком и быстро чиркнул пальцем по своему же запястью, - Тянул, сколько мог, потом все. Раздавлен, как подводная лодка. Ну и хватит о нем. Давай, складывай свои ветхие бумажки. Успеем перехватить по порции сашими на углу. Эй!

Соломон рассеянно смотрел на папку перед собой, даже не пытаясь ее закрыть.

- Да, - сказал он невпопад, облизнув губы, - Ты иди. Я… потом. Хочу еще кое-что посмотреть.

Баросса покачал головой.

- Что толку?

- Не знаю.

- Даже если ты найдешь таинственного похитителя, Эмпирею Тодду это уже не поможет. Он ушел туда, где нейро-модули отбирают на входе.

- Он ушел. Но тот, кто обрек его на смерть, остался. А значит, преступление может быть раскрыто.

Баросса внимательно вгляделся в лицо Соломона. Кажется, увиденное его не обрадовало – на пиратском лице с ухоженными усами появилось выражение легкой тревоги.

- Что это ты так, старик? У самого-то все в порядке?

- В полном, - сказал Соломон с усмешкой.

Но провести Бароссу искусственной улыбкой было не проще, чем всучить прожженному корсару фальшивый дублон.

- Дома? – только и спросил он, сам мрачнея.

Старенький «Бейли» не был приспособлен для игры на тонких струнах. Это была простая, проверенная временем модель, с которой Соломон сроднился, как с «Лексусом-Москвичом». Если ты – «Бейли» - ты априори немного простодушен и прям. Многозначительные улыбки, ловкие смены темы, филигранно-отточенные жесты – это все тебе недоступно, если ты любишь старомодные вещи и безапелляционно-устаревшие нейро-модели. Соломон почувствовал, что не сможет ни отшутиться, ни смолчать.

- Дома, - неохотно сказал он, - Ничего, ерунда. Это Анна…

- Она опять заставляет тебя выкинуть на помойку ту помесь асфальтового катка со стиральной машинкой, которой ты пугаешь людей на улицах?

- Если бы. В этот раз она поставила себе «Солнечно-лиловый бархат».

Баросса щелкнул пальцами.

- Это из «Весны любви нашей»? Смотрел. Довольно миленькая лента. А "Бархат" видел у пары знакомых девушек, смотрится весьма свежо. Правда, на черном рынке уже десятки подделок. И «Солнично-леловый бархат» и «Солнячно-лиловый бархот»… Подделку, как ни крути, сразу видно. Например, у некоторых вдруг начинают ни с того, ни с сего косить глаза. Забавно выглядит. Коротышка Лью как раз вчера рассказывал про одну девицу, которая поставила себе дешевый «Бархат» с черного рынка… Польстилась на цену. После этого стала общаться исключительно на мандаринском диалекте. Вдобавок стала

феминисткой и немного расисткой. Вот что бывает от контрафакта… Стой, а что твоя Анна?

- В норме, - сказал Соломон вяло. Он и чувствовал себя сейчас как вялая сморщенная рыба, пролежавшая два дня на прилавке, - Мы с Анной когда-то смотрели этот фильм, нам обоим нравился. Но я не думал, что она решится ставить нейро-модуль сама, не посоветовавшись со мной!

- Это же ее модуль.

- Но отношения-то - наши! Нельзя же просто так взять и…

- Женщины! – сказал Баросса убежденно и так веско подмигнул Соломону, словно это слово само по себе означало что-то важное.

Соломон в задумчивости уставился на газету, тоже желтую и полуистлевшую, забытую, наверно, в архиве кем-то из его предшественников. Она возвещала премьеру нового фильма с Керти Райфом и Джули Хоа и пестрела изображениями пистолетов, курящихся сигар и старомодных шляп. Насколько помнил Соломон, Керти Райф умер более пяти лет назад. Заголовок на первой полосе обещал, что уже в этом году гражданам Фуджитсу будет доступен нейро-софт нового поколения, дающий контроль над новым спектром эмоций и чувств, не имеющий аналогов.

- Я просто был немного не готов, наверно, - сказал Соломон, откладывая никчемную газету в сторону, - Ну это как… Как сменить прическу, например, или цвет волос. Непривычно и смущает поначалу.

- У нее теперь улыбка и страстность от Виктории Фукс, старик, а это что-то да значит! Мне было бы приятно, встречай меня кто-то после службы с подобным темпераментом.

- Да фильм-то хороший, - с досадой сказал Соломон, - Только я-то не из фильма. Всякий раз, когда Анна изображает эти фирменные приемчики звездной актрисы, мне постоянно кажется, что адресованы они не мне, а какому-то кино-персонажу. Словно я случайно занял чье-то чужое место на экране.

- Поставь себе «Твид, табак и страсть», - предложил Баросса, - Только и всего.

Соломон скривился.

- Чтобы научиться говорить с пафосом «Я давно ждал этого разговора, госпожа Пять, и настроен я тоже очень серьезно!». Умоляю тебя! Каждый раз, когда я видел этого типа на экране, мне казалось, что у него расстройство желудка и гайморит одновременно. Я не хочу уметь говорить подобные глупости! И ладно бы, это было просто лицемерие… Но это, в конце концов, просто отвратительно! Я не хочу быть таким, как этот хлыщ из

кинофильма!

Баросса мягко улыбнулся, что было ему не свойственно – его собственная нейро-модель располагала к хищным и хорошо очерченным улыбкам, которые сложно не заметить. Такими улыбками обычно улыбаются акулы.

- Но твоя жена, видимо, хочет. Ну нравится ей этот фильм, так пойди ей навстречу. Не самая ужасная жертва, согласись. Будете идеальной парой.

- Но она – не Виктория Фукс, а я – не Рейт Бади! И мы живем не в кинофильме, - Соломон с раздражением встал и прошелся по комнате, огибая пыльные стеллажи, - К тому же эта сцена жутко искусственна и фальшива! Я не верю, что любящие супруги могут так вести себя друг с другом!

- Кинофильм, не кинофильм… Все вокруг нас условно. Сам же знаешь, после нейро-коррекции тебе покажется, что нет ничего естественнее и приятнее, чем это трогательное единение двух любящих сердец.

Соломон остановился посреди комнаты. Он только сейчас почувствовал, до чего же душно в этой пыльной каморке, где хранятся пожелтевшие документы – слепки с давно умерших и никому не интересных людей. Набрать бы полную грудь воздуха… Рука дернулась к шее, чтобы ослабить галстук, но на полпути вспомнила, что галстука на шее нет.

- Просто если я научусь говорить подобную глупость и, главное, считать ее естественной и нормальной, это будет значить, что эта частичка меня – уже не вполне я. Неужели не понимаешь? Это будет не просто обычная нейро-коррекция. Одно дело – получить вместе с инъекцией в мозг повышенное внимание или смелость или терпение – это контролируемое развитие личности и ничего более – но осознанно давить собственные чувства!..

- О, - брови Бароссы взметнулись вверх двумя косыми парусами, - Кто это говорит? Неужели сам Соломон «Стук Закона» Пять?

- Ай, брось… Не надоело еще, за столько лет?

- У тебя просто хандра на фоне неудачного дела, вот что. Ты устал и выжал сам себя, как белье. Настоящее, не настоящее… Как можно определить, что из ощущаемого нами настоящее, а что нет? Как можно мерить чувства математическими мерками, исчисляя их единицами и нулями? К примеру, в детстве тебя напугал рыжий человек – и ты всю жизнь будешь с опаской относится к рыжим? Истинно ли это чувство?

- Да, - помешкав, сказал Соломон, - Потому что оно природно, дано мне…

- Кем? – прищурился Баросса, - Небом? Великим Макаронным Монстром? Тобой самим?

- Нет. Скорее, обстоятельствами. И еще генами.

- Послушайте его! Поборник природности! Что такое обстоятельства, если не цепь событий? Что такое гены, если не примитивный механизм передачи данных? Человек с самого своего появления только и занимался тем, что подстраивал под себя обстоятельства и ломал гены. Ему не нравилось то обстоятельство, что ночью темно – и он придумал огонь, а затем – электричество. Ему не хотелось болеть наследственными болезнями – и он принимал лекарства, безжалостно подавляя перхающий сквозь столетия голос предков.

- Всегда можно провести линию между исходным и наносным.

- Продолжай в том же духе, и сам не заметишь, как запишешься в секту Природников. Отключишь все нейро-модули и станешь распевать гимны храму человеческого сознания, сидя где-нибудь на обочине шоссе.

- Я никогда не боялся нейро-софта, - твердо сказал Соломон, - Более того, я охотно устанавливал софт, который, как мне казалось, усиливает отдельные стороны моего характера или компенсирует врожденные слабости. Но тут другое. Это не просто необходимая модификация психики, это насильственное замещение одних представлений другими. И не моими, а совершенно чужими. Скажи, только я чувствую себя неуютно, когда думаю об этом?

- Это проблема твоего восприятия, - убежденно сказал Баросса, - Ты так боишься одной-единственной клетки, что не замечаешь миллионов других прутьев, которые окружают тебя сплошь и рядом. Наша личность, каждая ее часть, не дарована нам свыше и не создана нами самими. Каждая наша психологическая черта, каждый паттерн – всего лишь отпечаток обстоятельств и генов на сыром тесте того, что рано или поздно превращается в личность. Тебя напугал рыжий – и всю жизнь ты будешь испытывать безотчетный страх перед рыжими, справедливо ли это? Это ли не клетка? Позволить слепому случаю и бездушной природе определять самую важную вещь, которая существует для человека, его суть? Доверить случайностям и вереницам непредсказуемых событий лепить из человека то, что им заблагорассудится?

- Случайности непредсказуемы, - хмыкнул Соломон, - Они не могут осознанно лепить из человека что бы то ни было.

- Именно. Именно! – Баросса схватил Соломона за рукав и притянул к себе, с такой силой, что тот чуть не упал, -

Случайности – это хаос, бессмыслица. Они бомбардируют человека метеоритным дождем непредсказуемых событий, оставляя на поверхности его психики миллионы кратеров сродни тем, что покрывают Луну. Вот почему в прошлом так много было неуравновешенных или откровенно безумных людей. Представь, что станется со статуей, которую лепят двадцать тысяч скульпторов или с пирогом, который готовят миллион поваров. Нагромождение глупых и противоречащих друг другу частей – вот что будет! Нет уж, господин природник, я считаю, что человеку мыслящему позволительно самому решать, что является для него благом.

- Человек мыслящий всегда свободен, - пробормотал Соломон, высвобождаясь из хватки Бароссы и потирая плечо, - А нейро-софт не оставляет свободы. Он просто ложится поверх тебя – и подчиняет твои мысли.

Но Баросса так легко не сдавался. Он вообще никогда не сдавался. Вот и сейчас глаза его полыхнули – точно он готовился выхватить абордажный палаш и с ликующим криком обрушиться на вражескую палубу.

- Только нейро-софт и дает настоящую свободу! Ты всегда можешь сделать выбор, какой модуль ставить и какую модель. Выбор – единственная возможная основа свободы, разве не так? Природа не оставляет тебе выбора. Ты никогда не сможешь стать чувственным, если родился толстокожим, ты никогда не ощутишь подлинный аромат розы, если с рождения не любишь цветов. Природа не дала нам свободы. Нейро-софт – дал.

- То есть, подавляя свои врожденные чувства чувствами из пробирки, мы делаемся свободнее?

- Десять премиальных баллов получает детектив Соломон Пять из Транс-Пола, Фуджитсу, за правильный ответ!

- Возможность выбирать между рабством у разных хозяев – это еще не свобода.

- Свобода… - недовольно пробормотал Баросса, как бы пробуя это слово на вкус. Судя по всему, вкус у этого слова оказался неважный, - Свободу идеализируют те, кто сами себя загоняет в жесткие рамки своими страхами, комплексами и подавленными желаниями. Несчастный человек всегда будет ныть о свободе, причем неважно, как он ее видит. Счастливый никогда о ней не задумается. Свобода… Ох уж этот мифологический зверь! Свобода! Ты всего лишь книга, Соломон. Как и я. Как любой другой!

- Книга? – не понял Соломон.

Баросса, не глядя, схватил первую попавшуюся папку из стеллажа, рванул завязки, обнажив пожелтевшие, как кожа

больного гепатитом, бумаги – какие-то рапорты и донесения. Листы беспомощно топорщились в его сильных пальцах.

- Да, книга. Прошитая книга с листами внутри. Нейро-софт дает тебе возможность выкидывать старые листы и заменять их новыми. Редактировать самого себя или, как сказали бы в древности, переписывать книгу своей судьбы.

- И чем мы заполняем эти книги? Чужими чувствами и придуманными другими людьми эмоциями? Во что эта книга превратится, если не глядя вырывать из нее листы и заменять теми, что тебе нравятся? Книга ведь тем и хороша, что имеет жестко заданный автором порядок прочтения. Вырви одну страницу из начала, одну из конца, перепиши половину как тебе угодно – и эта книга будет годна только на розжиг костра.

- Это прозвучало бы даже трогательно, будь меньше патетики в голосе, старик. Ты просто хандришь, вот что. Ну и раскис немного.

- Сейчас посоветуешь мне нейро-модуль для оптимизма? – кисло улыбнулся Соломон.

Баросса подмигнул ему.

- Ничуть. Если все вокруг станут веселы и спокойны, мне станет скучно. Ставь «Твид, табак и страсть». Порадуй жену и вспомни молодость. Тогда и над провальными делами чахнуть перестанешь.

Баросса был прав, Соломон и сам это понимал, сопротивляясь больше по привычке, чем из серьезной необходимости. К тому же он отлично понимал уязвимость своей позиции. Нежелание менять свойства собственной личности всегда можно объяснить затаенным страхом перед нейро-коррекцией. Говорят, если человек боится врачей, его не затащишь в больницу, даже когда он окажется на пороге смерти…

«Я не боюсь нейро-модулей, - подумал Соломон, глядя как Барроса, дурачась, крутит старую папку, - У меня сорок шесть дырок в мозгу. И к тому моменту, когда я выйду на пенсию, станет еще больше. На две, или на пятнадцать, или на сорок. Возможно, когда-нибудь я буду вспоминать себя сегодняшнего и чувствовать себя совершенно другим человеком. Да и быть им».

- Ты прав, приятель. Я просто не в духе. Знаешь, первый нейро-модуль мне поставили в восемь лет. Меня укусила оса. Даже не помню, как она меня укусила, но помню, что было очень больно. Ужасно больно. Я расплакался и с тех пор стал ужасно бояться ос. Стоило только увидеть осу или услышать жужжание, как я цепенел от страха. Родители посовещались и на день рожденья подарил мне первый нейро-модуль. Тогда я не очень понимал, что это такое, но они объяснили, что в нем нет ничего

опасного. Я просто сяду в удобное кресло, на секунду закрою глаза, а когда открою их – перестану бояться ос. Так и произошло. С тех я уже много лет не боюсь ос. Они мне совершенно безразличны. Я даже могу держать осу на ладони. Стал ли я лучше в тот момент, когда цепь неконтролируемых событий вызвала у меня стабильный приобретенный рефлекс, заставляющий бояться до одури? Стал ли я хуже, когда заменил его тем, что счел более нужным?

- И каков вывод эксперта? – с улыбкой спросил Баросса.

Соломон почувствовал, что готов улыбнуться в ответ.

- Вывод прост – нечего искать смысл там, где его не может быть. В каком порядке бы ты ни расставлял листы в книге, обложка-то останется прежней.

- Молодец. Ты не из тех, кто умеет долго предаваться апатии. А теперь давай выберемся из этой обители тлена. Кажется, я уже заработал жесточайшую аллергию на пыль. Держи.

Баросса бросил папку, которую крутил в руках, на стол и рассмеялся тому, как неуклюже Соломон попытался ее поймать. От удара папка раскрылась и исписанные листы бумаги разлетелись по кабинету раненными трепещущими птицами. Соломон стал поспешно собирать их.

Что ж, нейро-модуль – так нейро-модуль. Сорок шесть или сорок семь – велика ли разница? Если Анне нужна чувственность, как на экране, он, Соломон Пять, вполне может ее предоставить. Потому что человек – всего лишь книга…

Рука, держащая один из исписанных листов, замерла. Соломон сам не сразу сообразил, отчего это произошло, и лишь спустя мгновенье или два понял, что уже читает какой-то текст, написанный незнакомой рукой. Должно быть, пока он предавался размышлениям, глаз рефлекторно выхватил из угловатых закорючек что-то осмысленное и нужное. Что-то, что мозг пока еще не успел проанализировать. Что-то, что…

- Чего застыл? – спросил от двери Баросса, - Сашими, помнишь? Впрочем, если ты окончательно перешел на питание бумажной пылью…

Соломон даже не услышал его. Отложил тот лист, что держал в руках, подхватил второй, затем третий.

- Великий Макаронный Монстр… - пробормотал он, лихорадочно раскладывая бумажные листы на столе, - Великий Ма… Нет, Баросса, дело Эмпирея Тодда не закрыто. Отнюдь не закрыто. Штука в том, что оно только начинается.

ГЛАВА 6

Коротышке Лью ужасно хотелось курить. Он теребил свою потертую трубку, перекидывал ее из руки в руку, даже посасывал чубук, но, натыкаясь на взгляд Бароссы, убирал ее в карман – чтобы через минуту вытащить вновь. В кабинете Бароссы, единственном помещении, где могли с относительным удобством расположиться четверо мужчин, курить было не принято.

- Система, система… - капризно пробормотал Коротышка Лью, в очередной раз пряча трубку, - Все уши прожужжали уже. А где она, система? С чего вы решили, что Эмпирод… Эмпирей Тодд был частью какой-то системы? Что это за выводы такие? Мало, что ли, воруют нейро-софта? Там украли, тут украли… Так нет же – система!..

- Вот, - сказал Соломон, поднимая стопку исписанных листов с лиловым штампом архива в каждом углу, - Гляди, Лью. Вот это открыло нам глаза. Случай Эмпирея Тодда с самого начала показался мне странным, необычным. Но даже странные вещи иногда бывают связаны друг с другом. А здесь связь очевидна.

- Судя по всему, находка относится к Меловому периоду, - буркнул со своего места Маркес. Он не успел пообедать, и теперь был желчен и ворчлив, а в анфас походил на саркастичную, глядящую исподлобья, птицу.

Баросса дернул себя за ус. И хоть жест этот не был ни угрожающим, ни даже осмысленным, все присутствующие вдруг замолчали и стали ждать, что он скажет.

- Этим бумажкам максимум шесть лет, - сказал Баросса негромко, - Мы все работали в этом участке последние десять лет. Но никто из нас этого не вспомнил. Хотя каждый мог. Здесь не требовалось особой дедукции, требовалось лишь обобщить то, что было записано и прошито.

- У меня каждый день по дюжине дел, - дернул плечом Маркес, - Долго же придется обобщать…

- Речь идет об убийстве, - напомнил Соломон, - Но в свете новых фактов можно говорить даже о серии убийств.

Коротышка Лью насмешливо выпятил губу:

- Серия! В этой стране покойники возникают по любому поводу и сразу сериями. Мне сегодня дельце подкинули… Не дело, а какой-то, понимаете, анекдот. С лирическим началом и драматическим финалом. Представьте себе, один парень воспылал страстью к девушке…

- Лью, мы собрались здесь не для того, чтоб слушать твои

истории, - сказал Баросса.

Но ничего, конечно, этим не добился. Вспомнив какую-то историю, Коротышка Лью не успокаивался, пока не рассказывал ее до конца. Это было неотъемлемое свойство его бесполезно-кипучей и нерационально-энергичной натуры.

- Парень был настроен серьезно, можно сказать, ужасно серьезно. Любовь, страсть, понимаете… Сердце там в груди бьется и все такое, по Шекспиру. Молодой, работящий, прилично зарабатывающий. В общем, неплохая партия, как для Фуджитсу. Девушка тоже была ничего. Красавица, отличное воспитание… Вот воспитание и сыграло с ней злую шутку. Давно еще говорили, все беды от просвещения…

- Судя по тому, что эту историю рассказываешь ты, ничем хорошим дело не закончилось, - вздохнул Маркес, с подозрением косясь на собственный галстук. Но галстук пока проявлял необычную покорность и не сбивался, - Дальше-то что?

- Дальше все серьезно – он сделал ей предложение. И, откровенно говоря, у него были шансы на успех. По крайней мере, он так считал. Но получил от ворот поворот. Оказалось, у него слишком прямолинейный характер для такой чувственной и красивой девушки. А каким еще быть, если работал на фабрике, Шекспира того же не читал, и вообще в чувственном не сильно разбирался? Но тут он настроился очень всерьез. Получив отказ, направился прямиком в ближайший нейро-центр – и поставил себе самый современный модуль. Стал тих, романтичен, возвышен и светел. На работе, конечно, от этого ничего хорошего не вышло, кому за станком этакий остолоп нужен, которого, того и гляди, на ленту намотает?.. Ну да о работе он в последнюю очередь думал. Запал он на эту девчонку смертельно. Направился к ней во второй раз. Теперь уже не в промасленной робе, а в костюме, с цветами, вином и томным взором наперевес. И… снова мимо. Перемену в его характере возлюбленная одобрила, но полностью удовлетворена не была. Ей показалось, что он слишком замкнут. Кому нужен муж, из которого и слова не выдавишь? О чем жене с ним говорить вечерами? Опять забраковали его, короче. Ну, вышел он – и пошел снова в нейро-центр. Заказал какой-то вербальный модуль последнего поколения – «Цицерон 8 Ультра» что ли… Говорлив стал необычайно. По любому поводу такой монолог завернуть мог, что уши наизнанку вывернет. На фабрике его, правда, новое достоинство опять не оценили. Там все больше руками работают, а не языком. И вновь он к своей Джульетте, понимаете ли, спешит, уверенный в том, что уж такого-то, романтичного и пылкого, его непременно примут.

Соломон тоскливо слушал историю Коротышки Лью, без всякого смысла сминая и разглаживая пожелтевшие листы. Никакого интереса злоключения влюбленного юноши у него не вызывали. Но, переглянувшись с Бароссой, он понял, что этот поток не остановить, пока не иссякнет питающая его емкость. А Коротышка Лью, позабыв про свою трубку, ожесточенно жестикулировал, едва не подпрыгивая в кресле. Слишком неуместные гримасы, слишком громкий голос, слишком напыщенные интонации, слишком резкие жесты – в этом человеке, невысоком и плотном, облаченном в потрепанный старый костюм, было слишком много лишнего и ненужного.

- И… опять не угодил! Оказалось, горящего взора и страстных речей было мало. Девушка заметила, что как жених он, конечно, стал несоизмеримо привлекательнее, однако же она еще не готова остановить на нем свой выбор. Потому что он, судя по всему, испытывает к ней исключительно романтические чувства, которые она не может разделить, поскольку любовь – это не только страсть, но и уважение… Да, некоторым юным особам вредно слишком много читать. Но парню-то поворачивать поздно было. Пошел он в нейро-центр и поставил еще один модуль, теперь уже для уважения. Чтоб уважать ее внутренний мир. Теперь он с великим восторгом выслушивал ее, что бы она ни сказала, и отмечал в ее словах извечную женскую мудрость, которой прежде не замечал, а также свежесть суждений и оригинальность взглядов…

- Ты убийца, Лью, - сказал Баросса, вытягиваясь в кресле, - Ты убиваешь наше время. И делаешь это чертовски цинично.

- Осталось немного, - Коротышка Лью сверкнул глазом, горящим, как сигнал семафора, - И вы с Соломоном сможете низвергнуть на наши головы тот груз скуки и тоски, что уже заготовили.

- Дай угадаю, девушка его и в этот раз не приняла?

- Именно так. Именно! Ей лестно было быть уважаемой им, но чего-то все же не хватало для счастливого финала. Она решила, что в нем мало ответственности. Он, как мужчина, должен был ощущать полагающуюся ответственность за их отношения – чтобы она чувствовала себя с ним в безопасности. Ну, он пошел в нейро-центр… Сами понимаете. Сунул голову в корректор. И мгновенно осознал, сколь многое от него зависит, сколь ответственен он за их совместное будущее и как должен его беречь. К слову, с фабрики на тот момент его уже выгнали. Денег нет, лишь крыша над головой, да и та ненадолго. Но ему, конечно, было уже плевать. Вернулся он к своей возлюбленной. И снова в лузу не попал. Он был, безусловно, романтичен, красноречив,

ответственен и уважителен по отношению к ней, но… Да, чего-то все-таки не хватало для того, чтоб любящие сердца объединились. Наконец ее осенило. Ему не хватало такта. Вот если бы он в придачу ко всем своим достоинствам еще был бы тактичен… Ну, он вышел, пошел в…

- …в нейро-центр, - устало сказал Баросса, массируя лоб – то ли от показной головной боли, то ли от настоящей.

- Нет, - сказал Коротышка Лью, умудряясь насмешливо взглянуть одновременно на всех присутствующих в кабинете, - Он пошел домой, взял тридцать восьмой калибр, вернулся – и выстрелил ей в голову. А потом себе. Вот вам и система, господа детективы, вот вам и покойники. А вы тут анализируете, мучаетесь…

Все уставились на Коротышку Лью, а тот, враз потеряв свою насмешливость и резкость, вдруг обмяк в кресле, вялый, как варенная рыба. Даже взгляд сделался рыбий, равнодушный и холодный. Какая-то отвратительная развязность была в его рассказе, тем более неприятная, что рассказчик сам ее прекрасно сознавал и, кажется, немного стыдился. Соломону захотелось выйти из кабинета Бароссы. Вернуться в свой тесный кабинет, не глядя швырнуть в ящик стопку листов, украдкой выпить полстакана рисовой водки и позволить себе несколько минут тишины с закрытыми глазами. Просто выключить себя, как выключают двигатель, в котором вдруг что-то начало подозрительно стучать.

- Кхм… Раз с поучительной историей закончили, предлагаю вернуться к тому, что у нас есть, - вместо этого он хлопнул рукой по столешнице, - Или у кого-то есть еще рассказ, которым он хочет поделиться?

- У меня, - Маркес поднял руку, - Про одного старика, который поставил себе модуль «Казанова» и… Слушай, не обязательно на меня так смотреть, Соломон. К твоему сведению, еще не существует нейро-модуля, который позволит твоим глазам излучать волны в опасном для человеческого организма спектре. Выкладывай, что у тебя по Эмпирею Тодду. Чем быстрее начнем, тем быстрее закончим, а я наконец смогу сбегать перекусить. Иначе в перечень жертв придется занести и мой желудок, он уже на пороге язвы…

- Система перед вами, - сказал Соломон, ощущая, как взгляды всех присутствующих остановились на нем, - Вот она, в моей руке. Мы с детективом Бароссой осмотрели архив закрытых дел за последние несколько лет, и обнаружили, что Эмпирей Тодд был не одинок в своем несчастье. Внимание, господа. За последние шесть лет на территории Фуджитсу было совершено

восемь – восемь! – аналогичных преступлений.

«Слишком много официоза, - подумал он, прочистив горло, - Словно перед начальством выступаю». Он ожидал изумленного возгласа, но его не последовало.

Детективы лишь беспокойно заворочались в своих креслах.

- В каком смысле – аналогичных? – спросил Коротышка Лью, кривя полные губы, - Этих восьмерых тоже обчистили до последнего?

- Да, Лью. Всех восьмерых. Чисто, ловко и беспредельно нагло.

- Ну и ну! Потрясающее наблюдение. Да ты, Соломон, прямо-таки метишь на место старика Бобеля, а? Какое потрясающее чувство логики! И какие опасные преступления изобличены! Слушай, на тот случай, если благодарные жители Фуджитсу захотят поставить тебе памятник, не худо бы уже сейчас определиться с местом, а то, понимаешь, некоторые площади…

Соломон не собирался ждать, пока «Пан» Коротышки Лью вдосталь напаясничается.

- Они все мертвы, - сказал он и прочистил горло.

В комнате вновь установилась тишина. Но на этот раз никто не двигался, все замерли, напряженно чего-то ожидая. Даже Коротышка Лью, как с удовлетворением заметил Соломон, от удивления замер с полуоткрытым ртом.

- Все… мертвы? Восемь человек?

- Восемь. Мертвее некуда.

Маркес передернул плечами:

- Чертов город. А когда-то тут было спокойно. Мой дед рассказывал, полвека назад убийство было тут редкостью. А сейчас – пожалуйста… Я понимаю, ограбить кого-то, увести дорогой модуль… Но ограбить и убить…

Маркес взъерошил свои ржаво-рыжие волосы.

- Ты не понял, Маркес, - мягко сказал ему Соломон, - Они мертвы, но они не убиты. Они все покончили с собой.

- Как…

- Как Эмпирей Тодд. Все верно. Пожалуйста, господа, в этих карточках записано все необходимое, - Соломон демонстративно поднял над головой пожелтевшие листы, - Тин Баккерман, рабочий на мясокомбинате, тридцать два нейро-модуля. Все пропали при неизвестных обстоятельствах, он заявил об этом в Транс-Пол. Через неделю после этого Тин Баккерман, демонстрируя коллегам работу промышленной мясорубки, вдруг сунул в нее руку. Свидетели единодушны, он сделал это намеренно. Умер еще до приезда врачей. Теофил Ангельс, сам врач, кардиолог, ровно пятьдесят нейро-модулей. Подвергся

краже со стороны неизвестного лица, потерял все, включая дорогую штучную нейро-модель «Доктор Хувз». Через десять дней ввел себе смертельную дозу высокотоксичного вещества в вену – прямо в операционной. Умер на месте. Дора Трух, счетовод, тридцать один модуль. После ограбления прожила три дня, после чего выпрыгнула из окна. Артур Него, преподаватель социологии в университете, сорок…

- Не обязательно зачитывать этот скорбный список, - заметил Маркес угрюмо, - Мы не настолько безмозглы. Идея понятна. У человека крадут нейро-софт, причем весь, до последнего модуля, после чего он оказывается безоружным перед лицом жизни и внезапно понимает, что жизнь – вовсе не такова, какой казалась ему последнее время. Не в силах с этим смириться, он может лишь помахать ей рукой и…

Коротышка Лью сделал несколько лихорадочных жестов – то ли привлекая к себе внимание, то ли просто по привычке.

- Ну умерли, и что? Неужели этой сенсацией ты решил угостить своих старых приятелей, да еще и под столь таинственным соусом?.. Дай мне полчаса и тачку – я притащу тебе из архива столько дел о самоубийцах, что тебе будет, чем занять себя до пенсии! Люди в Фуджитсу часто кончают счеты с жизнью. Выгнали с работы, ушла жена, стал нейро-неадаптантом сын, выселяют из дома… Эти восемь взошли на борт лайнера Харона и отправились в бесконечный круиз оттого, что у них украли софт. Ну что ж с того?

С Коротышкой Лью тяжело было спорить. Не оттого, что он умел находить неожиданные доводы – Соломон заблаговременно просчитал все возможные контраргументы – но оттого, что его кривляющееся шутовское лицо обладало способностью всякое слово обращать в фарс, нелепицу.

- Я уже навел справки, - терпеливо сказал Соломон, - Все жертвы были относительно обеспечены. Среди них был только один нищий, прочие не знали нужды. У них не было проблем в семье, как не было и проблем с работой. Они не должны были убивать себя. Но они сделали это. После того, как лишились своего комплекта нейро-софта. Неплохая закономерность, что скажешь?

- Ну-у-уу… Закономерность, положим, тут есть, но не таинственная и зловещая, как тебе втемяшилось, Соломон, а банальная и объяснимая, - Коротышка Лью на некоторое время снял маску паяца, разве что морщинки у ехидных глаз не разгладились, - Лишится нейро-софта, в сущности, то же самое, что лишится предмета любви. Так что это ничем не отличается от потери возлюбленного или дома.

- Ничего нет удивительного в том, что люди прикипают к своему нейро-софту, - подтвердил со своего места Маркес, - Что удивительного? Трусов он делает смельчаками, гордецов – признанными скромниками, а невежд – вежливейшими людьми. Человеку свойственно теряться из-за того, что он лишился чего-то очень важного и незаменимого. Просто одни достаточно сильны, чтоб выдержать подобное, а другие… ну, ты понимаешь.

- Почерк взлома – один и тот же, - уверенно сказал Соломон, - Вплоть до мелочей. Все восемь предыдущих краж совершены филигранно, невероятно ловко. Каждая из жертв собиралась поставить себе новый модуль, подключалась к домашнему или общественному нейро-терминалу, нажимала на кнопку – и теряла сознание. А когда приходила в себя, обнаруживала внутри странную пустоту. То же самое, о чем говорил Эмпирей Тодд, земля ему пухом. Вот выводы наших технических экспертов – кражи совершены профессионалом, следов не оставлено. Кем бы ни был наш загадочный взломщик, нейро-ищейкам Транс-Пола за ним не угнаться.

- Талантлив, подлец, - пробормотал Маркес, не выказывая особенного интереса, - Ну и что? Есть грабители банков, которых так никто и не выследил, или шантажисты, сумевшие остаться на свободе…

- У нас тут особенный случай, господа. Этот парень не банальный грабитель, всего лишь оказавшийся слишком ловким для нас. Потому что украденный софт нигде не всплыл – ни целиком, ни по частям. Такое кто-то объяснить может? Что это за феноменальный вор, который не пользуется тем, что украл?

- Работает из любви к искусству, - хмыкнул Маркес, орудуя пятерней в своей спутанной шевелюре.

Баросса прервал его, сухо и резко:

- Если за ним тянется хвост из девяти мертвецов, ему, похоже, придется уйти из искусства. Соломон прав, дело становится серьезным и достаточно неприятным. Если в Фуджитсу орудует нейро-вор такой квалификации, который, к тому же, губит людей, это чрезвычайная ситуация. Потому что это уже не просто вор. Это убийца.

Коротышка Лью кашлянул. Все посмотрели на него, но он лишь выпучил глаза и махнул рукой. Мол, просто горло прочистил, что вы смотрите…

«Время сказать, - подумал Соломон, - Сейчас, когда они все замолчали».

- У меня есть основания считать, что дело обстоит даже хуже,

- произнес он, стараясь, чтоб прозвучало это весомо и даже немного зловеще, - Я думаю, это серийный убийца.

Кресло под Бароссой глухо затрещало. Судя по всему, не было готово к внезапной дополнительной нагрузке.

- Серийный?!

- Я так думаю, - спокойно сказал Соломон, - Уверен, что эти смерти не случайны. Девять человек лишились нейро-софта за последние шесть лет, и девять человек погибли.

- Самоубийства!

- Все девять оказались неспособны смириться с жизнью без нейро-софта? Неужели каждый из этих девяти от чего-то прятался? Кардиолог, студент, продавец, экономист, счетовод… Совершенно разные люди, разного возраста, занятий и образа жизни. И все, как один, рехнулись от отчаянья, оказавшись без привычных нейро-заплат?

- Люди разные, но есть между ними и кое-что общее, - вновь подал голос Маркес, - И вы все, конечно, это заметили. Они очень любили нейро-софт. Насколько я успел понять, у каждого из них было не менее, чем по три десятка инсталляций.

- Не так и много, - сказал Соломон, - Наибольшее количество, сто пятьдесят шесть, у печально известного вам господина Тодда. Но у остальных этот показатель не так уж и высок, в среднем, от тридцати до шестидесяти. Практически норма, если по меркам Фуджитсу.

- По статистике, средний гражданин в течение жизни ставит себе тридцать шесть модулей, - подтвердил Коротышка Лью, - Так что едва ли этих ребят можно было назвать чемпионами по нейро-накачке. Даже у меня больше.

- Иногда маленькие нейро-модули прикрывают большие проблемы, - заметил Баросса, механически пощипывая ус, - Мы не знаем, что творилось на душе у этих девятерых. Вполне может быть, это роковое стечение обстоятельств.

- Вор выбирал именно тех людей, для которых потеря их софта была равнозначна потере смысла жизни? – Соломон позволил себе усмехнуться, - Ты старый циник, Баросса, ты любишь цифры. Вероятность ничтожна. У нас здесь система. Девять краж – девять мертвецов. И еще заметьте странность в их самоубийствах…

- Ничего странного, - отрезал Баросса, - Я видел тело Эмпирея Тодда не далее, как сегодня утром. Вскрытые вены – и только-то. Ничего странного.

Баросса утратил привычное благодушное настроение, стал мрачен и молчалив. Если бы Соломон знал его меньше, он бы решил, что это психологическая реакция на неприятную и

болезненную тему. Но за годы совместной службы он слишком хорошо узнал характерные черты его «Фридриха». Когда Баросса делался неразговорчив и сумрачен, это значило, что он уходит в размышления. Его деятельная мысль, острая и разящая без промаха, как пиратский кинжал, работала без остановки, деятельно и уверено. В этом отношении собственный «Бейли» Соломона не мог похвастаться подобными чертами. Под влиянием напряжения и стресса сам Соломон становился спокоен, даже ядовито-спокоен. Хорошая черта для детектива, но не лучшая – для мужа, о чем не раз напоминала ему Анна.

- Перерезанные вены – это не странно, - согласился он, - Само по себе. Но если вы просмотрите все случаи, то убедитесь, что есть определенная закономерность. Все эти самоубийства были, по большому счету, спонтанны.

Коротышка Лью воробьем встрепенулся на своем кресле:

- Кто-то сунул руку в мясорубку, кто-то вколол яд прямо на рабочем месте… Что еще?

- Все случаи идентичны. Люди кончали с собой внезапно, так, словно действовали под влиянием порыва. Никакого планирования, никакой осторожности. Решение свести счеты с жизнью – серьезная штука. Его редко принимают сгоряча, хотя и такое бывает. Но чаще всего человек подходит к этому решению медленно и осторожно, как к обрыву. А тут… Артур Него – выпрыгнул из окна на обеденном перерыве. Не открывая рамы, сквозь стекло. Кос Пчачек, еще один счастливчик – бросился под автомобиль. Ланда Эгис – вонзила себе в горло маникюрные ножницы…

- Люди стали очень легкомысленно относиться к тому серьезному делу, как самоубийство, - вздохнул Маркес, - Во времена моего деда…

Но Соломон не собирался дать ему возможность высказаться на счет времен его деда.

- Картина имеет очень много схожих деталей, господа детективы. Если вы, конечно, все еще детективы и способны это замечать. Все близкие погибших отмечали их сильную подавленность, что неудивительно, но ни разу свидетели не говорили о том, что у жертв возникали суицидальные наклонности. Ни разу. Люди убивали себя внезапно, вдруг. Ни посмертных записок, ни прощальных звонков. Как будто что-то… кидало их вперед, навстречу смерти. Вот ты сидишь спокойно в кресле, пьешь чай – и вот уже пикируешь, разбив собой стекло, прямо навстречу замызганному асфальту...

- Ты что, поставил себе модуль «Жуткие сказочки бабушки Локк»? – фыркнул Коротышка Лью, - Сколько мрачной

таинственности! Какой зловещий голос!.. Загадочные самоубийцы! Таинственный преступник! Не многовато ли драматизма для одной зыбкой теории?

- Девять мертвецов, чьи случаи до крайности похожи. Я бы хотел, чтоб эта теория оставалась зыбкой, Лью, но она, увы, на глазах делается основательнее и прочнее.

Маркес взъерошил свою шевелюру и попытался вновь поправить галстук, как делал обычно в минуты волнений. Галстук был его симбиотом, прикованным к телу, но обладающим собственной волей. Он то и дело забирался то в одну сторону, то в другую.

- Серийный убийца – это хорошо, Соломон. Мы все любим серийных убийц. Это оригинально и интересно. Но есть два момента, которые меня сильно смущают. Во-первых, в чем был мотив этого твоего нейро-убийцы?

Это был хороший вопрос. Маркес умел задавать хорошие вопросы. Внешне невзрачный, с тонкокостным сухим лицом, он мог быстро придти в возбуждение и подчас больше напоминал хорохорящегося выпивоху в баре, чем детектива. Но как у всякого опытного выпивохи есть отработанный хук правой, весомый аргумент в кабацких драках, так у Маркеса был в запасе собственный козырь – умение вовремя сразить оппонента неудобным вопросом. Удар дуэлянта, безжалостный и мгновенный выпад, нацеленный точно в сердце.

- Пока не знаю, в чем был мотив, - вынужден был признаться Соломон, - Но он определенно был.

- Приятно видеть столь уверенного человека.

- Если мы видим тянущуюся в крону дерева пятнистую шею, мы говорим «Жираф», а не спрашиваем «Где его голова?». У нас тут множественное убийство, господа. Мы нашли жертв, мы нашли то, что их роднит, мы найдем и мотив. А потом найдем убийцу.

- Меньше патетики, Стук Закона, - сказал Маркес. Коротышка Лью при этом отрывисто гоготнул, - У всякого преступника должен быть мотив, здесь же я не вижу даже намека на него. Ты, помнится, говорил, что похищенный нейро-софт отследить не удалось?

- Не удалось. Кто бы ни похищал софт, поймать его на сбыте краденного Транс-Полу не удалось.

- Отлично. Значит, самый распространенный мотив, мотив алчности, мы сразу отметаем. Мало того, у твоих покойников, как я успел заметить, был разный достаток. То есть, и похищенный нейро-софт мог исчисляться совершенно разными сумами. У толстосума Эмпирея Тодда, несомненно, были эксклюзивные, на

заказ, модули, а у преподавателя или счетовода?.. Много ли из их софта даже гипотетически мог извлечь гениальный нейро-грабитель?

- Вероятно, он искал не наживы, - признал Соломон, - Если бы искал, то грабил бы богатых. Но его привлекало что-то другое.

- Что? Жертвы, насколько я понимаю, относились к разным социальным слоям, родились в разное время и, конечно, не были друг с другом знакомы.

- Не были, - подтвердил со своего места Баросса, - Я сам проверял.

Маркес удовлетворенно кивнул – как фехтовальщик, нанесший серию удачных уколов и увидевший результат.

- Ага. По-моему, нам удалось немного разогнать туман, щедро напущенный в это дело Соломоном, а? Как мы все знаем, у всякого убийства есть три основных мотива. Да, я шпарю прямо по старому учебнику, господа… Убийство всегда совершается или от эмоций, или из желания выгоды. Эмоции – страх, соперничество, ревность, зависть, обида, раздражение. Выгода – толстый бумажник в кармане, завещание, получение каких-либо преференций в связи со смертью, и так далее, так далее, так далее…

Из стаканчика с карандашами на столе Бароссы Маркес выхватил карандаш и мгновенно изобразил на бланке рапорта простейшую схему – круг, рассеченный на три неравные части. Две из них были велики и почти симметричны, третья же занимала от силы процентов пять от общей площади.

- Проще говоря, люди чаще всего убивают или из желания заполучить что-то им важное, или по эмоциональным причинам. Здесь мы не видим ни того, ни другого, - Маркес небрежно заштриховал обе больших части круга, - Наш гипотетический убийца не получал, судя по всему, никакой выгоды от своих преступлений и, в то же время, не имел с жертвами эмоционального контакта. Что же остается?

Соломон знал, что оставалось – и угрюмо наблюдал за тем, как карандаш Маркеса постукивает по последней незаштрихованной части круга, крошечной на фоне прочих.

- Ну давай, Соломон, - подбодрил его Маркес, прищурившись, - Оставляю тебе последний шанс. Защищайся! Что у нас остается в сухом остатке?

- Немотивированная агрессия, - неохотно сказал Соломон.

Но Маркес не собирался так легко бросать свою жертву. Он торжествовал победу.

- Отлично! И что же это означает?

- То, что убийца – психопат.

- Вот именно. Вот именно, господа. Если человек склонен убивать незнакомых ему людей, не получая от этого никакой личной выгоды, с большой вероятностью он просто-напросто псих.

- Это тоже вариант, - упрямо сказал Соломон, уже зная, что сопротивление бесполезно.

- Вариант, - согласился Маркес, - Но самый нелепый из всех. Если твой герой психопат, убивающий людей без всякого разбора, не имеющий мотива, кроме слепой ненависти, не умеющий даже вынести выгоду из убийства, это означает, что разум его очень нестабилен, а мысль хаотична. Психопат, как ты верно заметил.

- Да, я допускаю это.

- Тогда получается еще глупее. Если он психопат, что как раз объясняет немотивированность и спонтанность действий, это говорит нам о том, что он обладает крайне низкой личной организованностью. То есть, действует импульсивно, без оглядки и четкого плана. Как уличный хулиган, которому вдруг пришло в голову треснуть кого-то дубинкой по голове и задать стрекача, а там пусть будет как будет. Так? Можно не отвечать. Тогда как ты объяснишь наличие у этого безумца столь удивительных познаний по части нейро-взлома? Судя по всему, это должен быть гений нашего времени, выдающийся интеллект не только по меркам Фуджитсу, но и многих окрестных городов. Если ты не в курсе, нейро-программирование – необычайно кропотливый, тонкий и сложный процесс, который возможен только при великолепном знании предмета, огромной выдержке и хладнокровии. Думаю, Баросса подтвердит… И вдруг выясняется, что ваш хладнокровный взломщик орудует безоглядно и по-дикарски! Доктор Джекилл и Мистер Хайд вернулись из европейских каникул?..

- Маркес, брейк! – скомандовал Коротышка Лью весело, - Баросса, отведи Соломона в угол ринга и дай ему свинцовую примочку. Если этот бой продлится еще один раунд, голова у него основательно распухнет!

- Маркес прав, - мягко сказал Баросса, все еще погруженный в свои мысли и оттого неприятно-спокойный, - У нас есть только цепь из девяти странных жертв. Но нет и следа преступника. Особенно если мы говорим об убийце.

- Это убийца, - твердо сказал Соломон, - Эти девятеро так торопились свести счеты с жизнью, словно сам черт наступал им на пятки. Любая подозрительная закономерность – след преступления, тебя и самого так учили. Тут даже не закономерность, тут какая-то мрачная тайна сродни замку с секретом. Просто пока у нас нет ключа, ни замочной скважины,

куда можно его вставить. Есть только чертов замок, покрытый паутиной…

- Есть и другой момент, - сказал Баросса, поднимаясь из кресла и превращаясь в огромную гору серого твида, - Мы видим пулевое отверстие, но не видим пистолета. Мы видим мертвецов, но не видим орудия преступления. Если у нас здесь есть убийца – как он мог убить их после того, как ограбил? Все девять случаев расследовались. Никто не выкидывал этих людей из окна и не толкал под машины. Они сделали это по собственной воле. Да, несколько странно и подозрительно единодушно. Но сами.

- Если человек, которого мы ищем («Ищем?» - хохотнул Маркес), - великолепный нейро-взломщик, это объясняет, отчего его жертвы в одно мгновенье превращались в безумных леммингов, торопящихся броситься с обрыва.

- Суицидальный модуль? – уточнил Баросса с сомнение в голосе, - Брось, Соломон. Во-первых, такого не бывает, даже на черном рынке. Во-вторых, никаких модулей у них на момент смерти не было. Ты видел отчеты. У них оставался только голый нейро-интерфейс. И шрамы, которые воспрепятствовали бы любой новой инсталляции. Я не был знаком с этими людьми и не знал их, но наверняка могу утверждать то, что в момент смерти их вел вперед не нейро-модуль.

- Зовите газетчиков! – Маркес закатил глаза, - Убийца, которого не может быть, убил девять человек, которые даже не были убиты! Станешь звездой месяца, гарантирую. Что ж, если с раскрытием ужасных тайн на сегодня покончено, я, если вы не против, спущусь в столовую. У меня там назначено свидание с рисовой лапшой, карри и рыбными котлетами. Если я не приду, они будут очень расстроены. Адьос, компадрес!

Маркес вышел из кабинета, никем не остановленный. Коротышка Лью остался сидеть, поигрывая трубкой и бессмысленно улыбаясь. Видимо, он еще надеялся на что-то интересное. Баросса смотрел в окно, и лицо его выражало не больше, чем загрунтованный под пока еще не нарисованную картину холст.

Глупейшая ситуация. Нечего было созывать всех и устраивать этот спектакль. Достаточно было поделиться соображениями с Бароссой, который, конечно, разнес бы все соображения на кусочки и выпотрошил теорию о девяти странных мертвецах и одном неуловимом безоружном убийце. Но и сдаваться Соломон не собирался. Он ощущал свое тело сложным инструментом, которое только что извлекли из футляра и привели в рабочее положение. Он чувствовал острый и тревожный, как вонь сгоревшей изоляции, запах преступления. Запах, на который

детективы Транс-Пола были натасканы лучше, чем любые ищейки.

- Подведем итог, - сказал Соломон. При звуке его голоса оба детектива подняли головы, - У нас нет подозреваемого. У нас нет орудия преступления. У нас нет мотива. У нас вообще нет понимания того, что произошло и того, почему оно произошло. Словом, не так уж и плохо для начала. Но кое-что мы все-таки знаем.

- Что мы знаем? – с живым интересом спросил Коротышка Лью. Словно и не присутствовал в кабинете все это время.

- Мы определенно знаем, что все это дело связано с нейро-софтом.

- Наши технические специалисты ничем не могут помочь. Ни по одному из девяти случаев.

- Значит, нам нужен специалист, который сможет. Особенный специалист.

- Захочет ли?

- Захочет, - Соломон утвердительно кивнул и протянул руку за висящим на спинке стула плащом из нано-твида, - Оно – захочет.

ГЛАВА 7

В дверь под номером сорок два Баросса постучал сам, но без излишней уверенности. Стоя на пороге странной квартиры, он, большой и крепкий мужчина, определенно робел, успешно, впрочем, скрывая эту робость за напускной хмуростью. Вот уж кому точно не помешал бы «Стук Закона»!.. Поймав взгляд Соломона, он состроил какую-то гримасу, не то презрительную, не то таинственную – Соломон не понял, что она должна означать.

Дверь открылась – со скрипом, но без вопросов. В этот раз обитатель странной квартиры не спрашивал «Кто?», просто дернул задвижку. Надо же, в прошлый раз пришлось едва ли не выламывать дверь…

Энглин Кейне Нул стояло на пороге и равнодушно смотрело на детективов. Оно ничуть не изменилось за прошедшие два дня – все то же бледное лицо, по которому решительно невозможно установить пол или возраст, все та же неряшливая прическа, состоящая из сплошных вихров – как поле ржи, по которому погулял ураган – разве что вместо кофты на нем оказалась мятая майка. Ожидая вспышки ярости, Соломон давно нащупал в кармане «отрубатор» и был готов им воспользоваться. Но вспышки не последовало. Энглин Кайне Нул с полнейшим безразличием смотрело на посетителей, точно они были не людьми, а оставленными молочником на пороге бутылками.

- Детектив Идинахренотсюда и детектив Шкаф, - пробормотало оно, - Ну замечательно. Теперь сразу вдвоем? По одному боитесь?

- Добрый день, - Баросса галантно шаркнул ботинком. Ботинок был новый и блестящий лаком, а пол – рассохшимся и старым, поэтому получилось не очень, - Мы с коллегой решили зайти к вам, чтобы прояснить кое-что. Если вы, конечно, не против нашего кратковременного присутствия.

- Я? Против? – Энглин пожало плечами, - Да как вам угодно. Заходите.

Шлепающей походкой оно направилось вглубь квартиры. Соломон был так удивлен, что не сразу последовал за ним. Не так давно его чуть не испепелили при попытке войти, а теперь приглашают внутрь с безразличием, которое, пожалуй, можно даже принять за любезность. Может, ярость Энглин относится только лишь к незнакомцам, а он сам уже завоевал статус приятеля? Вот уж едва ли.

Баросса незаметно хлопнул его по плечу.

- Нам повезло, - шепнул он заговорщицким тоном, - Сегодня оно в хорошем расположении. Есть шанс.

Хорошем?.. С другой стороны, если удастся наладить беседу без использования блокиратора, это уже что-то. Кто знает, вдруг Энглин и в самом деле сможет пролить свет на тот нейро-лабиринт, что протянулся в деле Эмпирея Тодда – и делался все сумрачнее и сложнее.

- У него часты смены настроения? – шепотом спросил Соломон, - Очень по-женски, не правда ли?

Но Баросса лишь качнул головой.

- Если бы все было так просто… Короче, просто старайся не выводить его из себя. И не говорить глупостей.

Они зашли внутрь, оказавшись в знакомой уже пучине хаоса. Соломон даже не смог установить, поменялось ли в квартире что-то со времен его последнего визита. Нагромождение предметов было столь обширно, пестро и перепутано, что даже самый наблюдательный глаз мгновенно сбивался, как сбивается чувствительный прибор, если на него обрушивается излучение, многократно превышающее предельную норму. Кажется, появились коробки с пластилином. Или новые журналы с выкройками? А может, роликовых коньков в углу прежде не было? Соломон не хотел даже задумываться об этом.

Но в этот раз он заметил нейро-корректор, который, несомненно, присутствовал и раньше, просто не бросался в глаза. Потертое кожаное кресло с проплешинами и трещинами, как в кабинете зубного врача средней руки, выпуклый монохромный кинескоп, пустой и черный, как окно в мир вечной ночи, подсоединенная шнуром к процессорному блоку клавиатура и, конечно, тускло-поблескивающая перевернутая кастрюля самого излучателя. Аппарат выглядел старым, но не забыто-старым, как брошенная в чулане вещь. Скорее, как проверенный и любимый инструмент, неоднократно бывавший в деле.

Соломон задумался о том, как Энглин использовало свой нейро-корректор. Если оно действительно было в прошлом нейро-вандалом, предположения можно строить самые разные. И самые нехорошие. При должной квалификации что стоит пробраться в официальный городской каталог сертифицированного нейро-софта и заменить там несколько строк?.. Подменить модуль верности и честности модулем лживости и лицемерия? Или модуль самоконтроля – модулем развязности и пошлости? Можно работать и более тонко. Не оставляя следов, добавлять в отдельные модули точечные изменения, которые исподволь будут вплетаться в чужое сознание, как капля яда растворяется в бокале

с вином. Сколько было шумихи в прошлом году, когда выяснилось, что модуль «Знайка», сертифицированный для школьников и помогающий им быть более усидчивыми и легче воспринимать материал, незаметно учил их и другим вещам. Например, проявлять излишнюю сексуальность и агрессивность перед сверстниками. Как знать, может именно Энглин совершило эту хитроумную и отвратительную операцию прямо отсюда, из забитой самым разным хламом комнаты?

Баросса, оказавшийся заложником своих габаритов, в этой полосе препятствий страдал больше Соломона. Он споткнулся о лежавшую на полу книгу, чуть не уронил с полки собранную из домино сложную конструкцию, потом смахнул рукавом плаща икебану.

- Давайте пройдем на кухню, - сказал он, проявляя неплохую осведомленность о внутреннем устройстве апартаментов, - Там нам будет удобнее.

- Давайте, - буркнуло Энглин. Оно вело себя, как человек, выпивший двойную дозу седативных препаратов, чье сознание находится где-то едва-едва над поверхностью океана бессознательного. На гостей смотрело безразлично, даже апатично, точно на мебель, которая сама неуклюже пытается найти свое место в комнате.

На кухне оказалось на удивление неплохо. Размерами с кабинет Соломона, она была практически лишена того бессмысленного буйства необъяснимого, что царило в квартире, и потому казалась весьма уютной. Кажется, Энглин не утруждало себя готовкой. Соломон увидел смятые коробки из-под пиццы, контейнеры пищевых концентратов и упаковки консервов. Правда, и здесь проявился безумный вкус обитателя, выразившийся в довольно странных наборах пищевых припасов. Запечатанные жестянки с медом соседствовали с консервированным языком, а креветочный суп – с мороженым. Запечатанные банки были расставлены без всякой логики и смысла, все вперемешку, без видимой системы. Словно хозяин обыкновенно хватал то, что первое попадется под руку, а закусывал тем, что попадется вторым.

«Оно просто сумасшедшее, - подумал Соломон, вертя головой, - Вот в чем причина. Оно так долго копалось в нейро-софте, пытаясь извратить и испортить созданное человеческим трудом, что в конце концов просто потеряло рассудок. Конечно. Это все объясняет».

Энглин между тем уселось на стул и стало равнодушно рассматривать гостей.

- Чаю? – спросило оно, скрыв зевок маленькой бледной

ладонью.

- Не откажусь, - вежливо сказал Соломон. Чаю не хотелось – особенно если чай в этом доме принято подавать с вассаби, например - но надо было с чего-то начать.

- Нет, откажешься, - буркнуло Энглин, - Потому что чая нет. Начинайте ворочать языками, детективы. А то сидите и пялитесь, как парочка скудоумных горгулий.

Кажется, ругаться оно пыталось по привычке. Да и не очень-то у него получалось.

- Нам вновь нужна ваша консультация, - улыбку Бароссы можно было намазать на хлеб вместо меда, но Энглин восприняла ее с ледяным спокойствием, - Мой коллега, детектив Пять, уже спрашивал вас о… некоторых деталях, связанных с покойным господином Тоддом. Теперь в деле появились… э-э-э… дополнительные детали. Если вкратце, мы обнаружили еще восемь человек, которые, теоретически, тоже могли быть жертвами нейро-преступника. Каждый из этих восьми в свое время подвергался аналогичной краже. И каждый рано или поздно кончал жизнь самоубийством. В точности, как господин Тодд. Кое-кто полагает, что эти самоубийства были отнюдь не цепью роковых случайностей. Что кто-то так или иначе заставил этих людей умереть.

Энглин не было впечатлено услышанным. Наверно, его бы не впечатлил даже бегемот, возникший под окнами. На Бароссу оно смотрело с прежним безразличием, время от времени зевая с самым искренним видом. Причем Соломон не мог заметить никаких признаков медикаментозного влияния – зрачки не расширены, дикция в порядке. Не похоже было, что Энглин наглоталось перед приходом детективом сонных пилюль. Просто… Просто оно стало очень флегматичным.

Новый нейро-модуль? Но ведь нейро-вандалы как раз склонны издеваться над теми, кто захламляет свой мозг все новыми и новыми инсталляциями. Нейро-вандалы – консерваторы, в совершенстве владеющие методами нейро-взлома, но не использующие его в своих личных интересах. С другой стороны, Энглин уже, кажется, не в их рядах…

- И что? – осведомилось оно, почесывая затылок без всяких разрушительных последствий для прически, - Я занимаюсь софтом, детектив Шкаф. Софтом, а не людьми.

- Я знаю, - следующая улыбка Бароссы сверкала уже меньше, - Мы проанализировали все случаи самоубийств. Было подозрение, что кто-то подталкивает людей к обрыву, так сказать… Но нет. Ни малейшего основания считать, будто они действовали по чужой воле. Никто не доводил их до самоубийства, а если и доводил, то

так филигранно, что не оставил никаких следов. Ни записок, ни звонков, ни иных посланий… Черт возьми, у жертв не было даже общих знакомых! И в то же время каждое самоубийство происходило так внезапно, словно совершалось интуитивно, на каком-то мгновенно возникшем выбросе эмоций.

- И что?

- Погибли люди, - сказал Баросса, теперь уже без всякой улыбки, - И если они погибли по чьей-то воле, значит, мой коллега, детектив Пять, прав, и мы имеем дело с убийцей.

Энглин пожало плечами так, что сквозь майку проступили тощие ключицы.

- Не могу сказать, что эта тема мне интересна, детектив Шкаф.

- Но что же тогда вам интересно?

- Жаренный рис с дайконом. Вы когда-нибудь пробовали жаренный рис с дайконом?..

Соломон почувствовал, что едва сдерживается. Отшлепать бы это ходячее недоразумение!.. Снять тяжелый кожаный ремень – и пару раз пониже спины! Чтоб со свистом!.. Но злость быстро улеглась. Если мальчишка, еще какой-то прок от порки может быть, а ну как девчонка? Глупость какая, и придет же в голову… Спокойнее, детектив Пять, спокойнее. Это существо, может, и отличается темпераментом засохшего фикуса, но оно может знать ответы на некоторые вопросы. А больше от него ничего и не требуется.

Энглин вдруг взглянуло на Соломона так, словно запросто читало его мысли. Даже не так – словно оно заранее знало, какие мысли придут ему в голову. Сонные глаза уставились на него в упор, механически разглядывая и немного щурясь от яркого света. Вроде бы обычные человеческие глаза, только равнодушные и как-то не вполне по-человечески спокойные.

«Это не человек, - подумал он, тщетно пытаясь избежать этого взгляда, устремить глаза в другую сторону, - Когда-то оно, может, и было человеком, но сейчас это что-то другое. Что-то странное и наверняка опасное».

Говорят, брошенные на необитаемых островах люди через какое-то время сходят с ума. Психика не выдерживает обступившей со всех сторон пустоты. Всякий прибор, сошедший с конвейера, способен работать в четко определенных параметрах внешней среды, будь то температура воздуха или сила тока. Если параметры среды резко меняются, механизм начинает сбоить – и рано или поздно выходит из строя.

А что если нейро-вандалы сами живут на необитаемых островах?.. Они практически не пользуются нейро-софтом, считая

его наркотиком, но в то же время постоянно связаны с ним незримыми нитями. Они скользят по бездонным морям цифровых технологий, не погружаясь в них, лишь выхватывая из глубин вкусные куски, по большей части из соперничества, бахвальства или подростковой удали. Как далеки они стали от человечества, в котором иметь три десятка нейро-модулей – норма? Сколько этих невидимых необитаемых островов разбросано по миру? И сколько лет провело на своем острове то, что называет себя Энглин Кейне Нул?..

Соломон вдруг ощутил жалость, противную и липкую, как половая тряпка, которой касаешься случайно босой ногой. Жалость не к девяти мертвецам, а к этому непонятному и безумному существу, добровольно отказавшемуся быть человеком, запертом в своем маленьком кусочке хаоса среди серых камней. Он вдруг понял причину равнодушия и презрения, которые замечал в глазах Энглин, и которые оно даже не пыталось скрыть.

«Оно просто не считает нас людьми, - подумал Соломон, чувствуя, как эта простая истина тонким инеем выстилает желудок, - Вот как просто. Мы с Бароссой для него не люди. А спрутоподобные чудовища, сшившие себе маскировочные костюмы из обрывков человеческой кожи. И сейчас мы вторглись в его мир, уверенно и властно. Просим у него помощи и пытаемся объяснить, как это важно. Словно пьяные и напыщенные франты, кричащие с борта белоснежного лайнера сидящему на скале Робинзону, чтоб тот подкинул пару кокосовых орехов для коктейльной вечеринки… Необитаемый остров… Как гадко».

Энглин вдруг хохотнуло, оскалив отличные белые зубы и глядя на Соломона. Видимо, снова прочитало чужие мысли. Или же лицо Соломона стало красноречивее телевизионного экрана. Забравшись на кухонный стул, Энглин устроилось на корточках, обхватив руками тощие бледные колени, и стало похоже на дикого зверька, настороженно наблюдающего за подозрительными двуногими существами.

- Нам нужно ваше добровольное сотрудничество, - терпеливо говорил между тем Баросса, сам вымотанный этой односторонней глупой беседой, - Я понимаю, что ваши представления о нейро-преступниках могут быть отличными от моих или официальной позиции Транс-Пола, но…

- Как же ты мне осточертел, детектив Шкаф, - пробормотало Энглин, выпуская воздух сквозь плотно сжатые зубы, - Ты трещишь уже битый час, но так и не сказал, что тебе, черт возьми, от меня надо. Если пришел спрашивать, так спрашивай! Я жду конкретного вопроса!

Соломону захотелось рассмеяться, но это, вероятно, было бы нетактично в ходе то ли допроса, то ли беседы. Поэтому он приложил ладонь ко рту и сделал вид, что кашлянул.

- Хорошо, - за несколько секунд Баросса полностью восстановил пошатнувшийся было самоконтроль, - Вопрос у нас есть, и вопрос простой. Возможно ли, воздействуя на человека через нейро-интерфейс, заставить его кончить жизнь самоубийством?

Соломон ожидал, что Энглин надолго задумается, флегматично почесывая пальцем затылок и раскачиваясь на табуретке. Но ответ последовал практически мгновенно.

- Да, - сказало Энглин равнодушно, - Нейро-бомба.

Соломон и Баросса переглянулись. Баросса выглядел потрясенным – как пиратский капитан, обнаруживший всплывшую рядом с его кораблем подводную лодку. Как выглядит его собственное лицо, Соломон не знал, но предполагал, что не лучшим образом. Отличная, черт возьми, пощечина двум великовозрастным самоуверенным детективам от маленького недоразумения.

- Баросса, я сам…. Итак. Кхм… Что это за нейро-бомба?

Энглин вновь пожало плечами, на лице появилось выражение беспредельной скуки – как у ребенка, которого глупые взрослые заставляют сказать, хочет ли он пойти в школу и будет ли он там прилежно учиться.

- Это бомба. Бух! Только нейро-бомба. Бомба у тебя в мозгах, понял?

Соломон не понял. Но очень хотел понять.

- Это модуль?

- Не модуль, нет. Бомба. Информационный нейро-пакет. Застревает у тебя в извилинах и висит, как глист в кишке. Ждет сигнала. Когда получает сигнал – Бух!

Соломону приходилось многое слышать о нейро-софте и всем, что с ним связано. О бракованных модулях, которые, как говорят, могут из-за заводского брака выжечь мозг своему владельцу или превратить в эпилепсика. О секретном правительственном софте, который позволяет создавать из обычных людей биологические вычислительные комплексы огромной мощности. Об извращенном, редком, таинственном, опасном нейро-софте. Но про нейро-бомбы он ничего не слышал. Судя по всему, не слышал о них и Баросса.

Может, Энглин попросту дурачит их? Вполне вероятно – учитывая его отношение к Транс-Полу и обоим детективам в частности.

- Откуда они появились, эти бомбы?

- Их создали, - беспечно ответило Энглин, почесывая не знающий волос подбородок, - Насколько мне известно, ученые из Форда. Во время Второй Всемирной Информационной войны. Эти бомбы тайком закладывались в нейро-интерфейс всяких подозрительных типов. Вражеских дипломатов, перебежчиков, диверсантов… Стандартный нейро-интерфейс – он как вокзал, детектив Идинахренотсюда. У тебя есть платформы, на которые приходят поезда, и есть большой экран, на котором написано, какой поезд на какой платформе стоит. Считается, что мозг человека может выдержать до нескольких сотен таких платформ. Но кроме этих самых платформ есть ведь и другие способы попасть на вокзал. Технические пути или что-то вроде того.

- Подключение пакета к нейро-интерфейсу мозга таким образом, чтоб мозг сам не знал о наличии этого подключения? – спросил более подкованный в техническом отношении Баросса. Соломон мысленно поежился – в голосе Бароссы прозвучало что-то очень холодное, очень нехорошее, - Ты ведь это имеешь в виду, Энглин Кейне Нул?

- Вокзал с пропадающими поездами, - улыбнулось в ответ существо, обладавшее то ли детской непосредственностью, то ли дьявольским коварством, то ли безумной смесью того и другого, - Платформа девять и три четверти.

- Но такой возможности не существует… - пробормотал Баросса в пространство, безуспешно пытаясь усмехнуться, - Нейро-софт абсолютно безопасен. Именно потому, что любой модуль отслеживается конечным пользователем. Даже на черном рынке нет ничего подобного!

- Правительственная разработка Форда, детектив Шкаф. Ее нет на рынках. Но она есть в… каких-то других местах. Мне такую видеть не приходилось. И никому из нейро-вандалов Фуджитсу тоже. Но слухи движутся быстрее электрического импульса по нейро-медиатору. Одни нейро-вандалы рассказывают другим, те – еще кому-то… Миллионы синапсов в постоянном контакте. Иногда такие импульсы приносят сказанное кем-то вдалеке отсюда.

- Значит, все-таки слух? Всего только слух?

- Не слух, - мотнуло головой Энглин, мгновенно превращаясь из хладнокровного и скучающего ледяного демона в упрямого подростка, - Мы видели тех, у кого в голове сработала нейро-бомба. Бух! Крутая штука. Пока не сработала, ее практически невозможно найти, даже на самых крутых нейро-терминалах. Зато когда сработает…

- Что делает нейро-бомба? – напрямик спросил Соломон, обрывая Бароссу, который сам собирался задать вопрос.

- Что угодно. Она делает импульс в твой мозг. Разовый. А что сделает тот импульс – зависит только от программы. Он может сделать с тобой любую штуку, как обычный нейро-софт, только ты никак не сможешь этого заметить или остановить. Он не сможет сделать тебя дураком или отбить память, потому что нейро-софт может воздействовать только на определенные центры мозга. Но может заставить тебя внезапно в кого-то влюбиться. Или бросить математику, которой ты занимался всю жизнь, чтобы полюбить музыку…

- Или заставить тебя сунуть руку в работающую мясорубку, - пробормотал Соломон. Кисть сама потянулась за платком – протереть лоб. Платок был мятый и несвежий, но он не обратил на это внимания.

- Или так, - беззаботно подтвердило Энглин, не чувствующее ни малейшего смущения, - Например, мощный импульс суицидального настроения. Это же нейро-бомба.

Действительно. Это же просто нейро-бомба. Кусочек программного кода, застрявший между твоими извилинами и ждущий своего часа. Как старая морская мина, уютно устроившаяся между камней. Сколько лет она может дремать на дне, покрываясь водорослями, прежде чем услышит гул корабельных винтов?..

- Как она срабатывает?

- Очень просто. Ей нужен сигнал. Определенный сигнал. Любой. Как только поступает сигнал – бух! Это как радио-детонатор, который настроен на определенную волну.

- Бух! – Баросса нервно рассмеялся, - Бух! Вот уж, в самом деле, экая… А что может быть таким сигналом?

- Любая вещь. Определенная мысль, определенное чувство, определенное действие. Механизм программируется и его можно настроить как угодно. Ну, так мы слышали…

- Таймер, - Соломон едва не закашлялся, теперь уже по-настоящему, - Ради Томатной Девы, Баросса! Простейший таймер!.. Тот, кто грабил несчастных бедолаг, не забирал у них весь нейро-софт подчистую. Кое-что он им оставлял. Кое-что тикающее.

Впервые в жизни он увидел на лице Бароссы страх. Баросса никогда ничего не боялся, он был смел, силен и уверен в себе. Но сейчас он выглядел испуганным – лицо обрело нехороший, сродни свежему цементу, цвет, глаза расширились. Он, как и Соломон, слишком хорошо представлял, что может случиться, если такая штука окажется на улицах Фуджитсу. А она, судя по всему, там уже давно оказалась. Бух.

- Значит… кхм. Думаешь, наш нейро-псих обчищал людей,

избавляя их от софта, но оставлял у них в голове бомбу, которая через какое-то время убивала их, причем их же собственными руками? – Баросса проговорил это медленно, как человек, надеющийся, что воспоминания о дурном сне развеются, стоит только разложить их по полочкам и подвергнуть простейшему логическому анализу.

- Да, приятель. У Эмпирея Тодда в голове могла быть своя бомба. И она была настроена на самоубийство.

- Нейро-софт не убивает людей, - не очень уверенно сказал Баросса, - Он контролирует эмоции, чувства, психологические раздражители…

- На самоубийства человека толкают именно чувства, а не интеллект. Представь себе, что в какой-то миг ты вдруг ощущаешь комбинированную, как многоступенчатая ракета, мысль – жизнь отвратительна. Наверно, какая-то дьявольская смесь из стыда, страха, отвращения, раскаянья, ненависти… И все это бьет тебе сюда, - Соломон похлопал себя по затылку, - Может, это длится всего несколько секунд. Но этого хватит, чтоб заставить тебя проломить стекло аудитории и вылететь в окно. Или прыгнуть под машину. Или перерезать ножом для бумаг вены прямо за письменным столом.

Баросса упрямо мотнул головой, как боксер-тяжеловес, получивший чувствительный кросс, но пытающийся сохранить равновесие.

- Время не совпадает. Вспомни свои бумажки, Соломон. Некоторые убивали себя через три дня после ограбления, другие, как Эмпирей Тодд, через пять. А некоторые и через семь или более.

- Уверен, это не случайность. Убийца выставлял таймер по-разному, чтобы никому не показалось странной закономерность среди самоубийц, которые вдруг сводят счеты с жизнью строго через пару дней после ограбления. Он специально программировал их на разное время смерти. Этот ублюдок говорил им, когда умереть, понимаешь? Он заводил их, как будильник. Он…

- Успокойся, Соломон, - тяжелая рука Бароссы мягко легла на плечо, и только тогда Соломон понял, что его трясет нервная дрожь, колючая и ледяная, - Скверную же кость ты откопал на заднем дворе, старик… И еще сквернее то, что это не просто кость, а целый, мать его, некрополь. Ладно, пошли. Вернемся в участок, там и раскидаем мысли по кучкам. Спасибо, Энглин. В этот раз ваша помощь была необычайно полезна.

- Мы все служим интересам Фуджитсу, - саркастично ответило то, даже не пытаясь скрыть насмешку, - Я просто

выполняю свой долг гражданина.

Энглин не сделало попытки проводить детективов к двери. Просто сидело на кухонном табурете и смотрело им вслед. И Соломону, вспомнившему на пороге о правилах приличия, ужасно не хотелось поворачиваться, чтоб снова его увидеть. Есть вещи, которые лучше не видеть, даже если располагаются прямо у тебя за спиной.

Глаза человека, который провел на необитаемом острове тысячи лет. Так много, что уже и не понятно, остался ли он человеком.

- Доброго вечера, - сказал Соломон, не оборачиваясь, - И… и удачи вам.

Энглин не ответило.

И, пересчитывая подошвами ботинок поскрипывающие ступеньки ветхой лестницы, Соломон задумался о том, ждал ли он, в сущности, ответа.

ГЛАВА 8

Долгое время они ехали молча. «Умляутмобиль» Бароссы несся по вечерним улицам стремительно и мягко, как и полагается новенькому спортивному автомобилю, от низкого гула его двигателя едва не вибрировали пломбы в зубах. Соломон глядел в окно, не делая попытки заговорить. За ветровым стеклом тянулись дома. Тысячи каменных фасадов, тысячи незнакомых лиц с навеки застывшим выражением. Безразлично-лощенные стеклянные лица бизнес-центров и гостиниц. Тяжелые, насупившиеся и грузные физиономии старых построек стиля «арт-деко», выглядящие ворчливыми стариками среди прочих. Фривольные, из тысяч переплетающихся линий, контуры пастерианских церквей.

Много домов, много лиц. Некоторые из них Соломон узнавал, даже если ни разу не был на этой улице. Подпольные бары похожи на грубияна-грузчика, насуплено глядящего на тебя черными глазами окон полуподвального этажа. Салоны причесок – на юную неопытную проститутку, бестолковую и ветреную, а бордели почему-то – на солидных, теряющих молодость, дам. Бильярдные, магазины готового платья, отделения почты, бакалейные лавочки, товары для животных, риэлторские услуги, наркоманские притоны, адвокатские конторы – все эти истинные жители Города Серого Камня пробуждались, спеша украсить себя переливающимися полотнами неоновых вывесок, от которых улицы наполнялись чистым и резким электрическим свечением. И воздух здесь казался сухим, наэлектризованным, тяжелым.

Первым нарушил тишину Баросса.

- Я вот что думаю… - он облизнул губы, не отрывая взгляда от дороги. По его темному лицу ползли зеленые и синие зигзаги неоновых змей, - Кого мы все-таки собираемся ловить, вора или убийцу?

- Если человек крадет и убивает, он, полагаю, успешно работает в обоих направлениях, - отозвался Соломон, - Будем считать, он работает по совместительству.

- Посмейся мне… Нет, смотри. Человек не может одновременно желать смерти и наживы. Либо он убийца, а ценности из бумажника похищает потому, что они просто попались под руку, а добру пропадать негоже… Либо он вор, который охотится на наживой, а людей убивает только потому, что не хочет лишних свидетелей. Мы должны знать, кого будем искать, убийцу или вора, понимаешь? Ведь это о многом говорит.

- Убийцу, Баросса. Мы будем искать убийцу. Опасного, непредсказуемого и, судя по всему, дьявольски опытного.

- Но он всегда начинал с ограблений. Все девять раз. Или девяносто девять, но подтверждены только девять случаев. Он похищал у человека нейро-софт и оставлял ему активированную на определенный срок нейро-бомбу. Точный расчет, все отлично продумано. За несколько дней морально-выпотрошенный человек успеет надоесть Транс-Полу и всем окружающим, после чего тихо украсит своими мозгами чье-то лобовое стекло. Все потенциальные следы стерты, если не считать этих самых мозгов на стекле, тут без шланга и хорошей щетки не обойтись… То есть, вела его жадность, а убивал он тех, у кого в черепной коробке могли остаться следы взлома.

- О нет. Он не боялся того, что кто-то обнаружит его след, и на это у него были основания. Девять случаев – и ни разу наши техники не взяли этого следа. Он мог чувствовать себя в полной безопасности. Он убивал своих жертв даже тогда, когда они не представляли для него опасности.

- Перестраховщик? – угрюмо предположил Баросса.

- Возможно. Но мне кажется, это первостатейный убийца. Именно убийство было его целью, а взлом нейро-интерфейса – лишь отвлекающим маневром, который позволял подкинуть мысле-бомбу. Ну и создать благотворную почву для показного «самоубийства».

Баросса достал из кармана пачку крепких сигарет с фильтром, протянул Соломону.

Тот покачал головой:

- Я же бросил, помнишь?

- Прости, - Баросса ловко подхватил губами сигарету, выдернул ее из пачки, - Все время забываю.

- Два года назад поставил себе «Анти-никотин». Теперь даже от запаха табака тошнит, как от собачьего дерьма.

- Анна? – спросил Баросса, подкуривая одной рукой свисающую изо рта сигарету. На несколько секунд крохотный теплый огонек зажигалки, трепещущий между его пальцев, бросил причудливые тени на лицо, исказив пропорции и черты, сделав его жутковатым и нечеловеческим.

- Да. Я ей двенадцать лет обещал бросить. Но сам так и не смог. А тут сразу бросил. Удобно.

- А я не хочу. Понимаю, что вредно, что деньги уходят, дым, опять же… Но вот не могу и все тут. Любую привычку можно изменить или вывернуть наизнанку, но есть такие, которые просто не хочется терять. Даже если знаешь, что это расставание ничего тебе не будет стоить.

- Да. Наверно.

Они опять замолчали. Соломон разглядывал сквозь ветровое стекло улицы, которые делались все темнее, Баросса курил, положив руку с дымящейся сигаретой на рулевое колесо проворного «Умляутмобиля». Он выглядел сосредоточенным древним демоном, выточенным из бледно-желтого камня. Все-таки отличное самообладание у этого пирата… А ведь он тоже прекрасно понимает, на пороге какой пропасти мы все оказались. Благодаря ему, Соломону Пять.

- Здесь что-то не то, - сказал Баросса. Так резко, что Соломон даже вздрогнул, так привык к установившейся в салоне тишине, - У меня ведь тоже нюх есть… Нет, что-то не то. Не клеится одно к другому. Вспомни всю девятку. Самые разные люди. Преподаватели, бизнесмены, продавцы, ученые…

- Сальм Шпек был нищим, - подхватил Соломон, - Ушел под номером пять. Адо Адсон, электрик, ушел седьмым. Я понял, к чему ты. Совершенно разные люди. И ты хочешь понять, каким образом их всех вдруг угораздило попасться на глаза одному и тому же убийце. И, главное, почему он убивал тех, с кого мог снять в лучшем случае три десятка дешевых нейро-модулей?..

- Точнее, сперва снять, а потом убить, но суть та же, - согласился Баросса, вновь окутываясь табачным дымом, - Не вяжется. Если он убивал только лишь ради того, чтоб ограбить – он выбирал бы себе более состоятельных жертв. Не нищих и не электриков. Значит, другое. Какие у человека могут быть мотивы, чтоб убивать самых разных людей, не получая от этого никакой материальной выгоды?

- Удовольствие, - собственный голос показался Соломону таким хриплым, будто он сам выкурил пачку крепчайших сигарет, - Кхм. Ради удовольствия. Судя по всему, он убивал их просто так, не руководствуясь какими-то сложными причинами. Тех, кто случайно попался ему на глаза и чем-то привлек внимание.

Баросса швырнул в окно сигарету, прочертившую по асфальту короткий алый пунктир и пропавшую под колесами другого автомобиля.

- Но как безумец, бросающийся на жертву просто потому, что та ему приглянулась, то есть, руководствующийся животной логикой, способен демонстрировать феноменальные таланты нейро-взломщика? Это ведь как сочетание огня и льда. Либо одно, либо другое.

- А что, если их двое? – спросил Соломон и сам поморщился, сообразв – глупость ляпнул…

- Не может их быть двое. Бомбу может подбросить только тот, кто взламывает нейро-интерфейс жертвы. Так что этот проклятый

дуализм надо разгадать до конца. Иначе нам не понять его образа мышления. А значит, не предупредить следующий шаг.

- Следующий шаг, скорее всего, будет позже. Судя по статистике, между преступлениями иной раз проходило почти по году. Скорее всего, наш убийца хорошо наедается и впадает в спячку. До тех пор, пока вновь не чувствует голод.

- Возможно, он испытывает огромное удовольствие от наблюдения за своими жертвами, - сказал Баросса негромко, - Вот, что может его притягивать. Он наблюдает за тем, как опустошенный человек медленно отсчитывает свои последние дни. Может, его прямо-таки гипнотизирует это зрелище. Знаешь, как корабль, который уходит под воду. Со стороны кажется, что он на плаву и хорошо держится, но ты знаешь, что ниже ватерлинии у него огромная пробоина, которую не залатать. И он погружается, погружается…

- Садист?

- Скорее всего. Он из тех, кто любит убивать медленно и следить за сценой до тех пор, пока не опустился занавес.

- Из тех, кто в ресторане ест медленно, но не оставляет ни корки?

- Вот-вот.

- Эй! Красный свет.

- Вижу.

«Умляутмобиль» послушно остановился под сияющей красной звездой. К нему от газетного киоска, неуклюже ковыляя, тут же направился нищий, карауливший у светофора и прятавшийся за мусорными баками. Он был весь всклокоченный и распотрошенный, как игрушка, с которой долго играла кошка, множество слоев грязной одежды давно образовали какое-то причудливое, почти однородное, месиво. Грязная седая борода тоже выглядела частью какого-то предмета одежды вроде шарфа, к тому же она была не менее грязной и всклокоченной.

Чтоб не смотреть на него, Соломон уставился на газетный киоск, заставляя себя читать набранные крупным шрифтом заголовки. «Патентная война между Эппл и Самсунг привела к новым жертвам: две тысячи человек погибло на западном фронте!». «Известная блюзовая певица Патрисия Лавхерст предстала перед судом по обвинению в нейро-мошенничестве – под видом своей сексапильности она продавала сексапильность своей сестры!». «Скончавшаяся на прошлой неделе кино-звезда завещала свое чувство такта детям из сиротского приюта».

Однако нищий уже был возле автомобиля.

- Уважьте старика, благородные господа, - заскрипел он, искательно заглядывая в глаза Соломона через ветровое стекло, -

Имейте снисхождение к жертве проклятого зелья! Сами поглядите, до чего меня довела выпивка. А когда-то у меня были дом, машина и жена… Всего пару монет на нейро-модуль, благородные господа! Чтобы я смог наконец побороть эту дьявольскую жажду! Пара монет могут спасти человеческую жизнь и человеческую душу!..

Глаза у нищего лихорадочно блестели. Неприятный блеск, кажущийся маслянистым, скользким. В этом взгляде, как в канализационном коллекторе, смешалось все – показное самоунижение, жажда, нетерпение, презрение, стыд, ненависть и возбуждение. Отвратительное варево.

Соломон запустил руку в карман пиджака и вытащил мелкую банкноту, которую просунул сквозь приоткрытое окно. Нищий не стал утруждать себя сложным ритуалом принятия дара – издал восторженный нечленораздельный возглас, с удивительным проворством цапнул банкноту и, все так же ковыляя, устремился прочь.

- Зря ты ему денег дал, - сказал Баросса, когда автомобиль тронулся, - Он же лгал. Всем алкоголикам давно ставят блокирующие нейро-модули бесплатно за счет муниципалитета.

- Я знаю.

«Умляутмобиль» давно уже миновал перекресток, а нищий и подавно скрылся из вида, растаяв в беспокойно трепещущей неоновыми огнями ночи. Но Соломону казалось, что он все еще ощущает чужой взгляд, гадкий и липкий.

«Забавно, - подумал он, - Уж кому бы бояться чужого взгляда. На меня множество раз глядели убийцы, грабители, насильники, садисты и воры. И в их взглядах никогда не было любви и обожания. Они всегда смотрели с ненавистью. Я к этому привык. А когда на меня посмотрел этот старик, я чуть не вздрогнул, так сделалось противно…»

А ведь в этом взгляде не было ничего сверхъестественного, ничего такого, чего не могло быть во взгляде нищего, голодного и грязного старика, который сквозь стекло дорогого автомобиля смотрит на мужчину в хорошем твидовом костюме. Жажда, зависть, отвращение…

Жажда. Даже не так – плотоядность, понял Соломон. Вот что было во взгляде.

Как у хищного зверя, в медно-желтых глазах которого отражается то, что еще не случилось. Этот нищий не просто ждал подачки. Он смотрел на Соломона как на добычу, недоступную, но очень желанную. Настолько желанную, что, кроме ненависти, в его взгляде было и восхищение. Наверно, так смотрят на врага, который находится несоизмеримо выше тебя и безнадежно лучше.

На врага, которого можно ненавидеть, но с которым нельзя сравниться. На врага, которого не просто хочешь уничтожить, а которого… Которым сам хочешь быть.

Вот оно. Точно.

- Кажется, я знаю, кого мы ищем, - сказал Соломон.

Он произнес это так буднично и спокойно, что Баросса не выказал удивления, лишь шевельнул бровью.

- Кого?

- Действительно, это не хладнокровный убийца и не жадный вор.

- Уже интересно. Кто тогда?

- Психопат. Маньяк, если угодно. Ему не нужны деньги, и чужие жизни он отнимает не из-за внезапно вспыхнувшей страсти. Это сумасшедший, Баросса. И, кажется, я начал понимать, что им движет.

- Выкладывай. Пока идея кажется вздорной, но, может, и есть в ней зерно… кхм… чего-то там.

- Он ненавидит себя. Это характерно для многих психопатов. Стесняется себя самого, презирает и клянет. Глубочайший комплекс самоуничижения, о котором окружающие наверняка не догадываются. Такому человеку мало удовлетворить свою страсть к убийству. Его движет не голод, не любовь к теплой крови, а нечто более сложное, более изощренное. Желание завладеть чужой личностью. Перевоплотиться. Уйти от себя. Превратиться во что-то другое, пусть и на время.

- Знаю таких парней. Некоторые из них после убийства срезают со своих жертв лица, чтобы сделать из них кожаные маски. Им кажется, что это хороший способ стать другим человеком, а?

- Да, я говорю именно об этом. О людях с болезненной фобией собственной личности. Они надевают чужое лицо и чужую одежду, пытаясь обмануть природу и самих себя, вживаясь в чужую роль. У нас здесь именно такой случай. Этому парню нужен был не нейро-софт. Ему нужны были чужие жизни. Вот как. Он срезал со своих жертв нейро-софт не для того, чтоб продать его или оставить в качестве трофея. Он хотел не просто убить их. Он хотел стать ими.

«Умляутмобиль» дрогнул на ходу, словно рука, лежащая на рулевом колесе, безотчетно дернулась. Баросса снизил скорость и несколько секунд молчал, глядя прямо перед собой.

- Кое-что сходится, - сказал он наконец, - Это верно. Все убитые относились к разным социальным группам.

- Вот именно. Он менял личности как перчатки, хотел перепробовать все. Он хотел быть продавцом, преподавателем,

бизнесменом… Ему нужны были новые и новые маски. Он снимал с жертвы весь нейро-софт до последнего модуля – привычки, манера общения и мышления, даже жесты… Идеальное перевоплощение. Ты не просто примеряешь костюм другого человека, ты и становишься им.

Лицо Бароссы скривилось от отвращения. Этому лицу редко приходилось выражать подобное, поскольку его обладатель был в высшей степени хладнокровен. Тем неприятнее было видеть судорогу лицевых мышц.

- Какая дрянь… - прошептал Баросса, - Это хуже, чем каннибализм. Хуже… Великий Макаронный Монстр, да хуже, кажется, ничего и не бывает! Как представлю… Кто-то щеголяет в твоей личности, напялив ее на себя, точно украденный из прачечной костюм… Он думает, как ты, чувствует, как ты, держится как ты…

- Судя по тому, что интервалы между кражами неравны, чужая шкура со временем надоедает ему. Где-то он задерживается больше, где-то меньше. Когда постоянно носишь один и тот же костюм, это утомляет. Поэтому он время от времени отправляется на поиски нового. Не знаю, по какому принципу он выбирает свою жертву. Может, действует по наитию, инстинктивно. Может, находит интересующий его образец и долго изучает его, разглядывает… Потом один молниеносный удар – и готово. От человека остается подрагивающая бесхребетная личинка, опустошенная, смятая и ужасно напуганная. А у него есть время погулять в новом костюме.

Баросса скривился.

- Тогда получается, что Эмпирей Тодд в некотором смысле не умер, - произнес он, - Потому что то, что ходит как Эмпирей Тодд, разговаривает, как он, и чувствует, как он, разгуливает сейчас по Фуджитсу. И в некотором смысле это действительно Эмпирей Тодд.

- Пожалуй. Не хочу обсуждать этот вопрос.

- Ладно… Но почему он использует нейро-бомбы? Ведь он получает то, чего хочет. Зачем ему убивать людей?

- Потому что он собственник, Баросса. Собственники часто безапелляционно ревнивы. Заполучив объект своей страсти, он не останавливается до тех пор, пока не убеждается в том, что никто не заберет его назад. Ограбленные им люди – это опасность, пусть даже крошечная. Кроме того, он определенно психопат, если ты не забыл. Наверно, переселение в новую квартиру не кажется ему окончательно свершившимся, если предыдущей жилец не отошел в лучший мир. В данный момент он хочет быть единственным Эмпиреем Тоддом на планете, а не одним из двух, пусть даже

другой – всего лишь бледный призрак. Поэтому, ограбив человека, он оставлял нейро-бомбу. Которая ждала несколько дней – и посылала в мозг мощный деструктивный импульс. Все просто. Самоубийство отчаявшегося человека не вызовет подозрений. И обезопасит убийцу от дальнейших претензий кого бы то ни было. Резонно?

- Угу. Звучит отвратительно, но вместе с тем и логично. Как думаешь, сколько у нас времени до следующего раза?

- Не знаю. Зависит от того, как быстро наш нейро-маньяк наиграется с очередной игрушкой. Как быстро ему надоест быть господином Эмпиреем Тоддом. Может пройти полгода или год… А может, пять лет? Как знать?

- Надо действовать, - решительно сказал Баросса, с изяществом закладывая поворот, - Мы не можем позволить, чтоб этот дьявольский допельгангер продолжал карьеру в Фуджитсу.

- Судя по тому, как легко ему дались девять убийств, пока что он опережает Транс-Пол как матерый волк – свору разжиревших слепых дворняг. К нашему несчастью, он превосходный нейро-взломщик. Наносит удар и тут же исчезает. Как его ловить? Приставить к каждому из десяти миллионов жителей по детективу? Мы ведь даже не знаем, чью шкуру он захочет напялить в следующий раз. Мы ищем бизнесмена Тодда – а он уже стал барменом, например. Или таксистом. Или проповедником. У него десять миллионов потенциальных целей.

- Надо подготовить обращение к населению. Напомнить, чтоб пользовались только сертифицированным нейро-софтом и…

Соломон покачал головой:

- Этот ублюдок – не школьник, ловящий простаков на дешевую наживку. Он запросто взломал сложнейший ассоциативный замок третьего уровня.

- Тогда объявим вознаграждение за поимку. Если вы заметили, что ваш сосед или знакомый внезапно резко поменял стиль общения, словно заменил сразу несколько модулей, обратитесь в Транс-Пол.

- Теплее. Да, это может сыграть.

- И, конечно, довести информацию до Мафии.

- Мафия… - Соломон поморщился, - Терпеть не могу этих лощеных бюрократов.

- Мафия – это десятки тысяч глаз и ушей на улицах, - наставительно сказал Баросса, - Зорких глаз и чутких ушей. Если мы снимем часть обвинений с некоторых их региональных топ-менеджеров и пообещаем что-то вкусное, они носом асфальт будут рыть, только бы найти нейро-маньяка.

- Ладно, согласен. Кроме того, нам надо раздобыть всю

информацию по Эмпирею Тодду. Опросить его знакомых и вытащить на свет все детали его жизни. В каких ресторанах любил бывать, где гулял, с кем спал, с кем общался. Если нейроманьяк решил стать им, он неизбежно будет копировать его увлечения и привычки. На этом мы можем его взять.

- Не так уж и плохо, - прикинул Баросса, - Видишь, у нас уже есть зацепки. Раз так, взять его за загривок мы сможем.

- Да. Наверно.

Убаюкивающее покачивание автомобиля не расслабило Соломона, напротив, «Умляутмобиль» словно пережевал его, как стиральная машинка, оставив разбитым и измочаленным. Мысли казались холодными и сырыми, как нано-твид плаща. Хотелось вышвырнуть их из головы, но они неуклонно пробирались обратно. Если в Фуджитсу хозяйничает маньяк… Опасный, жестокий, уверенный в себе и умелый…

«Тебя пугает не это, - сказал Соломон сам себе, рассеяно глядя в окно, - А то, что этот маньяк не такой, как все прочие. У него нет конкретной цели, нет любимых блюд. Это абсолютный хищник, который может напасть на добычу по ведомым только ему одному причинам. А значит, никто не может быть в безопасности. Он может наблюдать за тобой, когда ты идешь по улице или сидишь в кабинете. Он может быть твоим соседом или школьным приятелем. Он смотрит на тебя исподтишка, но он не станет банально душить тебя в подворотне. Он хочет твою жизнь в самом полном и прямом смысле этого слова. Он хочет быть тобой. Хочет выглядеть, как ты, думать как ты и улыбаться как ты. Хочет тебя без остатка. Это и пугает. Это-то и жутко».

- Остановка «Дворец Соломона», - объявил Баросса. Только тогда Соломон заметил, что «Умляутмобиль» остановился напротив его дома, - Выбирайся. А завтра начнем работу. Будем обкладывать ублюдка со всех сторон… Устроим славную охоту, а? Гончие, флажки, все как полагается.

- Да, - сказал Соломон, зевая, - Устроим. Конечно.

- Бывай!

Автомобиль, оставив Соломона на тротуаре, устремился вперед, нетерпеливо порыкивая двигателем, как молодой и крупный зверь, пробующий свои силы. Соломон шагнул к своему дому, в который раз отметив, до чего же тот выглядит безжизненным и мрачным в ночной тиши. Свет не горел – значит, Анна, не дождавшись его, легла спать. Что ж, это к лучшему.

«Кажется, вы задержались на работе, господин Пять? Это очень, очень плохо. У нас по этому поводу будет серьезный разговор…»

Дом был небольшой, но ухоженный. Его фасад был знаком Соломону уже много лет, так же хорошо, как лицо старого друга. Обвисшее лицо стареющего интеллигента, еще достаточно опрятного, чтоб следить за собой, но в то же время достаточно открытое, чтоб выражать истинный возраст. Соломон любил этот дом, скрипучий, тесный и пахнущий старым деревом. «Дом – это отражение тебя самого, - подумал Соломон, закрывая дверцу автомобиля. Замок предательски-громко заскрипел, - Мы строим свои дома так же, как строим самих себя. И в конце концов привыкаем к ним так же, как к самим себе, срастаемся с ними. А ведь, в сущности, это все – несколько десятков кубических метров камня, дерева и металла».

У соседей еще горел свет, играла музыка – кажется, джаз-баллада «Люби ее вечно» Леддермана – и Соломон, поднимаясь на крыльцо и нащупывая в кармане ключ, не смог удержаться от того, чтоб подпеть хриплому баритону:

Твоя малышка завтра станет другой
Быть может, она перекрасит волосы
Или станет смотреть на тебя иначе
А может, она станет наивнее
Или смелее
А то и вовсе превратится в пантеру
Никто не знает, что творится в голове у женщин
Но одно ты знаешь наверняка
Ты всегда будешь любить ее вечно…

Он снял в прихожей плащ, неприятно влажный и тяжелый, скинул ботинки. Налево – спальня. Если он пройдет туда и включит ночник, то увидит удивительно красивую женщину, спящую на кровати. Ее разбросанные по подушке волосы цвета корицы в полумраке будут казаться почти черными. Она будет мягко ритмично дышать, но когда он, освободившись от своей искусственной твидовой кожи, заберется под одеяло, женщина, не открывая глаз, прильнет к нему, мягкая и податливая, чтобы поцеловать в щеку. И этот поцелуй будет особенно сладок из-за привкуса сна, своей чистотой напоминающего что-то детское и трогательное. И тогда он наконец в полной мере почувствует, что дома. Что он вернулся из Города Серого Камня туда, где он на своем месте.

На кухне, он знал это, даже не включая света, его ждет тарелка, накрытая белоснежной салфеткой, рядом – палочки для еды, и еще теплое сочное тонкацу в серебряной кастрюльке,

источающее внеземной аромат, от которого нетерпеливо ерзает на своем месте желудок.

Но сперва надо кое-что сделать.

Соломон, стараясь не шуметь, прошел в правую комнату и оказался в кабинете. Точнее, он сам привык называть эту комнату кабинетом, хотя здесь не было даже письменного стола, только кушетка и несколько книжных шкафов. Он никогда здесь не работал со служебными бумагами и не писал писем, но «кабинет» для него был не просто комнатой, где работают. В кабинете полагается быть особенной атмосфере, сосредоточенной и тихой, как в библиотеке. Пропитанный запахом старой бумаги воздух – не такой резкий, как в архиве Транс-Пола – особенным образом действует на голову, может, какие-то иные химические элементы находятся в нем…

Аппарат стоял в углу, почти неприметный, если бы не матовый блеск дисплея. Удобное кресло из натуральной кожи, ничуть не похожее на больничное, три точки регулировки. Стоящий на специальной полочке нейро-корректор – изящный, легкий, похожий на корону какого-нибудь древне-европейского монарха, только лишенную стекляшек. Разве что к коронам едва ли подключался хвост из нескольких десятков стянутых в жгут проводов. И, конечно, клавиатура – этакий маленький пластиковый оргАн с теплыми клавишами.

Соломон сел в кресло, едва заметно качнувшееся под его весом. Нейро-корректор – на голову. В первые разы эта процедура немного пугает – кажешься себе приговоренным к электрическому стулу преступником, который сам закрепляет на голове электроды – но к ней быстро привыкаешь. Главное, чтоб обруч плотно прилегал, особенно в области затылочной доли. Щелчок упругой кнопки питания, и аппарат медленно оживает. Из его недр доносится едва различимый гул, а еще можно почувствовать тепло и запах нагретой пыли, который отчего-то напоминает Соломону о стареньком пленочном проекторе, который был у него в детстве.

Дисплей наконец загорается. Несколько раз неуверенно моргает и выдает привычную картинку – государственный герб-логотип Фуджитсу на зеленом фоне. Внизу экрана проступает надпись – «Внимание, ваш нейро-интерфейс защищен ассоциативным замком. Чтобы открыть его и предоставить доступ терминалу, сконцентрируйтесь и подумайте о море».

Соломон думает о море, которого никогда не видел. Вопросы каждый раз разные, иногда требуется думать о лошадиных хвостах или старой картошке, но это не играет никакой роли – считывающий элемент нейро-терминала сейчас внимательно

вчитывается в энцефалограмму его мысленных процессов, вычленяя нужные элементы. Ассоциативный замок – бездушный механизм, но он знает Соломона Пять лучше всех существ, обитающих на этой планете. Он досконально знает сложные цепочки его ассоциаций и всегда может определить нужные последовательности.

Короткий подтверждающий гудок – и на дисплее открывается нейро-интерфейс. То же самое, что заглянуть самому себе в голову, только кто-то уже привел ее содержимое в порядок, аккуратно рассортировав по полочкам. «Открыть меню модулей нейро-софта» - набирает Соломон на клавиатуре. И видит самого себя, разложенного по сорока шести папкам. Сорок шесть коротких строчек молочного цвета на зеленом фоне. В такие минуты Соломон всегда ощущает благоговение. Как будто он оказывается на заводе по производству собственных мыслей. Что в некотором роде отвечает действительности.

«Установка новых нейро-модулей». Нейро-корректор вновь пищит, и в этом писке Соломону мерещится торжество. «Установить нейро-модуль из сертифицированного государственного реестра». «Пи-и-иип!..» - отвечает нейро-корректор, мягко обхвативший его голову. Это звучит как «Молодец, Соломон, давно пора было!». «Поиск по реестру. Ручной ввод».

Нейро-корректор несколько секунд думает, прежде чем выплюнуть на экран новую порцию молочно-белых символов. Зеленый цвет фона кажется резким, но он почему-то успокаивает. «Твид, табак и страсть» - вводит Соломон с клавиатуры. Запах горячей пыли, кажется, становится сильнее, аж свербит в носоглотке. Впрочем, это, наверно, нервы. Он всегда волнуется, когда ставит нейро-модули, ну точно мальчишка на первом свидании. А ведь сорок шесть штук, казалось бы, давно пора привыкнуть… Но, видимо, к некоторым вещам привыкнуть просто не получается – всегда как в первый раз. Соломон мысленно содрогается, представив себе полдюжины невидимых паяльников, которые прячутся в толстом ободе корректора, уже наметив себе цель и ожидая только команды. Сейчас они вопьются в податливую мякоть мозга, ужасно запахнет паленым… Конечно, никаких паяльников там нет. А излучающие контуры действуют совершенно неощутимо и безболезненно. Наверно, надо будет поставить какой-то модуль, блокирующий излишне-бурное воображение…

На дисплее появляется новая информация в виде ровных колонок текста. Краткое описание. Противопоказания. Отзывы. Технические данные. Стоимость. Соломону хочется присвистнуть

– неслабые у кого-то аппетиты! – но он не хочет разбудить спящую в соседней комнате женщину. Что ж, за моду всегда приходится хорошо платить.

«Совершить оплату» - набирает он на клавиатуре и смотрит, как меняется цифра рядом с надписью «Ваш счет». На неделю придется забыть о маленьких удовольствиях вроде кружки пива на обед или новых перчаток взамен прохудившихся.

«Нейро-модуль готов к инсталляции, - бесстрастно сообщает дисплей, - Проверьте правильность креплений и нажмите на кнопку «Начать». Соломон тянется к этой кнопке, но не сразу решается нажать. Теплый пластик вдруг начинает казаться зловещим, точно сталь спускового крючка. Палец нерешительно скребет поверхность кнопки.

«Сорок семь, - думает Соломон, заставляя палец приложить силу, - Сорок семь…»

Короткий щелчок утопленной клавиши – и тело обмирает в удобном кожаном кресле, словно ждет удара током. Самое страшное мгновенье перед инсталляцией – та доля секунды, когда нейро-корректор разогревает излучающие элементы. Зато потом от Соломона уже ничего не будет зависеть. Он знает, что будет потом. Мягкий упругий удар по вискам – точно хлопают детские ладошки – короткое мгновение беспамятства, темноты. Оно столь коротко, что даже не сразу понимаешь, что вырубался. За ним приходит головокружение, неприятное, но быстро проходящее. Главное – сразу же не вставать, посидеть немного. Тогда через несколько секунд зрение полностью прояснится, а желудок вернется на свое место.

Но вместо хлопка он ощущает, как какая-то сила вонзает ему в виски два утробно-скрежещущих бура. Сквозь тонкие височные кости они проникают прямо в мозг – и по спине, пересчитывая каждый позвонок, проходит ледяная колючая плеть боли. Боли так много, что Соломон закричал бы, но голосовые связки оказываются раздавлены спазмом.

Мир перед глазами темнеет и начинает мерцать, делаясь похожим на барахлящую неоновую вывеску. Соломон вслепую пытается дотянуться до клавиатуры, но не может даже определить, какое положение занимают его руки в пространстве. Он чувствует себя крохотным существом, сжатым в угольно-черном лабиринте собственного черепа. Мыслей нет. Точнее, он сам – это и есть мысль. Последняя мысль в подступающем все ближе кошмаре. Надо вскочить из кресла, сорвать с головы нейро-корректор и…

…сознание возвращается к нему медленно. Это похоже на барахлящий поезд, едущий по длинному темному тоннелю и

медленно освещающий фарами все вокруг. Отчаянно тошнит – кажется, желудок сорвало с места и зашвырнуло куда-то к легким. Мучительно болит голова. Даже не болит, просто раскалывается, посылая во все клетки тела сигналы бедствия. Кажется, все ее фрагменты сдерживает вместе только обруч нейро-корректора. Во рту – что-то едко соленое, отдающее медью, как концентрированная кислота из аккумулятора.

Соломон дрожащими пальцами вытирает лицо от пота. Сбой излучающих контуров, вот что это такое. Что-то забарахлило – и он получил электрический разряд. Как же болит затылок… Ну ничего, удар был не смертелен. Нас, старых детективов, банальным электро-шокером не убить. Надо подняться и…

Есть еще одно ощущение, которое он испытывает, но оно слишком сложно и пока еще слишком заслонено болью, чтобы его можно было понять. Но оно почему-то кажется Соломону важным. Он пытается нащупать его, как язык нащупывает дырку в зубе. Но тщетно.

Соломон наконец срывает с себя обруч. Он не раскалившийся, как ему казалось, напротив, прохладный. Наверно, надо показаться врачу – черт его знает, что эта проклятая железяка могла выжечь у него в голове. Шатающейся походкой он ковыляет к окну – вдохнуть немного воздуха. Глоток свежего ночного воздуха поможет ему обрести ясность ума, которой пока отчаянно не хватает. Вместо мыслей – комки свалявшейся серой шерсти. Вместо внутренностей – липкие комья желе. И, что еще хуже, что-то тошнотворно давит внутри, точно распирая его.

У оконного стекла что-то движется, но зрение Соломона еще недостаточно восстановилось, чтобы понять, что это. Он видит точку, бьющуюся с тихим стуком в стекло. Когда он делает еще один неуверенный шаг, его вдруг накрывает волной ужаса. Маленькое, но удивительно громко жужжащее вытянутое тело, ярко-желтое, как новенький автомобиль. Поперек желтого тела – страшные черные полосы.

Оса. Всего лишь маленькое насекомое, пробравшееся, должно быть, через щель в кухонном окне и не сумевшее выбраться наружу. Но Соломон чувствует, как спирает от ужаса дыхание, а сердце превращается в неподвижную подгнившую грушу, болтающуюся в груди. Оса, не обращая на него внимания, бьется в стекло. Снаружи осень, видимо, она залетела в окно днем и не успела найти выход до темноты. Соломон делает несколько выдохов и пятится от окна. Что-то внутри него понимает, что оса не может быть ему опасна, но он ничего не может с собой сделать. Ему мерещатся огромные, смоченные прозрачным соком,

жвалы, сегменты хитинового панциря, отвратительные суставчатые лапы и фасеточные глаза. Если бы тело полностью ему подчинялось, он выхватил бы револьвер – и всадил в желтую точку все шесть пуль.

Сдерживая рвущееся из груди дыхание, Соломон пятится назад, не отрывая взгляда от осы. Что-то не так, старик, что-то совсем не так. Ты ведь никогда не боялся ос. Точнее, боялся, но в восьмилетнем возрасте, а потом…

Соломон поднимает руки ладонями вверх и смотрит на них. Обычные человеческие руки, морщинистые, с грубой кожей.

- Нет, - бормочет он, всхлипывая, - Нетнетенет…

Так не бывает. Разве что в дешевых комиксах. Так не бывает. Не в реальной жизни. Не с ним, детективом Соломоном Пять. Только сейчас он понимает, что чувство, распиравшее его изнутри, было не совсем тем, что он представлял раньше. Это было не что-то, рвущееся наружу. Это было что-то оставшееся после того, как что-то другое исчезло. Вакуум на месте чего-то. Кусок прохладной, как металл нейро-корректора, пустоты.

Трясущимися руками Соломон водружает на голову обруч. Нейро-корректор пищит, словно приветствуя старого знакомого.

«Открыть меню нейро-софта».

Нейро-интерфейс подчиняется. На хорошо знакомом Соломону зеленом поле, ярком и неестественном, как грунт далекой планеты с ядовитой атмосферой, возникают символы. Их мало, так мало, что Соломон с трудом подавляет испуганный вскрик. Там, где раньше был он, точнее, сорок шесть частей его самого, теперь белеет лишь одна короткая строка.

Соломон читает ее трижды, прежде чем позволяет смыслу достичь мозга.

«В вашем интерфейсе не содержится установленных нейро-модулей».

Наконец он находит в себе силы закричать.

ГЛАВА 9

О том, кто вошел в прихожую Соломону лучше визитной карточки сказали донесшиеся до кабинета звуки. Сперва – негромкий хлопок двери, которую вошедший так легко прикрыл за собой, словно она была сделана из фанеры, потом несколько гулких шагов. Шаги при всей своей тяжести были нерешительными, осторожными. Так входят в дом, где есть опасность, где из-за занавески в тебя может ткнуть стволом прячущийся наркоторговец или прыгнуть с ножом разыскиваемый грабитель. Было некоторое противоречие в доносящихся звуках. Они говорили о том, что гость велик в размерах и физически крепок, но, в то же время, свидетельствовали о том, что он отнюдь не спешит зайти в кабинет. Тянет время.

- Я тут! – громко сказал Соломон, приподнимаясь на кушетке.

Дверь почти тотчас открылась, будто вошедший только и ждал этого приглашения, но открылась как-то неуместно бодро и энергично. Вошел Баросса, отдуваясь и улыбаясь на ходу. На улице с утра лил дождь, мелкий, но противный, как досаждающий обстрел из тысяч мелкокалиберных орудий, оттого плащ на Бароссе от влаги приобрел цвет асфальта, а волосы были мокры и местами слиплись, как и ухоженные пиратские усы.

«Это Баросса, мой приятель и сослуживец, - сказал себе Соломон, силясь вспомнить, что он обычно ощущал при взгляде на это лицо, - Он хороший парень, на которого я всегда могу положиться. Важно помнить это».

- Решил проведать больного, - Баросса ухмыльнулся и как никогда стал похож на дерзкого и уверенного морского волка, видимо, из-за мокрых волос, висящих на лбу, разве что не хватало среди крепких здоровых зубов золотого блеска, - Если понадобится, готов уложить в кровать и прочитать сказку.

Соломон отдал лицевым мышцам приказ сократиться и, кажется, сумел выжать из себя ответную улыбку.

- Анна сказала, что ты придешь. Заходи. Садись в кресло.

Он надеялся, что прозвучало это в достаточной мере естественно. Даже самые простые фразы давались ему тяжело, словно он говорил на языке, который до конца еще не выучил, не овладев его интонациями и артикуляцией. Фразы получались сухими, короткими и ломкими.

Баросса снял плащ, примостил его на спинку стула, сам опустился в кресло. Потом взъерошил волосы, еще раз улыбнулся, постучал пальцами по колену, оправил полу пиджака. Слишком

много беспорядочных действий для одного из лучших детективов Транс-Пола.

- Выглядишь уже неплохо, - сказал Баросса осторожно, одними лишь глазами ощупывая Соломона, как обычно ощупывают жертву автомобильной аварии, извлеченную из дымящегося остова, пытаясь понять, сколько костей в ней уцелело, - Нет, серьезно. Вчера выглядел вытащенным из болота недельным мертвецом. А сегодня уже похож на висельника двухдневной давности… Есть, чем промочить горло? Промок, как собака… Как бы не простудиться.

- Возьми в буфете.

Баросса уверенно открыл буфет и, придирчиво рассмотрев запасы, подцепил бутылку рисовой водки «Лао-Хао». Отточенными жестами старого холостяка он ловко извлек две пыльные рюмки, дунул в каждую, поставил на кофейный столик возле кушетки. Два коротких булька – и вот уже в каждой рюмке налито на два пальца прозрачной, немного маслянистой, жидкости. Бутылка, которую Баросса поставил рядом, была полупуста. Днем ранее Соломон распечатал ее, надеясь, что эта жидкость сможет заполнить ту каверну, что образовалась в его голове, пусть даже и окажется змеиным ядом. Но алкоголь не брал его, Соломон ощущал лишь гнетущую усталость и отупение, превращаясь в подобие равнодушного снежного сугроба. С тех пор к буфету он не прикасался.

- За тебя, - кратко провозгласил Баросса, поднимая крошечную рюмку, - За старого доброго детектива Пять и семь его смертных грехов!

Баросса никогда не умел говорить звучных тостов, компенсируя это энтузиазмом и чувством. «Надо поднять рюмку к губам, улыбнуться в ответ, и выпить, - подумал Соломон, ощущая в руке неприятную гладкость стекла, - Да, именно так».

Рисовая водка показалась ему каким-то неприятным и едким химическим соединением. Язык судорожно вжался в нёбо от ее прикосновения, водка потекла по пищеводу. Какая дрянь… Раньше он ее любил. Без всяких модулей. Но сейчас она кажется ему отвратительной и неприятной. Наверно, любовь к ней была частью «Бейли», а он сам этого не замечал. Хладнокровные внимательные детективы, ценящие старомодность, всегда любят рисовую водку.

«Проблема в том, что "Бейли" нет, - подумал Соломон, стараясь сдержать жгучую отрыжку, - Я снял его, как Баросса снял свой мокрый плащ. Нет теперь никакого «Бейли», а то, что осталось вместо него, настолько отвратительно, что и думать о нем не хочется…»

Соломон подумал, не включить ли радио, чтоб подавить неуютную, повисшую между ним и Бароссой, тишину, но отказался от этой мысли еще до того, как пальцы успели бы лечь на верньер. Радио он включал несколькими минутами раньше, передавали старый радио-спектакль, который раздражал его неуемным оптимизмом и бурлеском даже в лучшие времена. Про какого-то инженера, который, выпив сверх положенного, случайно поставил себе нейро-софт другого человека, став едва ли не его близнецом. Вместо Билайна он улетел в Балтику, где, как оказалось, существовала такая же улица, что и в его родном городе, и дом под тем же номером, а живущая там женщина поначалу приняла его за своего жениха, на которого он был похож как две капли воды… Даже молчащий радио-приемник сейчас вызывал у Соломона глухое ноющее раздражение.

- Был у врача? – неожиданно спросил Баросса. Он враз посерьезнел. Может, ощутил, что его напускная веселость не помогает. Хорошие детективы лучше всякого психолога видят состояние собеседника.

- Был, - без всякого выражения сказал Соломон, - Вчера.

- Что он говорит?

- То же, что и ты. Говорит, погода на улице неважная.

- Соломон.

Соломон вздохнул:

- Знаешь, какая должность у этого врача? Нейро-специалист. Нейро. Слушай, тебе никогда не казалось, что вокруг нас стало слишком много слов с приставкой «нейро»?.. Нейро-модули, нейро-софт, нейро-вандалы, нейро-маньяки… Как будто это самое «нейро» пытается пристроиться к каждому слову, постепенно захватывая весь лексикон. Нейро-дом, нейро-люди… Может, в конце концов мы станем жить в одном огромном нейро-мире? Представь себе, свой отдельный мир, крошечный, как молекула, который шприцом впрыскивают тебе в гипоталамус. Мир, где ты сам придумываешь правила и строишь окружение…

- Соломон.

- Что?

Баросса нахмурился, зубы сжались. Наверно, таким его видели преступники Фуджитсу. Не балагурящим беззаботным пиратом, а огромным истуканом с непроницаемым и мрачным лицом. От взгляда которого делается неуютно.

- У тебя депрессия, это нормально.

- Нейро-депрессия? - Соломон едва не хихикнул, - Ладно, забудь. Врач не сказал мне ничего интересного или нового. Он сказал, что весь нейро-интерфейс выдернули меня, как… А, вспомнил. Как сережку из уха. Никакой тонкой и изящной

работы. Просто выворотили. Как он смотрел на меня…

- Кто?

- Врач. Нейро-специалист. Он смотрел на меня так, как смотрят на изнасилованную девушку. Как на что-то жалкое и неприятное, но жалкое и неприятное не по своей воле. Знаешь, это как взгляд на прокаженного. Ты видишь его уродство и понимаешь, что он не выбирал его, что болезнь пришла к нему вне зависимости от его воли и желания. Просто так получилось. Но в то же время он отвратителен тебе, и отвратителен совершенно явственно, на физическом уровне.

- Ты не болен, Соломон.

- Посмотри на меня… И скажи это еще раз.

Но Баросса отвел взгляд.

- Ты просто лишился нейро-софта. Костылей, как ты сам говорил.

- Проблема только в том, что «я сам», изрекавший подобные мудрые мысли, уже не тот я, который сидит перед тобой. А костыли… Знаешь, если всю жизнь ходить на костылях, ноги атрофируются, превращаясь в беспомощные обрубки.

Баросса вновь наполнил рюмки, молча, с сосредоточенностью человека, решающего сложный шахматный этюд.

- Нейро-шрамы? – спросил он, закончив с этим.

- Да. Он называл их иначе, но суть та же. Мой нейро-интерфейс сильно поврежден вторжением взломщика, на восстановление могут понадобиться в лучшем случае годы. Про худший случай, думаю, можно не говорить?.. Я не могу поставить себе даже дешевый модуль для любви к сыру. Я, Соломон Пять, «Стук Закона», полностью утратил власть над тем, что находится в моей черепной коробке. Я теперь инвалид, единственная частица мира, которая несовместима с приставкой «нейро».

- Понимаю, - сказал Баросса. Он выглядел удрученным, измотанным, каким-то скомканным и мокрым, как его собственный плащ, висящий на спинке стула. Наверно, он и в самом деле понимал. Или очень хотел понять.

- Не понимаешь, - от напряжения голос скрипнул несмазанным замком, - Ничего ты не понимаешь, Баросса. Ничего я тоже не понимал, когда смотрел на Эмпирея Тодда, ходячего мертвеца… Жалкий, бледный, перепуганный… Я ведь тоже смотрел на него с отвращением, как на прокаженного, вот ведь в чем штука. Он был мне противен, как противен всякий гадкий, опустившийся, неприятный тип. А ведь он тоже не был виноват… Ничего ты не понимаешь. Нет, пей сам, я не буду.

Соломон попытался найти нужные слова, но не обнаружил их. Как описать Бароссе, этому уверенному в себе и сильному

человеку, что ощущаешь, когда приходит понимание, что же с тобой произошло. Когда чья-то рука вырывает из твоего мозга все то, что ты бережно укладывал в него много лет - как мальчишка, прячущий самые ценные сокровища в потайном сундучке. Особые сокровища, имеющие значения только для него… Как ощущаешь себя, обнаружив кусок ледяной пустоты внутри себя. Пустоты, которая еще недавно была всем, а теперь – просто незанятое пространство, вакуум.

«Ощущаешь себя домом, - подумал Соломон, наблюдая за тем, как Баросса не дыша пьет водку, - Домом, который простоял много лет, и из которого внезапно выехали жильцы, оставив вместо привычной колченогой мебели, затоптанных ковров, звенящих кастрюль, запаха табака и детской присыпки пустые голые стены, между которых гуляет сквозняк. Еще недавно ты думал, что они – всего лишь мелкие беспомощные существа, которым ты позволил укрыться под твоей крышей. Они не имеют над тобой власти и их всегда можно заменить. А потом ты вдруг ощутил эту внутреннюю пустоту, которая осталась на их месте, пустоту, которую уже некем заполнить. Участок мертвого пространства с клочьями оставшихся обоев, поцарапанным паркетом, никому не нужной ржавой вешалкой и рассохшимся шкафом. И ты вдруг понимаешь, что смех, поздние разговоры на кухне, выкрики, поучительные рассказы – все это производил не ты сам, потому что твои каменные стены не способны производить никаких звуков. Все это происходило внутри тебя. А теперь больше не происходит. Ты стоишь, пустой, холодный и уже начавший оседать, и смотришь на окружающий мир, отчаянно и запоздало пытаясь сообразить, как же так вышло…»

- Это депрессия, - сказал Баросса, понимающе кивнув, хоть Соломон ничего этого и не сказал вслух, - Я консультировался у специалистов. Они говорят, что это, увы, нормальное состояние для всего, кто подвергся подобной травме.

- Травме? – Соломону захотелось расхохотаться, сотни злых ядовитых игл уперлись изнутри под ребра. Но это смех был бы похож на смех гиены, поэтому ему пришлось сдержать его, - Это не травма. Это ощущение того, что из тебя вырвали скелет с потрохами. А из оставшегося набили чучело. Из такой, знаешь, старой склизкой гнилой соломы…

- Синдром утраты личности. Это тоже не редкость, особенно в таких случаях. Пострадавшим кажется, что они потеряли не нейро-софт, а нечто куда более значимое. Самих себя, душу… Это иллюзия, Соломон, помни об этом. Ты не пропал. Ты сидишь передо мной, детектив Транс-Пола Соломон Пять. Я знаю твое лицо и твой голос, я могу коснуться тебя. Вот ты. Ты никуда не

исчез.

Баросса говорил тихо и мягко, его низкий голос успокаивал, как когда-то успокаивал, должно быть, моряков ритмичный скрежет волн под кормой корабля. Но только не того, кто вывалился, никем не замеченный, из его деревянного чрева и теперь медленно погружается в ледяную черную воду.

Соломон покачал головой:

- Я – не Соломон Пять. У меня осталась его память, но не более того. От нее нет никакого толку. Это как хрустящий альбом с незнакомыми фотографиями. Я ничего не чувствую, когда смотрю на них. Это просто клочки прошлого вроде обоев на стенах…

- Каких еще стенах?

- Неважно. Ты пытаешься лгать мне, старик, - в темных глазах Бароссы плеснулось смущение, - Ты же чувствуешь, что говоришь с чужим и незнакомым тебе человеком. Что я отвечаю не так, как твой добрый старый приятель Соломон, не так смотрю, не так думаю. Анна тоже чувствовала.

- Что с ней? – спросил Баросса осторожно. Лучше бы не спрашивал.

- Ей плохо, - ответил Соломон, - И мне плохо. Она хотела остаться дома, пока мне не станет лучше, но не выдержала и двух дней. Нет, она ничего мне не говорила, но зачем говорить, если есть глаза?.. Она боится меня.

- Соломон!..

- О, сперва мы пытались делать вид, что ничего не произошла – мы оба. Соревнование супружеской пары по синхронной лжи… Мог бы получиться недурной вид спорта. Как же жалко у нас это получалось… Я делал вид, что я – Соломон, а она делала вид, что верит мне. И самое страшное, что она, кажется, действительно любила человека по имени Соломон Пять. Его. Не меня. Я словно залез в его кровать и пытался сделать вид, что я – и есть он. Это было хуже постановки на любительской сцене. Чужой костюм сползал с меня поминутно, дешевый грим плыл… Я то и дело старался вспомнить, как поступал обычно в какой-то ситуации, что говорил, а потом повторить это. Но от этого получалось только хуже. Я фальшивил на каждом шагу, все получалось искусственно, натянуто… Она старалась не подавать виду и не замечать… Знаешь, как тяжело жить под одной крышей с женщиной, которая лжет тебе и прячет глаза?..

- Ты сам туго натягиваешь свои нервы. Это не лучший способ выйти из депрессии, - строго сказал Баросса.

- А еще я делал вид, что люблю ее. О Макаронный Монстр, как же тяжело делать вид, что любишь женщину, если на самом

деле она ничего для тебя не значит. В одно мгновенье она стала мне чужой, понимаешь? Все, что между нами было, перестало существовать. Когда я закричал… В ту ночь… В общем, когда все случилось. Она прибежала на мой крик, и я был потрясен переменой, которая в ней произошла. Это была чужая, незнакомая мне женщина. Она была одета как Анна, и у нее были волосы, как у Анны, цвета корицы, но она не была моей женой. Представляешь, как это нелепо… Оказывается, мы любим не того человека, которого видим перед собой. А любим какой-то особенный его слепок, который хранится у нас в голове. Теперь я точно знаю это. Потому что она тоже это почувствовала. Она любила какого-то определенного Соломона Пять. А его не стало. Он просто уехал в дальнее путешествие, оставив меня, как старый плащ, висеть на вешалке. Женщины хорошо чувствуют такие вещи… Мы пытались с этим бороться два долгих дня, но эта ложь, эта необходимость жить под одной крышей с неизвестным и неприятным тебе человеком… Она сломала нас даже быстрее, чем я думал. Теперь Анна старается больше времени проводить на работе. Приходит только поздно вечером. А я… Я сижу здесь. И надеюсь, что буду спать к тому моменту, когда откроется дверь. Или буду достаточно пьян, чтоб не сорваться, и продолжать изображать ее мужа.

- Ты…

- Я, - Соломон помассировал пальцами виски, хотя голова у него не болела, - Да, такой вот новый я. Настоящий. Естественный, без добавок и консервантов. Ладно, не будем… Ребята в участке что-то могут сказать?

Баросса медленно покачал головой.

- Они пасуют. Говорят все то же, что и прежде. Уникальный взлом, мгновенный, решительный и очень дерзкий. Замок на твоем нейро-интерфейсе взломали легко, как щеколду на подгнившей двери. Следов нет. Вообще нет. Лучшее оборудование в Фуджитсу не позволяет определить, кто именно проник в твой нейро-интерфейс.

- Как он это сделал? – глухо спросил Соломон.

Проследив за его взглядом, Баросса увидел домашний нейро-корректор. Точнее, то, что когда-то им было. Аппарат стоял в углу, поэтому детектив сразу не заметил его состояния. Хорошая мягкая кожа обивки во многих местах была взрезана, из широких прорех, вроде тех, что остаются в солдатском мундире после удара штыком, торчала спрессованная вата и какой-то наполнитель. Кинескоп был разбит и глядел пустым выбитым глазом. Обруч нейро-корректора висел на разлохмаченном хвосте проводов, смятый и почти бесформенный.

- Это я, - сказал Соломон, испытывая тягучее и липкое чувство стыда, - Я сломал. Видеть его не мог. Разозлился. Так что?

- Кто-то взломал твой нейро-интерфейс, - произнес Баросса, отводя взгляд, - Каким-то образом вскрыл ассоциативный замок. Очень ловко, с одной попытки. Проник внутрь. И сделал… перестановку. Проще говоря, когда ты зашел в нейро-интерфейс, это уже был не он, а его подсадная копия, внешне не отличающаяся от оригинала. Выбрав нужный пункт, ты загрузил не тот нейро-софт, который хотел установить, а тот, что дожидался, спрятанный где-то в недрах. Простая подмена, действенная и надежная.

- Ключ от моей головы.

- Можно сказать и так. Его код фактически перехватил управление твоим нейро-терминалом. А имея доступ к терминалу и интерфейсу, можно установить или стереть любой софт.

- Дальше можешь не рассказывать, - слабо улыбнулся Соломон. Человек, сидящий напротив него, улыбнулся в ответ. Может, он думал, что эта улыбка – символ того, что не все еще потеряно, - В участке, наверно, кавардак?

Баросса кивнул.

- Как на военном положении. Скоро опустим решетки и разберем дробовики. Не каждый день детектив оказывается жертвой. Маркес и Коротышка Лью на стену лезут, чтоб поквитаться с этим ублюдков. И остальные их поддерживают. Комиссар Бобель уже объявил, что не отпустит ни одного человека в отпуск, пока маньяк не будет пойман. Формально, он еще не маньяк, обычный грабитель, но ребята времени не теряют. Перетряхивают всех, кто мог быть замешан. Старые нейро-грабители, отошедшие от дел, рецидивисты, нейро-вандалы всех мастей… Машина поскрипывает, но обороты набирает. Поверь, мы многих возьмем за шкирку.

- Вам придется сильно попотеть. Потому что в этот раз вы ищете не просто преступника. Вы ищете меня. Человека, который напялил на себя мой слепок. А я больше двадцати лет проработал в Транс-Поле. Я очень осторожен и опытен в таких делах. Глупостей я – тот я, который гуляет сейчас по Фуджитсу – делать не станет.

- Да, - сказал Баросса, - Нам уже пришло это в голову.

Он потянулся было за бутылкой, чтоб наполнить рюмку, но поморщился и позволил руке упасть на колени. Ему тягостно было находиться здесь, понял Соломон, тяжело и противно. Слишком уж паршивая атмосфера в маленькой комнате, как в палате тяжело больного. А еще он слишком устал изображать

доброго приятеля для человека, которого видел впервые в жизни. Обычно уверенный взгляд Бароссы, сверкающий вороненой сталью в лучших традициях детективных кинолент, утратил свою силу. Встречаясь с равнодушным взглядом Соломона, он отскакивал в сторону, кружил по комнате, останавливаясь на ничего не значащих предметах.

- Спроси наконец, - посоветовал ему Соломон. Надо было как-то закончить эту затянувшуюся сцену.

- Что спросить?

- Про нейро-бомбу. Ты ведь это хочешь узнать.

- Я читал медицинский отчет. Нет у тебя в голове никаких бомб, - проворчал Баросса.

И вновь отвел взгляд.

- Их нельзя обнаружить обычным сканированием, как нейро-софт. Сам же знаешь. Есть только один способ выяснить.

- И ты…

- Да, - сказал Соломон, - Я выяснил это еще вчера.

Квартира номер сорок два в третий раз встретила его, как старого знакомого. Даже в скрипе открывающейся двери было что-то приветственное, даже панибратское. Но Соломон ее не узнал. Поднимаясь по лестнице, он озирался, как человек, оказавшийся здесь впервые, хотя отлично помнил адрес. Квартира, да и весь дом сильно изменились.

Они не могли измениться за день, он сознавал это. Старый слой пыли на деревянных панелях, скрипучие ступени, куски отшелушившейся краски – все это оставалось неизменным на протяжении многих годов. Изменилось что-то другое. Изменился тот, кто вошел, понял Соломон. Теперь у него были глаза другого человека – и зрительный нерв связывал их с мозгом другого человека. Старый опытный детектив Соломон Пять обращал внимание на другие вещи. Он машинально оценивал планировку и прикидывал расстояния. Он ставил ногу на ступеньку всей ступней, потому что был флегматичен и равнодушен к скрипу старого дерева. Он ощущал другие запахи, более пронзительные и резкие. Он смотрел, немного наклонив голову, чтобы свет не слепил глаза, и оттого не замечал то, что находилось выше него.

Старому Соломону Пять казалось, что он оказался внутри ветхого многоэтажного дома, его рациональная и прямая натура быстро разложила его на квадраты, очертила опасные места и взвесила риски. Человек, находившийся в его теле теперь, ощущал нечто совсем другое. Он шел по лабиринту из звуков, цветов и запахов, которые пустота внутри него пропускала сквозь

себя. В этой образовавшейся пустоте было так много место, что хватило бы на множество впечатлений. Шероховатая поверхность перил под левой рукой. Запах побелки. Приятное скольжение подошвой ботинка по сглаженным временем порожкам. Тревожный и вместе с тем приятный аромат старой ржавчины. Солнце, отражающееся в россыпи оконных стекол. Теплый воздух, поднимающийся вдоль стен… Ничего этого прежний Соломон Пять не замечал. Этих деталей не существовало в его мире. Для него лестница оставалась лестницей, а дом – домом.

На площадке, как и раньше, пахло пережаренным рисом, но в этот раз ему аккомпанировал не блюз, а какая-то джазовая увертюра, резкая, угловатая и звенящая, напоминающая расхлябанный автомобиль, летящий по проселочной дороге.

Соломон постучал в дверь под номером сорок два, хорошо знакомую ему, и в то же время впервые виденную. Стук получился негромкий, сбивающийся – никакого сравнения с привычным «Стуком Закона». Отвратительно беспомощный, почти скребущийся, стук. Но дверь очень быстро открылась.

Энглин ничуть не изменилось. Все то же странное подобие прически, словно в насмешку торчащее во все стороны, та же мятая и бесформенная одежда.

- Добрый день, детектив, - Энглин улыбнулось, широко и искренне, немного по-детски, - Ой, как здорово, что вы зашли. Хотите тофу? Или, может, риса? Ух, как вы выглядите! Схватили простуду? Ну заходите! Невежливо приходить в гости и стоять на пороге, как почтальон!

Это совершенно не вязалось с тем Энглин, что он знал. Настолько, что в голове даже крутанулась на ржавом скрипящем шарнире мысль – «А вот теперь я точно сошел с ума». Так ведь не бывает, верно? Человек не может меняться столь сильно. Даже если допустить, что в предыдущий раз Энглин было в депрессии, а сегодня у него просто случилось отличное настроение…

Тот, другой, Соломон Пять, нашел бы эту перемену удачной. Куда проще раскалывать людей, если их не окружает барьер настороженности и злости. Такие почти беззащитны перед опытным детективом. Есть тысячи способов и приемов выжать такого «клиента», добиться от него того, что необходимо. Он припечатал бы его одним взглядом к полу. Потом вошел бы внутрь, оттолкнув дверь, и задал бы столько вопросов, сколько потребовалось бы. С «вырубатором» или без него. Тот Соломон знал нужные вопросы и он никогда не уходил, не получив всех ответов. У него это хорошо получалось. Но Соломон, который стоял в этот момент перед приоткрытой дверью под радостным взглядом Энглин, не ощущал в себе подобной решительности. Он

ощущал только пустоту. Увечную пустоту, вроде той, что остается на месте обрубленной ноги. В этой пустоте не было подходящих слов и мыслей. В ней вообще ничего не было, как и в любой пустоте.

- Вы помните меня… - пробормотал он, не в силах переступить порога.

- Да конечно помню! Вы же детектив Идинахренотсюда! – Энглин расхохоталось. Кажется, сегодня у него было отличное настроение. На удивление отличное. Оно словно всадило себе в вену капельницу со стопроцентным кофеином. Или что-то наркотическое, густое от эндорфинов.

- Нет, - сказал медленно Соломон, - Я не детектив Идинахренотсюда. Но я его хорошо знал в свое время. В некотором роде.

Что-то мелькнуло во взгляде Энглин, что-то определенно недетское, острое. Энглин бесцеремонно вгляделось в лицо Соломона и, хотя он был уверен, что на этом лице невозможно найти ничего кроме растерянности и усталости, бесполый нейро-вандал вдруг утвердительно кивнул и перестал улыбаться.

- Ах ты ж черт… Нет, тофу тебе сегодня не надо. Заходи! Давай, давай!

Оно двигалось резко и прерывисто, словно было переполнено энергией и пританцовывало на каждом шаге. В его движениях была детская несдержанность и нехарактерная прежде энергичность.

- На кухню иди. Чай тебе точно не помешает. Ну и бледный же ты… Ох, извини. Чай будешь? Вкусный!

- Буду.

- Садись давай. Да смелее, я же не кусаюсь! Нет, честно… - Энглин ощерилось в шутливом оскале, продемонстрировав два ряда прекрасных зубов, - Ладно, чай будет через пять минут. Тебе понравится. Ну и рассказывай давай. Чего сидеть молча?

Рассказ был столь короток, что, когда чайник наконец закипел, выбрасывая густую струю пара, тишина длилась уже достаточно давно. Энглин энергично доставало посуду, открывало жестянки, смахивало пыль и вообще выглядело поглощенным своими делами. Двигалось оно беспорядочно, хватая то одно, то другое, поминутно что-то забывая и нетерпеливо дрыгая ногами.

Но Соломон отчего-то чувствовал, что оно слышит и запоминает каждое произнесенное им слово. Хотя бы по тому, как углубляются с каждой минутой морщинки на бесполом и не имеющем возраста лице.

- В крутую раскоряку ты попал, детектив! - сказало Энглин и

ободряюще кивнуло, - Ох, крутую. Уж я понимаю. Выходит, сам и попался, да? Тоже мне, охотник! Пошел на охоту, да сам попался! Ладно, я понимаю…

Оно наверняка понимало. Оно в таких вещах, конечно, разбиралось. Но это сочувствие, даже вкупе с оптимистичным настроем Энглин, на Соломона не подействовало.

- Спасибо, - сказал он кисло, - Утешает.

Энглин устроилось напротив него, взгромоздившись на шаткий стул, сложив по-турецки ноги и подперев подбородок ладонями.

- Паршиво, да? – спросило оно, сочувственно хмуря лоб, - Как по голове врезали, верно? Я знаю такие штуки. Ну, сам понимаешь…

- Еще как понимаю.

Энглин помолчало, наблюдая за тем, как он неловко берет горячую чашку с чаем. Чай был неплох, но слишком много сахара. Кажется, чай был брусничный. Соломон попытался вспомнить, любил ли он такой чай прежде, и не смог.

- Ну и… Кто ты?– небрежно спросило Энглин, поняв, видимо, что сам он рот первым не откроет, - Ну, в смысле, кем ты себя ощущаешь сейчас?

- Соломоном Пять, конечно, - ответил он и добавил, помедлив, - Но… другим.

Ложь - отметило что-то холодным бухгалтерским голосом в его сознании. Круглая ложь. Не ощущаешь ты себя Соломоном, хотя отчаянно пытаешься. Ты чувствуешь себя слабым и трусливым существом, которое хочет стать Соломоном. Потому что помнит, как это было уютно.

- Другим? Каким? – беспечно вопросило Энглин, раскачиваясь на стуле, - Слабым? Неуверенным в себе? Запутавшимся? Каким-то неправильным? Давай-давай!

«Душу мою. Всего… всего меня. Верните. Верните, умоляю вас!..»

- Немного, - сказал Соломон сухо.

Может, он потерял многие свои качества, к числу которых была и уверенность, тряпкой он не будет. По крайней мере, не перед этим непонятным и странным существом.

Энглин по-детски фыркнуло, словно услышав нелепую, но, в общем-то, забавную, шутку.

- Ты выглядишь плохо, детектив! - сказало оно, подвигая к себе исходящую паром чашку и задумчиво перемещая ее по столу из стороны в сторону, - Как старый больной гусь. Плохо, наверно, без софта, да? Пустота?

- Да, - он не хотел пускаться в объяснения.

- Смешно, - хихикнуло Энглин, которое по-прежнему выглядело крайне легкомысленным, - Дураки вы все, вот что. Вы… ну, вы все. Представляешь, человек вроде как снимает с себя костюм, и тут начинается самое смешное. Костюм вдруг начинает считать себя тем самым человеком! А человек начинает думать, что ему не хватает костюма для того, чтоб быть собой. Я ж и говорю, смешно все это…

Соломону это не казалось смешным. Но едва ли это можно было объяснить сумасшедшему нейро-взломщику.

- Я никогда не увлекался нейро-софтом, - пробормотал он, чувствуя себя до крайности неуютно на чужой маленькой кухне. В голосе сами собой возникли отвратительные оправдывающиеся интонации, - Я не ставил серьезных модулей, которые меняют психику, вообще ничего такого не ставил…

- Конечно, не ставил! Всего-то сорок шесть маа-аленьких кусочков, да? Это же так мало! У приятелей уже и по полста есть, а у тебя всего сорок шесть! – Энглин покачало головой, - Один кусочек там, один здесь… Научиться терпению, стать более уравновешенным, убрать нервозность, приобрести такт, отбить любовь к закускам из бистро, вызывающим язву, перестать бояться тараканов… Что, не так?

- Ос. Я боялся ос.

Энглин фыркнуло самым непринужденным образом.

- Ну конечно, ос! Бжж-ж-ж-ж! Это ж всего только пара тысяч твоих нейронов, верно? Синапсы, нейро-медиаторы, детские игрушки! Спаять тут, отрезать там… Бж-ж-ж-жжж! Ерунда, короче, верно? Ты ведь не себя меняешь, а так… кусочек, да? И уверен в том, что самое главное в тебе остается тем же. Ну конечно! Это же всего кусочек! Маленький-маленький, а?

- Энглин, пожалуйста…

- Дурак ты, - безапелляционно ляпнуло Энглин, без труда заглушив его возражение, - Это же как костюм, прикидываешь? Ну вот представь, ты долгие годы шил себе костюм из всяких разных лоскутов. А теперь, когда костюм с тебя сорвали, ты просто увидел свое тело – и вспомнил о нем. Просто ты его долго не видел, оно же под тканью было, врубаешься?.. Вот и отвык. Ладно, брось ты все это. Не вешай нос! Чего ты сейчас хочешь?

- Я хочу вернуть себя, - твердо сказал Соломон, чувствуя, что инициатива окончательно ускользает от него, а Энглин косится на него, как на взрослого, сказавшего что-то странное и вместо с тем предельно глупое. Со взрослыми часто так происходит, - Мне плевать, кто из нас искусственный, а кто настоящий, и на костюм тоже плевать… Я просто снова хочу стать собой. Тем… Тем, кого я видел в зеркале.

- Чай пей, пока горячий! – прикрикнуло Энглин, подвигая чашку, - Холодный невкусно… Смешной ты, детектив. Зеркало!.. Слушай, а знаешь, мы с тобой чем-то похожи. Чуть-чуть-чуть-чуточки! – оно отмерило пальцами расстояние в пару сантиметров, - Ну, тоже как вроде отражения. Только в таком зеркале, знаешь, как в цирке… Кривом.

- Очень кривом, - сказал Соломон со злостью, но злость получилась какая-та ненастоящая, словно он достал ее из рассохшегося сундука с надписью «Старые эмоции Соломона Пять. Не допускать контакта с влагой. Не кантовать при погрузке».

Он вновь взял чашку в руки. Горячее стекло, раскрашенное красными и синими полосками, обожгло ладонь, но он не выпустил ее из руки. Как будто боль, что он испытывал, относилась не к нему, а к другому Соломону, увечному и жалкому, чьей руки не жалко.

Тропа к полному безумию. Надо прекратить думать об этом. Но как, если мысль слепым щенком то и дело тычется, чтоб найти привычную оболочку, и не находит ее?.. Жалкий, беспомощный калека, ищущий свою душу. Зомби, который сам не заметил, как его покинула жизнь. Как отвратительно.

- Призрак-мститель, - Энглин откровенно ребячилось, отхлебывая из своей чашки, - Знаешь, это смахивает на какую-то дурацкую древнюю легенду. Про колдуна, укравшего у храброго воина душу. И призрак воина клянется настичь похитителя и вернуть похищенное… Что-то такое, в общем. Дурацкий рассказ был бы, правда?

- Когда я настигну его… - Соломон чуть не задохнулся, воздух в легких закипел, будто в раскаленном чайнике, - Я…

- Будет с тебя, храбрый воин! – прыснуло Энглин, - Один раз уже настиг, видимо. Если этот ваш нейро-маньяк так запал на тебя, значит, где-то ты наступил ему на хвост, а? И он прикинул, что быть храбрым детективом ему сегодня нравится больше, чем кислым бизнесменом. Ну и готово! Хлоп!

«Сколько же ему лет? – тоскливо подумал Соломон, наблюдая за тем, как Энглин беззаботно крутится на стуле, то хмурясь, то ухмыляясь во весь рот, - Да чтоб мне выжгло все нейроны, если больше пятнадцати!..»

- А кем он захочет стать завтра? Может, он захочет стать существом неопределенного пола, живущим в захламленной помойке! - огрызнулся он вслух. Получилось как-то неубедительно.

Энглин мотнуло головой и ухмыльнулось. Точь-в-точь как озорная девчонка, довольная тем, что увернулась от пущенного в

нее яблока. Сегодня у нее действительно было хорошее настроение. Которое едва ли под силу испортить бледному человеку с потухшим взглядом.

- Не может! Я отлично разбираюсь в софте, если ты не в курсе. Мой нейро-интерфейс надежен, как бабушкин сундук! Но взглянуть на твоего нейро-взломщика было бы прикольно.

- Обмен опытом?

- Не-а, - Энглин высунуло язык в гипертрофированной гримасе отвращения, - Этот твой парень – он не нейро-вандал. Мы не мучаем людей, прикинь, детектив. Лишь смеемся над ними, показывая, какие они нелепые, когда нагрузятся нейро-софтом под завязку… А это… Этот парень точно не вандал. Не. Он… хуже. Злее. Он не развлекается, понял? Не шутит. Он это всерьез. Значит, он не как мы.

- Благодарю. Я очень ценю это.

- Смотри-ка, - удивилось Энглин, нарочито широко округляя глаза, - А сарказм у тебя врожденный, без модулей… Ладно, я уже прикидываю, зачем ты пришел. Пошли, подключу твою голову к проводам. Просветим твой нейро-интерфейс, детектив, и посмотрим, что внутри. Спорю, там пусто, как в старом чулане!..

Соломон покорно поднялся.

- Это не все. Мне бы хотелось… кое-что проверить. Помнишь тот наш разговор о нейро-бомбах? Если наши с Бароссой подозрения верны и маньяк подчищает за собой следы именно так… Если… - голос надломился, как старая сухая ветка, - В общем…

- Пошли! – Эглин бесцеремонно схватило его за рукав и потянуло за собой, - Понимаю. Сейчас глянем, не завалялось ли в твоей башке чего-то лишнего. Ну, таких подарков, которых ты был бы не рад найти под новогодней елкой… Понимаешь, а?

Оказавшись в комнате, как и прежде служившей хаотичным складом самых причудливых вещей, Соломон, в первую очередь, старался ни на что не наступить. Энглин, которое было на две головы ниже него, подобных сложностей не испытывало – легко скользило в выбранном направлении, лишь иногда отстраняя с пути валяющуюся гитару или боксерскую грушу. Двигалось оно резко, с той грациозной неуклюжестью, что отличает только подростков.

- Падай сюда!

Это оказалось непросто. Под взглядом Энглин Соломон заставил себя сесть на потрескавшуюся поверхность из искусственной кожи, колющую даже сквозь плотную ткань брюк. На голову опустился обруч нейро-корректора – и Соломон стиснул зубы. Тело обратилось в стылый валун, не способный

даже пошевелиться. Навалилась паника, лоб и виски защипало от едкого пота, мгновенно выступившего на сухой прежде коже.

- Не бойся, - беззаботно хмыкнуло Энглин и щелкнуло тумблером, - Я работаю аккуратно. Как парикмахер.

«Конечно, - хотел было ответить Соломон, да парализовало язык, - Наверняка это могут засвидетельствовать те люди, над которыми ты в прошлом поиздевалось».

Но ничего неприятного и в самом деле не произошло, если не считать тонкой вибрации устаревшего оборудования, от которой ныли позвонки пониже затылка. Энглин включило дисплей и, подвинув к себе клавиатуру, забарабанило по клавишам. Оно работало очень быстро и, кажется, очень профессионально. По крайней мере, как для подростка.

Соломон считал, что достаточно неплохо разбирается в стандартном нейро-интерфейсе, но, глядя на экран, запутался уже через полминуты. Энглин вызывало на экран бесконечные таблицы с перемигивающимися цифрами, чью суть невозможно было уловить. «Таницит», «Ромбомер», «Пекарионы», «Нейрофибриллы» - все это смахивало на название причудливых существ, обитающих в темных лабиринтах его мозга. Но Энглин эти названия смущали не более, чем самого Соломона – указатели знакомых улиц. Не глядя на него, оно все барабанило по клавишам, и эти движения могли бы показаться хаотичными и бессмысленными, если бы на дисплее не отражались все новые и новые данные.

Содержимое его, Соломона, головы. Разложенное на ровные строчки и заключенное в длинные таблицы. Удивительно много там помещается. Жаль, он ничего этого не ощущает. Если бы экран нейро-корректора отобразил то, что в действительности творилось в мозгу Соломона, экран остался бы беспроглядно-черным…

- Все, - сказало Энглин и шумно выдохнуло, - Закончено.

Оно стянуло с головы Соломона обруч, беспечно, как если бы обращалось с каким-нибудь неприхотливым кухонным агрегатом вроде соковыжималки. Выглядело оно при этом как непоседливый ребенок, закончивший партию в довольно-таки интересную игру.

- И что же у меня в голове?

- Паутина. Ладно, не сердись, детектив! Знаешь, врачи ведь тоже шутят, когда не хотят говорить пациенту неприятный диагноз.

- А мой… неприятный?

Энглин вздохнуло, плечи немного поникли. Брови сдвинулись, глаза потемнели, даже губы, кажется, дрогнули. Наверно, пациент должен нервничать, увидев у своего врача

такую гримасу. Ребяческое выражение пропало, мгновенно сдутое неизвестно откуда взявшимся ветром. Потребуй сейчас кто-то у Соломона сказать, кто перед ним, он не задумывался бы ни секунды – уставший мужчина лет тридцати пяти… Не бывает у детей и подростков такого выражения лица.

- Скажем так… Кажется, на твою станцию пришел не отмеченный в расписании поезд. Ну, ты понял.

- Поезд?..

- Нейро-бомба, детектив.

Соломон схватился за голову. Движение это было безотчетным и выглядело, должно быть, ужасно смешно, но в этот Энглин даже не улыбнулось. Смотрело на него, нахмурившись, и покусывало губу.

Бомба в голове. Прямо в мозгу. Спящая маленькая смерть.

Не иллюзорная, а самая что ни на есть настоящая. Она даже не металлическая, она просто особая комбинация нейронов, которая может убить его вернее, чем выпущенная в лоб пуля. Ждет слабого электрического импульса, который должен молнией проскочить по нейро-медиаторам, отсчитывает секунды…

- Ее можно вытащить? – спросил Соломон. Вопрос родился не в мозгу, он юркой змейкой соскочил с языка, под которым кислотным озерцом уже разлился страх.

Энглин некоторое время молчало, складывая из тонких пальцев странные фигуры и разглядывая их с самым сосредоточенным видом.

- Не-а, - наконец сказало оно, - Не такую. Хорошая работа. Крутая работа, честно.

Мне с такими баловаться не приходилось. Это же как настоящая бомба, понимаешь? Ну, как в кинолентах. Не тот проводок перекусишь… ну или не ту нейронную связь... Если повезет – останешься дураком до конца своих дней. А не повезет, так просто разучишься дышать. Вот как. И никакой нейро-хирург не возьмется, даже если найдет. Ага. В общем…. Извини, детектив.

Наверно, стоило истерически рассмеяться или разбить кулаком дисплей терминала, или хоты бы выругаться. Сделать что-то, что приличествует сделать взрослому мужчине, услышав что-то подобное. Но Соломон чувствовал, что у него не хватит на это сил. Силы давно вытекли из него, как застоявшаяся вода из прохудившейся вазы.

Пустота внутри него легко восприняла эту новость. Пустота не испытывает эмоций. В конце концов, что может угрожать самой пустоте?..

Бух!..

Баросса встал и стал ходить по комнате взад-вперед. Комната была раза в два меньше привычного ему кабинета, оттого ему приходилось внезапно останавливаться, сбиваясь с шага. Так крупное животное пытается привыкнуть к новой, слишком тесной, клетке. Наверно, ужасно неудобно.

- Кто-то еще может обезвредить эту твою нейро-бомбу?

Соломон покачал головой. Движение далось легко – будто разболтался шейный шарнир, и голова под тяжестью свинцовых мыслей сама качается туда-сюда.

- Никто. Ни в Фуджитсу, ни в сопредельных городах. Может, в Форде, но ты же понимаешь… Официально ничего, что называлось бы «нейро-бомбой», даже не существует. Не переживай, она мне не сильно мешает. Не тикает, ни мигает лампочкой. Просто лежит в каком-то темном чулане моего сознания и отсчитывает время.

- Время… - эхом повторил Баросса, - Знать бы, сколько его осталось, этого времени…

- Я сопоставил цифры. Выходит, что жертвы нейро-маньяка умирали в среднем через пять дней после… контакта. Минимальный срок – три дня, максимальный – девять. Так что в запасе у меня от одного дня до семи. Легко работать с простыми цифрами. А потом твой приятель Соломон сделает что-то очень странное. Например, достанет служебный револьвер и внезапно сунет его в рот… Никто не удивится. Все знают, что в последнее время он был не в себе, подавлен, разбит…

Баросса схватил его за плечо и тряхнул. Получилось так жестко, что звякнули друг об друга зубы. Хорошо хоть, язык не прикусил…

- А вот об этом даже не думай, понял! Сейчас я позвоню в участок, объясню… Приставим к тебе на круглые сутки охрану. Чтоб выбивала из тебя всякие странные мысли.

- Не глупи, Баросса, - посоветовал Соломон устало, - ты же знаешь, что это не разумнее, чем надевать наручники на бродячую собаку. Решение убить себя придет мне в голову за считанную долю секунды. Даже мой инстинкт самосохранения не успеет отреагировать, не то, что приставленный часовой.

- Ладно, - сказал Баросса, темнея лицом, - Пойдем на серьезные меры. Привяжем тебя к кровати и будем кормить через капельницу. Так ты едва ли дотянешься до револьвера. Согласен, не самый приятный метод, но если он позволит спасти твою…

- Может, это и сработает. Но, скорее всего, нет. Есть куда менее приятные способы покончить с жизнью, чем пуля. Где

гарантия, что я не откушу себе язык, чтоб изойти кровью?.. Кроме того, все может быть куда серьезней.

- Куда уж серьезнее…

- Нейро-бомба управляет эмоциональным фоном, ведь так? У нее может быть резервная программа, как раз на случай, если кто-то попытается ее нейтрализовать таким образом. Она может посылать в мозг импульсы сильнейшего волнения и беспокойства, чередуя их с агрессивностью и апатией. Как думаешь, сколько выдержит сердце, прежде чем его прихлопнет инфаркт? Нет, Баросса, я не хочу провести оставшееся время привязанным к койке, как какой-нибудь психопат. Завтра с утра я выхожу на службу.

- На службу! – буркнул Баросса, сверкнув глазами, - Если ты не в курсе, комиссар Бобель распорядился выдать тебе месяц отпуска, в связи с полученной травмой. Сказал, тебе стоит хорошо отдохнуть после всего этого.

Отдохнуть. Пустота в груди несколько раз сжалась и развернулась, тревожно пульсируя. Пробует захватить все тело без остатка, выдавив последние крохи того, что звалось прежде Соломоном? Чужая, мертвая, давящая пустота. Вот-вот перетекущая последний защитный барьер.

- Мне не нужен отдых. Мне осталось жить не более семи дней. Ты думаешь, я хочу отдыхать все это время?

- Это мнение комиссара.

- Плевать я хотел на комиссара и его мнение. Я выхожу на службу.

- И что будешь делать?

Соломон пожал плечами.

- Сам еще не знаю. Буду перекапывать весь Фуджитсу. Буду гоняться за призраками. Буду хвататься за каждую мельчайшую возможность, пусть даже это будет соломинка. Буду искать…

- Старая ищейка может потерять ухо или хвост, но нюха она никогда не потеряет, - усмехнулся Баросса, - Понимаю тебя. Только вот чего ты решил, что у тебя получится то, что пока еще не получилось у всех детективов Транс-Пола? Ты ведь даже никогда не занимался нейро-софтом.

- У меня больше шансов, чем у любого из вас, - пробормотал Соломон, - Ведь ты забываешь одну вещь. Сейчас мы охотимся на Соломона Пять. А я знал его лучше всех вас…

ГЛАВА 10

Мужчина, сидевший за столом, был незнаком Соломону. Смуглое лицо с выдающимся, четко сформированным, подбородком, серые глаза, густые брови, блестящие от бриолина волосы – все эти черты говорили Соломону о том, что этого человека он видит впервые в жизни. И, в то же время, по множеству отдельных деталей, которые он скорее ощущал на подсознательном уровне, чем видел, он ощущал необъяснимое с ним сходство, почти родство.

По тому, как человек хмурился, слушая Маркеса, по тому, как сплетал пальцы в замок, по посадке головы и манере окатывать собеседника холодным и немного насмешливым взглядом. Все его жесты были знакомы Соломону до мелочей, до дрожи в пальцах. И когда мужчина в ответ на очередную тираду Маркеса усмехался невыразительной, немного брезгливой, улыбкой, Соломон, несмотря на то, что находился в соседней комнате за непрозрачным стеклом, вздрагивал.

- Зря упираетесь, господин Таччек. Вы считаете, что ваше упрямство каким-то образом облегчит ваше положение, в то время, как ситуация ровно противоположная. Каждая минута, которую тратите на свое бесполезное упорство, становится лишней гирькой на весах вашей вины. Это крайне прискорбно, господин Таччек. Мне приходится смотреть, как вы сами загоняете себя в угол…

Маркес работал в своей обычной манере, хорошо знакомой детективам Транс-Пола и почти всегда эффективной. С подозреваемыми он беседовал с неизменным спокойствием, планомерно и методично взламывая их оборону неспешными, как бы нехотя задаваемыми, вопросами. Его метод допроса мог показаться мягким, но своей хваткой он не уступал бульдогу, а под показным сочувствием всегда были наготове остро оточенные зубья закона.

Но в этот раз сила, противостоящая ему, не оставляла надежды на быструю победу.

- То же самое могу сказать и про вас, детектив, - человек в допросной комнате смерил Маркеса тяжелым недоброжелательным взглядом, - Вы и ваши коллеги уже потратили на меня уйму времени, совершенно отказываясь признавать свою ошибку и, видимо, надеясь, что мне придет в голову сознаться в преступлении, которого я не совершал. Увы, детектив, мне приходится остаться на прежней позиции. Я в

жизни не крал нейро-софта, не занимался нейро-вандализмом и прочими преступлениями. И чем быстрее вы это признаете, тем больше времени сэкономите и себе и мне.

Соломон слушал его, чувствуя противный холодок в кончиках пальцев и едкую горечь под языком. Эти слова и то, с каким выражением произнес их человек в допросной камере, были ему знакомы. Так, словно его собственные губы их произнесли. Наверняка, если бы он сам оказался там, наедине с Маркесом, в роли подозреваемого, он сам сказал бы нечто похожее. Соломон Пять был псом закона, хладнокровным, уверенным в себе и способным выдержать самое серьезное давление, от кого бы оно не исходило. «Нет, - поправил себя Соломон, вглядываясь сквозь мутное стекло в лицо допрашиваемого, - Это не Соломон Пять, это «Бейли», его старый спутник и компаньон…»

- А парня расколоть непросто будет, пожалуй… - проворчал Коротышка Лью, сидевший вместе с Соломоном в наблюдательной комнате, - Этот твой «Бейли» - тот еще орешек, знаешь ли. Держится уже пятый час. Вот же дубоголовый… Прости, Соломон. Этих ваших «Бейли» что, специально программируют быть такими ослами?

Коротышка Лью был сердит – по многим причинам. Он сам уже пытался расколоть господина Таччека и потерпел поражение, тем более неприятное, что его наблюдали коллеги. Он обрушил на подозреваемого целый град ехидных вопросов, насмешек, ядовитых намеков и едва закамуфлированных угроз, словом, все то, чем судьба наделила его и «Пака», но без всякого результата. Спокойный, как валун на океанской побережье, подозреваемый не собирался в чем либо признаваться, все атаки Коротышки Лью он встречал с завидным хладнокровием.

- Чертова ящерица… - пробормотал Коротышка Лью, когда, потратив без всякого толку два часа, вышел из допросной комнаты, - Ничего, этот красавчик мне все расскажет, включая то, с кем целовался в выпускном классе и какое нижнее белье предпочитает его папочка… Маркес, подмени меня. Жрать хочу.

Сейчас Коротышка Лью восседал за соседним столом и сопел над второй миской консервированного одэна с тунцом, временами бросая сквозь односторонне-прозрачное стекло раздраженные взгляды. Надежды на перемену тактики себя не оправдали – вместо того, чтоб начать сотрудничать с терпеливым и вкрадчивым Маркесом, господин Таччек упрямо гнул свою линию, при этом сохраняя совершенное спокойствие. На его месте Соломон, скорее всего, поступил бы так же.

Сейчас же ему самому спокойствия сильно недоставало. Впившись руками в подлокотники кресла и стараясь не слышать

чавканья Коротышки Лью, он чувствовал, что сам оказался разделен на две части, словно стекло-зеркало разрезало его надвое, как и допросную комнату. По одну сторону сидел сам Соломон Пять, спокойный и уверенный в себе, по другую – его дрожащая и жалкая душа, потеющая в плотном костюме. На мгновенье ему действительно показалось, что все проблемы можно разрешить, если сломить полупрозрачную преграду, отделяющую его от настоящего Соломона. Если схватить тяжелый стул и швырнуть его в стекло… Может, в звоне разлетающихся осколков две сущности в миг объединятся?.. Впрочем, он быстро вспомнил о том, что стекло бронированное, и наваждение отступило.

- Бросайте, - почти дружелюбно посоветовал Маркес, причесывая пятерней волосы, - Вы сами понимаете, что ваше сопротивление совершенно бесполезно. Вы ведь пользуетесь «Бейли». Опытному человеку хватит одного взгляда, чтоб это распознать. Или вы считаете, что детективы Транс-Пола – набитые дураки?

- Я действительно использую нейро-модель «Бейли», - ответил подозреваемый, не проявляя никаких внешних признаков беспокойства, и потер подбородок таким знакомым жестом, что у Соломона, сидящего за стеклом, екнуло сердце, - И даже не отрицаю этого. Но с какого момента это стало преступлением?

- То есть, вы признаете, что используете «Бейли»? – уточнил Маркес, - И все еще утверждаете, что непричастны к преступлению?

- Ну разве что если считать старомодность преступлением против моды… Я люблю старые вещи и люблю «Бейли». Не вижу в этом ничего предосудительного.

- Мы говорим не о моде! – Маркес позволил своему голосу грозно звякнуть, - А о нейро-взломе. Циничном и аморальном.

- Об этом мне ничего не известно. Извините, детектив. Я честный гражданин и всегда следую закону Фуджитсу.

- Следуете закону, значит? Тогда почему вы не можете предъявить документы на свою нейро-модель? Если этот «Бейли», который в вас установлен, лицензионный, почему вы не покажете нам свидетельство? Почему упорствуете?

- Да потому, что он не лицензионный, - пожал плечами допрашиваемый, - Или вы полагаете, что в официальном реестре можно найти в наше время подобный раритет? За «Бейли», к вашему сведению, некоторые коллекционеры дают неплохие деньги. Сейчас такие нейро-модели уже не производят, в моде легкомысленность, фривольность, даже фамильярность. А «Бейли» - это настоящая классика, если угодно. Старый добрый

нейро-софт второго поколения, егони с чем не спутать. Так что я вполне доволен приобретением.

- Нелицензионный нейро-софт…

- Я купил его на черном рынке, если вам угодно. За кругленькую сумму, на свой страх и риск. Насколько я знаю, это не считается преступлением?

- Не считается, - был вынужден признать Маркес, - Но мы ищем не только «Бейли», а целый комплект софта. Думаю, стоит вам напомнить, что через несколько часов судья Фуджитсу выдаст ордер на обыск вашего нейро-интерфейса со всеми его потрохами. Как думаете, что мы там найдем, если хорошенько поищем, а, господин Таччек?..

- Ничего противозаконного, насколько мне известно. Десяток модулей для основных жизненных принципов, около дюжины мелких бытовых… Любовь к чистоте, например, ведь от рождения я, признаться, ужасный неряха. Любовь к запаху цветущей вишни… У меня под окнами, знаете ли, вишневый сад, и без этого модуля каждую весну мне приходилось мучиться от всепроникающего запаха…

- Смеетесь?!

- Ну что вы, детектив, я бы никогда не осмелился смеяться над представителем закона.

- Издевается, - пробормотал Коротышка Лью, втягивая пухлыми губами повисшую на подбородке макаронную ниточку, - Ничего, господин ценитель, недолго тебе осталось. Скоро раскатаем как лепешечку, будешь ты у нас мягкий и совсем плоский…

Соломон наблюдал за этим бесконечным представлением с беспокойством и тревогой. Сцена допроса все больше казалась ему каким-то фантасмагорическим спектаклем, где зритель находится и в зрительном зале и на сцене одновременно. В каждом жесте подозреваемого он узнавал себя. Это легкое касание рукой подбородка в минуты задумчивости… Привычка глубоко вздыхать, демонстрируя находящееся на грани терпение. Даже манера глядеть на собеседника нарочито тусклым и равнодушным взглядом. Все это были его, Соломона, привычки! Это он так всегда делал! Он, а не какой-то господин Таччек с улицы!

Соломон заставил себя медленно и глубоко дышать. Сохранять трезвый ум становилось все труднее. Стекло, разделявшее комнату для допросов, стало казаться зеркальным не только господину Таччеку, но и самому Соломону. Ужасное, дьявольское зеркало, в котором отражение – привычно и знакомо, но только заглядывающий в него ощущает, что это отражение ему

уже не принадлежит, оно живет какой-то своей жизнью, словно насмехаясь над прежним владельцем и его уродством…

Коротышка Лью, судя по всему, заметил его нервозность, но расценил ее по-своему:

- Не беспокойся, Соломон, - пробормотал он, откладывая пустую картонную миску из-под одэна и сыто вздыхая, - Недолго ему осталось. Еще чуть поднажать – и парень поплывет. Зуб даю, слышишь? Правда, все свои зубы я давно оставил у дантиста… Не дрейфь!

Коротышка Лью старался балагурить, но все его шутки отдавали искусственностью – как иглы фабричной новогодней ели отдают горьким запахом пластмассы. «Он тоже чувствует это, - подумал Соломон тоскливо, - Они все чувствуют. Там, за стеклом, сидит их старый приятель и коллега, Соломон Пять. Он говорит так, как они привыкли, и ведет себя так же, несмотря на то, что у него другое лицо. А тут, в соседней комнате, сидит какой-то мрачный и жутковатый тип, у которого от старого доброго Соломона осталось как раз одно лишь лицо, а за этим лицом все чужое и незнакомое…»

Коротышка Лью старался сделать вид, что все происходящее в порядке вещей, но его «Пак» не был предназначен для тонкой игры – Соломон видел его реакцию по движению глаз, по интонации, по безотчетным напряжениям мимических мышц. Коротышке Лью было неприятно сидеть рядом с этим незнакомым типом, который по привычке называет себя Соломоном, но который совершенно точно не Соломон и не имеет с Соломоном ничего общего. Чужак, занявший место друга. Волк в овечьей шкуре. Незнакомец.

Маркес держался немногим лучше, но и он старался не оставаться подолгу в одной комнате с Соломоном, а если заговаривал, то скованно и неестественно. Как говорят с дальним и не очень любимым родственником или соседом – предельно вежливо, но с вежливостью прохладной и немного напряженной.

«Мы все – старые псы закона, - подумал Соломон, не в силах оторваться за спектаклем, бесконечно длящемся в зазеркалье, - И первое, что мы ощущаем – это запах. Когда запах подозрительный, у нас встает дыбом шерсть на загривке и сами собой обнажаются клыки. Они просто напросто чуют чужака в своей стае. И если бы их действиями руководили одни лишь инстинкты, меня уже давно разорвали бы в клочья…»

- Значит, вы утверждаете, господин Таччек, что никогда не слышали о человеке по имени Соломон Пять?

- Отчего же, слышал, раз сорок. И все эти разы относятся к сегодняшнему дню, ведь вы уже сорок первый раз спрашиваете

меня об этом!

- Ваши попытки шутить с законом не приведут к добру, господин Таччек. Будет лучше, если вы сами сообщите следствию всю необходимую информацию…

Соломон почувствовал, что его вырвет, если он еще минуту проведет в этой затхлой комнате, наедине с Коротышкой Лью, пустыми мисками из-под одэна и чувством собственной беспомощности. Он резко встал на ноги.

- Ты чего? – озадаченно спросил Коротышка Лью.

- Устал… - пробормотал Соломон сквозь зубы, - Голова кружится. Извини.

- От голода, наверно. Ты бледный, как творожная маска моей жены… Ладно-ладно, забудь. Слушай, может тебе поесть? Ты когда ел в последний раз?

Соломон не ощущал голода. И не был уверен, что когда-нибудь его ощутит. Кажется, новой сущности, захватившей тело Соломона Пять, не требовалась пища. Но в темном и гулком колодце сознания вдруг забрезжила мысль – как солнечные блики на поверхности воды.

- Лью… А у тебя осталась еда?

- Спрашиваешь! Еще миска одэна. Я для Бароссы прихватил, он пропустил обед, весь день мотается по трущобам, что-то вынюхивает, но если ты хочешь…

- С чем одэн?

- С тунцом. Держи, я сейчас…

Коротышка Лью взялся за запакованную миску, но Соломон остановил его:

- Не мне. Ему. Подозреваемому. Он там полдня сидит, наверняка проголодался. Дай ему поесть, и пусть передохнет. Да и Маркесу не помешает несколько минут перерыва.

Коротышка Лью с сомнением взглянул сквозь зеркальное стекло. Давать подозреваемому отдых тогда, когда он вот-вот расколется, явно казалось ему неразумным. То же самое, что позволять уже раскаленной добела стали остыть прежде, чем ее коснется молот. Но, видимо, лицо Соломона Пять и его имя еще что-то значили здесь – поколебавшись, Коротышка Лью вышел из наблюдательной.

Через несколько секунд он появился за стеклом. Поставил миску с одэном на стол, сам шепнул что-то Маркесу, и они оба вышли. В комнате остался лишь господин Таччек – отвратительная даже в мелочах копия Соломона, небрежно сидящая за столом. Он не терял времени, уверенно распаковал одэн и принялся за еду, ловко орудуя палочками. Даже ел он так, как Соломон, быстро, сосредоточенно пережевывая каждый кусок

и часто забывая пользоваться салфеткой…

- Зачем ты дал ему паузу? – недовольно спросил Маркес, заходя в наблюдательную. Он был не в духе, и понятно, отчего. Даже зеленый детектив знает, что подозреваемому нечего устраивать поблажек до того, как он продемонстрирует готовность сотрудничать, напротив, надо держать его за шею. Осторожно, но стальной хваткой, пока не потечет, как кусок сливочного масла на раскаленном противне… - Ты что, не понимаешь, что погубишь результат? Он решит, что мы с ним возимся, и уйдет в полный отказ! А если не его признание… Я его припугнул, но сам понимаешь, вовсе не обязательно, что судья даст нам ордер. Подозрений, по большому счету, немного. Не можем же мы обыскивать каждого человека в этом проклятом городе только потому, что у него есть склонность к дурацкому архаичному «Бейли»! Извини, Соломон…

- Ничего, - Соломон слабо улыбнулся, - Скажи, у вас есть какая-то система или вы хватаете всех попавшихся?

Маркес лишь устало махнул рукой.

- Система такая же, как при ловле блох, старик. Чешут там, где щекочет. Пока мы просто выискиваем всех владельцев «Бейли», легальных и прочих. Та еще работка… Знаешь, сколько их в Фуджитсу? Сорок семь штук. На десять миллионов человек. Это не считая тех, кто приобрел модуль через черный рынок. Там у нас контроля сам знаешь… Приходится постоянно связываться с Мафией, а я терпеть не могу этих хлыщей… Гонору, как у индюков, а улыбочки как у гремучих змей. Делают вид, что весь Фуджитсу – их маленький фонд оборотных активов, а они здесь - клерки…

- А Баросса что? – спросил Соломон, наблюдая за тем, как человек за стеклом жадно ест. Зрелище было не очень приятное, но и оторваться он отчего-то не мог.

Маркес уселся на стол и неопределенно махнул рукой:

- Он уже два дня мотается по улицам, пытается взять след. Беседует по душам с нейро-взломщиками, которые нам известны, пытается нащупать подпольные каналы поставки софта. Только я не очень уверен, что ему что-то светит.

- А здесь – светит?

- Дьявол его знает… Этот Таччек – подозрительный тип. Мне кажется, он может что-то скрывать. Надо дожать, думаю. Так, я повожусь с ним еще полчаса, потом ты иди, Лью. Хватит отсиживаться. Не мне же одному пахать.

- Отпустите его, - сказал Соломон, прикрывая глаза, чтоб не видеть больше мутного стекла и сцены за ним.

- Что?

- Отпустите этого человека. Он не тот, кто нам нужен.

- Откуда тебе знать? – спросил Коротышка Лью, недовольно гримасничая, - Он ведет себя как ты. Не в точности, но спутать невозможно! Как знать, может, кроме «Бейли» он прячет в себе и другой твой софт? Вдруг, он – это ты, который пытается сделать вид, что он не ты?..

- Это не нейро-маньяк. В общих чертах он похож на меня, но не более того. Не более, чем любой другой «Бейли» из сорока семи.

- Ну и как ты об этом узнал? – нахмурился Маркес, уже не скрывая неприязни к чужаку, притворяющемуся Соломоном, - Телепатия? Может, ты способен считывать информацию из нейро-интерфейса на расстоянии?

Соломон потер пальцами уставшие воспаленные глаза.

- Нет, - сказал он, - Нет необходимости. Просто посмотрите на него.

Коротышка Лью и Маркес одновременно повернулись в сторону зеркального стекла. Господин Таччек уже заканчивал свой обед, стуча палочками по дну миски. Судя по всему, он был весьма удовлетворен.

- Ну и что? Жрет.

- Вот именно. Он съел одэн с тунцом. Всю порцию.

- Да, черт возьми! И что же? Это был какой-то магический одэн?

- Можно сказать и так. Видишь ли, Маркес, я не ем тунца. Мой нейро-модуль номер семнадцать, «Лимонный саудади». Я поставил его когда был молод, по глупости, в общем-то. Это способность испытывать легкую грусть особенного рода, пахнущую свеже-опавшими осенними листьями и озаренную легкой искрой теплой меланхолии. Это цитата из рекламного проспекта, - Соломон устало усмехнулся, - Мне достался бракованный модуль, его потом отозвали из продажи. Мелкий дефект на нейронном уровне, почти незаметный. Люди с «Лимонным саудади» приобретают стойкое отвращение к тунцу. Забавно, верно? Производитель предлагал компенсацию и удаление нейро-модуля, а я отказался. Показалось, что привык к нему. А нелюбовь к тунцу… Мне это показалось мелочью.

Коротышка Лью и Маркес молчали, уставившись друг на друга. От этого тишина в наблюдательной стала еще более густой и липкой. Даже крошечные частицы воздуха, казалось, застывают в этой тишине. Соломон почувствовал, что потеряет сознание, если сейчас же не выйдет наружу.

Господин Таччек был уже третьим Соломоном Пять за сегодня, третьим его двойником. Первый был невысок, толст и

плешив. Второй – стар и дряхл. Но их всех роднило одно – их мучительное сходство с ним самим, отпечаток его собственной личности, который был во всем: в движениях, в манере говорить, даже в жестах. Они все были Соломонами Пять, каждый на свой лад, точно неудачные, хоть и пугающе похожие, слепки с одного образца. Как его неудачные клоны или аляповатые двойники. Если он увидит четвертого Соломона Пять, то, скорее всего, не выдержит.

Оставив Маркеса и Коротышку Лью в замешательстве, Соломон быстро вышел из наблюдательной. Тупиковый путь, он сразу понял это. Баросса понял раньше, хитрый пират, оттого сейчас рыщет на улицах города, пытаясь найти один нужный запах из десяти миллионов бесполезных. Нейро-маньяк хитер, чудовищно хитер. Он не станет разгуливать в украденном «Бейли», как опытный угонщик никогда не станет ездить по городу в угнанном автомобиле. Он осторожнее, он опытнее… Нет, должен быть другой путь.

Длинный коридор, тянущийся к комнатам для допроса, с одной стороны был усеян квадратными стеклянными панелями, каждая из которых служила глазком в камеру для предварительного задержания. Там, нервно меряя шагами скудное пространство или безучастно глядя в стену, ждали своей очереди на допрос задержанные. Память Соломона Пять услужливо подкидывала детали, никчемные и нынешнему владельцу тела совершенно бесполезные.

Какой-то хмурый тип с зелеными, как газон перед участком Транс-Пола, волосами. Это почти наверняка модель «Иннэрсити», полу-легальный софт, который вот-вот должны запретить и изъять из лицензированного реестра. Неуважение к обществу, склонность к хулиганским выходкам и шумному поведению, повышенная жестокость, цинизм – странно, что эту модель не запретили еще несколько лет назад. От «Иннэрсити» всегда много проблем и головной боли. Но их, по крайней мере, хотя бы легко заметить в толпе, и виной тому повышенная любовь к зеленому цвету.

Тощая девчонка в черном бесформенном балахоне замершим взглядом уставилась в стену, не понять даже, в сознании она или впала в подобие транса. Тоже паршивая штука, названия которой Соломон сразу не вспомнил, что-то на «Х». Заставляет подростков замыкаться в себе, терять интерес к обществу и сверстникам, одаривая за это особенным видом удовольствия. Эти социальные инвалиды, по большому счету, безвредны, но законами Фуджитсу этот софт запрещен для несовершеннолетних. Соломон подумал, что девчонка здесь не задержится – решением суда вредоносный

софт будет удален, вместо этого ей установят временный, социально-благотворный. И еще месяца три она будет испытывать удовольствие, помогая старикам или убирая мусор.

Соломон старался не смотреть на камеры задержанных, но его взгляд сам собой возвращался к ним, непроизвольно, как магнитная стрелка компаса.

В одной из камер он заметил знакомое лицо, но не сразу вспомнил, откуда его знает. Потом осенило – демонстрант, мозоливший глаза Бароссе! Видимо, старик не внял предупреждению Соломона и снова вышел на свою одиночную демонстрацию с провокационным плакатом против гомосексуалов, ну и попался под руку кому-то из детективов. Сам виноват. Если повезет, просидит несколько дней в камере, если же привлекают его не в первый раз, то от принудительной нейро-коррекции не отвертится. И едва ли когда-нибудь ощутит желание взять плакат в руки. Гомосексуалы больше не будут казаться ему враждебно-настроенными, совсем напротив.

В специальных карманах на дверях камер находилась сопровождающая задержанных документация, на желтых картонных листах угловатым ломким почерком дежурного по участку было обозначено, по подозрению в чем задержан человек и какие процедуры его ожидают.

Вождение в пьяном виде, повлекшее аварию и травмы средней тяжести. Серьезное дело. Этому нейро-корректор на всю жизнь привьет панический ужас перед автомобилем. Человеку с таким софтом никогда больше не сесть за руль, одна мысль об этом будет вызывать у него безотчетный страх.

Домашнее насилие над детьми. Тоже скверная штука. Потому, что единственное наказание за нее – принудительная нейро-коррекция с установкой модулей любящего отца. Внешне все выглядит благопристойно до елейности – вчерашний домашний тиран становится нежным любящим отцом, души не чающим в своих отпрысках, мечтой любого ребенка. Но Соломону всегда казалось это неизъяснимо отталкивающим. Что подумает ребенок, когда вырастет и узнает, что любовь его отца обеспечивалась постоянно действующим в мозгу нейро-софтом? Любовь самая искренняя, но фальшивая в своей сути. Но и она лучше тяжелого ремня в трясущейся от ненависти руке тирана.

Соломон заметил, что сегодняшний улов Транс-Пола не богат на серьезные преступления. Он не заметил ни одного кандидата в «часовщики», по большей части здесь попадались мелкие хулиганы и социальные отщепенцы. Соломон знал, чем наградит их нейро-корректор, как опытный врач на ходу может назвать лекарство от хорошо известных болезней.

Участие в незаконном митинге против внешней политики Фуджитсу. Карается социо-фобией на срок до полугода.

Уклонение от уплаты алиментов. Наказание – принудительная аскеза от трех месяцев до шести.

Уклонение от уплаты налогов чревато временной патологической честностью.

Мелкая кража в магазине может стать причиной потери интереса ко всем новым приобретениям на срок до года.

За намеренную клевету придется расплачиваться приступам самоуничижения и самобичевания, которые будут длиться до трех лет.

Нарушивший коммерческую тайну своей корпорации почти наверняка станет молчуном, из которого не вытащишь и слова.

Попытка служебного подлога зачастую превращает людей во въедливых канцеляристов, не способных на сделки с совестью.

Нейро-корректор подобно палачу обрекает преступников на муки, но всегда гуманно устанавливает срок. Только у него, Соломона, срока нет. Не совершив преступления, он получил самую строгую кару из всех возможных, утрату собственной идентичности. Кто-то неведомый приговорил его к мутации в существо, которое противно само себе и которое обречено помнить то, что утратило.

Из подвала с камерами временного задержания Соломон выбрался, испытывая явственное облегчение. Прежде он отчего-то не замечал царящего там гнетущего запаха, ему казалось, что пахнет там так же, как везде в подобных местах, мочой, немытыми телами, хлоркой и каким-то мясным варевом. Только сейчас он ощутил в этом сложном букете еще какой-то запах, раньше то ли неощущаемый им, то ли игнорируемый. Летучий и тонкий запах чего-то неимоверно дрянного, едкого, сального.

«Запах нейро-дыбы, - подумалось Соломону, когда он отворял бронированную дверь, давно не чищенную и скрипучую, - Вот что это такое. Растворенное в воздухе ощущение обреченности, безысходности. А ведь я никогда прежде этого не замечал…»

В общем отделе участка этого запаха не было, но Соломон не ощущал себя здесь более комфортно. Отдел ничуть не изменился, он по-прежнему остался огромным, с половину футбольного поля, залом, заставленным столами, стеллажами, шкафами и конторками настолько плотно, что их можно было бы принять за возведенные баррикады. Он гудел гулом десятков голосов, звенел пронзительными звоночками пишущих машинок, шелестел бумагой, посмеивался, перекрикивался, ругался, бряцал трубками телефонных аппаратов… Сущий муравейник, который случайному посетителю кажется средоточием хаотических, не

связанных между собой течений, но который, как это доподлинно известно каждому детективу в Фуджитсу, является сердцем участка, непрерывно бьющимся в большом и грузном теле.

Со своего привычного места на монументальной стенной доске на него взглянули фотокарточки разыскиваемых преступников, и Соломону показалось, что все они пристально его изучают. Неподалеку от них разместился стенд с традиционной агитацией, пестрые листовки которого призывно гласили: «Транс-Пол Фуджитсу предупреждает вас об опасности использования нейро-софта, повышающего агрессивность». Рядом со стендом стояла декоративная пальма, сухая столько лет, сколько ее помнил Соломон, ее кадку дежурные часто использовали вместо пепельницы. Каждый предмет здесь был ему знаком и, в то же время, непривычен.

Соломон готов был поклясться, что за последние два дня общий отдел не претерпел никаких изменений. Не появилось ни новой мебели, ни новых лиц, не пропали режущие глаза лампы и трухлявый пол, даже тональность гула осталась прежней. Но если раньше этот гул успокаивал его, как нечто незыблемое, постоянное, сродни гулу океанских волн, то теперь Соломон ощутил беспокойство и тревогу. Этот муравейник больше не был его домом, он стал чуждой, враждебной средой, в которой ему не было места. Даже просто находясь здесь, он почти физически ощущал, что занимает место, которое ему не предназначено, что мешает кому-то, что пытается встроиться лишней деталью в хорошо отлаженный и работающий механизм.

Кто-то окликнул его, кто-то поприветствовал. Детектива Соломона Пять хорошо знали в общем отделе. В конце концов, он проработал здесь много лет, прежде чем получил право занимать отдельный кабинет, и проработал неплохо. Но сейчас каждый устремленный на него взгляд казался острой пикой с зазубренным наконечником.

«Они все знают, - подумал Соломон, ощущая, как кожа под рубашкой покрывается холодной змеиной слизью, - Они все уже в курсе. Они пытаются сделать вид, что ничего не происходит. Что в гости заглянул старик Соломон. Но они чувствуют это, как полагается хорошо натасканным ищейкам. Запах порчи, запах тревоги. Они видят во мне чужака и искусственно улыбаются, нарочито громко смеются… На меня украдкой глазеют, как на циркового уродца. Да-да, это тот самый Соломон, нейро-интерфейс которого обчистили как коробку с печеньем. И теперь это не Соломон, это какой-то тип с похожим на него лицом, но мы все равно сделаем вид, что рады его видеть…»

Собственная вымученная улыбка казалась ему саднящей

открытой раной. Пробираясь между столами, Соломон механически кивал и отвечал на рукопожатия, и каждый чужой взгляд был проникающим ранением, а каждый взрыв смеха – ржавым полотном пилы, чиркающим по обнаженным нервам.

Полюбуйтесь. Вот идет он, дублер нашего Соломона.

Огрызок личности. Фантик от человека.

Какая гадость. Зачем он вообще пришел? Неужели этот болванчик, этот манекен думает, что здесь ему рады?..

Соломон то и дело встречал знакомые лица. Они улыбались и бросали что-то ободряющее, но Соломон знал их слишком хорошо, чтоб понимать – эти улыбки и слова предназначались не ему. Он – не настоящий Соломон Пять, лишь его неуклюжий дублер, плагиатор, никчемная копия. Его просто здесь терпят, как инвалида, бесполезную вещь, предмет обстановки.

Чужак, похитивший чужое тело.

Заместитель.

Зловещий доппельгангер.

Нейро-ноль.

«Надо вернуться в кабинет, - мелькнула паническая мысль, - Там я буду один. Туда никто не войдет…». Но мысль эту пришлось отбросить сразу же. В кабинете от него не будет пользы. Сидя там, в отрыве от ритмично пульсирующих артерий участка, он не найдет нейро-маньяка, лишь потратит драгоценное время, запас которого, быть может, исчисляется часами или минутами.

От допросов никакого проку. Пусть Маркес и Коротышка Лью пытаются расколоть всех «Бейли» в городе, Соломон понимал, что путь ими выбран неверный. Нейро-маньяк слишком опытен и хитер, чтоб попасться в такие примитивные силки. Значит, надо действовать глубже и решительнее. Перетряхивать информаторов, вновь и вновь угрожать Мафии, устраивать облавы, допрашивать рецидивистов… Настоящая работа сейчас не здесь, а на улицах. Хитрец Баросса сразу это понял. Но Соломона с собой не позвал. Потому что он, старинный друг и приятель, тоже все видит и все понимает. Он роет носом землю не для того, чтоб помочь Соломону, а в память о Соломоне. Пусть даже эта память о Соломоне разгуливает по участку в человеческом обличье…

- Соломон! Соломон Пять!

Соломон встрепенулся, не сразу поняв, что кричит ему дежурный детектив из своей кабинки. Он улыбался, и улыбка его была фальшивее, чем золоченые часы на запястье мелкого вора.

- Хорошо, что ты здесь, приятель! Тебя просили зайти!

- Кто?

- Будто сам не знаешь, - дежурный ткнул мясистым пальцем в потолок, - Старый людоед. Комиссар Бобель. Приказал явиться сразу же, как только ты объявишься.

- Я немного занят сейчас. Чуть позже, пожалуй…

- Извини, Соломон. Комиссар сказал, сразу же.

- Хорошо. Понял. Сразу же.

Соломон на несколько секунд закрыл глаза и перевел дыхание. Кажется, его испытания только начинаются.

ГЛАВА 11

Комиссар Бобель читал. Наморщив массивный лоб, своими морщинами напоминавший чрезмерно усложненную площадку для гольфа, он медленно вел пальцем по строке какого-то документа, время от времени что-то беззвучно шепча губами. На вошедшего Соломона он даже не взглянул, лишь отрывисто махнул кистью: обожди, мол, сейчас.

Это был его старый, излюбленный, прием, столь же эффективный, сколь и затасканный за десятилетие постоянного использования. Вынужденный наблюдать за сосредоточенной и, несомненно, важной работой хозяина кабинета, посетитель, сколь раздраженно и самоуверенно он ни был бы настроен, со временем начинал терзаться собственной бездеятельностью, испытывая от этого мучительное неудобство.

Он вынужден был стоять посреди небольшого, со вкусом обставленного кабинета, чувствуя себя предметом мебели, забытым тут нерадивыми грузчиками, и наблюдать, как работает другой человек. Как он шевелит губами, читая какую-то важную бумагу, как брезгливо стучит пальцем по клавишам печатной машинки, как оттирает чернильную ручку специальным маленьким лоскутом…

К тому моменту, когда комиссар Бобель поднимал на посетителя глаза, отмерив точно выверенную дозу тягучего ожидания, индивидуальную для каждого своего подопечного, как в аптеке, тот уже готов был начать разговор на самых невыгодных для себя условиях.

Соломон давно знал этот трюк комиссара, как знали его и все прочие детективы участка. Трюков у комиссара Бобеля было немного, и увеличивать их ассортимент он пока не считал нужным. Обычно вынужденное ожидание Соломон переносил легко – флегматичность «Бейли» вкупе с другими нейро-модулями позволяла ему спокойно выдерживать даже чрезмерно затянутую хозяином кабинета паузу, одновременно выражая на лице сознание собственной правоты, мягкую улыбку и преданность делу. Нейро-кокон надежно защищал его уязвимые внутренности и, как часто бывает, перестал ощущаться с годами. Добрый старый «Бейли»…

Теперь, стоя в кабинете комиссара Бобеля, Соломон испытывал гнетущее, тянущее за потроха, волнение, смешанное с неудобством. Он чувствовал себя голым, беспомощным, жалким. Бесхребетным моллюском, заброшенным в логово ленивого и

неспешного глубоководного хищника.

Комиссар Бобель вовсе не был похож на хищника. Напротив, его усталое, но открытое лицо было, без всякого сомнения, лицом человека терпеливого, мягкого и даже податливого, вынужденного занимать высокий и ответственный пост. Отчитывая своих подчиненных, комиссар Бобель часто даже морщился, словно от зубной боли, испытывая от необходимости устроить разнос не меньшие мучения, чем тот, кому этот разнос предстояло выслушать.

Но, глядя на то, как комиссар неторопливо ведет пальцем по бумаге, близоруко щурясь и шевеля пухлыми, совсем не мужественными, губами, Соломон ощущал себя невероятно скверно. Точно проштрафившийся ученик, стоящий в кабинете директора школы. Сейчас тот закончит читать учительский рапорт, поднимет на него глаза – и ученик Пять съежится, занимая в пространстве в три раза меньший объем, чем обычно, между лопаток выступит пот, то обжигающий, то ледяной, а челюсть противно задрожит.

Чтобы побороть неловкость, мучительно досаждающую, точно изжога после излишне жирного обеда, Соломон стал смотреть по сторонам, стараясь держаться с равнодушием. Его тело помнило некоторые старые жесты, простая мышечная память. Он помнил, что прежде часто закладывал правую ладонь в карман брюк, постукивая по ремню большим пальцем. Потирал подбородок, поглаживая щетину. Цокал языком в минуты рассеянности. Соломон пытался повторить эти жесты и звуки, но движения получались резкие, неестественные. Как у неопытного сценического пародиста.

«Игра в Соломона, - подумал он, чувствуя, как по ребрам проходит колючая нервная дрожь, - Правила просты, как в детстве. Я делаю вид, что Соломон Пять – это я, а комиссар Бобель делает вид, что он тоже так думает. И мы оба испытываем от этого ужасную неловкость, только у него есть возможность ее не выказывать».

Соломон стал глядеть по сторонам, чтобы занять чем-то голову. Но ничего нового, на чем можно было сосредоточить взгляд, в кабинете комиссара не оказалось. Стол был завален документами, точь-в-точь, как его собственный, и документы эти были скучны и знакомы. Поверх прочих лежал протокол судебного заседания, покрытый расплывающимися от дешевых чернил траурными лентами машинописных букв:

«**Прокурор:** И все-таки у меня есть возможность доказать, что преступление, совершенное господином Бляу, совершено обдуманно и с умыслом, а не спонтанно, как пытается

представить это дело уважаемая защита.

Адвокат: Сущая ерунда. Мой клиент, господин Бляу, действовал исключительно в состоянии аффекта, которое - Ipso facto! – исключает всякую вероятность хладнокровного умысла. Обнаружив свою супругу, госпожу Бляу, в постели с незнакомым мужчиной, он испытал сильнейшее душевное потрясение, не совладав с которым, вытащил свой служебный револьвер и…

Прокурор: И я бы, несомненно, согласился с доводами защиты, Ваша Честь, если бы не одно «но». Вот чек из магазина «Душа нараспашку», чьим клиентом обвиняемый много лет был. За три дня до убийства им, как следует из этого документа, был приобретен модуль «Страстный мавр». Вот и спецификация…

Адвокат: Протестую против привлечения этого документа к делу на правах доказательства! Частная жизнь супругов Бляу не может касаться нашего разбирательства!

Прокурор: Боюсь, в данном случае вполне касается. Ведь один из компонентов «Страстного мавра» - цитирую – «отчаянная, жгущая ревность, точно погружающая ваше сердце в кипяток страсти». Довольно? Речь идет о хладнокровном, запланированном убийстве, Ваша Честь. Подозревая свою жену в связях с посторонним мужчиной, господин Бляу не установил себе нейро-модуль повышенного самоконтроля или, например, какую-нибудь «Алую орхидею», вполне допускающую промискуитет… Напротив. Он устанавливает себе модуль, стимулирующий ревность и агрессию, чтобы в нужной ситуации набраться духу на двойное…»

Страница закончилась, а брать протокол с комиссарского стола Соломон не решился. Прежний Соломон сделал бы это без труда, но прежний Соломон не присутствовал в данный момент в кабинете. Он находился где-то неимоверно далеко отсюда.

Судя по тому, что комиссар все еще изображал занятость, тема предстоящего разговора не таила в себе ничего хорошего, и собеседника предстояло хорошенько промариновать ожиданием, как излишне жесткое мясо для барбекю. Только вот жесткости этой Соломон в себе не ощущал, совсем напротив, ему казалось, что тело готово растечься по старому паркету подрагивающим студнем. Он с завистью поглядывал на игрушечных солдатиков, способных много лет простоять, не меняя ни позы, ни выражения лица.

Полочка с игрушечными солдатиками находилась за спиной комиссара Бобеля, и повесил он ее в тот же день, когда стал полноправным хозяином кабинета. Несколько десятков крохотных оловянных фигурок выстроились на деревянном плацу ровными шеренгами, как на торжественном построении по случаю

прибытия высочайшей инспектирующей особы.

Никто точно не знал, зачем комиссару эти солдатики. Люди его должности, как правило, водружают на стены нечто более солидное. Старые ружья с потертыми ложами, литографии или благородные дубовые щиты с укрепленными в кольцах курительными трубками прошлых эпох. Но солдатики?..

Наверно, чтобы собрать эту коллекцию, комиссару Бобелю понадобилось много лет. И немало сил – все солдатики были тщательно раскрашены, их лица казались по-человечески румяными, а штыки и сабли грозно сверкали оружейной сталью. Комиссар Бобель не был сторонникам какого-то определенного временного периода, также чужд был ему и шовинизм – обитатели деревянной полки являли собой сборище солдат самых разных военных конфликтов, разделенных, зачастую, сотнями лет.

Широкоплечие фигуры в неброском камуфляже, чьи каски покрыты маскировочными сетями, это, конечно, войска Лаки-Страйк. Оружие держат наизготовку, позы напряжены – не иначе, крадутся по джунглям, высматривая, не мелькнут ли в кустах зловещие тени партизан Адидаса в широких шляпах из рисовой соломы и непременными автоматами … Франтоватые щеголи в элегантной и, вместе с тем, зловещей черно-серой форме, с высокими фуражками и витиеватыми крестами, кажется, принадлежат гвардии Зингера или Мерседеса, Соломон точно не помнил. Помнил только, что те воевали со Столичной, Викерсом и Фордом в середине позапрошлого века – какая-то смутная европейская война, которых тогда было во множестве… То тут, то там мелькали фигуры грозных всадников из Немирофф в их традиционных шароварах, длинные чубы топорщились на невидимом ветру, кое-где заносили катаны воины из Сони в своих причудливых лакированных доспехах… Полное смешение культур и эпох.

Впереди всех стоял, грозно потрясая секирой, ряженый в шкуру и рогатый шлем великан из древнего Икеа. Где-то в глубине рядов царил еще больший хаос – там, стоя бок о бок, сжимали примитивные винтовки солдаты старой гражданской войны между Пепси-Колой и Кока-Колой, синий и серый цвет их формы при слабом освещении выглядел даже похожим.

Вся эта оловянная армия выглядела грозно, особенно по сравнению с кротким комиссаром Бобелем, в чьем кабинете она была навеки дислоцирована. Никто не знал, зачем такому человеку, как комиссар, игрушечные солдатики. Только детектив Баросса имел на этот счет мнение, которым когда-то – тысячи лет назад – поделился с Соломоном.

«Это тоже его маленькая хитрость, старик, будь уверен. Как толстые очки на носу, как вся эта показная неловкость… Это его маскировка. Он специально хочет казаться мягким и слабохарактерным, настойчиво показывает противнику свои слабые места. Вертит, так сказать, хвостом перед щелкающими зубами, показывая, куда кусать. На самом деле наш Бобель – тертый калач. Даже не калач, а сухарь вроде тех, которыми кормятся заключенные. Чтобы попасть в кресло комиссара Фуджитсу, он перепрыгнул через головы Нейдела, Грасса и Фентиха – а уж те были ребята не промах, сами кого угодно сожрут. И где они сейчас?.. Нет, помяни мое слово, комиссар Бобель улыбается и смущается ровно до того момента, пока считает это необходимым».

- Детектив Пять?

Комиссар уже закончил со своими делами, даже блокнот отодвинул в сторону пухлой рукой. На лице его висела виноватая полуулыбка, слабая награда для тех, кого он подвергал испытанию ожиданием сверх заведенного.

- Комиссар… - Соломон козырнул ему двумя пальцами. Получилось не так залихватски и небрежно, как прежде, даже натужно. Как всегда бывает, когда один человек пытается скопировать жесты другого.

Подобие улыбки оставалось еще на прежнем месте, а глаза комиссара Бобеля уже перешли к следующей запланированной процедуре – обшаривали Соломона со всех сторон. Если ты детектив в Фуджитсу, в скором времени ты привыкнешь к великому множеству взглядов, которыми тебя прощупывают на улицах. К взглядам быстрым и резким, как взмах бритвенно-острого выкидного ножа. К взглядам тяжелым, гнетущим, налитым свинцом. К взглядам грязно-липким и похотливым. К осторожным, рыскающим взглядам, чьи хозяева особенно опасны. К нарочито-смиренным, к озорным, к пренебрежительным, мутным, застенчивым, наглым, бесстрастным…

У комиссара Бобеля был особенный взгляд, определение для которого найти было непросто. Этот взгляд был сродни хватке десятков осторожных, но сильных пальцев. Эти пальцы пробегали по всему телу, что-то выщупывая, оглаживая, подергивая, проверяя и ковыряя ногтем, и уклониться от них было невозможно. Пусть и притушенный стеклом очков, взгляд комиссара Бобеля цепко взялся за Соломона и обшарил его с механической простотой и бесхитростной наглостью. Соломон ощутил себя сосудом, который обтянутые влажной латексной перчаткой руки лаборанта повертели, просмотрели на свет и аккуратно водрузили обратно на полку. Или, быть может,

бессловесным оловянным солдатиком…

- Детектив! – комиссар протянул ладонь и с чувством пожал Соломону руку. Для человека, проводящего сутки напролет в кресле, он был удивительно энергичен, - Вот, значит и вы. Проходите. Садитесь, прошу вас. Немедленно садитесь! Сигарету?

- Я бросил курить, господин комиссар.

- И правильно, что бросили! Совершенно верно. Нечего портить легкие. Дурная привычка. Я сам, если не возражаете… - комиссар проворно достал из ящика пачку дорогих сигарет, кажется, контрабандных «Тягучие с фильтром» из далекого Кэмела. По кабинету, вильнув возле вентиляционной решеточки, пронеслась тугая табачная струя, - Я… кхм… Я представляю, через что вам прошлось пройти, детектив Пять. Безумное время, безумные нравы… Скажите мне, как вы?

Комиссар Бобель спросил это с самым искренним выражением на лице. Специалист, писавший ему нейро-софт, был, судя по всему, настоящим гением в своем роде. До чего убедительно искривлены губы, как набухли морщины над сузившимися глазами… В один миг Соломон испытал раздражение и стыд. Стыд – потому что этот взгляд, приветливый и сочувствующий, был предназначен для настоящего героя, детектива, который получил серьезное ранение на своем посту и теперь испытывал невыразимые муки. Этот взгляд должен был достаться кому-то другому. Сержанту Бальдуру, которому три дня назад размозжили в подворотне голову, или детективу Энгеру, вторую неделю лежащему в госпитале с обширными кислотными ожогами. Но раздражение все же было сильнее.

Потому что во взгляде комиссара кроме тщательно отмеренной дозы сочувствия с мерой ободрения не было единственного ингредиента, который мог бы оказаться пользительным – понимания. Комиссар Бобель не понимал, что это значит – в одно мгновенье потерять себя и потерять вместе с собой всю свою жизнь. Превратиться в уродливое подобие, обреченное до самой смерти быть пронзаемым тысячами настороженных, изучающих взглядов – «Он? Или не он? Вроде бы, похож…»

- Нормально, - сказал Соломон. Улыбка получилась слабой, бледной. Но судя по тому, как закивал комиссар, именно такой стоической улыбки и ждало начальство от тяжелораненого детектива.

- Мы вчера объявили подписку среди офицеров участка. В вашу пользу, детектив Пять. Все наши парни пожертвуют часть своего жалованья, с целью помочь вам в выздоровлении. Конечно, сумма не огромная, но…

- Мне кажется, не стоило, комиссар.

- О, ничего страшного! Этот жест с их стороны демонстрирует то, как мы, защитники Фуджитсу, готовы подставить плечо товарищу в сложной ситуации, детектив. Мы, члены Транс-Пола, не бросаем своих! Запомните это хорошенько! В какой бы беде не оказался каждый из нас, он всегда должен помнить, что единственная точка во Вселенной, на которую он может всегда опереться, это общность коллег и товарищей! И не думайте, что это пустое слово!.. Я хорошо понимаю, каково вам пришлось…

Соломон собирался запротестовать более решительно, но не стал. Взволнованный и проникновенный тон комиссарского голоса свидетельствовал о том, что Бобель уже приступил к исполнению одной из своих «воспитательных речей», столь же напыщенных, сколь и неуместных, но, по счастью, непродолжительных. Подобными речами он имел обыкновение угощать детективов по самым разным поводам, и, отчасти, именно им был обязан репутацией болтуна, истинно-верующего в свой ораторский дар.

Впрочем, Соломон давно уже подозревал, что «воспитательные речи» Бобеля – куда более коварное и изощренное оружие. Обрушивая на собеседника каскад благоглупостей в оправе из приторных банальностей, комиссар добивался определенного эффекта, а именно – частично погружал собеседника в отупляющий транс, сковывая его защитные механизмы нагромождениями никчемных слов. Так ловкий воришка в общественном транспорте разворачивает перед глазами жертвы какой-то объемный и пестрый пакет, заслоняющий поле зрения, чтобы потом ловко прощупать чужие карманы.

Но комиссар Бобель не был мелким воришкой, он возглавлял участок Транс-Пола более десяти лет. И щупать собеседника умел превосходно. Самый надежный способ убедить окружающих в своей близорукости и безопасности – накинуть личину самовлюбленного и наивного болтуна. Таких опасаются меньше всего.

Соломон несколько минут выслушивал разглагольствования комиссара о том, как важна именно сейчас спаянность всех детективов участка, каков священный долг перед обществом у каждого из них, какую цену приходится платить слугам Закона, и ждал, когда Бобель нанесет удар. В том, что этот удар последует, он не сомневался. Практичный комиссар никогда не расчехлял инструментов своего богатого арсенала без необходимости.

Вот и теперь, с нелепой напыщенностью разглагольствуя о долге, чести и самопожертвовании, раздуваясь от напускной

гордости, комиссар Бобель в то же время хладнокровно выбирал цель.

- …понимаю, что удар, нанесенный вам бесчестным негодяем, не похож на обычное ранение, но это не делает его легче или безболезненнее. Я бы даже сказал, это циничный и подлый удар, особенно отвратительный в связи с тем, что преступник сознательно нанес его представителю закона, занимающегося расследованием. Что, безусловно, говорит о вызове, о наглом и циничном вызове, о плевке в лицо всего Транс-Пола… Конечно, вам придется нелегко, детектив Пять. Уж я-то знаю, сколькими привычками мы обрастаем за время жизни… Отказываться от них, да еще и не по своей воле, несомненно, тяжелое потрясение для нервной системы. Кстати, по поводу случившегося… Я внимательнейшим образом изучил ваш рапорт, но не смог понять одну деталь… Точнее, отсутствия одной детали. В рапорте ничего не сказано о… гхм… так называемой нейро-бомбе.

Выглядело все донельзя естественно. Комиссар даже нахмурился, как человек, отвлеченный от собственной речи каким-то незначительным, только что всплывшим, вопросом, который приходится по-быстрому решить, чтобы не оставлять позади досадных белых пятен.

Кто-то из ребят уже проболтался.

Соломон в своем рапорте не упоминал про нейро-бомбу. Даже вздумай он сделать это, пришлось бы указывать, каким образом у него оказались подобные сведения, на чем базируется квалификация установившего это нейро-специалиста, а также прочие детали, которые ему не хотелось бы затрагивать.

Про нейро-бомбу в голове Соломона знал только Баросса. От него узнали другие – Маркес и Коротышка Лью. Прочие детективы участка посвящены не были, и Соломон настоял на этом. Достаточно того, что он играет роль уродца и инвалида, к чему ему еще одна порция фальшивого сочувствия, которая обязательно начнет выделяться каждой порой в участке Транс-Пола, когда станет известно, что у бывшего детектива Соломона в голова тикает адская машинка…

Но комиссар уже знал. Значит, кто-то из детективов оказался слишком болтлив, шепнув слово не в то ухо. И один из невидимых, но невероятно-чутких нервов комиссара Бобеля, растянутых по всему зданию участка, мгновенно послал соответствующий импульс в начальственный кабинет. Или даже проще, некоторые из детективов сами рассказывают комиссару детали, не вошедшие в рапорты. Соломон этому ничуть не удивился бы. Комиссар Бобель мог казаться болтливым и мягкодушным добряком, но недомолвок не терпел, и во всяком

деле разбирался со въедливостью старого опытного паука. В любом случае, отпираться было бесполезно.

- Это вредоносный нейро-софт, - сказал Соломон, - Установлен в моем мозгу тем, кого мы разыскиваем. По всей видимости, создан специалистами из Форда во времена последней войны, но широкого распространения не получил. Детальных сведений у меня нет. Известно лишь то, что этот кусок софта способен отсчитывать определенный временной интервал, после которого…

- Да-да?

- Он отсылает что-то вроде приказа о самоликвидации. Это тлеющий фитиль на пороховой бочке.

«Пороховой бочке, в которую превратилась моя голова», - хотел он добавить, но смолчал.

- И… насколько длинен этот фитиль? – подобравшись, спросил комиссар Бобель. Намеренно или нет, он на несколько секунд сбросил привычный маскировочный покров, и Соломон увидел его таким, каким и представлял – решительным и безмерно осторожным.

- Этого я не знаю. Из моих расчетов следует, что осталось не более шести дней. Фактически, начиная с сегодняшнего дня, бомба может сработать в любой момент. После этого я убью себя собственноручно. Быстро и решительно, оставив невольных свидетелей в полной уверенности того, что это было спонтанное самоубийство отчаявшегося человека.

- Шутите!

- Хотел бы, но не расположен. Я знаю лишь одно, мне надо поймать мерзавца как можно быстрее. А если я не успею… Вам придется заказывать в газетах траурную рамку. Для детектива Соломона Пять, который тридцать лет провел на своем боевом посту и покончил с жизнью, не выдержав удара судьбы.

- Ужасно, - проговорил комиссар Бобель с неподдельным отвращением в голосе, - Я слышал о таких устройствах… мельком. Когда-то, во времена моей молодости, мы считали нейро-бомбы просто одним из мифов… Знаете, люди ведь часто болтают про нейро-софт нового поколения. Про нейро-усилители, которые увеличивают интеллект в тысячу раз, про нейро-расщепители, от которых все нейронные цепи и соединяющие их синапсы перегорают в один миг, как елочная гирлянда… Болтали и про нейро-бомбы. Никто никогда не сталкивался с ними, но среди детективов ходили слухи… Военная технология, полное отсутствие средств противодействия и блокировки… Отвратительное порождение информационных войн… Я всегда считал это досужими разговорами. Но вы… Это достоверная

информация?

- Вполне достоверная, - сухо сказал Соломон. Сухость тона в данный момент стала следствием отсутствием слюны во рту, - Но источник назвать не могу. Это нейро-специалист высокого уровня.

На Соломона Бобель теперь поглядывал с некоторой опаской. Не иначе, ожидал, что невидимая бомба у того в голове взорвется, заляпав чистый кабинет своим содержимым. Что-то подобное и верно может произойти, если Соломон вытащит револьвер, упрет ствол в нёбо и спустит курок. Никогда не знаешь, что в голове у самоубийцы… Если оно не оказывается рассредоточенным неравномерным слоем по письменному столу, стенам и полке с игрушечными солдатиками в чистеньких мундирах.

- Я надеюсь, что мне хватит времени на поимку нейро-маньяка, - сказал Соломон, - Если так, я уверен, что нейро-бомбу можно будет изъять.

- Отчего вы так считаете, детектив?

- Если это и в самом деле разработка военных или спецслужб, у нее должен быть стоп-кран. Защитный механизм. Военные любят полный контроль. Ведь всегда может оказаться, что бомба, подсаженная в голову какому-нибудь политику, уже утратила актуальность. Скажем, изменился политический курс, или намеченная жертва вдруг решила предложить убийцам свои услуги… У каждой ракеты, как я слышал, есть механизм самоликвидации.

- Значит, считаете, что всякую бомбу можно разрядить?.. Что ж, от всего сердца буду на это надеяться, детектив. Вы нужны мне – мне, Транс-Полу и всему государству. Поэтому, для вашей сохранности, мне придется принять некоторые меры. Возможно, не все из них покажутся вам верными, но в этом вопросе я, извините, на переговоры идти не буду. Итак, сдайте ваше оружие.

Этого и следовало ожидать. Идея наивная, но вполне закономерная. Соломон все равно собирался избавиться от служебного револьвера, например, отдав его Бароссе, чтоб тот спрятал в свой сейф. Конечно, для настоящего самоубийцы поиск подходящего орудия не представит сложности. Он может свести счеты с жизнью, воспользовавшись ножом для резки бумаги, собственным галстуком или флаконом бытовой химии. Но к чему искушать судьбу, таская за пазухой оружие?..

Соломон, повозившись, вытащил револьвер из кобуры, положил его на комиссарский стол. На лакированной поверхности револьвер смотрелся неуместно, как дырокол - на барной стойке. Комиссар Бобель быстро схватил его пухлой ладонью и со звоном бросил в ящик письменного стола. На лице у

него мелькнуло отвращение, свойственное всем мягким людям, не терпящим оружия. Сам он «сбрую» надевал лишь несколько раз в год, позируя газетчикам для фотографий.

- Одной проблемой меньше, - объявил комиссар, - Вы же понимаете, детектив Пять, это просто защитная мера, призванная продлить вам жизнь.

Соломон не стал ему говорить, что первые меры принял он сам еще вчерашним вечером, сделав несколько телефонных звонков и отключив в своем доме электричество и газ. Теперь это казалось смехотворным ему самому. Шесть дней. В лучшем случае. Никто не знает, на сколько заведен таймер его личной бомбы. Может, уже сейчас он отсчитывает последние секунды. Может, ему не суждено даже выйти живым из этого кабинета.

Соломон представил, как он делает шаг к окну, как испуганно вскрикивает толстяк Бобель, как прозрачная преграда оконного стекла рушится под пальцами, распадается хрустящими стеклянными гроздьями. И как он, Соломон Пять, оказывается в воздухе, отделенный от грязного тротуара двадцатью метрами пустоты…

- Вы плохо выглядите, детектив, - отеческим тоном сказал Бобель, глядя на него снизу вверх, - Побледнели ужасно. Все в порядке?.. Ах да, понимаю, слабость. У меня тоже такое бывает, от давления… Значит, второй шаг. С этого момента вы больше не занимаетесь делом Эмпирея Тодда. Я имею в виду дело вашего так называемого нейро-маньяка.

Соломону показалось, что он все-таки проломил головой стекло – в ушах оглушительно зазвенело.

- Что? – пробормотал он, ошеломленно уставившись на комиссара, - Почему?

- Во-первых, как уже говорил, не хочу подвергать вас опасности. Вы уже раз вышли на след похитителя – и чем это закончилось?.. Вот-вот. Что станется с вами в следующий раз, не хочется и думать. Нет уж, у нас достаточно опытных детективов, чтобы закончить расследование без вашего участия. Детектив Баросса заверил меня, что у него есть несколько хороших идей. Не удивлюсь, если сегодня-завтра этот таинственный нейро-негодяй окажется у нас в подвале…

- А во-вторых? – выдавил Соломон.

- Во-вторых… - комиссар Бобель поднялся и положил мягкую теплую руку ему на плечо, - Сынок, ты же сам понимаешь… Ты, конечно, превосходный детектив. Но то, что с тобой случилось… Боюсь, это надолго вышибет тебя из колеи. Твои таланты, твоя внимательность, осторожность, въедливость… Все то, что делало тебя одной из лучших ищеек Транс-Пола…

- У меня их больше нет, - признал Соломон, - Но у меня есть интеллект и опыт. Над ними нейро-софт не властен. Я не стал болваном только лишь оттого, что меня ограбили!

Комиссар Бобель терпеливо закивал.

- Знаю. Конечно. Однако этого мало. Есть такая старая поговорка – «Умный учится на чужих ошибках, а дурак – на своих». Так вот, мы все дураки. Использовать чужой жизненный опыт мы не умеем. По крайней мере, не на интуитивном и естественном уровне. Ты можешь помнить тысячи старых дел, свои прежние методы, свою тактику… Но сейчас все это тебе не поможет, напротив, закрутит голову, собьет со следа. Я знаю, о чем говорю, детектив Пять, я знаю.

- Я всю жизнь ловил преступников. И я могу этим заниматься и дальше. Потому что я умею это делать.

- Можешь. Но не умеешь, - комиссар ободряюще ему улыбнулся, отчего сделалось еще хуже, - Знаешь, у меня есть один приятель. Работал архитектором здесь, в Фуджитсу. Разработал проекты десятков зданий и добился огромной популярности. Не буду называть его имени, ни к чему. У него было больше сотни модулей, разумеется, специфических. Обостренное чувство прекрасного. Любовь к ассиметричности форм – двадцать лет назад это было в моде… Любовь к точным наукам. Даже какие-то совсем уж странные модули вроде отвращения к негармонирующим цветам. Этот мой приятель стал успешнейшим архитектором, и всю жизнь он развивал в себе этот талант, подкармливая его нейро-софтом, укрепляя и пестуя. И знаешь, чем кончилось?

- Чем? – спросил Соломон, хотя ему был решительно безразличен этот человек. Как и сам комиссар Бобель в этот момент.

- Однажды за бутылочкой он поспорил со своими приятелями. На счет того, кому он обязан славе. Самому себе или тому нейро-софту, которым забил голову. А приятель мой был человек достаточно вспыльчивый и амбициозный. Это случается у многих архитекторов, и не от нейро-софта… Так вот, он решил доказать, что настоящий творец – это он сам. А софт – всего лишь подпорки, инструмент… И ввязался в спор. Он рассуждал так же, как ты сейчас. «Пусть у меня не будет обостренного чувства прекрасного и модуля уважения античных форм, - думал он, - Какая разница? Я построил десятки величественных домов, я помню их чертежи вплоть до болта и заклепки. На одном своем опыте я смогу вывести новый шедевр!» Знаешь, что было дальше?

- Что? – безучастно спросил Соломон, силясь скинуть с плеча комиссарскую руку, которая теперь казалась ему толстой и

рыхлой медузой.

- Он проиграл спор, вот что. Оказалось, что при всем своем опыте, при всем интеллекте, он не способен построить толком и курятника. Формы получались у него гротескные и страшные, цвета вызывали отвращение, а общее устройство полнилось хаосом. Человек, построивший великое множество архитектурных шедевров, оказался беспомощен перед лицом простейших проблем. Опыт!.. Опыт – это твои мышцы, сынок. Но для того, чтоб эти мышцы работали, а не висели лишним грузом, у тебя должны быть и нервы. Которые пропускают сигналы и реагируют определенным образом. Нейро-модули – это наши нервы, вот в чем штука. За многие годы их использования мы привыкаем, что они тянут наши мышцы именно таким образом и в таком порядке. И, лишившись этих нервов, этих веревочек, заставляющих тело двигаться, мы делаемся беспомощны. Ведь движения происходят не только в физическом, но и в социальном пространстве…

- А я… - слабо сказал Соломон.

Комиссар Бобель легко прервал его. Перед его уверенностью и напором Соломон ощущал себя беспозвоночным моллюском. У него больше не было циничного флегматизма «Бейли». У него не было ничего, кроме бесконечной усталости и опустошенности.

- А вы, детектив Пять, отправляетесь на отдых. Никакой работы. Никаких нейро-маньяков. Благодарю вас за службу, но дальше делом займутся другие. Отдыхайте, поправляйте душевные раны, в участке даже не появляйтесь. Не надо.

Комиссар Бобель шутливо погрозил толстым пальцем. Сквозь образ добродушного болтуна проглянуло что-то новое. И хотя лицо его ничем не отличалось от комиссарского, те же знакомые морщины и лоснящиеся здоровые щеки, Соломон вдруг ощутил, что спорить с ним не может. Не было ни слов, ни воздуха в легких, чтоб эти слова вытолкнуть наружу. Только шипящий вакуум в груди, колючий и зыбкий.

«Ложь! – прошипел внутренний голос страдальчески, - Он лжет тебе, Соломон! Ему плевать на тебя и на то, что может разорвать твою голову. Он списал тебя, как бракованную заготовку для игрушечного солдатика! Он думает только о своем участке. Не хочет, чтоб ты отсвечивал здесь, деморализуя других детективов, точно бледный призрак давно умершего человека, ожившая статуя с могилы. Он просто хочет выпихнуть тебя отсюда!..»

- Хорошо, - сказал Соломон устало, - Понимаю. Да.

- И отлично, - комиссар Бобель улыбнулся, став похожим на растроганного дедушку, готового потрепать за волосы своего непутевого, но очень любимого внука, - Очень рад, что вы все

поняли верно, детектив. Приступайте к отдыху. Это приказ. Мне нужны здоровые, полные сил детективы. Такие, что смогут нести бремя служителя закона и без устали работать над тем, чтоб сделать Фуджитсу самым безопасным городом в мире! Такие, что…

Соломон не помнил, о чем еще говорил комиссар перед тем, как отпустить его. В себя он пришел только тогда, когда открыл дверь собственного кабинета. И не сразу понял, что это его кабинет, только взгляд на табличку - «Детектив Соломон Пять. Обеденный перерыв. Подождите» - убедил его в этом.

Кабинет был его собственный и одновременно чужой. Находиться в нем было неуютно и тяжело, как в квартире малознакомого и неприятного человека. Обстановка, раньше казавшаяся ему нейтральной и привычной до мелочей, вызывала неприязнь, отторжение. Стойкий запах крема для обуви, влажного картона и старого дерева казался невыносимым. Воздух тут был застоявшийся, нездоровый, с близким к критическому уровнем кислорода.

Сам кабинет – крошечная каморка, для пересечения которой хватило бы и пяти шагов. Из окна открывался вид на старый дом коричневого кирпича, который медленно разваливался последние десять лет, постепенно обнажая куски перекрытий, и теперь напоминал забытый кем-то на жаре полу-разложившийся торт. Груда папок на столе тоже имела непривычный вид. Кто-то небрежно разложил их в стопки, но сделал это то ли торопясь, то ли не заботясь о том, как это будет выглядеть – папки разъехались в разные стороны, наружу высовывались исписанные черными и фиолетовыми чернилами листы.

«Это я их так бросил, - подумал Соломон, оглядываясь, - Больше некому. Но какое гадкое место… Нора земляного червя… Невозможно представить, что я сидел тут иной раз по двенадцати часов к ряду».

Соломон попытался привыкнуть заново к кабинету, без всякой цели касаясь руками то телефонной трубки, то рычажков термостата, то сейфа. Но нужного эффекта не добился. Напротив, кабинет стал казаться ему не просто чужим, но и враждебным. Как будто он, крохотный сердитый разум, замурованный в недрах бетонного здания, смотрел на незваного пришельца, не узнавал его и злился. Какой-то человек пришел вместо детектива Соломона Пять, ходит и трогает его вещи. Плохой человек, чужой человек, пусть он уйдет…

В конце концов, Соломон стал испытывать отвращение, только находясь здесь, в этой зловонной клетушке. Она не принадлежала ему, оставалась чужой и ужасно неудобной. Она

несла на себе следы присутствия другого человека. Пугающе незнакомого и находящегося где-то очень-очень далеко. Соломон впервые подумал о том, что встреча с этим человеком могла бы ему не понравиться…

Он уже собирался выйти, когда телефон на столе разразился резким и протяжным звонком. Соломон не собирался брать трубку. Кто бы ни звонил сюда, он искал не того человека, который здесь сейчас находился. Лучше не создавать путаницы. Выйти из здания, вызвать такси – «Лексус-Москвич» он уже не водил, слишком уж раздражала его громоздкость и грохот неуклюжей механической повозки – и вернуться домой. Зайти в пустую спальню, где об Анне напоминает только едва уловимый аромат духов, лечь на кровать и просто лежать, глядя в потолок. Серый и пустой, как его собственный нейро-интерфейс. Ожидая мига, когда все закончится.

«По крайней мере, в гробу нас перестанут путать, - подумал Соломон с горьким мысленным смешком, - Все смогут сделать вид, что в этой деревянной коробке лежит Соломон Пять собственной персоной. Мертвый, но зато настоящий…»

Но телефон все звонил и звонил, не останавливаясь. Возможно, кому-то на том конце провода нужна помощь. Может, случилось что-то важное. Вздохнув, Соломон положил ладонь на неприятно-гладкий замусоленный пластик.

- …нец-то! – рявкнула трубка оглушительно, голосом знакомым и сердитым, - Где тебя носило?!

- Комиссар вызывал.

- Ах, комиссар… Короче, вылетай через служебный выход. Я выбил два экипажа, на всякий случай… Коротышку Лью найти не смог, сбежал куда-то, подлец… И черт с ним! Мы с Маркесом, четверо патрульных, да ты. Уже семеро, должно хватить… Ну же! Времени в обрез! Их могли предупредить… Правда, ребята из Мафии уже там, обещали помочь, но ты же знаешь этих хлыщей, если начнется серьезная заваруха, они внутрь не полезут… М-мменеджеры с автоматами, черт бы их…

- Не могу, - сказал Соломон тихо, - Извини, старик. Поздно.

- Что значит «поздно»?! – рыкнула трубка голосом Бароссы, таким звучным, что, кажется, даже стекло зазвенело в старой деревянной раме, - Совсем рехнулся? Говорю же, времени нет! Упустим!

- Да объясни же ты! Ничего не пойму!

- Некогда! Надо облаву проводить! В общем, на твоего маньяка наводка поступила. Хорошая наводка, верная. Если повезет, хлопнем его тепленьким, прямо в кроватке… Да шевелись же ты! Старая швейная фабрика в пригороде. Свои же

сдали, из Мафии. Да чего там объяснять, берем его! Ты с нами?

Его собственное горло вдруг стало напоминать засорившуюся водопроводную трубу. Там что-то булькало и хрипело. Пришлось с усилием сглотнуть, прежде чем оно смогло пропустить сквозь себя слова. Благо слов оказалось немного.

- Ждите меня! Я с вами! Ждите!

Соломон отшвырнул трубку и бросился к двери. Он сделал это так поспешно, что трубка, промахнувшись мимо рычага, повисла, подпрыгивая на витом шнуре. Он заметил это случайно, уже находясь по другую сторону дверного проема. Ощущение этой мелкой неправильности чуть не заставило его вернуться. Ведь кто-то может звонить на этот телефонный аппарат, рассчитывая услышать его голос, а будет постоянно слышать лишь сигнал «занято»…

Да и к черту! Детектив Соломон Пять все равно не сможет подойти к аппарату. Он и в самом деле чертовски занят. Неизвестно, чем, но теперь, по крайней мере, ясно, где…

Соломон слышал укоризненные гудки телефона еще несколько секунд. А потом из всех звуков в мире остался только неровный гул колотящегося сердца.

ГЛАВА 12

Баросса дернул «Умляутмобиль» так резко, что Соломон, не успевший закрыть дверцу, чуть не вылетел с заднего сидения. Но даже не подумал окрикнуть водителя или ругнуть его, напротив, испытывал невыразимые мучения от того, как медленно автомобиль выворачивает со служебной стоянки. Позади взвизгнули тормоза – два патрульных экипажа проворно двигались следом за стремительным «Умляутмобилем», сверкая свежеокрашенными бело-синими боками. Сирен не включали, и Соломон понимал, отчего. В некоторых ситуациях Транс-Пол считает необходимым предупредить о своем появлении загодя. Но сегодняшняя ситуация была другого рода.

- Не лети ты так… - проворчал Маркес, сидящий рядом с Бароссой. На резком повороте, когда автомобиль крутануло, он едва не врезался лицом в ветровое стекло, и теперь поглядывал на водителя с раздражением, - Не на пожар же мчимся!

- Пожар или нет, а когда мы там появимся, всем станет жарко! – пообещал Баросса. Он прищурился и медленно, напряженно, дышал. Как охотничий пес, сдерживающий хриплый рык, чувствующий, что добыча вот-вот вильнет куцым хвостом прямо перед оскаленной мордой…

- Это может быть банальной пустышкой.

- Никакая не пустышка. Мне позвонил сам вице-капореджиме из регионального отделения Мафии. Не та фигура, чтоб чепухой заниматься. Раз позвонил, значит, дело верное. Он там, этот ублюдок, там!..

- Капореджиме? – спросил Соломон, чувствуя отчаянье от того, что его собственная голова так медленно соображает, - Его зовут Франчезко Пацци?

- Да, он. Что, твой приятель?

«Умляутмобиль», подчинившись резкому движению рулевого колеса, вильнул, едва разминувшись с мусорным баком, громоздким и ржавым, похожим на старый брошенный танк. Маркес был настороже, и лишь выругался себе под нос.

- Не думаю, - сказал Соломон, - Так, болтали немного… Значит, он сам на тебя вышел?

- Именно. Обычно эта публика в Транс-Пол не торопится. Разве что если схватишь их брата за шиворот шикарного костюмчика, да тряхнешь как следует… Бизнесмены… Мой дед в старые добрые времена этих бизнесменов с акцентом из Феррари в наручники заковывал без лишних слов…

- И что тебе сообщил этот Пацци?

- Скользкий, как селедка. Сперва юлил, словно кобель, почуявший течку. Весь в любезностях рассыпался, слушать тошно. От лица Акционерного Общества «Мафия» мы имеем возможность предоставить почтенным детективам из Транс-Пола информацию, способную представлять определенный интерес… Примите заверения в том, что эта информация предоставлена нашей организацией в порядке подтверждения добрых традиций взаимосотрудничества и… Черт, неважно. Меня чуть не стошнило. Я на них немного нажал, когда тебя… Ну, когда тебя взломали. Даже пригрозил паре менеджеров хорошенько. Мол, ищите среди своих, иначе детектив Баросса станет злым и частично забудет про добрые традиции взаимосотрудничества между нашими уважаемыми организациями…

- Что толку угрожать Мафии? – Маркес пожал плечами, - Ну пожалуешься ты на одну шишку, через неделю она исчезнет, но появится точно такая же. Даже с похожей прической. Кадровая политика. Хотя, вице-капореджиме – это уже не пешка. Менеджер высшего уровня. Как лейтенант в Транс-Поле, пожалуй.

- Такой за дешево врать не станет, - согласился Баросса, закладывая еще один опасный вираж, - Вот с ним мы и потолковали. То ли он и в самом деле испугался, то ли решил, что нейро-маньяк, разгуливающий по улицам Фуджитсу, портит ему бизнес не меньше, чем добропорядочным гражданам. Я думаю, в Мафии неплохо напряглись, чтоб найти след. Подняли всех, от сутенеров до грабителей. И прочую публику…

- Выслуживаются, - прокомментировал Маркес сухо, - Он мог тебе рассказать, как у них сердце облилось кровью от того, что сделал неизвестный вандал с детективом Пять, как негодуют они в связи с тем, что кто-то мог подумать, будто этот вандал состоит в Мафии. И как рады они преподнести Транс-Полу в связи с этим небольшой подарок…

- И хвала всем богам, что они не знают про нейро-бомбу, - весомо вставил Баросса, - Они думают, что мы разыскиваем просто ловкого похитителя нейро-софта, который умудрился взломать детектива Транс-Пола. В принципе, само по себе это уже повод метаться так, словно у нас полная задница горячих угольев. А про нейро-бомбу я, понятно, никому не говорил. Ни к чему нам лишний переполох.

- В любом случае, не надейся на то, что это просто подарок с их стороны. Мафия ничего не дарит. Она оказывает услуги. И каждую оказанную услугу отмечает в своих гроссбухах маленьких крестиком…

- Это же Мафия, - спокойно заметил Баросса, - Конечно.

Попытаются выторговать что-то в обмен на этот подарок. Уменьшение квоты по аресту карманников в следующем месяце, например. Или чтоб мы закрыли глаза на некоторые их сделки с недвижимостью… Ладно, неважно. Возьмем за горло нейро-маньяка, а в политику пусть играет комиссар… Его стихия. Мне плевать, чем он откупится.

Некоторое время Соломон пытался понять, куда они едут, но это было непросто – Баросса, знавший Фуджитсу вплоть до каждой подворотни, не считал нужным пояснять маршрут, а Соломон был слишком взволнован, чтобы уточнять. Единственное, что он понял, «Умляутмобиль», а вместе с ним и патрульные машины, стремительно удалялись от центра. Не прошло и пяти минут, как представительные серые здания скрылись из вида, уступив место трухлявым, болезненным на вид, панельным многоэтажкам и приземистым коренастым складам. Кажется, они выехали на промышленную окраину города. Соломон проводил взглядом здание кинотеатра «Золотая сфера». Судя по растрепанным афишам, возвещавшим премьеру киноленты «Быстрый и мертвый», выпущенную на экраны еще года три назад, кинотеатр давно уже был в полнейшем упадке.

- Что именно сказал тебе Пацци? – спросил Соломон Бароссу, - Я бы хотел знать подробности.

- Не так уж много, - ответил тот, - Сказал, что у Мафии есть одно подпольное предприятие, действующее под прикрытием старой швейной фабрики. Через две-три минуты ты его увидишь, старик… Нейро-маньяк всплыл там сегодня утром. Четкий след, как выразился сеньор Пацци, очень четкий и очень свежий. Люди из Мафии не стали его брать сами, только установили слежку и незаметно оцепили периметр. И теперь ждут нас, чтоб профессионалы устроили там хорошую облаву… В сегодняшней охоте они только загонщики. И ты, наверно, догадываешься, кто будет охотником, - Баросса подмигнул Соломону в зеркало заднего вида, - Вот так джентльмены в наше время делают свой бизнес. Они сдали, мы приняли и навели шороху. И, заметьте, все в выигрыше. Газетам будет о чем писать целую неделю, Транс-Пол получает жирную добычу, а Мафия зарабатывает пару очков…

Маркес саркастично фыркнул.

- Хитрецы! Небось представят это, как внезапную облаву Транс-Пола. Мол, знать ничего не знаем, нагрянули злые детективы без предупреждения…

- Будь уверен, именно так они дело и обставят. Не станут же они рассказывать о том, что сами сдали своих людей Транс-Полу… Постоят в сторонке, проверят, чтоб все было чисто,

запустят нас внутрь, а сами останутся в чистеньких и выглаженных костюмах. Разве что потом их юристы пришлют Транс-Полу счет за выбитые двери и пару сломанных носов…

- Мафия всегда заботилась о репутации. Это в ее манере.

При мысли о том, что надо будет устраивать облаву на логово Мафии, Соломон рефлекторно ощутил холодную пустоту в области левой подмышки. Там определенно чего-то не хватало.

- Мне нужно оружие! – сказал он Бароссе, - Что-нибудь. У тебя найдется?

Баросса ухмыльнулся.

- Что такое, старик? Уронил свой ствол в унитаз?

- Долго объяснять. Просто дай мне пистолет.

- Маркес, кинь ему что-то из бардачка. У меня там что-то оставалось…

Несколькими секундами позже в подставленную ладонь Соломона шлепнулся плоский и удивительно увесистый кусок металла. Автоматический пистолет, маслянисто-блестящий, и в этом блеске было что-то от блеска в глазах ленивого, но грозного хищника. Тяжелый аромат смазки показался Соломону излишне резким, но руки, хвала мышечной памяти, действовали безошибочно. Оттянули затвор, отчего пистолет зевнул на миг черной пастью окна в ствольной коробке, проверили магазин, засунули пистолет за ремень брюк. Когда-то ощущение оружия, прижатого к телу, успокаивало. Но сейчас Соломон поймал себя на том, что испытывает лишь неудобство человека, которому в бок давит скользкий и тяжелый металлический огрызок. Оружие больше не успокаивало, не придавало уверенности. Теперь оно было просто железом.

- Тут! – сказал Маркес, ткнув куда-то пальцем, - А вон и наши костюмчики. Да они похожи на траурную процессию…

«Умляутмобиль» мягко остановился, скрипнув шинами, сразу за ним остановились и патрульные автомобили, едва не столкнувшиеся капотами и образовавшие чуть позади клин – на тот случай, если из какого-нибудь окна по ним ударят пули. Но стрельбы не было, лишь гудели где-то неподалеку фабричные трубы, да трещали прыгающие по пустырю грязные серые птицы. Из бело-синих автомобилей слаженно выбирались молодчики в синей транс-половской форме, с тяжелыми дробовиками наперевес.

«Сегодня нас прикрывает тяжелая артиллерия, - подумал Соломон, прикрывая за собой дверь автомобиля и неуклюже придерживая пистолет, норовящий юркнуть в штанину, - Кажется, Баросса перестарался в этот раз…»

Или же «контора» Мафии, в которой обнаружили след,

представляет собой что-то вроде укрепленной цитадели, подумалось ему несколькими шагами позже.

Пустырь, на котором они остановились, был ничем не примечателен – просто огромная плешь в чреве Города Серого Камня, одна из многих в здешнем районе. Пригород сродни тому, где прозябает Энглин, но не брошенный и медленно хиреющий, а деловито постукивающий невидимыми деталями, гудящий проводами электро-линий и трещащий человеческими голосами. Впрочем, голосов сейчас слышно не было. Соломон, догадывался, отчего. Весь ненужный люд наверняка был спроважен Мафией загодя, с предельной осторожностью. Когда джентльмен в хорошем костюме убедительно говорит, что на этой улице вот-вот может стать опасно, многие ему верят и спешат убраться подальше. Традиция.

Воздух тут был неприятный, как везде в пригороде. Отдающий кислинкой, чем-то перебродившим и, одновременно, металлическим. Неприятно, наверно, всю жизнь дышать таким воздухом. Соломону показалось, что он чувствует, как с каждым вздохом на внутренней поверхности легких образовывается грязная маслянистая пленка.

Их ждали. Группа людей в черных костюмах и шляпах стояла возле стены дома. Кто-то курил, кто-то беззаботно глядел вдаль. Лица – преимущественно молодые, но уверенные, спокойные, похожие друг на друга, но похожие не фамильными чертами, а какой-то общей потертостью сродни той, что возникает на металлическом профиле какого-нибудь президента, украшающего долго провалявшуюся в карманах монетку.

А еще Соломон почувствовал себя в стае громоздких серых псов, которую окружили поджарые, подчеркнуто индифферентные, гиены с желтыми внимательными глазами.

Детективов Транс-Пола встретили вежливыми кивками. Подчеркнуто вежливыми и столь же прохладными. Шляпы никто не снял.

- Пацци! – громко сказал Баросса, - Кто из вас Франчезко Пацци, вице-капореджиме?

- Си, сеньор детектив. Бонжорно! - один из людей отделился от группы. Как и все прочие, он был в отличном черном костюме и при столь же отличной черной шляпе.

Наблюдая за тем, как он приближается, приветливо улыбаясь, Соломон подумал о том, что костюм покойного Эмпирея Тодда наверняка был дороже, но спутать их было бы невозможно. Костюм Франчезко Пацци, хоть и был сшит из превосходного сукна, казался шкурой хищника, мягко перекатывающейся на упругих мышцах. Угольно-черной шкурой в очень тонкую белую

полоску.

Соломон решил, что узнал бы регионального вице-капореджиме даже если бы тот не обозначил себя. Слишком уж походил его облик на тот, что ему представился во время их телефонного разговора. Умные живые глаза, цепкие, и, вместе с тем, осторожные. Взгляд их тек мягко, не оставаясь на месте, отчего радужка выглядела каплей ртути, заточенной в прозрачную емкость. Да и цвет тоже ртутный, с серым отливом.

Разумеется, превосходная прическа, залитая блестящим лаком, волосок к волоску, и все черные, как смоль, ни малейших признаков седины, хотя по возрасту уже пора бы. Отличный цвет лица, при этом никакой косметики. Аккуратные усы, напомнившие Соломону кого-то из героев старых кинолент. «Си, сеньор, я работаю в Мафии и занимаю неплохой пост. Да, иногда мне приходится убивать людей. Такова жизнь, сеньор, каждый из нас занимается тем, что у него получается лучше всего, разве не так?».

- Акцент поддельный? – усмехнулся Баросса, разглядывая группу темных костюмов с выражением мрачного любопытства, - Звучит неплохо. Сколько заплатили за модуль?

- О нет, сеньор, - Пацци на удивление мягко улыбнулся, - Самый настоящий. Я родился в Пьер-Карден.

- А в Фуджитсу, значит, находитесь по деловым вопросам?

- Да, пожалуй, что так.

- Не возникло проблем с акклиматизацией? У нас тут бывает прохладно.

- Ничего, мне нравится этот город. Думаю, проведу здесь еще несколько лет.

- Чем же он вам нравится, сеньор Пацци?

Мафиози неопределенно пошевелил в воздухе ухоженными тонкими пальцами с идеально очерченными полумесяцами ногтей. Как если бы перебирал струны невидимой мандолины.

Стоящий рядом с ним Баросса возвышался на добрую голову и выглядел настоящим громилой, но Соломон подумал, что в схватке двух этих хищников он не рискнул бы сделать ставку на ее исход. Они были совершенно разными, но оба чертовски опасными. Один – нарочито неуклюжий, крепкий, тяжелый, как старый и опытный волкодав. Другой – хладнокровный, грациозный, гибкий, как гиена. Что должно было произойти в мире, чтоб два эти хищника из разных биологических ареалов оказались друг напротив друга?..

- Здесь, в Фуджитсу, спокойно, - сказал Пацци, улыбаясь, и Соломон, даже стоя в двух шагах от него, не мог бы определить, чего в этой улыбке было больше – холодной вежливости или

насмешки, - В больших промышленных городах царит ужасная суета. Сони, Форд, Интел… Очень шумно, очень неуютно. Здесь хорошо. Мне нравится.

Его коллеги тоже улыбались, наслаждаясь разговором, словно хорошим кофе. Никто из них не держал в руках оружия, но Соломон ощущал его незримое присутствие.

- Я бы поболтал с вами подольше, сеньор капо, - сказал Баросса, враз теряя напускную вежливость, - Но мы тут по делу. Выкладывайте, что разнюхали – и разойдемся в разные стороны. Нам с вами на один столб не ссать.

Франчезко Пацци приподнял тонкую и острую, как сабля, бровь. Нарушить его душевное равновесие было не проще, чем разозлить древнего Будду.

- Все в порядке, сеньор детектив, мы тоже работаем. Но будем рады переложить работу в более подходящие руки, если так можно сказать на вашем языке. Вон то здание. Взгляните. Второй этаж.

Соломон бросил взгляд в указанную мафиози сторону. Здание, на которое показывал холеный наманикюренный ноготь, было приземистым, неуклюжим, старым, в два этажа, если судить по окнам. Но жилым – об этом говорили тонкие завитки дыма над трубами. Или, по крайней мере, обитаемым. Едва ли тех, кто находился в его стылых недрах, можно было с полным правом именовать жильцами.

- Швейная фабрика, значит? – задумчиво спросил Баросса, внимательно разглядывая неприметный фасад. Тот и верно был ничем не примечателен, как лицо случайного прохожего на улице. Кое-где выкрошились карнизы, наружу торчали жилы электропроводки, и редкое окно сохранило в раме стекло.

- Когда-то была ею, - невозмутимо ответил Пацци, - Несколько лет назад наша организация заняла это помещение и… переоборудовала его. Производство было перепрофилировано.

- Да уж, уверен, что ваши костюмчики пошиты не здесь. Что вы там устроили? Бордель? Впрочем, слишком уж грязно… Подпольный тотализатор? Гнездо рэкетиров?

- О нет, сеньор, нет. Там наша организация помогает людям. Разным людям.

- Расстаться с кошельком или жизнью?

- Совсем напротив, с тем, что их тяготит. А также приобрести то, чего им не хватает. Туда приходят бедные и несчастные люди, сеньор детектив.

И хотя Пацци говорил с Бароссой, Соломон почему-то ощутил, что эти слова коснулись и его, точно короткий ледяной сквознячок. Текучий взгляд вице-капореджиме мягко скользил, и

совершенно невозможно было определить, что он огибает, а на чем задерживается.

Соломон вдруг заметил, что сеньор Пацци смотрит прямо на него и улыбается. Улыбка была под стать костюму, идеальных очертаний, прекрасно скроенная. Темные ртутные глаза разглядывали детектива с нескрываемым любопытством. Холодные глаза ловкого и аккуратного убийцы в хорошем костюме.

«Он знает, кто я, - подумал Соломон, чувствуя, как слипаются на затылке волосы от внезапно выступившего пота, - Конечно, он же высший менеджер Мафии в этом городе. У него должно быть досье толще того, что лежит у нас в участке. Он знает, что это я – тот, из-за которого все началось. И теперь разглядывает с презрительным любопытством, размышляя о том, сколько стоит нейро-шкура детектива Пять и сколько можно запросить за небольшую услугу, оказанную его коллегам…»

- Подпольная нейро-клиника, так? – спросил Маркес, тоже разглядывая здание. Он сделался еще более хмурым, чем обычно, глаза стали щелочками, узкими, как амбразуры старого бункера, - Я слышал, что в этом районе есть такое местечко, только не знал, где.

- Клиника, - согласился сеньор Пацци с полным сдержанного достоинства кивком, - Си, сеньор. Не у всех жителей Фуджитсу есть достаточно денег для того, чтобы поставить лицензионный, сертифицированный, софт. А счастливыми хотят быть очень и очень многие. Нельзя их за это судить. Как и нашу организацию – за то, что она считает возможность оказать им посильную помощь.

- Мясники… После вашего софта улицы полнятся сумасшедшими, невротиками и идиотами! Наверняка там в подвале мы обнаружим десяток беспомощных нейро-зомби! Вы заливаете им в головы непроверенную дрянь! – процедил Баросса, - Кроме того, наверняка вы промышляете и снятием штрафного нейро-софта, установленного по решению суда? Верно, сеньор Пацци? Там ведь водятся такие клиенты? Те, которым установили модули отзывчивости, благожелательности и всепрощения?

- Может, и найдете, - мягко сказал сеньор Пацци, - Если будете искать. Но, насколько я знаю, сегодня вы ищете нечто другое.

- На ваше счастье. И у вас есть две минуты на то, чтоб рассказать, каким образом то, что мы ищем, оказалось в вашем притоне.

Пацци вздохнул, грациозным движением вытащил из кармана пиджака элегантный платок и его уголком потер висок. Скорее

всего, это был просто элегантный жест, чем необходимость – судя по хладнокровности сеньора Пацци, он не вспотел бы, даже окажись в клетке, полной голодных аллигаторов.

- Как только мы узнали о неприятном происшествии с детективом Пять, - взгляд Пацци верткой змейкой скользнул по Соломону, - мы сразу же приняли все меры для того, чтоб найти грабителя. Нашей организации чужды сантименты, сеньоры, но она никогда не действует подобными методами. Это варварство, это бессмысленное унижение, это отвратительно нашему корпоративному духу… Нам неприятно было, что вы можете предположить связь между нашей организацией и этим безумцем. Мы провели оперативную проверку всех принадлежащих Мафии организаций и дочерних фирм, специализирующихся на операциях с нейро-софтом. Подпольных, разумеется. Если этот человек, по вашим заверениям, одиночка, он все равно не сможет долгое время находиться в полной изоляции. Даже психопаты, согласитесь, испытывают нужду в обществе. Нон э веро? Не так ли?

- Значит, забросили удочки и стали ждать? – спросил Баросса, не отрываясь от разглядывания старой фабрики. Кажется, про присутствие членов Мафии он уже забыл, теперь его мысли были поглощены другим.

- Си, сеньор, это меткое выражение. Три часа назад один из поплавков задергался. Мне сообщили, что какой-то человек, не являющийся членом нашей организации, посетил нашу подпольную нейро-клинику и предложил продать с рук набор софта. По его заверениям, этот софт принадлежал прежде детективу Транс-Пола и отличался очень высоким качеством. Многие хотят набить цену своему товару, но чтоб детектив Транс-Пола… Это заинтересовало многих людей. Мне оставалось только подсечь крючок.

- Дьявол! – выдохнул Баросса, - Наверняка наш красавчик! Недолго же он ходил в твоей шкуре, старик! Доволен? Прав был старый Баросса?

Соломон замешкался с ответом. Он ощущал радость, но радость какую-то мутную, смешанную с иными компонентами в возбуждающий коктейль, которому определенно не хватало порции эйфории.

- Это нетипично для психопата того профиля, что мы составили, - сказал он, облизнув губы, - Прежде он никогда не сбывал похищенное. Он похищает души людей в личное пользование. Это его трофеи, его фетиш… Охотник не станет продавать в магазин лучшие рога со своей стены.

- Брось! Он мог поступать так и раньше. Подпольный рынок

столь огромен, даже Мафия не может контролировать его полностью. Никто ведь не обращал внимания… - он повернулся к невозмутимо улыбающемуся Пацци, - Значит, этот парень еще внутри?

- Си. Мы намеренно задержали его, якобы для проверки качества нейро-софта. Он все еще там. И мы будем признательны оказать Транс-Полу эту небольшую услугу.

Баросса хмыкнул:

- Но ведь речь идет не об одном человеке. Вы ведь сдали нам целую подпольную клинику. Или вы думаете, что мы закроем глаза на то, что там обнаружим?

- Это сопутствующие потери, - безмятежно сказал сеньор Пацци, сопроводив свои слова мягкой изящной улыбкой, - Наш бухгалтерский отдел уже получил указание списать это предприятие.

- Сопротивление будет?

- Не могу сказать точно, сеньор детектив. Для обеспечения чистоты наблюдения мы не извещали никого из присутствующих о том, что здесь будет проводиться операция Транс-Пола. Полагаю, многие из присутствующих, в силу своих специфических черт характера, могут быть потенциально опасны.

- Насколько опасны? – спросил с неприязнью Маркес, тоже косясь на молчаливый кирпичный горб фабрики, - Какого рода чудовищ вы там производите? «Бандоги»? «Чили»? Может, даже «Дженовезе»?

- Не могу сказать точно, детективы. Но именно поэтому я предложил вам взять побольше людей. С этого момента Акционерное Общество «Мафия» снимает с себя ответственность за происходящее и считает себя свободным от обязательств.

- Значит, будете стоять и смотреть, как мы ворошим ваше гнездо? Не очень-то благородно по отношению к вашим подельникам, а?

- Корпоративные интересы диктуют особую стратегию поведения в бизнесе, - вздохнул сеньор Пацци с неподдельным смирением, - И исключения нет ни для каких организаций. По сути, это ничем не отличается от сокращения кадров.

Улыбка его блеснула кратко и холодно, как лезвие ножа в темном переулке. Соломону даже показалось, что кроме него никто этой улыбки не заметил.

- Тогда вам лучше надеяться, что ваши бывшие служащие не станут дергаться, - сказал Баросса, приподнимая полу пиджака и извлекая пистолет, - Иначе я могу быстро выписать выходное пособие. Соломон, Маркес, готовы?..

- Я с двумя парнями беру на себя черный ход, - быстро сказал

Маркес, - Нельзя оставлять им такой шанс. А вы вчетвером берите парадный. Так быстрее управимся.

- Годится, - согласился Баросса, быстро что-то прикинув в уме, - Мы зайдем внутрь и устроим там хорошую трепку. А вы смотрите, чтоб никто не сорвался в бега.

Патрульные давно ждали команды. Благоразумно не вступая в разговоры с мафиози, они стояли поодаль, держа в руках тяжелые дробовики. Как только они появятся вблизи заброшенной фабрике, там поднимется переполох. Даже самые беспечные работники Мафии мгновенно узнают синие мундиры Транс-Пола. И никому неизвестно, что последует за этим.

- Удачи, детективы, - сеньор Пацци шутливо поклонился им, глаза сверкнули ртутным холодным огнем, - И будьте добры передать мои заверения в бесконечном уважении сеньору комиссару. Скажите ему, что старые друзья должны оказывать друг другу небольшие услуги.

- Обязательно, - буркнул на ходу Баросса, затем быстро повернулся к ждущим патрульным, - Вы двое, прикрываете нас с детективом Пять, ясно? Стрелять без колебаний. Но только в случае явной опасности. Я надеюсь, что наш приятель не очень нервный и не станет хвататься за ствол…

- Смотря, чьим нейро-софтом он сейчас пользуется, - сказал Соломон, пытаясь поспеть за ним, - Если он все еще в моей шкуре…

- Тогда с ним придется повозиться.

- Не застрели меня случайно. То есть, его.

- А откуда мне знать, как он выглядит? – огрызнулся Баросса, - Лицо-то у него свое, только повадки твои… А если начнется перестрелка, поди еще разбери…

- Тогда просто постарайся поменьше палить. Повяжем всех, кого найдем, а там уже будем без спешки разбираться, кто из них – я.

- Тот, у кого самое кислое лицо, конечно. Думаю, легко опознаем.

- Ладно, шутник, на месте разберемся. Труби наступление.

- Вперед! – коротко приказал Баросса, махнув рукой, - Раз, два! Живо!..

К дому они подошли слаженно, двумя группами, прикрывая друг друга. Не лишняя предосторожность, если обитатели второго этажа превратили свое логово в укрепленную позицию и готовы обрушить на головы детективов струи кипящего свинца. Соломону приходилось видеть, как штурм невзрачного на вид

домика в промышленном районе превращается в настоящую осаду. Внешность обманчива, что среди людей, что среди домов.

Уютный особнячок, увитый жимолостью, может встретить тебя чавкающим автоматным огнем в упор, а мрачный, увитый колючей проволокой склад, распространяющий далеко вокруг запах наркотиков и контрабандного алкоголя, беспрепятственно распахнет свои недра, лишь всхлипнув сломанным засовом. Внешность редко соответствует содержанию – один из извечных законов мироздания.

Распущенный молодящийся повеса может оказаться профессором каких-нибудь важных наук, который решил развеяться после написания какого-нибудь серьезного доклада и на несколько дней установить себе модуль «Веселый Мот». Удивительно серьезный и ответственный молодой человек окажется вчерашним хулиганом и гулякой, которого родители заставили поставить модуль прилежного ученика. Разбитная уличная шлюха, если проверить ее досье, обернется стеснительной и робкой девственницей, решившей отведать запретного плода под одуряющим соусом из иррационально-модной и по-звериному сексуальной «Далилы-4». Скромник окажется наглецом, трус – безрассудным смельчаком, меланхолик – сангвиником. Если смотреть на фасад, нипочем не угадаешь, что внутри…

Группа Маркеса уже скрылась за углом. Соломон бежал вслед за Бароссой, слыша позади себя гулкие шаги патрульных, и думая лишь о том, как бы не споткнуться, и не полететь лицом вниз, в утоптанную грязь, усыпанную каменной пылью и поросшую чахлой травой. Пистолет он держал в руке, стараясь не слишком им размахивать. Все это давалось ему с немалым трудом. Его тело за прошедшие дни не изменило своих параметров, весило столько же, сколько и прежде, но управляться с ним стало не в пример тяжелее. Сердце билось не размеренно и гулко, а в рваном ритме, то сбиваясь куда-то к желудку, то прилипая к спине. Отчаянно потели поясница и затылок. Колени подрагивали, едва удерживая приходящийся на них вес. Ужасно мучила одышка – воздух в легких превращался в едкий аммиак, разъедающий их изнутри.

Тот, другой, Соломон, никогда не испытывал ничего подобного. Потому что он бежал уверенно и спокойно, размеренно расходуя силы и контролируя дыхание. Он куда лучше умел обращаться с этим стареющим телом, хорошо знал его, как и знал и то, до какого предела от него можно что-то требовать. Душа и тело должны находиться в постоянно взаимопонимании, в устойчивой связи. Пытаясь поспеть за стремительным Бароссой, Соломон ощущал себя так, словно сел

на непривычный и неудобный велосипед. И винить в этом было некого. Тело честно отрабатывало свое, реагируя на команды мозга, сокращая мышцы и нагнетая кровь в легкие. Так кочегар сжигает в топке уголь, не догадываясь, что капитан корабля давно сменился, и команды, которые спускаются к нему с мостика по телефонной линии, давно устарели и утратили смысл…

К тому моменту, когда они вчетвером добрались до главного входа, Соломон уже ощущал себя дряхлой развалиной. Желудок трепетал в животе, порываясь вывернуться наизнанку, пистолет в руке ходил ходуном. Баросса неодобрительно покосился на Соломона, но ничего не сказал, лишь коротким жестом указал патрульным на дверь.

Дверь была крепкой, не до конца рассыпавшейся, такая может выдержать несколько хороших ударов. Но она оказалась не заперта. Баросса бесшумно приоткрыл ее, обнажая узкий темный зев. Оттуда сразу же пахнуло затхлым, кислым и подгнившим, как из набитого старой картошкой погреба, полного застоявшейся воды и мусора. Патрульные умело взяли дверной проем на мушку, готовые растерзать дробью всякого, кто рискнет показаться без предупреждения на пороге.

Баросса шевельнул носом, его большие ноздри затрепетали, как у старого пирата, ощутившего давно позабытый запах пороховой гари:

- Грязь и моча. Знакомый букет, а? Кажется, у них там в клинике кто-то не в ладах с санитарными нормами… Что, Соломон, этот чарующий запах тебе незнаком? Счастливый ты человек…

- Что это за дьявольская вонь? – пробормотал Соломон, отодвигаясь от двери. Запах был отвратительным настолько, что он прижал к лицу руку, жалея, что у него нет шелкового платка, такого, как у Пацци. Впрочем, едва ли обычная ткань помогла бы.

- Наслаждайся, - подмигнул ему Баросса, не спеша входить внутрь, - Так пахнут человеческие страсти. Страх, отчаянье, амбиции, одиночество, ревность, неуверенность… Это запах изнанки наших душ, старик. И да, он не очень отличается от запаха старых носков. Что, думал, если я вожусь с расследованием нейро-взломов, то не нюхаю грязных подвалов, гуляю в чистом костюме и разглядываю каталоги?

- Такое ощущение, что я заглядываю в чей-то кишечник…

- Ты недалек от истины. Впрочем, про запах души я был вполне серьезен…

- Да что там такое?

Баросса усмехнулся, и за него ответил один из патрульных, сухой коренастый сержант, с неопрятной бородой и колючим

взглядом:

- Там грязь, гной, кал, гниль, моча и прочее, детектив. Весь набор.

- Бродяги?

- В ночлежках никогда так не пахнет. Хуже. Нейро-неадаптанты. Нейро-шваль, как мы их называем. Одна из колоний, должно быть…

Баросса красноречиво скривился, все еще удерживая дверь в полуоткрытом положении. Но если он хотел, чтоб запах выветрился, это было бы столь же эффективно, как и попытка утопить крейсер, проковыряв в его дне дырку перочинным ножиком.

- Можно было бы предположить… Наверняка они отвели нижний этаж для берлоги нейро-швали. Отличная маскировка, я видел подобное несколько раз. Если у тебя есть здание, обитатели которого нервно относятся к визиту государственных чиновников, посели на первом этаже колонию нейро-швали – и к твоей недвижимости пропадет интерес у всех живых организмов в городе. Кроме, пожалуй, мух и крыс.

- Как это… цинично, - пробормотал Соломон, хватая пересохшими губами смердящий, но нужный ему воздух, - На одном этаже… людей калечат… на другом… держат то, что от них осталось.

- Нейро-шваль не опасна, - сказал Баросса, - Как правило. Не станем поднимать переполоха раньше времени, двигаемся быстро, но тихо, не задерживаясь, тогда проблем не будет. Нам ведь не хочется всполошить наших птичек со второго этажа? Ребята, держаться вместе, по тем, кто внизу, не стрелять. Даже если кто-то из этих милых крошек попытается вас поцеловать, ясно? Ну, за мной…

Выдохнув, Баросса нырнул в дверной проем, как пловец в черный непроглядный пруд, только едва слышно скрипнула пыль под его подошвами. Соломон устремился следом, заставив сопротивляющееся тело одним шагом пересечь черту, разделяющую Фуджитсу и зловонный каменный чертог. Он боялся, что его непривычное тело вырвет на месте, прямо на глазах у патрульных. Желудок заскрипел, стараясь выдержать смрад годами не мытых человеческих тел, зловонный, приторный и густой, как деготь. Так, наверно, не пахнет даже в заваленных разлагающимися трупами могильниках…

- Фонари!

Фонаря, конечно, у Соломона не было, не успел захватить в спешке. Пришлось держаться поближе к патрульным.

По полу, то и дело перескакивая на пол или цепляя потолок,

ползли три ярко-желтых электрических кляксы, частично рассеивая темноту. Свет фонарей вспарывал темноту, выхватывая из нее то вздувшиеся, горбом вставшие, половицы, противно пружинящие под ногами, то коросту штукатурки на перекрытиях. Внутренние стены давно изгнили, отчего не очень широкий когда-то коридор превратился в анфиладу из гнилых клетей-комнат. С потолка свисали истлевшие кабели и остовы досок, под ногами звенело стекло и шуршала каменно-бетонная крошка. Иногда попадались ворохи тряпья и пустые ящики.

Не дом, а какой-то улей, слепленный из гнилья и испражнений, прохудившийся и жуткий. Разлагающийся заживо фрагмент какой-то неизвестной ученым органической жизни.

Соломону приходилось бывать в самых неприятных местах Фуджитсу. Хочешь ты того или нет, но детектив Транс-Пола время от времени обязан делать что-то подобное. Сырые подвалы, в которых неделями разлагаются тела умерших бродяг. Полные плесени и грибков трущобы, пережившие жестокую резню и выстеленные человеческими внутренностями. Канализационные коллекторы, чьи фильтра украшены вздутыми телами утопленников. В Фуджитсу детективу всегда хватит, чем проверить выдержку своего желудка. Но здесь царило нечто еще более омерзительное и ужасное.

Баросса выругался под нос, запоздало вскрикнув.

- Шваль! Не останавливаться! Великий Макаронный Монстр, да их тут десятки… Не останавливаться, я сказал! Где-то там должна быть лестница. Соломон! Не отставай!

В свете его фонаря Соломон увидел людей, населявших это место. И почувствовал, как кожа на затылке и шее съеживается, а живот наполняется горячей пульсирующей кровью.

Это походило на поход сквозь ад, в котором бледные, как черви, грешники тянули руки к людям, окруженным ореолом электрического света. Их было множество, они скрючились вдоль стен похожими на небрежные захоронения грудами, и их грязные тела, лишь кое-где скрытые прелыми лохмотьями, сливались друг с другом.

Но страшнее всего были лица. Их можно было сравнить с изувеченными и искаженными масками, но Соломону, когда он видел нейро-неадоптантов, почему-то вспоминался магазин игрушек. Та его секция, где располагались пластмассовые пупсы, сидящие шеренгой. Гипертрофированные черты лица на раздутых головах, нелепо вздернутые носы – и пустой взгляд нарисованных глаз. Такой же был и у здешних обитателей.

Извиваясь друг на друге, мыча, ерзая, они глядели на идущих людей глазами, огромными и пустыми - не глаза, а извлеченные

из рыб воздушные пузыри. В этих глазах было нечто более страшное, чем отчаянье или мука. В них была тоска, но не человеческая, осознанная, а животная, жалкая и бессмысленная, как у больших, но глупых зверей, испытывающих невыносимую боль.

А ведь он сам мог оказаться среди них, подумалось Соломону, пока он пытался продвинуться дальше, избежав прикосновения тощих костяных отростков чьих-то пальцев, которые, казалось, захрустят как пережаренная картошка, если коснуться их. Сработай неуловимый маньяк более топорно, повреди он своим грубым вторжением чувствительный нейро-интерфейс своей жертвы чуть сильнее… Анна, скорее всего, нашла бы его лишь утром. Нейро-неадаптанты редко умеют кричать, лишь хрипят или стонут. Она бы обнаружила Соломона извивающимся на полу, пускающим слюну изо рта и бессмысленно сопящим. Или, может, неподвижным, с прозрачным взглядом, навек устремленным в потолок.

Нейро-неадоптантами называли тех, чей нейро-интерфейс оказался выжжен, покалечен сторонним вмешательством или некачественным софтом. Девяносто процентов нейро-неадоптантов на улицы Фуджитсу поставлял нелицензированный софт. Нейро-шваль, как назвал их сержант. Люди с искалеченным, спутанным и беспомощным сознанием, жалкие и ни к чему не пригодные. С разумом, навеки обращенным в руины. Извивающаяся плоть, не способная даже контролировать свои движения. Миллионы выжженных в мозгу нейронов превращают человека в отвратительную куклу, которая бессильна даже закричать.

Когда-то их пытались лечить. В те времена, когда рынок нейро-софта еще строго контролировался правительством. Но как можно лечить того, кто давно переродился в иную жизненную форму, промежуточную между человеком и простейшим бесхребетным организмом ? Город не мог позволить себе содержать их в больницах. Не мог и уничтожить.

Оставались стихийные приюты-колонии сродни этому. В такие заведения их свозили со всех сторон города и размещали внутри, раскладывая обыкновенно рядами, как товар в магазине. Среди них не было беглецов или беспокойных жильцов. Несколько раз в неделю социальные службы навещали подобные приюты, кормили через шланг бледные человеческие подобия питательной смесью, вкалывали антибиотики. И увозили мертвецов, когда находили их. Нейро-неадоптанты жили недолго, в лучшем случае протягивая с полгода, но меньше их в ямах, подобной этой, не становилось. Тяга к дешевому или

запрещенному нейро-софту приводила сюда все новых и новых постояльцев.

Какой-то мужчина, на голове которого оставались клочки бесцветного волоса, похожие на обивку старого дивана, попытался прижаться лицом к ноге Соломона. Тот едва успел отскочить в сторону, сшибив прогнивший стул, валявшийся неподалеку. Выпучив глаза, мужчина стал раскачиваться, губы его беззвучно шевелились, словно он напевал под нос какую-то песенку.

Что превратило его из человека в это извращенное и страшное подобие? Желание стать самоуверенным и популярным самцом? Или обрести дополнительное чувство ответственности, которого не хватало на новой должности?..

Пятно света немного сместилось, и Соломон разглядел еще одного нейро-калеку. Тот лежал, привалившись к остову потолочной балки, и тихо хныкал, пытаясь потереться о нее воспаленным шелушащимся лицом. Движения у него были резкие, дерганные, как у умирающей птицы, которую каждую секунду бьют разрядом тока. Что привело его сюда, в смердящую дыру обреченных? Новый «Двойной Уэйн» - «Улыбнись ей, как ковбой. Танцуй, как ковбой. Люби, как ковбой»? Или популярный этой осенью «Лимонный Джейме» - «Тонкая, как последняя летняя паутинка, страсть, старомодный романтизм, горький аромат воспоминаний»? А может, он превратил свой мозг в порцию подгоревшего жаркого, пытаясь установить нелегальный, купленный на улице из-под полы «Баттори», источник порочной и грязной страсти?..

Следующее существо, через которое Соломону пришлось перешагнуть, было женщиной. По крайней мере, он подумал так, увидев на угловатом и твердом, словно отлитом из скверного рыхлого бетона, теле, съежившуюся опухоль, напоминающую женскую грудь. Эта лежала тихо, ему даже показалось, что она мертва. Человек не может лежать в столь неудобной, окостеневшей, позе. Но она была жива. И она смеялась. Не веря своим глазам, Соломон несколько секунд – пока позволял свет фонарей – наблюдал за тем, как на ее окаменевшем лице то проступает, то тонет жуткая улыбка, обнажающая желтоватые подводные камни зубов. Эта улыбка была искренней. Женщина, лежавшая в грязи, полуголая, умирающая, скрюченная, была счастлива, даже глаза закатывались от удовольствия. Вот уж кому повезло. Она никогда не поймет, что с ней случилось, никогда не заметит приближения смерти. И в черную непроглядную бездну она канет с улыбкой на лице, испытывая непередаваемое блаженство.

Иным повезло сильнее. Они сохранили подобие человеческого сознания, жестоко изувеченное, как попавший под автомобиль и истекающий кровью кот. Такие пугали еще больше. Их мозг, пораженный невидимым разрядом молнии, на рентгеновском снимке напоминал заводской комплекс, подвергшийся свирепой воздушной бомбардировке: весь испещрен дымящимися отметинами попаданий, но есть и чудом уцелевшие островки, одинокие разрозненные очаги, которые никогда уже не смогут объединиться.

Соломон негромко вскрикнул, когда бледное тело в струпьях из давно разложившейся одежды шагнуло между ним и Бароссой, жутким образом пританцовывая и покачиваясь, как возвращающийся субботней ночью из клуба гуляка.

- Гыаы… - провыло оно и вдруг уставилось на Соломона удивительно осознанным, человеческим, взглядом, - Гаа-аа…. Дыыыаброй ночи, джентельмены! Выы-ыа не спеш-шшите, надеюсь? Приаа-аазнаться, компания мне сейчас не помешает. Еыыыасли я вас не отяготит… утяготит… тит… Свее-е-ет… Один древний поэт из Бритиш-Аэроспейс как-то скыыыазал - Бог приходят ярким светом в души к людям, тьмой одетым[1]… Не прыыыавда ли, замечательные строки? Строки… кроки… троки… Что выыыыа гврите? Нет, я не люблю кинематограф… Слишком суматошно, слишком, знаете, вычурно… Можыыыет, партию в покер, пока несыыыут десерт?..

Зубы у него были гнилыми, лицо усеяно бесчисленными множеством ссадин и царапин, одна из рук неестественно вывернута. Наверно, отвечающие за передачу сигналов боли нейронные цепи давно отключились и свисали подобно здешним кабелям в тлеющей изоляции. Взгляд воспаленных гноящихся глаз беспомощно метался из стороны в сторону, словно их хозяин отчаянно что-то искал, но сам позабыл, что и, главное, зачем.

Что попросил у всемогущего нейро-бога этот парень?.. Стать душой компании? Звездой вечеринок? Прекрасным собеседником? Тонким ценителем жизни? Соломон не хотел этого знать. Иногда боги просто играют с людьми на тонких струнах их страхов и желаний. Нейро-жадность. Нейро-стыд. Нейро-беспомощность.

Соломон попытался обойти извивающегося болтуна, но тот повис у него на плече, отвратительный влажный комок дрожащей липкой плоти, все еще болтающий всякую бессвязную чепуху, всхлипывающий, смеющийся… Соломон услышал, как застучали его собственные зубы. Рука с пистолетом стала ватной, непослушной. Не было даже сил отстраниться. От ужаса и отвращения он почти потерял контроль над собой.

- Дайте-ка… - один из патрульных шагнул вперед и, легко оторвав нейро-неадаптанта локтем от Соломона, всадил снизу вверху приклад дробовика бедняге в подбородок. Сквозь хруст и скрежет сломанных костей и зубов Соломон расслышал, как тот шлепается в кучу прочих тел и копошится там, не в силах встать. Наверно, он не почувствовал ни боли, ни удивления.

- Все в порядке, - сказал патрульный Соломону, - Такие безопасны. Сами не понимают, что творят. Просто нейро-зомби.

- Спасибо, - пробормотал Соломон, ощупывая пиджак, все еще влажный от соприкосновения с чужим телом, - Я… Мне давно не приходилось встречаться с такими.

- На улицах их не бывает, - пояснил патрульный, перекладывая дробовик поудобнее, - Откуда им там взяться? В трущобы свозят, как здесь.

- У меня шурин таким был, - сказал другой патрульный, сержант, запомнившийся Соломону бородой и колючим взглядом, - Молодой был дурак, клюнул на дармовщину… Решил аккуратность себе купить, со стипендии. Родные вечно допекали, что держать себя не умеет, грязь разводит. Купил. Где-то на подпольном рынке, где еще студенту покупать… Лучше бы сам на электрический стул сел. Врач потом сказал, у него в голове угля больше, чем мозгов. Все выжгло к черту. Даже речевой центр. Ходил потом по дому как мертвец живой, только и умел, что мычать да в штаны гадить. Даже не домашнее животное, а черт поймешь, что… Промучались они с ним пару лет, да и сдали… Куда такого?

- Хватит языками трясти! – шикнул на них Баросса, останавливаясь и что-то изучая, - Дверь. Кажется, пришли.

ГЛАВА 13

В противовес ветхому зданию эта дверь оказалась неожиданно надежной и прочной, за ней явно хорошо следили. Облицованная листовым железом, на прочных петлях, она, подобно воротам хорошо укрепленного замка, могла выдержать основательный штурм. Такую и пожарными баграми придется несколько часов взламывать. Надо было бы прихватить автоген, да кто бы подумал об этом в такой спешке?..

Один из патрульных пошевелил стволом дробовика, как бы примериваясь к преграде.

- Отойдите, - сказал он, - Попытаюсь замок высадить.

- Отставить! – по-военному скомандовал Баросса, - Вам бы лишь артиллерию в ход пустить… Нет, эту дверцу мы откроем иначе. Отойдите все в сторону. Не высовывайтесь, но держитесь рядом. Сейчас покажу, как работаем мы, старая гвардия…

Не выпуская пистолета, он подошел вплотную к двери и постучал в нее. От удара его большого кулака дверь могла бы загудеть как колокол, но в этот раз стук Бароссы был отрывистым и неуверенным. Присев на полусогнутых ногах, чтобы скрыть свой выдающийся рост, Баросса ждал, когда откроется небольшое окошко, снабженное прочной металлической заглушкой.

И оно открылось.

- Кто? – кратко спросили из-за двери. Голос был раздраженным, уверенным, и голосом нейро-зомби быть не мог. Значит, кто-то из охраны. Ничего удивительного в том, что Мафия хорошо охраняет свою кормушку. Память Соломона услужливо подсказала, что охрана может оказаться вполне серьезной. Многим охранникам вживляли специальные нейро-модели, почти всегда нелегальные, рассчитанные на повышенную агрессивность, стойкость и преданность. Стандартные игрушки Мафии, которые она использует для собственных нужд. Имея необходимое оборудование и специалистов, нетрудно вырастить себе в помощь стаю нерассуждающих бойцовых псов.

Окошко в двери открылось, там мелькнули чьи-то близко посаженные глаза. Но Баросса не стал тыкать в них стволом пистолета. Напротив, ссутулился еще сильнее и забормотал, враз став косноязыким и жалким:

- Премного извиняюсь, уважаемый. Мне бы к вам… Модуль вот… Слышал, вам «Рассветную усладу» завезли… Хочу вот… Деньги есть, не беспокойтесь! Только один модуль… Да свой я, свой, от Грагги Толстоноса. Вот деньги, вот…

Баросса комкал в руке несколько банкнот, нарочно подсовывая их поближе к окошку.

Несмотря на напряженность момента, Соломон, державшийся в его тени, едва не фыркнул. «Рассветную усладу» запретили еще несколько лет назад, и найти ее невозможно было даже на нелегальном рынке, это было известно даже ему. «Услада» видоизменяла нейро-связи мозга таким образом, что употребление обычного сахара вызывало у носителя множественные повторяющиеся оргазмы, связывая невидимой связью центр удовольствия с простейшими ассоциациями. Но запретили ее не из-за этого. В конце концов, на черном рынке всегда было множество нарко-софта, который когда-то в одно мгновенье сделал героин, морфий, крэк и амфетамины никому не нужными бабушкиными пилюлями. Зачем совершать сложный процесс приготовления смеси и вводить его в себя посредством внутривенной инъекции, если можно поставить специальный софт и испытывать невероятное блаженство от смеси базилика с шалфеем, например? Или от вкуса мела?..

Но «Рассветная услада» имела и другие, неочевидные покупателю, последствия. Двадцать процентов своих потребителей она делала эпилептиками, еще шестнадцать погружались в необратимую кому. Эпидемия «Рассветной услады» в свое время настолько потрясла Фуджитсу, что Транс-Пол совместно с Мафией вымели эту заразу с улиц подчистую. Тем не менее, до сих пор находились желающие отведать запретный нейро-плод. Конечно, никакой «Рассветной услады» в здешней нейро-клинике оказаться не могло, но не отпускать обеспеченного деньгами клиента – первый закон бизнеса. Охранник за дверью наверняка рассудил, что доверчивому дураку ничего не стоит впихнуть вместо его «Рассветной услады» что-то другое, например, «Соленый трепет» или извечный хит нелегального рынка, «Багрово-алую розу».

Дверь скрипнула, отворяясь. Этого Баросса и дожидался. С удивительным для человека его габаритов проворством он вцепился в створку двери и мгновенно распахнул ее. Яростный крик охранника захлебнулся, едва родившись – Баросса с силой саданул того кулаком в челюсть. Раздался отчетливый хруст, но вместо того, чтоб прекратить сопротивление, охранник вцепился в Бароссу с яростью бультерьера, повиснув на его шее и пытаясь сдавить. Баросса, заворчав, швырнул его о стену, а подоспевший патрульный рубанул прикладом. Только тогда охранник отключился.

- Хорошего дворецкого они тут завели… - пробормотал Баросса, потирая шею, - Модель «Бандог». Запрещенная, конечно.

И дорогая. Сегодня не всякий может позволить себе настоящего «Бандога».

- Модифицированные охранники?

- Скорее, ручные гориллы… Высвобожденный адреналин напрямую воздействует на их центр удовольствия, а насилие приносит ощущение эйфории. Эти ребята не просто любят проломить кому-то голову, они живут ради этого. Никакого страха, никакого сожаления, даже боли практически не ощущают… Одна из самых опасных пород. Будьте осторожны. Раз нашелся один, нет гарантии, что не найдется еще несколько. Пацци, хитрый дьявол, хоть бы предупредил…

- Как-то слишком охотно он сдал нам свое гнездо, - сказал Соломон, - Судя по охране, здесь занимаются не грошовым нейрософтом. И он бросил такой сладкий кусок лишь ради того, чтоб выручить меня?

Баросса пожал плечами.

- Бизнес, старик. Может, Мафии надо было прикрыть потерявший эффективность отдел. И организовать штурм силами Транс-Пола оказалось дешевле, чем проводить реорганизацию. Эти ребята – настоящие гиены. Ну, хватит языки чесать… Наверх!

Они устремились по лестнице на второй этаж. Мусора здесь было ощутимо меньше, но для смрада железная дверь оказалась недостаточно хорошим препятствием, вонь и здесь стояла ужасная. Перепрыгивая щербатые ступени, сжимая в мокрой ладони рукоять пистолета, Соломон старался думать о вони, а не о том, что ждет их на втором этаже.

Возможно, ему придется пускать в ход оружие. Ловить в прицел человеческую фигуру и нажимать на спусковой крючок. Раньше ему приходилось делать это, он хорошо это помнил. Но сейчас одна мысль об этом вызывала холодный всплеск в желудке. Он не хотел этого. И не был уверен, что окажется способен на это.

Стрельба началась еще до того, как они миновали лестничную площадку. Где-то на улице сухо кашлянул дробовик и по наружной стене зашуршали осколки кирпича. В ответ захлопали выстрелы со второго этажа, яростно и вразнобой. Значит, группа Маркеса не сумела незамеченной проникнуть внутрь. Охрана Мафии подняла тревогу.

- Вперед! – рявкнул Баросса, перескакивая сразу через несколько ступенек, - Не тянуть! Держимся вместе, далеко не отходить! Стрелять по ситуации!

С неожиданной прытью он взлетел по лестнице, плащ развивался за его спиной как крыло летучей мыши. Соломон бросился за ним, чувствуя, как на каждом шагу гремит о ребра

сердце.

Перестрелка, еще секунду назад казавшаяся вялой, уже гремела на дюжину стальных голосов. Соломон слышал, как пули с хрустом ломают оконные рамы, засыпая второй этаж битым стеклом, как лопаются деревянные панели на стенах и ссыпаются на пол осколки карнизов. На дом словно налетел порыв жестокой вьюги, от натиска которой, казалось, даже ступени вибрируют под ногами. Кто-то оглушительно закричал, но не человеческим голосом, а звериным, удивительно протяжным и тонким. Лопнуло еще несколько стекол. Кто-то хрипло чертыхнулся.

Когда они ввалились на второй этаж, там уже царила паника. Первое, что отметило сознание Соломона, отделившееся вдруг от тела и едва ощущавшее перестук выстрелов – люди. Много людей. Людей неподвижных, людей бегущих, людей, судорожно дергающихся, людей перепуганных и оглушенных. Их здесь было множество, даже больше, чем нейро-зомби на первом этаже. Судя по количеству пациентов, дела в клинике шли прекрасно. Дела всегда прекрасно идут перед тем, как случается что-то плохое. А в том, что оно уже случилось, Соломон не сомневался. Он и сам сейчас был частью этого случившегося плохого.

На втором этаже не было вони, как внизу, но дышать было тяжело, воздух казался тяжелым и липким. Запахи пота, спирта, каких-то лекарств и мочи сплетались в отвратительную сладковато-соленую смесь, которая забивала легкие, не насыщая их.

Хаотичные россыпи небольших комнатушек, соединенных короткими коридорами и галереями, напоминали то ли обедневшую больницу, то ли притон. Грязные закопченные стены, косо стоящие койки и, конечно, старые нейро-терминалы, похожие на допотопные стоматологические аппараты. Терминалов было множество, только от входа Соломон разглядел полдюжины. Некоторые пустовали, но к большей части из них были подключены люди. Они сидели неподвижно и обручи на лбах казались стальными нимбами. Кто-то из подключенных пациентов даже не заметил вторжения, так и остался сидеть бледным изваянием. Другие испуганно вскакивали и пытались сбежать. На глазах у Соломона какой-то тощий тип, сидевший под нейро-корректором, испустил крик и резко сорвал с себя обруч, пытаясь вскочить с кушетки. Кажется, он выбрал для этого неподходящий момент. Нелицензионный, кустарно собранный аппарат, видимо, не отключал сознания владельца в момент инсталляции, а рывок выводящего контура в момент изменения структуры нейронной сети оказался роковым. В нейро-терминале что-то негромко щелкнуло – и тощий человек молча повалился на

колени. В ноздре лопнул пузырек крови и тонкой струйкой побежал по подбородку, глаза широко распахнулись – и мысли в них было не больше, чем в двух осенних лужах. Еще один нейро-неадаптант. Если ему повезет, подумалось Соломону, отправится жить вниз, к своим сородичам. Если же нет – истечет кровью от шальной пули.

Потом Соломон забыл про него. Да и не могло сознание сконцентрироваться на одном человеке, потому что вокруг их было множество. Какие-то люди, подвывая от страха, пытались протиснуться к двери, другие беспомощно выглядывали в окна, кто-то истерически смеялся. Патрульным приходилось работать дробовиками как дубинками, чтобы вся эта толпа не смела штурмующих подобно волне.

Сперва, из-за разницы в освещении, Соломон не видел лиц, лишь десятки блестящих от страха глаз, уставившихся на нежданных гостей. На лестнице царил полумрак, здесь же свет проникал внутрь сквозь распахнутые окна, подсвечивая бледную человеческую плоть и хороводы танцующих пылинок.

- Чертов зверинец! – прорычал Баросса, оглядываясь, - Уму непостижимо…

Это и в самом деле напоминало зверинец, даром, что решетки здесь почти не встречались. Каждая комната, через которую они проходили, напоминала клетку, в которой сгрудились диковинные и жутковатые существа, стремительно теряющие сходство с человеком. Зачастую этого сходства оставалось столь мало, что было сложно понять, что именно пугает - новая суть незадачливых пациентов нейро-клиники или то, что они могут иметь отношение к обычным людям…

Некоторые лежали на полу и под койками, бесстрастно глядя пустыми глазами или извиваясь подобно гигантским гусеницам. Этим уже было все равно, они не замечали даже каскадов стекла, сыплющихся из развороченных пулями окон. Бракованная продукция. Едва ли Мафия компенсирует своим неудачным клиентам причиненные неудобства. Скорее всего, бедолаг просто снесут на первый этаж, в жуткое пристанище нейро-зомби, где те и окончат свои дни.

Безучастными к происходящему остались и нейро-нарки. Не просто любители нарко-софта, а сознательно обменявшие реальную жизнь и остатки своей плоти на бесконечный поток нейро-удовольствия. Эти сгрудились в углу плотной группой и сидели на корточках, нелепо выгнув шеи и едва заметно подрагивая. Их можно было принять за зомби, но они не были ими в полном смысле этого слова. Эти люди осознанно пошли на внедрение нелегального софта, перестроившего и замкнувшего их

нервную систему.

Охотники за удовольствием, давным-давно оторванные от реального мира, они запрограммировали свои нейронные цепи таким образом, чтоб буквально любое ощущение вызывало пароксизмы грубого, бурлящего удовлетворения. Такие тоже обычно долго не жили. Рано или поздно их тело, подчиненное постоянному и бесконечному удовольствию, забывало простейшие сигналы. Обычно нейро-нарки умирают от голода и истощения, но иногда могут просто задохнуться, даже находясь в сознании. Или в том подобии сознания, которое выбрали.

Ужасный нейро-коктейль бурлил вокруг Соломона, и каждое лицо было отмечено печатью какого-то нейро-порока, нейро-порчи. Тут были десятки запрещенных нейро-моделей, Соломон узнавал их мгновенно, по характерным позам, выражению лиц и манере держаться.

В угол забились полдесятка сектантов модели «Марат», запрещенной три года назад. Когда-то они, должно быть, обладали индивидуальностью, но сейчас все их движения были синхронизированы, как у зеркальных отражений одного человека. Вступив в секту, они отказались от собственной индивидуальности, заменив ее «Маратом», который уничтожил их привычки, предпочтения и симпатии, оставив только непреодолимую тягу к социальному равенству и коллективизму. Они были слепками одного и того же человека, одинаковыми, как куриные яйца. Стоило догадаться, что Мафия оказывает помощь сектам из Фуджитсу…

Две модели «Дженовезе» неподвижно наблюдали за вошедшими. Соломон, хоть и не был специалистом по нейро-моделям, подобно Бароссе, узнал их по особенной скупости движений и ледяному спокойствию, из-за которого оба «Дженовезе» походили на холоднокровных рептилий. И глаза у них были холодные, медлительные, даже сонные. С такими ребятами лучше не ссориться. Идеальные исполнители, работающие обычно в роли телохранителей и слуг для специальных поручений. Каждая нейро-модель «Дженовезе» стоит небольшого состояния. Но эти, судя по тому, что держались в стороне от перестрелки, к людям Мафии не относились. Значит, можно не обращать на них внимания. В чужих войнах «Дженовезе» не участвуют, слишком уж ценят себя.

Оглушительно взвизгнула «Магдалина», которую, не глядя, отшвырнул в сторону один из патрульных. Любвеобильная кукла, одна из классических моделей уличной проституции, она могла испытывать самую искреннюю страсть по отношению к любому существу мужского пола, будь даже оно уродом, стариком или

садистом. Не последняя по полезности вещь, если собираешься зарабатывать своим телом. Надо действительно любить свою работу, чтоб иметь успех в таком городе, как Фуджитсу.

Из темного угла в нескольких метрах от Бароссы выпрыгнул «Джокер», между пальцами которого проворным насекомым вился нож. «Джокеров» не назовешь хорошими бойцами, это прирожденные шулера, сутенеры и мошенники, ловкие, дерзкие и наглые. Обычно при виде Транс-Пола они удивительно проворно прячутся по щелям. Но у этого, видно, сбоила нейро-модель, заставив его устремиться в бой. А может, «Джокеры» слишком часто любили рисковать…

Пистолет Бароссы дважды лязгнул, в воздухе поплыл длинный извилистый пороховой след. «Джокер» вздрогнул, потерял равновесие и полетел кувырком. От его неподвижного тела с двумя рваными багровыми бутонами на узкой груди врассыпную бросились другие пациенты.

Что-то коснулось колена Соломона, резко и неожиданно. Раньше он выстрелил бы не раздумывая, машинально. Когда проводишь много времени и на улицах и в местах вроде этого, воспитываешь в себе умение мгновенно действовать, и действовать самым решительным образом. Но в этот раз тело отказывалось слушаться его. Трусливо попыталось оттолкнуть препятствие, забыв про зажатый в руке кусок металла.

Бросив быстрый взгляд вниз, Соломон украдкой вздохнул с облегчением. Это был не «Джокер» и не кто-нибудь из своры «Бандогов». Какой-то человек, одетый в на удивление пристойный для этой клоаки костюм, скорчился у стены. Судя по судорожным движениям торса, его мучительно рвало, едва ли не разрывая изнутри. Этому Соломон мог только посочувствовать. На улицах таких отчего-то называли «Часовщиками», и никто точно не знал, почему. Это была не модель, лишь совокупность нейро-модулей, в документах Транс-Пола обозначаемая цифрами. «Часовщиками» становились осужденные судом за особо дерзкие нападения и хулиганство. На нейро-уровне им прививали органическое отвращение к насилию любого рода. Настолько сильное, что, встретившись с проявлением насилия, вне зависимости от того, кому и кем причиненным, «Часовщик» испытывал мучительнейший приступ тошноты. Наверно, тут этот несчастный оказался для того, чтобы снять свое нейро-проклятье. Не повезло ему, не успел. Клиника закрывается на ремонт.

Настенная лампа возле головы Соломона лопнула, больно хлестнув по щеке и шее стеклянным крошевом. Вместо того, чтоб распластаться на полу, тело обмерло от страха и удивления, как у пешехода, ослепленного на ночной дороге светом фар. Баросса

мгновенно оказался рядом. Схватил Соломона за воротник и швырнул в сторону, а сам несколько раз выстрелил в густой водоворот человеческих тел. Кто-то вскрикнул. Вновь завизжала «Магдалина». Словно отозвавшись на этот визг, где-то впереди тяжело ухнуло ружье.

- Вставайте, детектив, - патрульный, тот, что с неопрятной бородкой, протянул Соломону руку и только тогда тот понял, что валяется на полу, как какой-нибудь нейро-зомби, - Держитесь меня, а то…

Голова патрульного с хрустом дернулась вбок, как если бы его шейные мышцы охватила внезапная судорога. Глаза несколько раз медленно моргнули. Рот медленно открылся, из него прыснуло алым прямо на Соломона. Патрульный попытался что-то сказать, нелепо жестикулируя, потом удивленно взглянул на свои же руки и, сделавшись неподвижным, рухнул рядом с Соломоном. Лицо у него так и осталось удивленным.

- Лежать! – крикнул откуда-то издалека Баросса, - Не вылезай, Соломон! У них ружья!

Перестрелка, раньше казавшаяся близкой, как надвигающийся шторм, теперь была не просто близко, она была вокруг них. Трещали доски пола, из которых пули выбивали щепу, оставляя уродливые шрамы на некогда лакированной поверхности. Со стен сыпалась алебастровая пыль, летели клочья фанеры и обоев. С визгом рикошетов пули высекали из стен мгновенно гаснущие оранжевые искры. От этой какофонии звуков, запахов и цветов Соломону хотелось скорчиться и вжаться в пол. Удары сердца отдавались в ушах, и казалось, что весь окружающий мир охвачен свинцовым вихрем, ревущим, гудящим и смертоносным.

В двух шагах от него упала пробитая пулями фанерная панель, больше похожая на перфокарту. Лопнул, рассыпая стеклянные и текстолитовые внутренности, нейро-терминал за спиной. Соломон лежал, чувствуя щекой острую грань полуистлевшей деревянной половицы, и чувствовал, как над его головой дрожит воздух, потревоженный десятками снующих металлических насекомых. Какой-то пациент, едва ли осознающий происходящее вокруг, попытался проскочить полосу кипящего огня, бессмысленно размахивая руками. Он успел преодолеть половину пространства до двери, прежде чем прилетевшая неизвестно откуда пуля швырнула его на бок, разворотив плечо и часть шеи. Раненый попытался отползти, но почти тотчас замер – еще одна пуля ударила его в затылок и разворотила черепную коробку.

Соломон вытянул вперед руку с удивительно тяжелым

пистолетом и выстрелил несколько раз куда-то вперед, где мелькали тени, расцветали и гасли огненные вспышки. В ответ вновь рявкнуло ружье – и мертвый патрульный, лежащий возле Соломона, дернулся, разметав руки.

В замкнутом пространстве, полном кричащих людей, перестрелка не выглядит боем. Она выглядит мешаниной, в которой теряются собственные мысли, адским варевом, созданным из ослепительных вспышек, чужих вскриков и отчаянно-острых запахов. В ней нет врагов, нет союзников, есть только зыбкие силуэты, едва угадываемые сквозь пороховой и алебастровый дым.

Один из нейро-нарков, не заметивший, кажется, того, что разыгралось вокруг них, беззаботно встал и почти тотчас сполз по стене с шальной пулей в животе. Но даже умирая, он не перестал мечтательно улыбаться. Возможно, боль раны казалась ему прекрасной, а ощущение смерти, выжимающей из груди воздух, волнительным и бесподобным переживанием…

Какой-то «Бандог» бросился вперед, расшвыривая со своей дороги пациентов. Он рычал и скалился, как полоумный, но Соломон знал, что в его оскале не было ни капли наигранности. "Бандог" готов был впиться в горло врага и разорвать его, глотая сладкую кровь. В несколько шагов «Бандог» оказался возле Бароссы, прячущегося за покореженным, еле держащимся на ногах, шкафом. Детектив успел выстрелить навскидку, пуля ударила «Бандога» в колено, с хрустом вывернув его наизнанку. Это не могло остановить опьяненного адреналином нейро-пса. Он навалился на Бароссу всем своим весом и попытался схватить его за шею. Если бы ему это удалось, детектив умер бы секундой спустя. Хватка у «Бандога» была чудовищной.

Соломон выстрелил в «Бандога» со своего места, с ужасом ощущая, как дрожит налившийся неподъемной тяжестью ствол. Смотри ствол парой сантиметров левее, пуля из автоматического пистолета раздробила бы череп самому Бароссе. «Бандог» издал короткий лающий крик, когда его левая ключица лопнула, а рука безвольно повисла. Секундного перерыва хватило Бароссе, чтобы уклониться от оставшейся руки и поднять собственное оружие. Хлопок – и «Бандог» уже заваливается набок, затылок у него разворочен, и в воздухе рассеивается кровавая взвесь вперемешку с мелким тлеющим волосом.

- Оставайся на месте! – крикнул Баросса, поймав каким-то образом в грохочущем аду перепуганный взгляд Соломона, - Скоро подойдет Маркес с ребятами! Держись!

Но держаться более Соломон не мог. Он увидел, как еще один «Бандог», не обращая внимания на выпотрошенный дробью

живот, поскальзываясь на собственных высыпающихся внутренностях, навалился на второго патрульного, успевшего лишь взвизгнуть перед смертью, прежде чем его грудная клетка лопнула под ужасным ударом. Секундой спустя Баросса уложил убийцу пулей в грудь, но Соломон этого уже не видел.

Вскочив на ноги, низко пригибаясь, он бросился в боковой проход, не замечая ничего вокруг себя. Страх гнал его вперед, и страх этот был так силен, что без остатка поглотил все рефлексы, мысли и ощущения. Не было ничего, ни мягких кусков плоти, на которых он поскальзывался, ни дрожащих в агонии тел, ни свиста пуль над головой, только слепой страх, который приказывал ему двигаться во что бы то ни стало.

Соломон, то и дело теряя равновесие, пробежал по неосвещенному коридору, какие-то люди с криком отскакивали с его пути. Он не знал, кто они и что тут делают, но сейчас это не играло никакой роли. Ему просто надо было убраться туда, где безопасно, где не воют нейро-хищники и не грохочут выстрелы. Там он сможет успокоиться и все обдумать. Соломон проскочил несколько комнат, полных неподвижных тел, упал, споткнувшись о сваленный шкаф, быстро поднялся на ноги и устремился дальше, в полутьму импровизированных больничных палат.

То здесь, то там мелькали нейро-терминалы, в них сидели люди с бледными и пустыми лицами, отключенные от окружающего мира жужжащими обручами нейро-корректора. Десятки аппаратов слаженно гудели, и от этого гудения у Соломона перехватывало дыхание – казалось, что это гудит потревоженный осиный улей, полный смертоносных ядовитых насекомых.

Это и в самом деле улей, мелькнуло в голове у Соломона. Улей, полный зреющих личинок, которые через несколько часов или дней станут солдатами, рабочими и продолжателями рода. Здесь рождаются «Магдалины», «Джокеры», «Бандоги» и еще сотни разновидностей обитателей Города Серого Камня. И где-то в этом улье находится Соломон Пять, его собственная сбежавшая тень.

При мысли о том, что похититель его личности в суматохе может улизнуть, Соломон обмер, сразу позабыв про грохочущую неподалеку перестрелку, крики и злой клекот пуль. Настоящий Соломон Пять – хладнокровен и прекрасно умеет вести себя в подобных ситуациях. Но, может, проклятый психопат уже снял с себя чужую личину?.. Тогда как он выглядит и как будет себя вести? Может, он уже примерил на себя образ какого-нибудь из этих нейро-солдат огромного улья? Черт возьми, он уже может валяться бездыханным на полу, с пулей в голове!..

Соломон остановился. Страх гнал его вперед, прочь от грохота перестрелки, разум настойчиво звал вернуться. Он еще пытался сделать выбор, когда от стены отделился темный силуэт и уверенно шагнул в его сторону. По тому, как целенаправленно он сделал этот шаг, было ясно, что этот человек не относится к числу пациентов нейро-клиники – те предпочитали забиться под койки и в темные углы. Кто-то из охраны!..

Горячий адреналиновый гейзер взмыл откуда-то из-под желудка и окатил внутренности Соломона. Он попытался вскинуть пистолет и только тогда заметил, что оружия в его руке больше нет. Выронил во время бегства, не иначе… Сейчас проклятый «Бандог» разорвет его на части!

Но человек не делал резких движений, несмотря на то, что стремительно приближался. Кажется, шел он совершенно бесшумно. Соломон слышал лишь мягкий, почти гипнотизирующий, шелест ткани. Похожий на шелест приближающейся змеи. Соломон уже собирался повернуться и броситься бежать, когда услышал знакомый голос, холодный и немного насмешливый:

- И вновь буонасера, сеньор детектив!

ГЛАВА 14

- Пацци? – все кости в его теле, еще недавно бывшие подрагивающими тоненькими хрящами, едва скрепленными пружинками, мгновенно обрели твердость, - Великий Макаронный Монстр! Что вы тут делаете?

- Провожу аудиторскую проверку, сеньор детектив, - даже в полумраке Соломон увидел тонкую улыбку на лице регионального вице-капореджиме, - Надо признать, что наше сотрудничество с Транс-Полом в этот раз оказалось не самым удачным. Боюсь, в этом целиком моя вина. Я не предполагал, что наш объект охраняется столь серьезно. Ужасная ошибка! Вся эта стрельба, крики… Мольто мале! Очень плохо для бизнеса! Очень неудобно!

- Вы зашли следом за нами?

- Именно так, сеньор, именно так. Мы поняли, что у вас возникли затруднения. Услышали стрельбу. И решили вмешаться.

- Очень благородно с вашей стороны, - выдавил Соломон.

Судя по тому, как сморщилось лицо сеньора Пации, сарказм он распознавал безошибочно.

- Моя вина, сеньор детектив, кулпа миа! Я понесу ответственность за этот инцидент.

- Вас задушат гарротой?

В этот раз сеньор Пации не стал морщиться, лишь обходительно улыбнулся:

- Полагаю, меня лишат премии и отправят на переаттестацию. Может, даже переведут в другой регион. Наша организация не использует устаревшие методы дисциплинарных взысканий. А теперь идемте, и поскорее.

- Куда? – насторожился Соломон.

- Несмотря на возникшие сложности, наш уговор еще в силе. В этом здании присутствует нечто, что нам небезынтересно заполучить, разве не так?

Кажется, его сердце хлопнуло, как камера пробитого мяча.

- Он здесь? Этот человек еще здесь?

Пацци улыбнулся:

- Идемте. Я буду вашим кондутторе, вашим проводником по этому царству. Наш путь будет не коротким, но в его конце мы получим то, что нам нужно. Идемте. Я проведу вас так, чтоб не подвергать жизнь опасности. В этом здании множество самых неожиданных ходов. И, к вашему счастью, я неплохо их знаю.

Соломон замешкался. В обществе Пацци он чувствовал себя

куда спокойнее, но отправляться вглубь неизведанного под руку с высокопоставленным членом Мафии… Не то путешествие, которое одобрил бы комиссар Бобель. Кроме того, всякая услуга Мафии опасна, даже если не таит в себе подвоха. Это как уговор с дьяволом. Проблема не в том, что желание не будет выполнено. А в том, что за него рано или поздно придется заплатить.

- Вернемся к детективу Бароссе, - предложил Соломон, - Нельзя бросать его там.

Пацци покачал головой, немного поджав губы. Выражение огорченного отказа.

- Извините, сеньор детектив, исключено. Не забывайте о моей роли в этом деле. Я не хочу, чтоб меня опознал кто-то из моих несчастных подчиненных. Это может привести к некоторым затруднениям в карьере. Кроме того, сеньор Баросса не требуется нам с вами. Тот, кто нас интересует, не окажет существенного сопротивления. Это я вам обещаю.

Надо было отказаться от этого предложения и вернуться к Бароссе. Судя по отзвукам выстрелов, бой еще не кончен, напротив, в самом разгаре. Бароссе может потребоваться помощь… С другой стороны, если Соломон потеряет драгоценное время, нейро-маньяк может сбежать. В этом хаосе любой дурак сможет незамеченным выскочить из дома. Это значит, что прямо из рук ускользнет то, за чем они сюда пришли. Ускользнет – и больше никогда не окажется в манящей близости. В следующий раз нейро-маньяк не будет столь беспечен и не станет доверять Мафии. А у него, Соломона, нет достаточно времени, чтобы дожидаться этого самого следующего раза. В сущности, у него вообще нет времени.

- Вы обещаете? – переспросил Соломон, требовательно глядя в глаза Пацци, - Как должностное лицо организации?

Вице-капореджиме с достоинством кивнул.

- Си, сеньор. Сейчас и здесь мы получим то, что ищем. Заверяю вас от лица моей организации, как уполномоченное лицо, и пусть мое собственное сердце будет тому залогом! Идемте, время не ждет. В следующий раз, возможно, мы не сможем оказать Транс-Полу подобную услугу.

Внутренности трусливо затрепетали, Соломону пришлось стиснуть зубы. Баросса справится сам. Они здесь ради того, чтоб поймать нейро-маньяка. Значит, остается довериться необычному проводнику.

- Идемте, - твердо сказал он.

Сеньор Пацци двигался в едва освещенном лабиринте уверенно и легко, точно по центральным улицам Фуджитсу. Не спотыкаясь и не теряя направления, он вел Соломона вглубь

здания чередой коридоров, пустых залов и крошечных комнат. Спустя несколько минут они оказались настолько далеко от перестрелки, что звуки перестрелки проникали лишь в виде слабых глухих хлопков. И, кажется, время от времени кричали люди – Соломон уже не мог разобрать наверняка.

Несмотря на то, что они шли без фонарей и без оружия, пациенты торопились убраться с их пути, охранников же им не попадалось, скорее всего, те были заняты отражением внезапного штурма. Соломон вспомнил двух мертвых патрульных из их группы и ощутил мгновенный укол совести. Эти люди залезли в змеиное гнездо, чтобы помочь ему, Соломону. Как и Баросса с Маркесом, нарушившие приказ комиссара Бобеля.

Но сейчас думать об этом не следовало. Соломону казалось, что он, подобно охотничьей ищейке, ощущает близкий запах нейро-маньяка. Трусливого существа, сдиравшего кожу с других людей. Мерзавца, издевавшегося над своими жертвами. Острый, неприятный запах. Еще немного – и Соломон сможет сомкнуть зубы на его шее. Закончить утомительную охоту. И вернуть то, что ему принадлежит. Торжество справедливости в его исконной форме.

- Здесь у нас располагаются палаты для тех, кто не смог в полной мере адаптироваться к нейро-модулям, - Пацци успевал кратко комментировать обстановку, подобно опытному гиду, - Несчастные люди. Некоторым можно помочь, но некоторые обречены.

- Помочь? – Соломон старался смотреть под ноги, чтоб не видеть оскаленных ртов с текущей слюной, пустых глаз и свешивающихся языков, - Разве не ваш нелицензионный нейро-софт делает с ними это? Разве не вы получаете с этого деньги?

- Концессо. Но Великим Макаронным Монстром человек создан таким, чтоб мог сам определить путь своего совершенствования. Если эти люди готовы рискнуть, чтоб приобрести недостающее, имеем ли мы право указывать им? Ведь им лучше знать, чего не хватает их душе для обретения покоя.

- Когда-то ваша организация поставляла людям наркотики, алкоголь и проституток, - не удержался Соломон. Но лишить Пацци душевного спокойствия ему не удалось. Его «кондутторе» лишь качнул головой.

- Си, - сказал он сдержанно, - В разные времена люди стремились к разным вещам. Но спрос существовал всегда. А мы – лишь те, кто призван этот спрос удовлетворить. Если сегодня людям нужен не опиум, а возможность почувствовать себя уверенными, смелыми, любящими и любимыми, мы дадим им эту возможность.

- Вы имели в виду «продадим», сеньор Пацци.

- Си. Пусть так. Продадим.

Они оказались в длинном, едва освещенном зале. Здесь было прохладно, и Соломон машинально поежился. Сперва он решил, что Пацци завел его в рефрижераторный зал. Но, конечно, в подпольной нейро-клинике подобное помещения едва ли было востребовано. Спустя несколько секунд он заметил, что вдоль одной из стен высятся высокие контейнеры, каждый размером с кузов грузовика. Передняя часть контейнеров представляла собой толстую решетку, сквозь которую внутри можно было разглядеть какую-то возню. Отчего-то Соломону не хотелось туда заглядывать. Он даже порадовался тому, что остался без фонаря. Холод тому виной или общество Пацци, он ощутил в этой комнате что-то нехорошее, тлетворное, но сокрытое другими вещами, как трупный дух до поры замаскирован пронизывающим запахом формалина.

- Ирония момента, - Пацци улыбнулся, жестом приглашая Соломона следовать за собой, - Я веду вас сквозь сумрачное царство, подобно тому, как сеньор Вергилий когда-то вел сеньора Данте, поэта из древнего города Дольче-Габанно. Только здесь мы имеем возможность лицезреть не круги ада, а чертоги иной природы, хоть и не менее скорбные. А ведь и они могут раскрыть человеческую душу! Лучше не заглядывайте в эти клети, сеньор детектив. То, что вы там увидите, возможно, поможет вам заглянуть в эту самую душу, но едва ли принесет облегчение вашей собственной.

- Что там? – спросил Соломон, пытаясь облизнуть сухим языком пересохшие губы, но лишь царапая их, - Что за отвратительные вещи вы скрываете здесь?

- Что есть отвратительность, если не придуманная человеком мера нравственного характера? О, сеньор… Нет, я не имею отношения к здешним обитателям, мне бы и в голову не пришло обустраивать подобный зверинец. Боюсь, это была фантазия здешнего управляющего. Своеобразный был человек.

Соломон уже видел, что контейнеров было около полудюжины. Может, семь или восемь. В каждом из них, как ему показалось, что-то находилось. Нет, поправил он сам себя. Кто-то. Он слышал дыхание нескольких тел, глухую возню, скрип решеток и прочие звуки, свидетельствующие о том, что камеры населены. Теперь он не сомневался в том, что это были именно камеры, а не палаты или смотровые. И еще он не сомневался в том, что «кто-то» придумало его собственное подсознание, чтобы не указывать на очевидное – там внутри были самые настоящие люди.

Возможно, какие-то бедняги, похищенные Мафией для испытания запрещенного нейро-софта. Если так, им может понадобиться помощь Транс-Пола. Пусть этот холенный Пацци разглагольствует, как напыщенный индюк, рано или поздно и он окажется в руках закона. И тогда он с удовольствием уступит его Бароссе…

Соломон не собирался подходить близко к камерам. Возможно, кому-то из их обитателей нужна помощь, но сейчас помощь больше всех нужна самому Соломону. Дорога каждая секунда.

Поравнявшись с первой решеткой, Соломон ощутил неприятный дух спертого воздуха и человеческих выделений. А еще услышал тяжелое хриплое дыхание, неравномерное и какое-то утробное. Он не мог разглядеть внутреннего устройства камеры, но представилось, что там лежит что-то большое и неуклюжее, какой-то тяжелый сонный зверь…

А потом решетка грохнула, едва не выгнувшись, когда обитатель камеры всем весом ударил в нее. Соломон вскрикнул, чувствуя, как мгновенно обледенели суставы.

Заточенный за решетку человек вел себя, как дикий зверь. Он ревел, пускал пену изо рта, пытался грызть зубами прутья, не обращая внимания на окровавленный губы и осколки зубов, ворочал головой и смотрел на Соломона и Пацци взглядом бешенного животного.

Он не собирался останавливаться, напротив, вид стоящих за решеткой людей приводил его все в большее бешенство. Это был жуткий, нечеловеческий приступ злобы. Злобы такой неимоверной силы, что казалось удивительным, как его сердце способно выдерживать подобный напор адреналина, а голосовые связки не рвутся.

Человек в камере пытался добраться до них, остервенело, не думая о том, чего это будет ему стоить. Пальцы впились в прутья так сильно, что в нескольких суставах, кажется, были сломаны. Зубы, лязгающие в напрасной попытке перегрызть прочную сталь, были редки и иззубрены. Не человек, а сам сатана в человеческом обличье, чистая животная ненависть в человекоподобном теле.

- Что это?.. – выдохнул Соломон, когда страх немного отпустил его, а члены оттаяли. Существо продолжало бесноваться в своей камере, но было видно, что решетки оно одолеть не сможет, - Хорошо, что при мне нет пистолета!

- О, это нечто ужасное и, вместе с тем, прекрасное, - сказал Пацци со своей проклятой неуместной торжественностью, - Это человек. Прекраснейшее и совершеннейшее творение. А если быть точным, составляющая часть этого творения. Эта часть зовется

гневом.

Соломон едва не задохнулся от отвращения.

- Вы намеренно превратили человека в кровожадное чудовище!

- Я уже говорил вам, что не имею ровно никакого отношения к данным экспонатам. Ими был одержим предыдущий управляющий клиники. Да, этот несчастный – настоящий генератор норадреналина. Единственное, доступное ему чувство, это чувство гнева, который он изливает на всякого, кто не смог оказаться подальше. Другие чувства ему просто неведомы. Перед вами печальный памятник тому, каким мог бы быть наш с вами предок, если бы в его сознании кроме первобытной ярости не взошли иные всходы.

- Омерзительно.

- Но заставляет задуматься, не так ли?

Соломон постарался быстрее миновать страшную клетку. Заключенное в ней существо продолжало биться об решетку с леденящими душу звуками. А ведь это, действительно, был человек… Судя по всему, безжалостные нейро-хирурги Мафии просто вытащили из его сознания все, кроме слепой ненависти.

В следующей клетке кто-то стонал, но стон этот был странным, в нем было столько же боли, сколько сладострастия. Казалось, будто человек одновременно страдает и наслаждается.

Лицо сеньора Пацци скривилось, как от глотка не в меру кислого вина.

- Похоть. Дисгузтозо! Еще одна сторона человека, на которую мы стараемся не обращать внимания, но которая имеет над нами силу. Простая похоть, сеньор детектив. Совершенно естественное и животное чувство. Этот человек думает только об удовлетворении своего сексуального естества, и ни о чем кроме. Секс – суть его существования, а вне этой сути нет ничего. Он одержим похотью. Он готов совокупляться с представителями любых видов, полов и возрастов и, смею заверить, нет такой сексуальной перверсии, которая показалась бы ему чрезмерной. В данный момент… Да, он удовлетворяет свою страсть самостоятельно, чем обыкновенно занят почти весь день. Насколько я знаю, предыдущий администратор, забавляясь, иногда запускал в эту клетку кого-то из провинившихся подчиненных. И оставлял на несколько дней. Те из них, кто выходили живыми, как правило, теряли рассудок.

Соломон отвернулся от клетки, но успел заметить невероятно тощего человека, сидящего у стены и конвульсивно дергающегося. Его кожа местами вздулась и покраснела, местами была покрыта желтыми мозолями. Человек не прекращал стонать,

подрагивать и совершать отвратительные движения с такой страстью, словно стремился изнасиловать сам себя. Соломона затошнило – и он не успел ничего ответить Пацци.

- Следующий обитатель едва ли шокирует вас. Его уродство другого рода. Но в своем роде он тоже прекрасный образец. Догадаетесь, чего, сеньор детектив?

Обитатель третьей клетки не старался вжаться в угол, оттого был хорошо заметен. Сперва Соломону показалось, что в нем нет ничего особенного. Человек был неподвижен, просто стоял и глядел куда-то в сторону. Лицо его не было обезображено неконтролируемыми страстями, как у двух его соседей. Но, приблизившись, Соломон понял, что в этой неподвижности есть что-то зловещее. Человек стоял, задрав подбородок, и смотрел в стену, даже не попытавшись взглянуть на проходящих мим, хоть и находился в полном сознании. Судя по всему, он не испытывал ни любопытства, ни необходимости в чьем-то обществе. Он смотрел на что-то, и был столь увлечен, что казался застывшей статуей из камня землистого цвета. Он был грязен, от него ужасно пахло, от одежды остались бесформенные лохмотья на груди и бедрах, но он не делал попытки очиститься или скрыть наготу. Он был захвачен созерцанием чего-то столь прекрасного, но ничто остальное просто не имело значения. Сделав шаг, Соломон увидел ртутный блеск на стене и понял, что созерцал этот человек.

- Зеркало, - сказал Пацци, щелкнув длинными пальцами, - Думаю, вы уже поняли. Это гордыня. Человеческая спесь – особая сущность, которая не видит собственной оболочки. Да, этот человек может сутками стоять неподвижно, любуясь собой. Он считает себя идеалом, венцом творения, небожителем, самой прекрасной формой жизни в обитаемом мире, бесконечно далекой от нас. Простых людей он настолько презирает, что не одаривает их даже взглядом. Общаться с нами – оскорбление для него. Как вам тако*е?

- Мне казалось, мы спешим, - процедил Соломон.

- Не переживайте, дом окружен моими людьми. Если то, что мы ищем, попытается сбежать, его быстро схватят. Мы не Транс-Пол, но опыта нам не занимать. Давайте ознакомимся с оставшимися экземплярами. Заверяю вас, сеньор детектив, хоть каждый из них и отвратителен сам по себе, в целом они являют очень поучительное и интересное зрелище.

В следующей камере металось вдоль решетки что-то большое и тучное. Оно повизгивало, хрюкало, шумно облизывалось, терло огромный отвисший живот и перебирало ногами. Это тоже был человек, но ужасно толстый, настолько, что сперва даже казался

чуждым человеческим формам. Толстейшая шея покрыта надувшимися венами, руки и ноги набухли настолько, что их мышцы едва способны сокращаться. Живот – выпирающий пульсирующий бурдюк. Человек, страдающий столь сильным ожирением, должен быть прикован к кровати собственным весом. Но только не этот. Толстяк сновал возле решетки, тыкался в нее лицом, пытался облизывать прутья грязно-сизым языком. Увидев Пацци и Соломона, он взволновался, и его бездумные коровьи глаза едва не вылезли из орбит. Он стал жалобно подвывать и хрюкать, а его неловкие движения стали подобострастны и суетливы, как у голодного щенка, выпрашивающего еду.

- Чревоугодие, - пробормотал Соломон, - Я уже понял . У этого существа вы отобрали все, кроме желания есть.

- Вы совершенно правы, сеньор детектив. Этот человек – просто огромный желудок на ногах. Все доступные ему страсти сосредоточены на вкусовых сосках его языка, весь смысл его существование – набить желудок. Вам эта картина кажется трагичной? Взгляните на нее под другим углом. Этого человека никогда не будут терзать муки выбора, чувство собственной неполноценности или ощущение несправедливости мира. Он знает, чего он хочет, и он счастлив, когда получает это.

- Безмозглая амеба, вот что это такое.

Пацци округлил глаза:

- Детектив!.. Не преумаляйте его умственных способностей. Насколько мне известно, этот человек был доктором наук. Его способность мыслить никуда не делать, ведь нейро-софт над интеллектом не властен. Просто в силу нашей человеческой природы интеллект – лишь раб нашей личности, раб бессловесный и исполнительный. У этого человека никто не забирал способности мыслить, это и в самом деле было бы своего рода святотатством. Разум неприкосновенен! Даже сейчас, сладострастно хрюкая над картофельной шелухой, этот человек не сделался глупее, чем когда возвышался над кафедрой, его интеллект, безусловно остался при нем. Но вот у его сознания появился новый ориентир, ставший центром Вселенной, и интеллект бессилен что-то изменить.

- Но ведь он больше не человек! - сказал Соломон, силясь сдержать рвущиеся наружу отвращение и ужас, - Он не человек, он машина, а машинам неведомы муки выбора или страсти. Точно так же можно сказать, что газонокосилка счастлива, подрезая траву. Она не может быть счастлива или нет, ведь у нее нет возможности осознать суть счастья или несчастья. Она просто выполняет свое предназначение.

- Как и мы, - Пацци коротко кивнул, - Как и мы, детектив. Мы

ведь тоже машины, которые не сознают сути счастья, лишь стремятся приблизить его, интуитивно пользуясь всеми доступными возможностями. Сложность всякого устройства прямо пропорциональна тому, с какими задачами оно способно справляться. Этот обжора кажется нам примитивным, но, в сущности, мы ничем его не превосходим. Мы просто устройства другого порядка, которые гораздо хуже умеют справляться со своими задачами. Ведь ни я, ни, полагаю, вы, не можем назвать себя счастливыми. А этот человек – может. Он достиг цели. Он счастлив.

- Я не стану спорить с вами о сути вещей и человеке, - твердо сказал Соломон, желая как можно быстрее выбраться из этого страшного зала, в котором чувства человека были препарированы и разложены по колбам в своем отвратительном натурализме, - Дальше!

- Как будет угодно, сеньор Данте, - улыбка Пацци была холодна, как лезвие шпаги, - Извините, что отнимаю ваше время. Всякий раз, оказываясь здесь, я не могу не отдать должного этой коллекции. Она заставляет меня задуматься.

Пятая клетка была пуста. По крайней мере, Соломон искренне надеялся на это. Некоторое время ему казалось, что это действительно так. Ни малейшего движения не было видно за решеткой. Судя по всему, здешний обитатель, приговоренный к одной из изощренных пыток, не выдержал и погиб, а замены ему еще не нашлось. С опозданием Соломон заметил человеческую фигуру, лежащую у дальней стены.

Это была женщина, и в ее облике не было заметно ничего примечательного. Обычное человеческое тело, которое можно было назвать даже привлекательным. Ни изможденья, ни тучности. Женщина не шевелилась, она лежала на спине, глядя в потолок своего контейнера, ритмично дышала и казалась полностью удовлетворенной окружающим миром. Если бы не блеск ее глаз, Соломон решил бы, что она спит.

- Еще одно отражение наших с вами душ, сеньор детектив. Лень в своем истинном и полном обличье. Да, она лежит в этой позе постоянно и даже не делает попытки подняться. Ее кормят внутривенно, и только поэтому она еще жива. Если вы положите еду в десяти сантиметрах от нее, мадам Лень не протянет руки, даже если будет умирать от голода. По прежнему не ощущаете родственных чувств? Разве не приходилось вам самому страдать от собственного слабоволия, от готовности выпустить вожжи судьбы и доверить ее бегу свое будущее? Эта женщина лишь пошла дальше, вот и все. Ее можно поджечь, но она не станет даже делать попыток сбить пламя, предпочтет сгореть заживо,

лишь бы не вынырнуть из дарованного ей ленью счастья.

- Еще две… - пробормотал Соломон, взглянув вперед, - Заканчивайте свою страшную экскурсию.

- С превеликим удовольствием. Клетка номер шесть… Позвольте представить вам алчность, сеньор детектив.

Алчность тоже оказалась женщиной. Впрочем, Соломон не сразу уверился в этом. Алчность забилась в дальний угол, пританцовывая на куче собранного там хлама, ее движения были судорожны, как у пугала на ветру, взгляд – испуганный и в то же время яростный. Увидев Соломона, женщина затряслась, обхватив костлявыми руками, похожими на сегментированные конечности насекомого, свое богатство. Оно состояло из мусора – кусков сломанной мебели, металлических болтов и гвоздей, разбитых бутылок, мятых салфеток, окурков и оберток. Но судя по тому, как затрепетало в непритворном ужасе тело женщины, эта груда была ей дороже собственного ребенка. Соломон поспешно отошел – и алчность, довольно урча, свилась на своих сокровищах.

- Опять же, абсолютно естественное состояние человека, - прокомментировал подоспевший сеньор Пацци, - Мы ведь тоже дрожим за наши богатства. За семью, репутацию, убеждения. Даже за такое призрачное богатство, как свое будущее. Чем же мы лучше этой дамы, которая не стесняется своих страстей? Напротив, мы лицемернее и лживее. Жажду обладать чем-то мы так часто прячем за долгом, неизбежностью или справедливостью! О, если бы все люди в мире были так просты и в то же время так полны, как здешние экспонаты…

- Не хотели бы занять одну из клеток? – спросил Соломон, ощущая хинную горечь во рту, - Кажется, вы настолько восхищаетесь здешним собранием, что были бы польщены подобным предложением?

Сеньор Пацци рассмеялся. Как многие люди, привыкшие сдерживать свои эмоции за холодной змеиной оболочкой, в смехе он открывался, смеялся искренне и долго.

- О, не уверен, что гожусь для подобного. Мы с вами слишком испорчены наносным сором цивилизации, ржавчиной культуры и тленом условностей. Мы потеряли те свободные исконные чувства, которыми отличаются здешние экспонаты. Мы испорчены, сеньор Данте. Только нейро-скальпель может снять лишнее, да и то…

- Это, надо полагать, зависть? – Соломон, как ни тянуло его ускорить шаг, чтобы вырваться скорее из ужасного музея, остановился перед последней клеткой, - Давайте же, сеньор вице-капореджиме, отыщите очередное меткое словцо.

- К чему? – вскинул бровь Пацци, - Здешняя коллекция тем и

хороша, что не требует пояснительных надписей на клетках. Ведь каждый ее обитатель знаком нам не хуже, чем собственные пальцы на руках.

Зависть из седьмой, последней, клетки, выглядел хуже прочих своих соседей. Его тело сохранилось неплохо, выглядело относительно здоровым и молодым. Но лицо выражало неподдельное страдание, столь отчаянное, что Соломон ощутил невольное сочувствие. Зависть всхлипывал, горестно вздыхал, и конечности его дрожали, как в лихорадке. Судя по всему, он испытывал бесконечную и бездонную боль, столь острую, что выдерживать ее человеческое тело было практически не в состоянии.

- Перед вами существо, исполненное зависти, - указал на него рукой Пацци, - Весьма неприятная картина, вы скажете. И будете правы. Ничто не вызывает у нас, людей, большее отвращение, чем завистник, трясущийся от желания забрать то, что принадлежит вам и мучающийся оттого, что это не в его силах. Долой лишние краски, долой грим, дорогой сеньор детектив! Перед вам зависть в чистой химической форме, очищена от примесей, как препарат на предметном стекле микроскопа. Наблюдайте же. Вглядывайтесь. Ужасайтесь. Это существо несчастно, потому что стремиться обладать всем, что видит у других. Как его сосед-обжора, оно никогда не наестся, потому что подобный голод невозможно удовлетворить. Если путь к совершенству может показаться благородным безумием, то путь зависти – безумие жалкое. Увидев одноглазого, зависть в попытке приблизиться к нему, само лишит себя глаза. И второго – если увидит слепца. Не рассуждая о смысле, она просто тщится заполучить то, что есть у других. И вечно мучается, понимая всю тщетность усилий.

Соломон с облегчением убедился, что шеренга клеток осталась позади. Его била мелкая колючая дрожь, словно он несколько часов провел на леднике. Зрелище изощренно изувеченных людей оказалось слишком сильно для того, чтоб переварить его безболезненно. Настоящий Соломон Пять вынес бы это. Но тот Соломон, который остался на его месте, был напуган и опустошен, как если бы и в самом деле предпринял прогулку по адским чертогам.

- Вы садист, Пацци, - сказал он слабо, когда они наконец покинули зал, - Вы получаете удовольствие, наблюдая за страданиями других.

- Во-первых, далеко не все из этих людей страдают, - отозвался с готовностью Пацци, - Во-вторых, как я уже сказал, вы просто боитесь увидеть чистую культуру, штамм без примесей. Вас пугает четкая форма, вы предпочитаете засовывать все

человеческие добродетели и пороки в темный шкаф подсознания, в котором при случае, на ощупь шарите рукой. Это не ваша проблема, сеньор детектив, нет, не ваша. Это становится правилом для всех нас. Мы так привыкли управлять нейро-софтом, что начинаем забывать его суть, его чистую форму. Хотите стать уравновешеннее? Улыбчивее? Прямее? Хотите почувствовать то, что прежде было вам недоступно? Заключить свой дух в новую форму? Смелее! Достаточно лишь подписать нейро-контракт и поставить подпись нейро-кровью. Никто ведь не задумывается, что он на самом деле теряет и что приобретает. Мы слишком привыкли ставить опыты на самих себе, безоглядно менять то, что не требует замены, трусливо прятать собственные недостатки за нейро-ложью... Мы возводим сложные дворцы витиеватых стилей, позабыв про то, из каких кирпичей они состоят. Вот что понимает человек, увидев этот цирк уродов. Вот что на самом деле наполняет его страхом. Он вдруг понимает, с какими стихиями играет и какими силами жонглирует. Да, это, в сущности, бесчеловечно, превращать людей в наглядное пособие вроде вскрытых лягушек. Но где тогда кончается человечность, мой дорогой детектив, и где ее начало? Человечно ли обрубать собственные чувства и насаждать вместо них иные? Какие чувства убивать гуманнее? И кому позволительно об этом судить?

- Вы преступник, - холодно сказал Соломон, стараясь не глядеть на своего спутника, легко скользящего сквозь полумрак, - Преступник всегда готов пуститься в нелепый спор или выкрутить понятия так, чтобы не выглядеть преступником хотя бы в своих глазах. Любой подлец, стянувший чужой бумажник, вместо того, чтоб покаяться, пустится в рассуждения о том, что есть справедливость и распределение собственности. Пытаясь выглядеть памятниками, все негодяи собственноручно возводят себе монументы из пустых слов. И вы ничем не лучше, Пацци. Вы не моралист и не поборник нейро-справедливости, какой бы смысл ни заключали в эти слова. Вы преступник и ничтожество.

Он думал, что Пацци опять рассмеется, но вице-капореджиме лишь хмыкнул.

- Мне кажется, вы говорите это по привычке, - сказал он, - Пытаясь соответствовать тому представлению о Соломоне Пять, которое осталось в вашей памяти. На самом деле вы отлично понимаете меня. Может, не полностью, но понимаете. Посмотрите на себя. Вам страшно. Я многое слышал о детективе Пять, я знал его методы и его стиль мышления. О да, конечно же, у меня было ваше досье. На порядок более точное, чем то, что имеется у комиссара Бобеля, к слову. Мафия всегда придирчиво изучает своих… партнеров. Так вот, тот Соломон Пять не испугался бы.

Он бы лишь уверился в том, что я бездушное чудовище. Но сейчас вы боитесь, потому что заглянули туда, куда прежде не отваживались. А страх – прекрасная сигнальная лампа… Тогда, когда нет возможности перерезать провода.

- Сколько у вас нейро-модулей? – вдруг спросил Соломон. Странно, раньше эта мысль не занимала его.

Пацци замедлил шаг. Совсем незначительно, но Соломон сразу это ощутил.

- О, - сказал вице-капореджиме, и в его голосе Соломону послышалась легкая печаль, - Лотто. Много, сеньор детектив. Очень много. Но я вынужден к этому. Требование организации, сами понимаете. Поэтому я даже немного завидую вам.

Напоминание о собственном увечьи разозлило Соломона. Даже страх выкипел в мгновенье ока.

- Ведите! – приказал он, борясь с желанием схватить Пацци за ворот дорогой шелковой сорочки, - И прекратите это проклятое словоблудие! Иначе, клянусь всеми Соломонами Пять, сколько бы их сейчас не существовало, я забью все ваши лживые слова обратно вам в глотку!

- Нет причин для злости, сеньор детектив. И для спешки тоже.

- Человек, укравший меня, может сбежать! – рявкнул Соломон, - И вы говорите…

- Не может. Человек, укравший вас, находится в наших руках. Он попытался покинуть здание в самом начале штурма, но был перехвачен моими людьми. В данный момент он дожидается вас – и своей судьбы – надежно упакованный в автомобиле. Нет нужды в спешке, ему уже никуда не деться.

Соломону потребовалось пять секунд и несколько глубоких вдохов, чтобы взять эмоции под контроль. Но голос все равно предательски дрожал.

- И давно вы об этом знаете?

- Уже полчаса, - сеньор Пацци улыбнулся скупой и тонкой улыбкой ящерицы, - Надеюсь, вы простите мне нашу маленькую прогулку. Честно говоря, мне просто было любопытно. Я хотел показать вам экспонаты здешнего музея и посмотреть за вашей реакцией. И сделать выводы. О, считайте это моей маленькой платой за оказанную услугу. Выводы действительно интересны. Для преступника вроде меня.

- Лицемерный выродок!

- Не сердитесь, сеньор детектив, - Пацци вновь использовал свою скользящую улыбку, чтоб смутить Соломона и сбить его с толку, - Согласитесь, цена не столь высока. И, если вы сполна насладились прогулкой, мы можем покинуть это неприятное

место. Если не ошибаюсь, здесь должен быть выход на пожарную лестницу…

Раздался скрежет металла, что-то хрустнуло – и в глухой прежде стене образовался прямоугольник неба. После давящего полумрака нейро-клиники оно показалось Соломону не грязным, как обычно, а удивительно прозрачным.

- Прошу, - Пацци сделал нарочито галантный жест в сторону ржавой лестничной конструкции, тянущейся вниз, - Вон и автомобиль.

Автомобиль действительно стоял внизу, не заметить его было невозможно. Роскошный черный «Фугатто» с непрозрачными стеклами, словно сошедший с киноэкрана, неподвижно замер на автостоянке. Механическая черная пантера с хромированной решеткой радиатора, ни единой пылинки на матовом лаке.

- Внутри, - лаконично сказал Пацци.

Больше Соломон его не слушал. Забыв про страх, он быстро спустился по скрипящей и пошатывающейся лестнице, не обращая внимания на острые чешуйки краски, царапающие ладони. Сердце грохотало в груди так, что грозило расколотить изнутри ребра. Соломон, не отрываясь, смотрел на автомобиль.

Там, внутри, его ждал человек, виновный в самом страшном преступлении. Укравший его, Соломона, и обрекший его на невыносимые страдания. Этот человек пожалеет о том, что он совершил. Очень серьезно пожалеет. Сперва он вернет украденное, а потом… Внутренности сладко заныли при мысли об этом «потом». Но заглянуть в салон Соломону очень не терпелось. Он хотел увидеть лицо нейро-маньяка в тот момент, когда тот увидит свою жертву. И он собирался запомнить выражение его лица надолго.

Не в силах сдерживаться, Соломон рванул на себя никелированную ручку «Фуггато». Задняя дверь распахнулась, но внутри было темно. Из просторного салона доносился запах хорошего табака и бензина – как из любого дорогого автомобиля. Соломон не мог больше ждать. Он решительно шагнул в темные недра, ощущая податливую мягкость кожаных сидений и бархат подголовников.

Протянул руку, пытаясь нащупать чужое тело. От сдерживаемого торжества руки слушались неохотно, скользя по мягким сиденьям. Наверно, со стороны он похож на голодного аллигатора, щелкающего зубами, пытающегося нащупать свою жертву.

Здесь. Он должен быть где-то здесь. Соломон продолжал шарить руками, но на поверхность сознания ледяной струйкой прыснула паникующая мысль. Пусто. В автомобиле никого нет.

Кроме одного парня, который забыл, что такое осторожность. Который забыл, что значит иметь дело с Мафией. Который…

- Располагайтесь поудобнее, - сказал сеньор Пацци. Он скользнул в салон следом за Соломоном и непринужденно уселся рядом. Его костюм отлично гармонировал с дорогими чехлами.

Гнев даже не успел придти. Вместо него пришло удивление.

- Что тут происходит? – спросил Соломон, уставившись на вице-капореджиме, - Здесь никого нет! Великий Макаронный Монстр, вы что, обманули меня?

Пацци поднял ладони в жесте нарочитого смирения.

- Никакого обмана, сеньор детектив. Я не из тех людей, что лгут. К тому же, я подтвердил, что являюсь уполномоченным членом организации и имею право говорить от ее имени. Никакого обмана. Совершенно исключено. Импоссибль!

Соломон вновь стал задыхаться. Салон «Фугатто» вдруг показался ему тесным склепом, а запах табака – вонью разложения.

- Вы предали меня! – крикнул он, надеясь в этой ярости найти источник сил для борьбы, схватить Пацци за податливую шею, сдавить, бороться за свою жизнь, - Вы сказали мне, что я получу то, что ищу!

- Не совсем так, сеньор, - улыбка Франчезко Пацци, регионального вице-капореджиме, стала текучей и мягкой, - Не совсем. Я сказал «Мы получим то, что ищем». Вы уже нашли более чем достаточно. Теперь и мы возьмем свое.

Соломон попытался оттолкнуть его, но Пацци был быстрее. В его бесшумно выскользнувшей из кармана руке оказался небольшой черный предмет, выглядящий больше как игрушка, чем как оружие. Этим предметом он аккуратно кольнул Соломона под ребра. Между ними хлопнула ослепительная сухая искра, и Соломон вдруг ощутил, как по всему телу снизу вверх течет обжигающая дрожь. Вокруг стало еще темнее, чем прежде. Тело вдруг стало чужим, предало его, стало безвольно сползать на мягкое сиденье. Сперва у него забрали душу, теперь и тело…

Из последних сил Соломон рванулся вперед, чтобы ударить плечом в запертую дверь.

Но стремительно густеющая темнота оказалась быстрее.

ГЛАВА 15

В сознание он возвращался медленно, словно всплывал из глубин липкого застоявшегося пруда. Во рту стоял металлический привкус, такой сильный, что наваливалась тошнота. Язык был отвратительно сухой и непослушный, будто он долгое время облизывал свинцовый брусок.

Непослушным было и тело. Соломон машинально, еще не открыв глаза, напряг мышцы, но положение его тела в пространстве не изменилось. Единственное, что он мог сказать – его тело находилось в сидячем положении. Соломон пошевелился и сразу же ощутил какую-то препятствующую силу, сдерживающую руки и ноги. Связан?..

- Бонжорно!

Глаза сами собой распахнулись, как ставни рассохшегося дома, пропуская внутрь свет и разбавляя им застоявшийся воздух внутри. Не солнечный свет, машинально отметил он, электрический. В помещении, где он сидел, горело несколько мощных ламп, их ярко-желтые ореолы резали глаза. Соломон беспомощно заморгал. Он все еще был слеп, но слух, обоняние и тактильные ощущения подсказали ему, что он сидит в каком-то достаточно просторном помещении, окруженный людьми, чье дыхание можно было разобрать сквозь слабый гул ветра и жужжание ламп.

- Если быть точным, сейчас вечер, сеньор детектив, но вы так сладко спали, что уместнее пожелать вам доброго утра. Кстати – коса дивертенте! – приговоренных к смерти обычно вешали на рассвете, вам это известно? Говорят, это было последней пыткой для приговоренного. В ожидании петли он всю ночь не спал и мучился, потирая уже зудящую шею. Можете считать меня циником, но мне кажется, что причина была в другом. Утро – символ пробуждающегося мира, обновления. Утро подчищает следы ночи, всего темного и злого. Поэтому убивать людей лучше всего на заре. Их призраки не станут никого тревожить, рассеются, воспарят в утренней дымке прямиком на небеса…

«Сейчас я вырву тебе язык», хотел сказать Соломон. Он даже открыл рот, но ничего членораздельного произнести не смог, голосовые связки терлись друг о друга сухими канатами.

- Примите извинения за то, что вас разбудили. Есть одна процедура, которую вы должны пройти, пребывая в сознании. Но это всего лишь досадная мелочь. Еще несколько минут – и вы сможете вернуться в свой сон.

Франчезко Пацци говорил мягко и напевно, казалось, что его слова рождены россыпью тончайших стеклянных колокольчиков. С бритвенно-острыми краями. Такой голос может загипнотизировать, закрутить мысли. Такому голосу нельзя доверять. Но выбора у Соломона не было, даже закрыть уши было не в его силах.

«Забудь об этом горластом петухе, - буркнула ему тень старого Соломона Пять, недовольно наблюдающая за его растерянностью, - Осматривайся. Думай. Ищи способ сбежать. Эти парни похитили детектива Транс-Пола. Это не просто шалость. За такое пощады не будет. Значит, они идут до последнего и понимают это». Соломон стал осматриваться, не обращая внимания на боль в затекшей шее.

Судя по всему, они находились в комнате недостроенного дома. На оконных стеклах еще были наклеены предохранительные бумажные полосы. Из неоштукатуренных стен торчали тонкие хвостики проводки. По углам лежал хлам – осколки кирпича, доски, фанерные обрезки, упаковки из-под строительных материалов. Большие щели в стене были наспех заклеены старыми газетами и пожелтевшими афишами, сообщавшими о единственном выступлении в Фуджитсу всемирно-известного «Джазового оркестра Хьюна». Он разглядел собственные плащ и шляпу, лежащие на пустой картонной коробке из-под утеплителя, его отчего-то неприятно покоробило то, как аккуратно они были сложены.

И пахло здесь так, как обыкновенно пахнет в пустых домах, застоявшейся сыростью, краской и чем-то едким. Значит, не логово Мафии. Просто перевалочная база. Маленькая комната в ничем не примечательном сером обелиске, одном из сотни в городе и, скорее всего, где-то на окраине. В таких местах никто не живет. Даже если он закричит изо всех сил, так громко, что полопаются сосуды в глазах, его никто не услышит. Тут просто никого нет на несколько километров в округе.

Здесь были люди. Один, два, три… Никто не пытался прятаться, все расслабленно сидели или стояли, не прикасаясь к стенам, чтоб не запачкать известкой дорогих костюмов. Кто-то курил, кто-то читал журнал, кто-то равнодушно глядел в окно. Четыре, пять… Пятеро. Все неуловимо похожие друг на друга, все молчаливые и леденяще-спокойные, даже нечеловечески молчаливые, точно накачанные под завязку контрабандным "Иоанном-Молчальником". При этом, надо думать, специалисты своей работы. По сравнению с ними «Дженовезе» выглядели бы дешевыми игрушками.

Сам Соломон был привязан к инвалидной коляске, стоящей в

центре комнаты. То, что привязывали на совесть, сознавая всю важность, он понял сразу. Широкие кожаные ремни с двойной прошивкой. Такие не разорвешь и не расслабишь, держат, как стальные обручи. Ловко, сеньоры, очень ловко. Соломон мог лишь шевелить пальцами и кивать головой, что рефлекторно и проделал.

- Мне очень досадно причинять вам подобные неудобства, - задушевно сказал Пацци, кладя на плечо Соломону руку с ухоженными жемчужными ногтями, - Деловой человек никогда не причиняет неудобств своим партнерам, это закон доброго тона в бизнесе. Но есть случаи, когда одни законы приходится нарушать в ущерб прочим. И сегодня вы, сеньор детектив, как раз и есть такой случай.

Пацци улыбался, заглядывая ему в лицо. Он не выглядел грозным или угрожающим – учтивый джентльмен, держащийся с непринужденностью грифа-стервятника. Разумеется, превосходный костюм в полоску, на этот раз – в серую. В руке – дорогая длинная сигарета с фильтром.

- Вас раздавят, Пацци, - прохрипел Соломон, заново привыкая пользоваться горлом, - Вас и ваших борзых щенков. Вы даже не представляете, что сделает Транс-Пол, когда…

Лицо Пацци приняло наигранно-испуганное выражение.

- И в самом деле, что он сделает? Что же? Наверно, комиссар Бобель распорядится перевернуть вверх дном весь Фуджитсу!

- Вы похитили служащего Транс-Пола. Это слишком круто даже для Мафии.

Пацци скорбно вздохнул, крутя в пальцах сигарету:

- Если вы имеете в виду сеньора Пять, этот детектив сегодня пропал без вести во время облавы в подпольной нейро-клинике. Ужасно досадный случай. Но подобное иногда случается. Там ведь был настоящий хаос! Представьте себе, два десятка покойников! Вероятно, его тело просто невозможно опознать.

- Не валяйте дурака, Пацци! Комиссар Бобель не так глуп, как может казаться. Он быстро узнает, кто дал Бароссе наводку на эту клинику. Через пару часов вас уже возьмут за шкирку и запихнут туда, где ваш одеколон способен будет разве что разгонять крыс!

- Ах, комиссар Бобель… Ну разумеется. Славный старик. Нет, он отнюдь не глуп, отнюдь. По крайней мере, не тогда, когда быть глупым невыгодно. Проблема лишь в том, что в нынешней истории ему проще быть глупым, не находите?

Соломон почувствовал, что воздух в комнате стал душным, тяжелым. Количество кислорода в нем явно скакнуло вниз. Мысль о том, что Бобель может бросить своего человека Мафии, как кость собаке, казалась чудовищной, вздорной. Бобель может быть

упрям, как осел, близорук, самонадеян, спесив, но Мафию он жалует не больше обычных детективов. Если бы комиссар мог, давно впился в ее змеиную шею, как маленький, но яростный мангуст. Но… Крохотное «но» зазвенело в черепе рикошетом, тщетно ища выход.

Удобно ли будет комиссару Бобелю во второй раз признавать свой позор? Сперва его детектива неизвестный нейро-маньяк запросто потрошит, как обычного уличного зеваку. Потом этот детектив и подавно пропадает без вести. Неприятно. Несомненно мелькнет в новостях. Писаки в последнее время не сильно жалуют Транс-Пол, и всякая его ошибка в резком свете фотоаппаратных вспышек предстает грандиозным провалом. Несомненно, кто-то задастся вопросом – а не слишком ли размяк комиссар Бобель за последние десять лет?.. Не утратил ли он ту хватку, которую прежде так успешно демонстрировал? Не пора ли ему на покой, выстраивать на полочках игрушечных солдатиков и пить чай с кардамоном?..

Соломон ощутил иней на висках. Комиссар Бобель не кабинетный толстяк и не покорный зритель. Он хищник, опытный и опасный. Именно поэтому занимает свое кресло дольше всех своих предшественников. Комиссар Бобель ненавидит Мафию, но станет ли он подставлять свою шею ради его, Соломона, шкуры?.. Шкуры, в общем-то, годной лишь на украшение гостиной, ведь детектив Пять в своем истинном обличье никогда не вернется на службу. В лучшем случае, его блеклый и немощный близнец…

К сожалению, да, скажет комиссар Бобель, окруженный журналистскими софитами, беспомощно щурясь и поминутно поправляя очки, как мне стало известно, сегодня наш лучший детектив, Соломон Пять, погиб во время штурма, прикрывая грудью своих товарищей и коллег. Он погиб на своем посту, на котором провел всю свою жизнь, и его звезда, воссиявшая сегодня на небосклоне Фуджитсу, согрела всех нас в лучах своего…

- Кажется, вы понимаете меня, - удовлетворенно кивнул Пацци, с наслаждением выдыхая сигаретный дым, - Самый опасный противник – глупый. Глупость непредсказуема и неконтролируема. А комиссар Бобель всегда был умен. Он не станет преумножать свой позор. Так что нет, кавалерия по вашу душу не прибудет, сеньор детектив. Вам лучше смириться со своим положением.

Соломон попытался вырвать правую руку, но кожаный ремень, обхвативший запястье, погасил рывок мягко и непреклонно. Кто-то из подельников Пацци издевательски подбодрил его, предлагая попытаться еще раз. Соломон так и сделал.

Спустя две или три минуты он тяжело дышал, позволив голове откинуться на подголовник. Кровь шумела в ушах от бесполезных усилий, но ремни не поддались и на миллиметр. Они сдавили руки и ноги упругими, но невероятно сильными пастями. Пацци с неподдельным интересом наблюдал за его попытками.

- Благоразумие – вот, что отделяет нас от животных, - заметил он, убедившись, что Соломон исчерпал небогатый запас сил, отказавшись от напрасного сопротивления, - Вы благоразумны, как и любой человек. Значит, рано или поздно осознаете невозможность борьбы. Животное никогда не способно его осознать. Примитивный, грубый разум. Животное будет рваться до тех пор, пока живо, бессмысленно терзая собственную плоть и страдая. Человек знает, где пролегает черта бессмысленности, за которой обречены все его попытки. Поэтому я надеюсь на ваше благоразумие. Взгляните правде в глаза, сеньор детектив. Спасать вас некому. И спасать вас никто не будет. Вы наш. Хотите вы того или нет, но теперь вы – актив нашей организации. И, к слову, весьма ценный.

«Спасать от чего?» - хотел было спросить Соломон, но вовремя прикусил язык. В недоговоренностях Пацци, как и в упорном молчании его подручных, сквозило что-то зловещее. Что-то, о чем лучше было даже не думать. Что-то, что противно защекотало внутренности.

- Похищение детектива… - он попытался презрительно улыбнуться, - Далеко же шагнула ваша организация. Далеко за черту и благоразумия и закона. Кто бы мог подумать…

Пацци вздохнул и помахал в воздухе изящной рукой, чтоб разогнать сигаретный дым. Клочья дыма коснулись лица Соломона, и он непроизвольно втянул их носом. Табак у Пацци был отличный, душистый и мягкий.

- У Акционерного Общества «Мафия» всегда были сложные отношения с законом. Своеобразные, я бы сказал.

- Хватит строить из себя корпоративного агента, Пацци! Ваша организация – не более, чем легальное прибежище для воров и убийц. А вы – преступник, рядящийся под клерка!

Вспышка гнева забрала даже больше сил, чем попытки разорвать ремни. И пользы она принесла не больше. Пацци не испугался и не рассердился, напротив, смотрел на Соломона с откровенным удовольствием и даже предвкушением – как человек обычно смотрит на новенький, в блестящей краске, автомобиль.

- О, сеньор детектив, если бы все было так просто. Если бы!.. Воры и убийцы за всю историю человечества укрывались под таким множеством вывесок самого разного толка, что и упомнить

сложно. Если каждую из них – политическую, экономическую, религиозную – именовать укрытием для преступников, вся наша история окажется бесконечным нагромождением афер, грабежей и убийств. Политические, военные и государственные деятели превратятся в главарей преступных банд. А политическая карта мира станет не более, чем схемой раздела влияния. Разве допустимо такое?

Пацци говорил медленно, без всякой цели разглядывая сигарету. Он казался целиком поглощенным собственными мыслями. Возможно, удастся потянуть время, подумалось Соломону. Пусть этот лощеный ублюдок подольше болтает. Пусть тратит драгоценные минуты. Соломон сам толком не знал, что может выгадать на этой затянувшейся перед зловещей неизвестностью паузе. Ладно, можно допустить, что комиссар Бобель не станет его искать. Но Баросса и Маркес так просто его не бросят. По указанию шефа или нет, они перевернут весь город в поисках Соломона или, хотя бы, его тела. Возможно, у них уже есть след. Может, они уже мчатся сюда на утробно гудящем «Умляутмобиле», сжимая между коленями дробовики. И тогда задача Соломона – выгадать несколько лишних минут. Надо лишь подлить масла в костер красноречия Франчезко Пацци. И дать ему покоптить посильнее.

- Демагогия, - сказал Соломон резко, встретив рассеянный взгляд Пацци, - Вы можете выпускать дорогие буклеты и устраивать многотысячные конференции, можете носить шикарные галстуки и смотреть на окружающих, как на уличный мусор, но стоит взять вас за шею, и вы начинаете юлить, как карманник, стянувший бумажник. Дайте угадаю. Сейчас вы скажете, что преступность существовала всегда, испокон веков, и только Акционерное Общество «Мафия» взяла это беспорядочное и хаотическое явление под контроль, тем самым, сделав его управляемым?

Пацци пощелкал языком, выражая то ли одобрение, то ли удивление. Словно Соломон был туристом, неумело произнесшим фразу на его родном языке.

- Кажется, вы внимательно читали наши уставные документы, сеньор детектив. Я тоже хорошо их знаю. Все именно так. Человек склонен совершать преступления. Увы, это совершенно бесспорный биологический факт. И он будет их совершать, вне зависимости от того, кому служит, во что верит и на каком языке говорит. Мой дед зарабатывал тем, что поставлял нелегальный алкоголь и азартные игры. Мой прадед душил людей. Природа, сеньор, человеческая природа. Можно противиться, но нельзя обмануть.

- Но вы все же пытаетесь, а?

- Можно противиться человеческим законам, они слабы и глупы. Но нельзя противиться законам высшего порядка. Таким, как законы физики или законы рынка. Когда-то мафия была аморфной, рассредоточенной, децентрализованной и в высшей степени неэффективной организацией. Собственно, и организацией ее назвать было крайне трудно. Скорее, это было нечто вроде подпольного профсоюза. У людей, которые занимались преступлениями, не было ни рангов, ни отчетности, ни даже, зачастую, представления о собственном положении в иерархии, лишь размытые и схематические уложения на уровне примитивного вассалитета. Людей роднило лишь туманное представление об общей корпоративной культуре… Впрочем, в те времена в ходу были иные выражения. Ужасно иррационально и неуклюже. На фоне сегодняшних организаций мафия прошлого была инфузорией, жалкой амебой… Но довольно живучей, что характерно для многих примитивных существ.

- А вы лишь вырастили из этой амебы транснациональное чудовище, чьи отростки пронзили насквозь все континенты.

- Опять вы вините нас, сеньор детектив, - Пацци сделался печален, как человек, оскорбленный в лучших чувствах, - Я же говорю, все дело в законах, которые имеют над нами полную власть. Эволюцию нельзя игнорировать. Именно эволюция создала Мафию такой, какой вы ее видите сейчас.

- Чепуха, - сказал Соломон, надеясь, что прозвучало это достаточно насмешливо, учитывая его собственное беспомощное положение, - Организации не могут эволюционировать.

Пацци прищурился.

- Могут, о, еще как могут! Любая организация, получающая доход, по своей сути – огромный организм, подчиненный одной цели. Так организовать свою внутреннюю и внешнюю структуру, чтобы свести риск к минимуму, а получаемый доход – к максимуму. У организаций есть внутренние органы, которые работают с различной степенью эффективности. Организации общаются между собой, иногда сотрудничая к взаимной выгоде, иногда вступая в смертельный бой. Организации гибнут, из них рождаются другие. Они видоизменяются, поглощают друг друга, меняют раскраску и паттерны поведения, приспосабливаются к новым условиям… Что это, если не эволюция? Подумайте об этом. Эволюции подчинено все, даже власть. Самый сильный мужчина в племени эволюционировал до огромного политического института с разветвленным аппаратом. Люди, опускающие бюллетени в урну для голосования, не задумываются о том, что они, по сути, ухают, выражая одобрение или гнев,

тысячи лет истории изменили форму, но не суть. Завывающий шаман с костью в носу стал почтенным примархом Единой Пастафарианской Церкви. Торговец звериными шкурами – президентом гигантской корпорации. Все меняется в этом мире, мой дорогой сеньор детектив, все меняется… Так почему же не должна вместе со всем миром меняться и Мафия?

- Потому что стая мелких хищников никогда не станет единым существом, - сказал Соломон, надеясь, что Пацци в ответ разразится очередной тирадой. И оказался прав.

- Нас к этому принудил закон эффективности. Как я уже сказал, мафия в прошлом была очень нерациональным и несовершенным инструментом. Как и всякая организация, она была направлена на получение прибыли, но полу-подпольное существование существенно ухудшало ее показатели. К примеру, везде, где есть деньги, есть бухгалтерский учет, кадровая политика, внутренний менеджмент, отношения различных отделов… Как прикажете эффективно выполнять свою работу, если нет ни четкого штата организации, ни определенных процедур? Вам придется вести учет, чтобы знать, сколько вы заработали на поставках наркотиков в этом квартале. Вам надо иметь список сотрудников, потому что завтра надо совершить налет на банк, а вам приходится тратить много времени для того, чтоб узнать, кто в строю, а кто уже валяется с пулей в боку. А еще вам нужна формализированная процедура принятия власти, чтобы оградить себя от какого-нибудь психопата-карьериста, мечтающего всадить вам в спину нож и занять ваше место. Эффективность – вот тот закон, который повелевает Вселенной! – Пацци вновь помахал сигаретой, - Когда-то мафия была сетью клубов по интересам, если можно так выразится, с некоторыми зачатками профсоюзной деятельности. Но с течением времени на всех уровнях стало ясно, что теневое существование существенно сказывается на результативности. Долгое время мафия укрывалась в тени, и это считалось нормальным. Но не случайно всякое растение старается выбраться из тени, чтоб получить свою порцию солнца. Тень гибельна, если находиться в ней слишком долго.

- Поэтому вы вышли из нее.

- Разумеется, сеньор детектив, разумеется… Организм, как и организация – живое существо, и оно должно развиваться, чтобы жить. Легализация решила множество стоявших перед нами в прошлом проблем и дало множество возможностей. Вы задумывались, как можно решить, к примеру, вопрос страховки, если вашу корпорацию, несмотря на множество бизнес-проектов, официально считают шайкой уголовников? Следствие этого –

дополнительные финансовые риски и убытки, а значит, минус. А как гарантировать своим подчиненным социальный пакет, если формально они даже не трудоустроены? Следствие этого – отток кадров, быстрая текучесть, низкая квалификация работников. Значит, минус. Как организовать инвестирование, когда вы даже не можете появиться на улице без наручников и пары провожатых в форме?.. Следствие этого – ущерб деловой репутации и невозможность расширения бизнеса. Снова минус. Заметьте, нелегальность при ее мнимой эффективности на практике приносит огромные убытки. На деле выходит, что подпольная преступность покровительствует лишь глупым и бесшабашным одиночкам. Только одиночка может быть достаточно наглым, самоуверенным и безрассудным, чтоб провернуть выгодное дело и заработать на этом. Но, как вы знаете из курса общей истории, время рыцарей при всей его романтичности было недолговечным. Рано или поздно всякий удачливый одиночка понимает, что, объединив силы с другими, он увеличивает эффективность и безопасность. Одиночкам приходится сбиваться в группы, чтобы добиться увеличения показателей или, как их называли прежде, банды. Но всякая подобная группа рано или поздно попадается в уже описанную мной эволюционную ловушку. Или нелегальность – и вечная стагнация. Или выход на легальный уровень – и процветание. Из этой точки началась эволюция, про которую я столько вам толкую. Банда, уж извините за этот старомодный термин, имеет ограниченный жизненный цикл, если остается в нелегальной зоне. Ее коллектив рано или поздно ссорится между собой, руководители попадают в тюрьму, возникают разногласия, споры о распределении дохода, сказывается и расшатанность иерархической лестницы и отсутствие нормативных документов… В то время, как банда, сделавшая ставку на легальность и открытость, может существовать сколь угодно долго, обрастая чиновниками, судьями, законным бизнесом, сенаторами и журналистами. Пусть изначальный ее капитал был добыт криминальным путем, пусть ее учредили люди, отбиравшие когда-то бумажники в подворотнях, это уже не имеет значения. Ген живучести, внедренный в банду подобной легализацией, увеличивает срок ее жизни во много раз. И если вы думаете, что только ученые в белых халатах способны строить теории на основе наблюдений, то ошибаетесь. В какой-то момент эту простую мысль поняли все, от мошенников до вымогателей, от карманников до наемных убийц. И большинство из них сделало правильный выбор. Разумеется, все это было растянуто на века, я стараюсь преподнести вам историю в сжатом, упрощенном, виде…

- Очень сожалею, что Транс-Пол в свое время не прищучил ваших эволюционирующих карманников, - буркнул Соломон, на протяжении последних пяти минут пытавшийся напрягать мышцы предплечий для того, чтоб ослабить ремни. И уже понявший всю тщетность этой попытки.

- Процесс шел не в одну сторону. С вашей стороны, сеньор детектив, он в свое время был встречен с одобрением. Видите ли, Транс-Пол со временем обленился, стал немощен и ленив. Ему сложно было ловить в подворотнях грабителей, каждого из них судить, выводить на чистую воду, искать сообщников, руководителей, умысел… Всегда проще иметь дело с централизованной организацией, где царит учет и порядок, не так ли? Видите, эффективность движет одновременно все фигурки на доске, а отнюдь не избранные. Сотрудничество оказалось эффективнее конкуренции. Слаженность – выгоднее вражды.

- Конкуренция неуничтожима, - возразил Соломон, пытаясь не думать о том, что сейчас он сам являет тому зримый пример, - Она двигает вперед прогресс и все человечество. Конкуренция – это вражда. А вражда – это уничтожение.

- Конкуренция, вражда, войны… Это все устаревший инструментарий, рудименты истории. В том мире, в котором мы живем, - Пацци махнул рукой в сторону заклеенного бумагой окна, - выгоду приносит сотрудничество и слаженность, а не бессмысленная борьба за ресурсы.

- Противостояние будет всегда. И войны будут всегда. Не льстите себе, считая, что сумели подружиться со всем миром и обрести бессмертие.

- Устаревшие стереотипы, - легко отмахнулся Пацци, - Уверяю вас, сеньор детектив, если бы сегодня встретились Давид и Голиаф, они не стали бы драться. Они основали бы на паях торгово-промышленное общество по поставке ливанского масла. И оба бы остались довольны друг другом…

- Значит, ваша инициатива пришлась как нельзя кстати?

- Да. Именно поэтому девяносто три процента всех преступлений на данный момент совершается Акционерным Обществом «Мафия». Оставшиеся семь – дилетанты и индивидуалисты, которых мы презираем… Они просто не могут работать в команде, в структурированном коллективе. А мы… Акционерное Общество «Мафия» на данный момент держится в пятерке наиболее перспективных общемировых корпораций. Наш капитал оценивается в сотни миллиардов. Мы предоставляем десятки тысяч рабочих мест. А нашу динамику развития экономические эксперты называют выдающейся даже на фоне финансового кризиса последних лет…

- Люди, которых вы убили или ограбили, несомненно, будут этим весьма утешены, - сказал Соломон. Может, излишне дерзко – для человека, привязанного к инвалидному креслу.

- Во-первых, насильственные преступления устаревают так же, как и само насилие, - наставительно сказал Пацци. Сигарету он уже успел выбросить и теперь разгуливал взад-вперед по комнате, заложив руки за спину, - Фальсификация, информационный шантаж, проституция, юридическое мошенничество – все это куда выгоднее пошлого ножа на темной улице. А уж когда появился рынок нейро-софта… Ну, не мне вам говорить. Вы должны представлять, сколько миллиардов крутится в этой сфере. А во-вторых… Стабильность и честность – залог взаимовыгодных отношений, аксиома среди рыночных законов. У нас ведь есть утвержденные квоты. Раз в месяц мы сдаем Транс-Полу по пять насильников, двадцать воров, кажется, пятнадцать подпольных букмекеров… Никто из них не отпирается и не чинит препятствий следствию, они все согласны покаяться в преступлениях и принять наказание. Ведь это оговорено в их контрактах. Комиссару Бобелю не требуется ломать голову, вашим коллегам – рисковать шеей, а преступникам – терзаться неизвестностью. Всемогущий рынок уничтожил изжившие себя принципы. Сотрудничество и кооперация вместо соперничества и конфронтации, вот девиз сегодняшнего дня.

- Похищение детектива – тоже форма сотрудничества?

Пацци только хмыкнул.

- Ну, вы можете считать это особенным случаем. Обстоятельством форс-мажора. Конечно, похищение человека Транс-Пола – это фол в нашем виде спорта. Такое не позволяется. Но, как я уже сказал, с официальной точки Акционерное Общество «Мафия» никоим образом не ответственно за вашу судьбу.

- Значит, вот как вы играете по правилам? – у Соломона едва подавил желания рвануть вновь ремни, - До тех пор, пока правила вас устраивают? А потом плюете на них, так ведь?

- Законы рынка, сеньор! – Пацци скорбно вздохнул, - Им повинуются простые смертные, боги и целые галактики. В данном случае слово рынка неумолимо. Ему нужны вы.

Это прозвучало так неожиданно, что Соломон недоверчиво уставился на него.

- Причем здесь рынок? И кому я нужен?

- Не совсем вы, сеньор детектив, не совсем. Скажем так, рынку нужно то, чьим хранилищем вы, вольно или нет, являетесь.

- Но я пуст! – крикнул Соломон, вновь напрягаясь в кресле, подлокотники болезненно уперлись в запястья и локти, - Вы же

знаете это, Пацци, знаете прекрасно! У меня нет нейро-софта даже на медяк! Я пуст, как старая консервная банка!

- Си, - веки сеньора Пацци медленно сомкнулись и также медленно разошлись, - Это так. Но я говорил о другом. О, подчас мы сами не знаем, хранилищем каких ценностей являемся.

Соломон понял. И, еще не обдумав до конца эту мысль, почувствовал, как начинают мелко дрожать пальцы рук.

- Нейро-бомба. Вот, что вам надо. Нейро-бомба в моей голове.

Пацци с достоинством кивнул.

- Си, сеньор. Та маленькая невидимая штучка, которая щелкает у вас в голове. Не бойтесь, она не причинит вам вреда.

Кажется, он не лгал. Но Соломону все равно казалось, что в комнате невероятно холодно и капли пота на лбу и спине замерзают, мгновенно превращаясь в крохотные хрустящие кристаллики. Наверняка, нейро-бомба не причинит ему вреда. Но вот люди, собравшиеся здесь…

- Не будьте идиотом, Пацци! – сказал он, стараясь держаться спокойно, - Она не представляет ценности. Она работает только у меня в голове и она запрограммирована на меня. К чему она вам?

- Не мне, - мягко поправил сеньор Пацци, - Нашей организации. Мы давно знали про эту старую фордовскую разработку. Очень высокотехнологично. Очень элегантно. Аналогов не существует. А сеньоры из Форда, как вы понимаете, слишком самоуверенны, чтобы делиться своими нейро-секретами. Такими вещами делиться не принято.

- Вам нужно оружие. Вам просто нужно оружие. Вы… Великий Макаронный Монстр! Эволюция, усовершенствование, новые формы… - Соломон едва сдерживал истеричный смех, конвульсивно сжимавший его грудь, - Я здесь просто потому, что вам понадобилась самая большая дубина?

- А также самая эффективная и самая аккуратная, - промурлыкал Пацци, - Мы-то отлично представляем ее ценность. Поверьте, не один год и не два мы охотились за этой технологией, но ни разу она не попадала нам в руки. Сеньоры из Форда хорошо умеют заботиться о своих инвестициях. Умели, пока ваш нейро-психопат каким-то образом не завладел их игрушкой и не стал ее использовать по своему разумению. Не знаю, как ему удалось наложить на нее руки, но меня, по большому счету, это и не интересует. Довольно и того, что вы здесь.

- Идеальное оружие для мафии, - пробормотал Соломон через силу, - Любое убийство можно замаскировать под суицид. Никаких следов и минимум риска.

- Ну разумеется. Кроме того, вы забываете еще одну деталь.

Нейро-бомбу можно настроить на срабатывание при наступлении определенных условий. Это значит…

- Это значит, что вы сможете надеть ошейник на всякого, кого вздумается! – прервал его Соломон, - Вы можете запрограммировать нейро-бомбу на срабатывание в том случае, если ее носитель вздумает обратиться в Транс-Пол. Очень ловко. Человек может обмануть микрофон или самую внимательную слежку, но он никогда не сможет обмануть сам себя. Полный контроль. Чертовски удобно. Не успевает человек поднять телефонную трубку, чтоб доставить вам неприятности, как на него накатывает острая тоска, и спустя минуту он уже болтается в петле. Чисто и аккуратно, а главное, ни у кого не возникает ни малейших подозрений. Классическое самоубийство. А вы экономите на услугах специалиста.

Франчезко Пацци смотрел на Соломона, немного искривив тонкие губы, но насмешливым выражение его лица не выглядело. Скорее, снисходительным. С таким выражением лица охотник смотрит на уже распластанную дичь, оказавшуюся слишком неуклюжей и медленной. Он сознавал свою силу и намеренно не выказывал ее, продолжая эту неуместную пародию на диалог. Своим обходительным тоном он словно демонстрировал, что Соломон – полноправный собеседник и его личный гость. И его вежливость с каждой минутой делалась все более зловещей. Может, он и казался хлыщом в дорогом костюме, но Соломон прекрасно понимал, что перед ним – опаснейший хищник, ловкий, безжалостный и уверенный в себе. Волк, нашедший свое место в Городе Серого Камня, над которым горят переливающиеся неоновые небеса. И если этот волк еще не сомкнул челюсти на шее своей жертвы, это не означало, что он испытывает жалость. Скорее, скуку.

- Вы совершенно правы, сеньор Пять, - заметил он, обходя кругом инвалидную коляску Соломона, - Даже вы понимаете, насколько это элегантное и красивое оружие. Как глупо будет, если оно останется в руках у обычного безумца, не способного понять его настоящую цену.

- Вы теряете время, Пацци. Эта бомба – не камень у меня в кармане. Она вплетена в цепочки нейронов моего мозга, и никаким образом вы ее выковырять не сможете.

- Ну, вы слишком плохого мнения о наших нейро-специалистах, - Пацци подмигнул ему, - Уверяю вас, у них есть чему поучится даже костоправам Транс-Пола. Нет, конечно же я не могу быть уверенным на сто процентов в том, что они смогут вырезать из вашего мозга то, что нам интересно. Но они приложат для этого все усилия, уж в этом могу вас уверить. Они

препарируют ваш мозг с величайшей тщательностью. Увы, нам придется пойти на необратимые повреждения, в данном случае цель того стоит. Я говорю не об обычной нейро-коррекции, она слишком поверхностна и несовершенна. Фактически, ваш рассудок разберут на мельчайшие составляющие. Вы бы удивились, узнав сколь много их даже у самого невзрачного человека… Нейроны, синапсы, таниците, ромбомеры, плакоды, коннектомы… Не правда ли, они звучат как названия сыров?..

Соломон не думал о сырах. Он чувствовал, как желудок его съежился, став скоплением едких газов в сморщенной оболочке. Он вдруг заметил еще один предмет, стоявший в комнате. Будь на его месте настоящий Соломон Пять, он бы сразу обратил внимание на эту деталь интерьера, выглядевшую тут абсолютно чужеродно и накрытую белой тканью. Нейро-корректор. Соломон узнал его, как приговоренный узнает хищный профиль гильотины, еще скрытой чехлом.

Его страх не укрылся от внимательного и острого взгляда Пацци.

- О нет, - сказал он, со смешком сдергивая ткань и обнажая блеклый пластик, металл и дерево, - Это самый обычный бытовой аппарат. Он здесь только для того, чтоб я мог убедиться в… вашей особенности, сеньор детектив. Просто небольшое сканирование. Вы ведь не станете возражать?

Возразить он не успел. Двое подручных Пацци, то ли уловив незаметный знак, то ли верно поняв интонации своего вице-капореджиме, проворно ухватили коляску Соломона за подлокотники и потянули ее вперед, к нейро-корректору. Сопротивляться Соломон не мог, резиновые колеса послушно шуршали по полу.

- Я лишь проверю, действительно ли вы пусты, сеньор детектив, - сказал Пацци легко и свободно, так, словно говорил о заказе легкого ужина, - Если эта информация подтвердится, мы с вами перейдем на иной уровень общения. Я вколю вам одно прекрасное средство, которое погрузит вас в долгий и приятный сон без сновидений. В таком состоянии вреда вам не причинит даже нейро-бомба, ведь ваше сознание будет блуждать сумеречными лугами и не сможет спустить курок.

- И вернуться, насколько я понимаю, мне будет уже не суждено?

Пацци вздохнул, как человек, вынужденный признать очевидную, но неприятную деталь.

- Боюсь, что нет, сеньор детектив. Как я уже сказал, чтобы изъять нейро-бомбу, нашим специалистам потребуется разложить ваш мозг до того уровня, когда его функции прекращают

полноценно работать, а основные нейронные связи рвутся. Биологически вы будете живы. На деле же… Признайтесь, привлекает ли вас существование в роли нейро-зомби? По-моему, это не жизнь, лишь насмешка над жизнью. Такое будущее недостойно вас. Вы определенно из тех людей, которые предпочитают умереть человеком, а не человекообразным комом бездумной плоти. Виноват. Вы определенно относились к таким людям в прошлом… Однако, не будем медлить. Я очень не хочу, чтобы эта маленькая прелестная штучка в вашей голове начала свою работу прежде, чем я закончу свою. Лука, Хадид, подкатите сеньора детектива сюда. Ничего, что он сопротивляется. Он просто слишком смущен. Смелее, сеньор детектив! Ну же!

ГЛАВА 16

Соломон попытался вырваться из кресла. Напрасная попытка тела, которое отказывалось верить в безнадежность своего положения. Рефлекторное напряжение мускулов. Ремни не поддались и в этот раз, а сухожилия загудели от чрезмерного напряжения. Соломон попытался хотя бы увернуться из-под опускающегося обруча нейро-корректора, но и эта попытка оказалась тщетной. Один из молчаливых мужчин в сером костюме сдавил его горло железной хваткой, а другой рукой закрепил на голове пластиковый обод. Который сразу показался Соломону раскаленным добела стальным обручем.

- Начинаем, - деловито сказал Пацци, - Настало время заглянуть в вашу голову.

Аппарат негромко затрещал, как разогревающийся старый телевизор. Видеть экран Соломон не мог, Пацци развернул его к себе. Возможно, это было к лучшему. Соломон не хотел бы вновь увидеть пустое поле, перечерченное зыбкими горизонтальными полосами статических помех и обозначающее его внутреннюю суть. Клочок мертвой, выгоревшей, земли. Напоминание о своей ущербности.

- Любопытно, - Пацци одобрительно кивнул, но ни один покрытый лаком волос на его голове при этом не шевельнулся, - И в самом деле, любопытно. Впервые вижу такую картину. Ни одного нейро-модуля. Бомбу я, конечно, не вижу, но теперь уже не сомневаюсь в том, что она здесь. Мне даже кажется, я слышу ее тиканье…

На Соломона накатило головокружение, закрутившее комнату перед глазами и серые костюмы в одну мутную круговерть. Нечто похожее он испытывал прежде при установке больших пакетов нейро-софта, просто секундное помутнение сознания, вынужденного перегружать отдельные нейро-цепи мозга. Но в этот раз причиной головокружения мог быть лишь обычный страх. Контроль над которым давался Соломону все труднее и труднее. Точнее, никакого контроля уже не было, страх липкой черной лужей выбирался из его подсознания, точно из прогнившего подпола старого дома, пропитывал собой все вокруг.

- Прекрасно, - сказал Пацци удовлетворенно, щелкнув клавишей терминала, - Снимайте с него корректор. Что ж, сеньор детектив, я вполне удовлетворен. Ваш мозг действительно свободен от признаков нейро-софта, кроме того, я заметил характерные шрамы. Следовательно, вы действительно стали

жертвой нападения нейро-маньяка. Тем больше вероятность найти в вашем мозгу оставленную им безделицу…

Соломон проглотил слюну, ставшую липкой и зловонной. Отчего-то сильнейшим образом захотелось пить. Мало того, что пересох язык, всего его тело вдруг стало обезвоженным, как высохшее дерево, даже по венам, кажется, двигалась не кровь, а едкий ихор.

«А ведь Пацци как-то узнал о нейро-бомбе, - подумал Соломон, пытаясь ухватиться за единственную осознанную мысль, чтобы вновь не скатиться в серый водоворот охватывающего его ужаса, - Про то, что у меня украли нейро-софт узнал весь участок. Любой детектив мог проболтаться. Но про нейро-бомбу… Дьявол, кто же про нее знал? Энглин не в счет. Или в счет? Баросса. Коротышка Лью. Маркес. Может, еще пара человек. И Пацци. Значит, кто-то ему выложил, какие сокровища скрывает мой череп? Кто-то рассказал? Кто?»

Пацци не терял времени. Небрежным движением он достал из внутреннего кармана пиджака маленький контейнер вроде футляра от ручки. Но внутри была не ручка, а шприц, блеснувший стеклом и металлом, наполненный прозрачной, немного мутной, жидкостью.

- Одна небольшая инъекция, сеньор детектив. Порция долгого здорового сна.

- Вечного сна? – спросил Соломон сквозь зубы, наблюдая за тем, как порхает шприц в легких и проворных руках Пацци, - Ведь это смерть для меня. Я не проснусь. Вы убиваете меня!

- В данной ситуации я не хотел бы упражняться в искусстве жонглирования терминами.

Шприц стал ближе. Соломон ощущал исходящий от него пронзительный запах спирта.

- Вы лжец, Пацци, - сказал он, стараясь не глядеть на отточенное металлическое жало, - За всеми вашими словами только ложь. Вы хотите выглядеть профессионалом важной организации, но вы всего лишь убийца. Убийца, прячущийся за ложью. Вы даже убийство не можете назвать своим именем. Интересно, что вас до этого довело? Стыд? Или какой-то корпоративный нейро-софт? Вам внедрили страх называть вещи своими именами?

Шприц остановился. Замер в воздухе, оказавшись на расстоянии десяти сантиметров от плеча Соломона. Крохотное стеклянное насекомое, полное прозрачного яда. Соломон видел, как в нетерпении подрагивает его металлическое жало.

- Не надо так говорить, сеньор детектив, - укоризненно сказал Пацци. Великолепное владение собой позволило ему выглядеть

оскорбленным, - Вы говорите мне неприятные вещи и совершенно напрасно. Знаете, мои предки, тоже связанные с организацией, считали, что к жизни надо относиться так же, как к бутылке вина. Не стоит хлебать его жадно, но нужно чувствовать вкус. И когда допиваешь последний глоток, думай о том, сколь много выпил, а не о том, сколько бутылок осталось в погребе, чувствуй послевкусие, а не горечь. Я лишь хотел скрасить ваши последние минуты, зная, что больше нам не предстоит увидеться. К нашему взаимному, полагаю, огорчению.

- Я бы не отказался от бокала вина перед смертью, - торопливо сказал Соломон, облизывая губы.

- Извините, - Пацци провел рукой по волосам, - Я не могу предложить вам вина, сеньор. У меня его попросту нет. Кроме того, это повлекло бы трату времени, чего мне бы не хотелось. Организация ценит меня в том числе и за пунктуальность. Возможно, у вас есть иное желание, более простое?

- И вы выполните его?

- В меру сил.

- Тогда дайте мне закурить.

- Пер фавор! Это гораздо проще.

Шприц тут же исчез, вместо него Пацци уже протягивал узкий серебряный портсигар. Он поднес его к лицу Соломона, так, что тот почувствовал тонкий запах табака и чужого одеколона. Соломон попытался губами ухватить сигарету за фильтр, но губы оказались слишком сухими и неловкими. Сделав несколько безуспешных попыток, он уронил сигарету на пол.

- Долго же это будет, - вздохнул Пацци, наблюдая за его усилиями, - Ладно, рагаззи, развяжите его на минуту. Сеньор детектив, пообещаете ли вы вести себя благоразумно, если на пару минут обретете возможность распоряжаться руками?..

- Да. Конечно.

Пацци погрозил ему пальцем. Шутливо, однако ощущалось, что эта шутливость может очень быстро пропасть без следа, растворится, как табачный дымок на ледяном сквозняке.

- Я оказываю вам эту любезность только лишь оттого, что в некотором роде благодарен. Кроме того, мы с вами совершили интересную прогулку. Вот ваша сигарета. Но если вы попробуете воспользоваться моим радушием и совершить что-то безрассудное, помните, что для того, чтоб обеспечить вам долгий сон, я могу воспользоваться и другими средствами…

Один из головорезов Мафии расстегнул ремни, которыми руки Соломона были притянуты к подлокотникам. Но освобождать его ноги никто и не подумал. Мало того, сразу несколько человек окружили его, молчаливые, как тени, и

внимательные, как телохранители. Впрочем, подумал Соломон, вытаскивая подрагивающими пальцами сигарету из радушно предложенного Пацци портсигара, они действительно озабочены тем, чтоб сберечь его тело…

Только когда табачный дым обжег легкие и носоглотку, Соломон вспомнил, сколько лет не курил. Он конвульсивно закашлялся, прикрывая рот рукой, но сигарету не выронил. Сжал губами, как тонущий сжимает дыхательный шланг, сделал еще несколько крупных затяжек. Несмотря на то, что голова мгновенно наполнилась гулом, а желудок превратился в ком мокрого белья, который выжимали невидимые руки, Соломон ощутил едва ли не блаженство. А ведь он давно забыл, каков табак на вкус… Конечно, это все нейро-софт. Анна заставила его позабыть эту вредную привычку. Но отчего-то только сейчас он понял, чего лишал себя все эти годы. А может, сладость табака объяснялась другим. Он выиграл у смерти несколько лишних минут. И пусть выигрыш этот был бесцельным и бесполезным, Соломон упивался им, глядя сквозь табачный дым на безукоризненные прически окруживших его людей.

Это не выигрыш. Просто отсрочка. Даже рванись он со всех сил, ему не сделать и шага. Он не успеет даже освободить ноги. Оружия у него нет, а у сеньоров в строгих деловых костюмах оно, несомненно, было. Впрочем, им не понадобится оружие для того, чтоб швырнуть его в бесконечный сон. Они сильны и опытны, они на взводе, как стая волков, а он разбит, сломлен и стар. Не тот поединок, из которого старая ищейка Транс-Пола может выбраться с той же легкостью, как герой киноленты…

Соломон вдруг вспомнил старую ленту, которую они смотрели с Анной… когда? Кажется, тогда они еще не были женаты. Точно, он был обычным патрульным. А ее духи пахли мушмулой и лаймом. Они сидели в стареньком кинотеатре со скрипучими стульями через три квартала от участка и смотрели детективную ленту, одну из тех, что были в моде двадцать лет назад. Точно, вспомнил он, это было «Алое в ночи» с Керти Райфом в главной роли. Странно, отчего это вспомнилось ему именно сейчас. Не лучшее время для того, чтоб вспоминать старые кинофильмы. К тому же, Керти Райф умер еще восемь лет назад. Оставшись без ролей, позабытый всеми поклонниками, он сумел уйти со сцены красиво, как в своих кинолентах. Поставил себе нейро-софт "Нептун-3", гарантирующий "море радости от плеска в воде и покорения водной стихии", самую мощную версию. И однажды вечером, осушив бутылку рисовой водку, ушел купаться в реку с сильным течением. После того, как спустя несколько дней его тело нашли, пресса еще долго судачила - а

помнила ли звезда многочисленных детективных кинолент о том, что не умеет плавать?..

Соломон сделал еще одну затяжку, аккуратную и маленькую, с содроганием следя за тем, как приближается к золотистому фильтру шапка потрескивающего пепла. И вдруг вспомнил.

В этом фильме Керти Райф играл детектива. Он всегда играл детективов, сколько Соломон его помнил. Открытое мужественное лицо, холеные усы песочного цвета, и тот особенный тягучий взгляд, которым обладают только старые псы и детективы из кинофильмов. Керти Райф играл детектива, который оказался втянут в шпионские игры между Интелом и РосНано. За десять минут до финала наемные убийцы РосНано сумели похитить его и приковали к водопроводной трубе. Они уже собирались застрелить его, когда Керти Райф, презрительно усмехнувшись, попросил выкурить перед смертью сигарету… Так вот, чего память услужливо выкинула на поверхность этот ветхий лоскут!.. Керти Райф, старый ты пес закона… Соломон даже вспомнил, как трогательно прижималась к нему плечом Анна, когда Керти Райф на экране выпустил в объектив кинокамеры струю табачного дыма. В тот момент Соломон чувствовал запах не табака, а мушмулы и лайма.

«Это же глупо, - сказал Керти Райфу убийца с пистолетом, - Разве ты не знаешь, что курение убивает?» «Ага, - беззаботно ответил тот, не выпуская изо рта сигареты, - Но знаешь, в этом мире убивает не только курение…» Что же он сделал потом? Соломон напряг память. Вот. Керти Райф выплюнул сигарету прямо в лицо своему неудавшемуся палачу. И попал в глаз. Пока тот орал, Керти ловко выбил у него из руки пистолет, а вторым ударом сломал шею. Вот только он не был привязан к инвалидной коляске и противник у него был один, а не шестеро. Даже если он попадет в глаз одному из них… Ерунда. Это не даст ему и тени шанса.

А ведь когда-то он думал стать подобием Керти Райфа, пронеслось в голове. Тогда нейро-модель «Керти» уже постепенно выходила из моды, но была легкодоступна. И стоила, в сущности, не так и дорого. Соломону хотелось выглядеть как Керти, импозантно, уверенно, хотелось научиться его фирменному тягучему взгляду, который никаким иным образом невозможно скопировать. Но Анна его отговорила. «Не надо, - сказала она ему, - Этот парень через год уже будет казаться пещерным человеком. Кроме того, я не вынесу, если ты отпустишь такие ужасные усы…»

Возможно, если бы он заказал тогда «Керти», все было бы иначе. Старый добрый Керти Райф умел выбираться из всякого

рода передряг. Но он не был Керти. Он был никем. Человеком с пустым запасом жизненных качеств. Не цельная личность, но пустотелая кукла, словно в насмешку похожая на настоящего Соломона Пять. Голый арифметический ноль. Форма без содержимого. Жалкая пародия на полноценного человека.

Что-то обожгло ему губы. Оказывается, он докурил сигарету практически до фильтра, сам того не заметив. Потратил несколько драгоценных минут на бессмысленный нырок в прошлое.

- Пора, - с явственным сожалением сказал ему Пацци, наклоняясь над коляской и протягивая руку к окурку, - Вам, сеньор детектив, не следует увлекаться вредными привычками.

- Да, - машинально сказал Соломон, делая последнюю затяжку, - Знаете, но в этом мире убивает не только курение…

Он сам на миг опешил, сообразив, что сказал. И что собирается сделать.

Дымящийся окурок вылетел из его рта подобно ракете, покидающей пусковую установку в клубах дыма. Только мелькнул золотистый цилиндр фильтра, которого он коснулся языком. Лицо Пацци нависало в полуметре над Соломоном, сигарета, закручиваясь в воздухе, устремилась к нему. Прямо в сияющий серым металлом глаз.

Соломон ожидал услышать вскрик, резкий, как крик чайки. Может, еще несколько ругательств на незнакомом языке. Но ничего этого не произошло. Пацци легко щелкнул в воздухе пальцами, поймав окурок в каких-нибудь пяти сантиметрах от лица. Он сделал это запросто, даже не моргнув. Холеные бледные пальцы бесшумно раздавили сигарету, брезгливо уронили на пол дымящиеся остатки.

- Эх, сеньор детектив… А ведь я предупреждал вас.

Соломон хотел было ударить его снизу по челюсти. Но не успел. Вокруг него начало что-то происходить, и он не сразу понял, что именно. Слишком уж абсурдным и невозможным оно казалось.

Слишком… Безумным.

Он видел, как один из подручных Пацци, худой юноша в не по возрасту строгих роговых очках, вдруг запускает руку под полу пиджака. Когда она выныривает, в ней холодным лунным серебром светится пистолетный ствол. Зачем?.. Неужели они решили банально его застрелить, прямо в этом инвалидном кресле?

Но юноша не целится в Соломона. Движение его руки короткое и заученное, точно он долго практиковался. И еще оно совершенно непонятное, никто не будет выхватывать таким

образом оружие и так держать руку. Разве что если…

Юноша утыкает ствол пистолета себе под подбородок. Он собран и серьезен, словно делает очень ответственный трюк. Или отвечает на самом важном экзамене. Глаза не моргают, губы плотно сжаты. До последнего мгновенья Соломону кажется, что тот что-то скажет. Ведь люди не могут так просто делать такие странные вещи. Но мафиози ничего не говорит. А мгновеньем позже его палец выбирает последний свободный миллиметр спускового крюча.

Голова парня мотнулась, как от увесистого удара кулаком. Комната была достаточно просторна, но среди пустых неоштукатуренных стен, где всегда прячется эхо, выстрел прозвучал раскатисто и громко. Соломон видел все в мельчайших подробностях. Как дрожат и делаются бесформенными губы, сквозь которые наружу вырывается рваный серый туман пороховой гари вперемешку с алой взвесью. Как лопается в глазнице один глаз, бесформенным комом отлетает в сторону. Как из бледного лба выстрел вышибает кусок черепа, все еще обтянутый кожей. Он подлетает кверху и ударяется о стену, подхваченный иссиня-багровым гейзером. Очки с лопнувшими стеклами падают под ноги, но человек с пистолетом уже не может их подхватить. Медленно заваливается набок и назад, все еще держа руку прижатой к подбородку. И падает ничком возле самой коляски, зацепив ногой колено Соломона.

Соломон поворачивает голову, чтобы по лицам других людей понять, что случилось. Какая-то безумная выходка, розыгрыш, ловушка…

Несколько выстрелов сливаются в один. Тот головорез, что помогал освободить руки Соломона, засовывает короткий ствол никелированного пистолета себе в рот, так буднично, словно это большая толстая сигара. Лицо у него тоже равнодушное, даже сонное. Выстрел – его щеки надуваются и лопаются двумя грязными нарывами, сквозь которые сыплются удивительно белые неровные жемчужины зубов. Стена позади него испачкана несимметричным ярко-красным цветком, к которому прилипли клочья волос.

Еще один стреляет неудачно. Он слишком поспешил, прижимая ствол к виску. Выстрел получился скользящим. Пуля раздробила глазницу, превратив лицо в перепаханный овраг. Он шатается, как пьяный, на пол хлещет кровь, уцелевший глаз незряче смотрит куда-то в сторону. Но он находит силы вновь поднять руку. Вторым выстрелом он сносит себе затылок. Кажется, он улыбается, когда падает лицом вниз, но едва ли это улыбка облегчения, скорее, судорога лицевых мышц.

Еще кто-то тянет руку к виску, еще один пустой, как пара старых аквариумов, взгляд. Еще один выстрел. И еще один. И еще несколько.

Выстрелы длились едва ли больше трех-четырех секунд, но Соломону показалось, что прошло не меньше минуты, прежде чем в комнату вернулась тишина. Впрочем, тишину нельзя было назвать полной, эхо от выстрелов еще гуляло от стены к стене, а в ушах стоял гулкий звон.

По всей комнате лежали люди в строгих серых костюмах. Один, двое… Пятеро. Они падали там, где стояли, как оловянные солдатики комиссара Бобеля. И в том, как они ушли из жизни, организованно, словно по слышимой только ими команде, тоже было что-то от безвольных игрушечных фигурок. Пол был залит кровью, которая безжалостно портила хорошее сукно пиджаков, от пороховой взвеси кислило под языком. Пять серых фигур, растянувшихся в разных концах комнаты, напоминали какую-то диковинную головоломку с одинаковыми деталями.

Соломон ошалело помотал головой.

Безумие. Цирк абсурда, разыгранный по нотам самим дьяволом. Это был не фокус, в этом он готов был поклясться. Никто не тянул людей Пацци за руки, никто не приказывал им сводить счеты с жизнью. Они просто… Просто одновременно решили сделать это. Украсить комнату своими мозгами. И сделали. Точно это была какая-то забавный праздничный розыгрыш, особенно смешной из-за молчаливого сговора участников. "Разнеси себе голову - для торжественных мероприятий, корпоративных праздников и дней рожденья. Только для взрослых участников. Взрыв юмора для вас и ваших гостей!"...

Сам Пацци был жив. Потрясенный не меньше Соломона, он застыл рядом с инвалидным креслом, раздавленный окурок все еще дымился возле его лакированного ботинка. Но в наполнившем комнату пороховом тумане этот крошечный дымный язычок был практически незаметен. Где-то со стены едва слышно сыпалась цементная пыль.

Может, Пацци и был хладнокровен, как вожак волчьей стаи, но произошедшее сбило его с толку не меньше, чем Соломона. Глаза, обычно холодные и серые, расширились, в них плескалось удивление и что-то еще, сродни настоящему неприкрытому ужасу.

Но он быстро придет в себя, Соломон знал это. Такие люди, как Пацци, даже под гнетом неожиданных обстоятельств не теряются надолго.

Возле инвалидной коляски лежал труп того, кто успел

раньше всех, парня с развороченным подбородком. В его вытянутой вдоль теле руке все еще был зажат пистолет. Выполнив свою задачу, пистолет стал казаться простой и обыденной вещью сродни позабытой игрушке. Соломон уставился на него, и пистолет вдруг стал увеличиваться до тех пор, пока не стал самой большой вещью во Вселенной. Соломон смотрел, не мигая и не дыша. Они с Пацци все еще пребывали в каком-то странном трансе, и Соломону казалось, что даже резкое движение его глазных яблок может вернуть течение времени в его привычное русло.

Пистолет на полу. До него около метра и он возле левой ноги Соломона. Если резко нагнуться… Ноги его все еще привязаны к инвалидному креслу, не сделать и шага. Но если нагнуться, припав на колено и протянуть руку… Может, он опередит Пацци на секунду или полторы. А может, просто скользнет ладонью по металлу, не в силах вырвать его из мертвых пальцев. И шприц, крохотной осой выпорхнувший из кармана пиджака Пацци, навек погрузит его в непроглядную темноту.

Настоящий Соломон Пять решился бы. Он привык полагаться на свою реакцию, на свою силу. Он дрался до последнего даже тогда, когда ситуация казалась совсем скверной. Его уверенности очень не хватало тому Соломону, которому пришлось занять изношенное тело детектива Пять.

Соломон бросился к пистолету.

Успел заметить, как дергается Пацци, но даже не повернулся в его сторону. Сейчас он смотрел только на пистолет в мертвой руке. Ему казалось, что он уже чувствует холодную металлическую рукоять в собственной ладони, каждую ее шероховатость и острую грань. Надо только…

Соломон ударился коленями об пол, боль сжала его правую ногу зазубренными щипцами для колки орехов и захрустела костями. На эту боль можно не обращать внимания. Надпочечники, повинуясь команде мозга, впрыснули в его тело дозу адреналина, которая отгородила боль бронированным стеклом, сделала ее едва заметной и неважной.

Протянуть руку…

Пистолет выскользнул из руки мертвеца легко, пальцы остались мягкими и послушными, почти не сопротивлялись.

Времени на то, чтоб привыкать к его весу, не было, едва взяв оружие в руку, Соломон направил его на Пацци. Тот стоял совсем рядом, шприц блестел в руке крохотной замороженной молнией. Наверно, шприц стремительно двигался по направлению к шее Соломона, но сейчас весь мир замер. Все второстепенные его объекты стали прозрачными, стеклянными. Сейчас они были

лишь декорациями, обрамляющими сцену. На сцене остался только сам Соломон, пистолет в его руке – невероятно медленно поднимающийся - и нависающий над ним Пацци.

Пистолет весил сотни килограмм, удержать его на весу было почти невозможно, локоть скрежетал, пытаясь выдержать невероятную нагрузку. Но Соломон каким-то образом направил его в нужную сторону. И ощутил мягкое сопротивление, когда хромированный ствол уперся в живот Пацци.

Выстрел прозвучал совсем негромко. Просто гулкий хлопок. Но Пацци отшатнулся, выронив шприц, стекло жалобно звякнуло, ударившись об пол. В воздухе поплыл едкий запах, от которого Соломона замутило с новой силой. Но это был не запах горелого мяса, как ему показалось сперва, а запах тлеющей ткани на костюме Пацци. Оказывается, дорогая ткань отвратительно пахнет, когда тлеет.

Региональный вице-капореджиме недоуменно уставился на уродливую дыру в своем пиджаке. Выглядела она действительно очень неприятно, ни один портной не возьмется исправить. Пацци некоторое время смотрел на нее, даже, кажется, хотел пощупать пальцем. Но не успел. Силы покинули его, очень быстро, вылились подобно вину из пробитой бутылки. Он зашатался, попытался схватиться рукой за подлокотник нейро-терминала, но не смог даже этого. Рухнул на пол, едва не сорвав с кронштейна дисплей. Ноги его поджались к животу, по засыпанному цементной перхотью полу поползло из-под дорогой серой ткани что-то темное и жидкое, превращаясь в комковатую грязь.

Соломон, не выпуская пистолета, развязал ремни, удерживающие его ноги. В голове все еще звенело, но кое-как подняться он смог. Ужасно болела правая нога, коленом которой он ударился об пол. Но пистолет в руке уже не дрожал.

- Сеньор Пацци! – позвал Соломон негромко, - Сеньор Пацци!

Пацци был жив. Он поднял на Соломона глаза, такие же насмешливые, как и прежде. Разве что металл в них чуть потускнел. Стал похож на долго не чищенное столовое серебро.

- Что вам угодно, сеньор детектив? Постарайтесь не злоупотреблять моим вниманием… Видите ли, мне немного нездоровится.

Шприц лежал в нескольких сантиметрах от подрагивающих кончиков пальцев с безукоризненным маникюром. Соломон раздавил его подошвой ботинка, испытав удовлетворение от тихого хруста.

- Должно быть, вас просквозило, - сказал Соломон, едва удерживая стремительно обмякающее тело в вертикальном положении, - В Фуджитсу всегда был прохладный климат. Зря вы

сюда приехали.

- Не беспокойтесь, сеньор… - Пацци поперхнулся, в горле у него что-то булькнуло, - Скоро… Скоро я окажусь в местах, где несравнимо теплее. Пожалуй, я заслужил это… Небольшой… отпуск.

Соломон с удовольствием понаблюдал бы, как жизнь медленно покидает Пацци, как он превращается в сверток из материи и плоти, бесчувственный и неподвижный, но оставался один вопрос, на который надо было получить ответ.

- Кто вам сдал меня? – спросил он, направляя пистолет в лоб умирающему.

- Что?

- Кто рассказал вам про бомбу в моей голове?

- Ах, это…

Пацци попытался улыбнуться, его губы двигались необычно резко, дергано, точно организм постепенно терял управление мелкими мышцами. Когда он заговорил, голос, когда-то звучный и мелодичный, походил на шепот чахоточного больного.

- Хотите… эххкх… узнать, кто… оказал вам эту услугу?

- Хочу, - подтвердил Соломон, - Хочу знать, кто сдал меня Мафии. Кто это был? Кто-то из детективов Транс-Пола?

Он хотел было схватить Пацци за лацкан и хорошенько тряхнуть, но вовремя сообразил, что тот и так едва жив. Можно окончательно вытряхнуть душу. Пожалуй, будет счастьем, если вице-капореджиме хватит на несколько вдохов. Соломон видел, как стремительно тускнеют его глаза. Кажется, они уже видели что-то помимо полупустой комнаты и распростертых тел. И увиденное обладало способностью зачаровывать смотрящего – моргал Пацци все реже и реже.

- Акххг… Извините, с-ссеньор… У меня… ахххххх… в контракте есть пункт…. О не… нер-р… неразглашении. Я верен своей корпорации.

- Срок твоего контракта истекает, приятель. Я бы на твоем месте подумал еще раз.

Получилось почти как у Керти Райфа. Лишь через несколько секунд, которых Пацци хватило для очередного судорожного вздоха, Соломон вспомнил, что Керти действительно произносил схожую фразу в кинофильме. Ну да, он допрашивал гангстера и именно так и сказал, «я бы на твоем месте подумал еще раз». Забавно, отчего страх смерти оживил именно это воспоминание об «Алом в ночи». Должно быть, какая-то сложная цепочка подсознательных ассоциаций…

- Дурак вы, сеньор… Имброгиаре… Вы ведь… кххх… кххх… скоро… кххх-х… окажетесь на моем месте. Этот человек… Он…

Он сказал мне о нейро-бомбе в вашей голове. Предупредил. Хитрый, осторожный мерзавец…

Соломону показалось, что холод пистолетной рукояти потянулся по руке, достиг плеча и проник прямо в сердце, покрыв его тяжелой ледяной оболочкой.

- Кто он? – спросил Соломон жестко, - Имя!

Пацци улыбнулся. Он умирал, но в его глазах было торжество. Словно у бретера из древнего Пьера-Кардена, который получил смертельную рану, но успел захватить противника на тот свет.

- Бо…

- Кто? – рявкнул Соломон, хватая Пацци за плечи, - Кто?!

- Бо… - тот уже задыхался. Челюсть подрагивала, а грудь никак не могла достаточно подняться, чтоб легкие набрали воздуха, - Б-ббо…

- Имя! Имя!

- Бобе…

Соломон в мгновение ока сам ослабел настолько, что выпустил Пацци из хватки.

- Бобель? – пробормотал он, всматриваясь в лицо умирающего, - Бобель? Комиссар Бобель?

Пацци ничего не ответил. Голова его дернулась, точно он пытался кивнуть. А может, это было уже конвульсией. По его острому породистому подбородку ползла, расширяясь, густая багровая клякса. Глаза – две блеклые жестяные плошки. Пустые, как дисплей нейро-терминала.

Шатаясь, Соломон поднялся на ноги, не глядя засунув тяжелый пистолет за ремень. Как делал это Керти Райф в каком-то старом кинофильме, но сейчас он сам этого не заметил.

Комиссар Бобель.

Человек, подсунувший Мафии вкусную и сочную наживку – комиссар Бобель. Глава Транс-Пола в Фуджитсу. Человек с оловянными солдатиками. Он сдал своего детектива головорезам, рассказав про его тайный и очень заманчивый груз. Соломон вспомнил сцену в его кабинете.

«Значит, считаете, что всякую бомбу можно разрядить?.. - спросил комиссар Бобель, пытливо глядя на Соломона, - Итак, сдайте ваше оружие».

Он не просто сдал его, как мелкую карту. Наверняка именно он позаботился о том, чтоб Пацци связался именно с Бароссой. Знал, что Баросса не удержится, сообщит своему старому приятелю Соломону об удаче. Надо же, сама Мафия готова выдать нам нейро-маньяка, прыгай скорее в машину, старик…

Дурак. Имброгиаре, как сказал мертвый вице-капореджиме.

Соломон отправился прямо в пасть мафии, заботливо разоруженный комиссаром. Наживка не должна сопротивляться, когда ее будут глотать.

Какой-то резкий звук отвлек Соломона, разрушил хрупкий, сотканный из мыслей, кокон. Неприятный, тревожный звук, от которого сами собой напряглись мышцы. Даже рука дернулась к пистолету, замерев на полпути. Это был лишь сигнал телефона. Соломон даже не думал, что в недостроенном доме может быть подключенная телефонная линия, но, повернувшись на звук, увидел самый настоящий телефонный аппарат. Потрепанный, из грязно-белого пластика, он оглашал воздух трелями, терпеливо ожидая, когда кто-то снимет трубку. Кроме Соломона в комнате было шестеро человек, но ни один из них не пошевелился.

Может, звонит кто-то из высокопоставленных функционеров Мафии? Или сам Бобель? Не терпится справиться, как прошла операция и упокоился ли сладким сном детектив Пять?..

Медленно и очень осторожно, точно телефонный аппарат был хитрой миной, Соломон поднял трубку и поднес ее к уху. Сперва он ничего не слышал, кроме гула помех. А потом какой-то голос спросил:

- Ну как ты? Цел? Я слышал перестрелку. Все закончилось?

- Да, - пробормотал Соломон, пытаясь восстановить контроль над голосовыми связками, снова сделать их гибкими и послушными, - Все кончено.

- Хорошо. Я не был уверен, что ты справишься, решил немного подыграть. Конечно, это нечестно, своего рода нарушение правил. Но я решил изменить правила. Иногда это необходимо. Ты принадлежишь мне, а не этому выскочке Пацци, решившему урвать свой кусок праздничного пирога.

Соломон не стал спрашивать, кто тут праздничный пирог.

- Изменить? Это ты уложил тех пятерых?

В трубке раздался сдержанный смех.

- Это ты их убил, Соломон.

- Я не мог бы их убить при всем желании. Я был связан.

- Убийцы часто утверждают, что связаны. Обстоятельствами, долгом, еще чем-то… Они часто оправдываются. Ты убил их, Соломон. Ты спустил курок.

- Они застрелились!

- Ты их вынудил.

- Чепуха. Так не бывает.

- Тогда считай, что произошло маленькое нейро-чудо, - невидимый собеседник издал отрывистый смешок, - Пора бы тебе привыкнуть, Соломон, что мир наш полнится чудесами… Просто некоторые чудеса не случаются сами по себе, их требуется

немного подтолкнуть. Совсем чуть-чуть…

- Я уже видел это… - прошептал Соломон, - Спонтанное самоубийство. Карточки… Те люди тоже убивали себя внезапно и без предупреждения, словно им расхотелось жить в долю секунды! Это… Это…

- Это нейро-бомба, Соломон. Ты совершенно прав. Маленький тикающий подарок, спрятанный в твоем гипоталамусе.

- Прибытие поезда, которого нет в расписании…

- Что?.. Да. Полагаю, можно сказать и так. Впрочем, для меня это было всего лишь страховкой. Видишь ли, я не люблю Мафию и не испытываю к ней доверия. Честно говоря, эти ребята всегда вызывали у меня некоторое раздражение. Слишком жадны, слишком недалеки и слишком зациклены на своем корпоративном духе.

- Ты вставил нейро-бомбы им всем!

- Ну, я всегда был предусмотрителен. Должен же я был предполагать, что рано или поздно мои интересы пересекутся с Мафией настолько серьезно, что мне потребуется гарантия безопасности? Нейро-бомбы – прекрасная гарантия. Ты не поверишь, но более девяноста процентов мафиози в Фуджитсу носят в голове мои бомбы. Конечно, мне пришлось не один год работать, но результаты себя окупили. Знаешь, эти ребята выглядят зловеще, но совершенно не следят за собственной безопасностью. Взламывать их нейро-интерфейсы совершенно не сложно. Я был даже разочарован.

«Заставить его говорить подольше, - подумал Соломон, безотчетно впившись пальцами в телефонную трубку так сильно, словно это было горло собеседника, - Надо узнать, откуда он говорит. Проследить звонок через телефонную станцию. Это дело нескольких минут…»

Потом он вспомнил, где находится. Нет ни помощников, ни оборудования, а он не в участке Транс-Пола, а в пустом здании, в окружении строительного мусора и мертвых тел. Звонок не выследить. Значит, можно полагаться лишь на собственные уши. Разговорить собеседника, успокоить его, заставить хотя бы одним словом проболтаться… В его положении всякое случайно оброненное нейро-маньяком слово драгоценно…

- Значит, ты перехитрил мафиози? Очень неплохо. Я бы даже сказал, профессионально.

И снова смешок в трубке, колючий, как обрезок стальной стружки.

- О, Соломон, не льсти мне. Это ведь по памяти ты следуешь стандартной инструкции для переговоров с преступниками? Польстить, выказать уважение, завоевать доверие… Я читал эту

инструкцию, смертная скука. Не оскорбляй меня, в конце концов, я же тебя спас. Неужели ты этого не ценишь?

Хитрый ублюдок. На редкость хитрый ублюдок. Соломон ощутил боль в лицевых мышцах, и только тогда понял, что на его лице замер оскал.

- На Пацци твоя бомба отчего-то не сработала. Дефектный товар? Или теряешь сноровку?

- Ты про Франчезко Пацци? О, он один из немногих, кто проявлял похвальную осторожность. Ему мне так и не удалось внедрить нейро-бомбу. Зато остальные, в том числе и его руководство, подобными чертами не отличаются. Представь, достаточно спустить невидимый курок – и тысячи человек в Фуджитсу одновременно прострелят себе головы, вскроют вены или разобьют головы о бетонные стены. Захватывающе, правда?

- Еще как… И что же это за крючок? Как ты заставил людей умереть?

- Не я. Ты, Соломон.

- Хорошо. Как я заставил их умереть?

- Ты ведь уже знаешь, что нейро-бомба может спать в голове сколь угодно долго. Заставить ее сработать может лишь определенный код. Как код на запуск ракеты. Мысль, слово, чувство… Иногда, чтоб бомба сработала, человек должен что-то испытать или о чем-то подумать. Например, ощутить запах мисо-супа. Или подумать о лисьих хвостах. Курок – условность, его спускает твой мозг. Но в данном случае это были просто слова. Ты сказал то, что оказалось спусковым крючком.

Соломон замер, потому что в одну крошечную секунду все понял.

Спусковой крючок. Слова.

Но это были не его, Соломона, слова. Это были слова Керти Райфа, детектива из киноленты, которую мало кто помнит. Просто, по стечению обстоятельств, произнесли их губы Соломона.

«Знаете, но в этом мире убивает не только курение…»

Он сам безотчетно сказал это. И пятеро человек, услышав эту фразу из старого кинофильма, спокойно достали пистолеты и разрядили их себе в головы. Наверно, они даже не успели испугаться до того самого момента, когда пороховые газы и свинец не превратили их мозги в слизкие клочья, разбросанные по всей комнате.

Кажется, тело Соломона начало потеть азотной кислотой. Спину и грудь стало нестерпимо жечь, пластик телефонной трубки заскользил в пальцах, враз сделавшись скользким.

- Я заставил их убить себя.

- Да. Я зарядил револьвер, а ты спустил курок. Мгновенный и необоримый суицидальный порыв. К счастью, у них было оружие. Если бы его не оказалось, тебе, полагаю, ждало бы малоприятное зрелище. Иногда людям приходится разбивать голову о стену… Или вырывать себе кадык. Пистолет куда гуманнее.

- Но как ты узнал? Как ты узнал, что я скажу эту фразу? Она же из старого кинофильма, кто мог знать о том, что я вспомню именно его? И именно эту чертову фразу про курение?

- Не будь дураком, Соломон, - посоветовал голос, явно наслаждавшийся его недоумением, - Ты только что провел несколько минут в нейро-кресле. Этого хватило мне, чтоб немного подновить твой интерфейс. Незаметно для сеньоров в костюмах, разумеется. Нет, не переживай, я не внес серьезных изменений. Просто привил тебе любовь к некоторым классическим фильмам и курению. Достаточно невинно, не правда ли? Дальше все произошло само собой. Это как запустить хорька и зайца в одну клетку – ты не управляешь никем из них, но рано или поздно случится то, что должно. В твоем случае так и произошло.

- У меня нейро-шрамы, - сказал Соломон голосом, которому явно недоставало убедительности, - Ты не мог поставить мне новый софт.

- Но я поставил. Нейро-шрамы – неприятная вещь, но даже их можно обойти. Если знать, как, конечно. Извини. Теперь тебе придется заново бросать курить, и в этот раз будет сложнее.

В трубке затрещало – кажется, собеседник на том конце провода засмеялся. Соломону захотелось оказаться рядом и вбить телефонную трубку ему прямо в оскалившуюся пасть. Так, чтоб полетели осколки пластика и кости. Чтоб на костяшки пальцев брызнула свежая кровь. Чтоб…

- Значит, следишь за мной? Беспокоишься за своего приятеля, да? Не можешь оторваться? Кайфуешь? – он заставлял себя сдерживаться, но это давалось все труднее. Очень не хватало ледяного спокойствия настоящего Соломона Пять.

- Нет, - голос стал холоднее, поскучнел, - Просто испытываю интерес к некоторым своим… творениям. Ты интересен, Соломон. Совсем не такой, как этот унылый тип, Эмпирей Тодд. Он готов был лишь плакать и унижаться. Неудивительно, что он скоро умер. Такие, как он, долго не живут. А ты… У тебя может быть иной срок.

Соломон до хруста сжал зубы. Он не спросит. Нейро-ублюдок не дождется. Сейчас он, конечно, прижал трубку к уху в сладострастном ожидании. Хочет услышать страдание и ужас в голосе Соломона. Ведь он знает, какой вопрос последует.

Неизбежный, мучительный, страшный вопрос.

Ладно, он спросит. Но не сразу, выдержит паузу. Даст мерзавцу понять, что не он управляет оркестром. Просто небольшая пауза в несколько ударов сердца…

Но тело не послушалось Соломона. Оно жило своей жизнью. Оно затрепетало и выдохнуло похолодевшими губами:

- Какой срок? Сколько у меня осталось времени?

Человек на другом конце провода вновь засмеялся. На этот раз, кажется, с укоризной.

- Извини, Соломон, но этого я тебе сказать не могу. Видишь ли, это тоже часть правил. Я уже один раз позволил себе их нарушить.

- Чего ты от меня хочешь?

Тишина. Если бы связь прервалась, Соломон услышал бы гудок. Но она не прервалась. Человек на том конце провода, человек, укравший жизнь и душу Соломона, молчал, над чем-то размышляя. Или же чем-то наслаждаясь.

- Это совершенно неважно, - наконец сказал он, когда Соломон уже едва сдерживал крик, - Поверь мне. Это совершенно не имеет значения.

Соломон почувствовал, что собеседник сейчас положит трубку. И тончайшая нить, которая протянулась между ними, мгновенно оборвется. И он вновь останется блуждать вслепую по городу серого камня под неоновым небом. До тех пор, пока невидимый таймер в его голове не издаст условленный сигнал. После которого не будет уже ничего, даже осточертевшего за столько лет Фуджитсу…

- Не клади трубку! – от его крика коротко звякнули стекла, - Стой! Слышишь, ты? Стой! Пожалуйста! Я только хочу знать… Понимаешь, ты… Зачем ты это со мной делаешь? Пожалуйста!.. Просто не клади трубку. Скажи мне…

Гудки. Тяжелые, размеренные. Нитка оборвалась.

Соломон медленно положил трубку и прижал разгоряченную ладонь ко лбу. Надо уходить – это шептал ему опыт. Даже в пустом доме кто-то мог услышать стрельбу. А тут – шесть мертвых тел с оружием в руках. И он сам, с чужим пистолетом за поясом. Об этом сразу же доложат комиссару. И тогда… Соломон не хотел знать, что будет тогда.

Возможно, Бобель придумает план получше, который уже не расстроить нейро-маньяку, взявшему по совместительству к роли его мучителя еще и роль ангела-хранителя. Возможно, он сделает еще проще. Просто засунет Соломона в подвал Транс-Пола, обвинив в нескольких убийствах. И там уже, не торопясь и никого не стесняясь, получит свое. Судя по всему, у Бобеля очень тесный

контакт с Мафией. Настолько тесный, что комиссар спокойно распоряжается менеджерами высшего уровня вроде покойного Франчезко Пацци, натравливая их на собственных детективов… Интересная завязка.

Вывод прост и безнадежно очевиден. Ему нельзя связываться с Транс-Полом. Если комиссар Бобель по каким-то причинам желает его смерти, он своего добьется. Соломон слишком хорошо знал своего комиссара. Этот человек всегда получает за свой столик именно то, что заказывает в меню. Он такой же хищник, как и Пацци, только другой породы. Более сдержанной, но не менее кровожадной. Таком нельзя попадать в когти.

Надо рвать с Транс-Полом. Болезненное решение – точно отрываешь от себя висящую на лоскутах кожи часть тела.

«Нейро-маньяк отобрал у меня больше, чем кусок нейро-софта, - подумал Соломон, безучастно разглядывая мертвые тела на полу, - Сперва он взял мою душу, потом – моих друзей и мою жену. А теперь он забирает и мою службу. Больше ничего не осталось от прежнего Соломона».

Он шагнул к двери, но почти сразу же остановился. Дверь открыта, но куда идти?

Путь домой заказан. Только полнейший идиот не оставит там засады. А комиссар Бобель никак не идиот. Баросса? Коротышка Лью? Маркес? Слишком очевидно. Друзей и приятелей проверяют в первую очередь. Анна? Тем более. К тому же, находиться с ней под одной крышей – пытка. Найти убежище на улицах Фуджитсу? Совсем безнадежно. Конечно, он знает множество подходящих мест, укрытий и подпольных гостиниц, все-таки он когда-то был хорошим детективом, а детективам приходится знать такие вещи. Но на улицах везде подобно едкой вони крысиной мочи ощущается запах вездесущей Мафии. На Мафию работают вышибалы в подпольных клубах и проститутки, шоферы такси и завсегдатаи пивных. Нельзя пройти по улице так, чтоб об этом не узнала Мафия. А у нее к нему много, слишком много вопросов. Которые она не замедлит удовлетворить. В этот раз они пришлют новую версию сеньора Пацци, но в таком же отличном костюме. А с ним – не пятеро, а дюжину стрелков. Очень упорная организация, очень целеустремленная, как говорится, положительно-мотивированная…

Соломон неожиданно улыбнулся. Кажется, в этом городе у него остался только один человек, способный его спасти. И то, только потому, что это не вполне человек.

Он вернулся к столу и взял в руку телефонную трубку, все еще теплую после его прикосновения. Быстро набрал номер. По счастью, хорошая память на цифры не принадлежала единолично

покинувшему тело Соломону Пять.

- Алло, - сказал он, когда трубку сняли, - Здравствуй, Энглин Кейне Нул. Это детектив Идинахренотсюда. Кажется, мне опять нужна твоя помощь.

ГЛАВА 17

- У тебя есть дома оружие?

- Что ты имеешь в виду? Какое оружие?

- Любое. Все, чем можно убить. Ножи, пистолеты… я не знаю. Любое оружие.

Энглин приподняло бровь. Нынешнее Энглин было спокойно, даже кротко, оно не хохотало, не швырялось ругательствами, не корчило гримасы, но, вместе с тем, и не выглядело впавшим в депрессию. Пока Соломон осматривал квартиру, в каждой комнате ожидая увидеть засаду и направленный в лицо пистолет, Энглин молча следовало за ним, терпеливо ожидая объяснений. Готовит какую-то пакость? Соломон украдкой следил за лицом нейро-вандала, но ничего подозрительного на нем не обнаружил. Совсем напротив, обнаружил там беспокойство и тревогу. Вполне нормальные эмоции для человека, в чей дом среди ночи вламывается человек в мятом и оборванном костюме, с горящим взглядом и дрожащими от нервозности руками.

А нервозность была, она скребла его изнутри, заставляя руки мелко дрожать, а губы постоянно высыхать. Он ожидал чего угодно. Даже здесь, в единственном безопасном месте Фуджитсу, он ощущал опасность. Не явную, а скрытую, тревожную, сродни шелесту змеиной чешуи в густой траве. Эта опасность была везде. Она наполнила собой темные улицы города, она насмешливо скрипела ему вслед со старых крыш, она пульсировала в рисунке городских фонарей и забиралась ему за пазуху липкой и ледяной рукой сквозняков.

Нет, квартира Энглин не была по-настоящему безопасным местом. Слишком многие могли о ней знать. Тем более глупо было просить помощи у существа непонятного возраста и пола, которое мыслило совершенно непонятными ему категориями и обитало в жилище, больше похожем на мусорную свалку. Кто знает, что крутится у него в голове?.. Почему оно станет помогать ему? Что оно вообще такое?..

Засады не было. Было знакомое ему нагромождение вещей, совершенно не вяжущихся друг с другом. Набор для вышивания лежал на пишущей машинке с заправленным листом, а наполовину разобранный велосипед соседствовал с набором изящной фарфоровой посуды. Человек, обитавший здесь, не мог быть в своем уме. И именно от этого человека сейчас зависела жизнь Соломона.

- У тебя есть дома оружие? – повторил он, - Да. Оружие.

Живее же, Энглин. Найди мне все, что может стрелять или резать.

- Зачем тебе оружие, Соломон?

Оно впервые назвало его Соломоном. И сделало это так мягко, что тот осекся.

- Это важно. Сейчас и для меня. Пистолет Пацци я оставил там, но вдруг… В общем, найди мне все, что может представлять опасность. Пожалуйста, Энглин.

Энглин не стало больше задавать вопросов и, неуверенно кивнув, отправилось на поиски. В этот раз оно не дурачилось и не резвилось, в его движениях появилась вполне взрослая неспешность. Даже, наверно, какая-то нехарактерная прежде плавность.

Соломон думал, что поиски затянутся надолго, учитывая, сколь плотно квартира Энглин была забита вещами, но он успел выкурить лишь две сигареты на кухне, прежде чем Энглин появилось на пороге, держа что-то в руках.

- Вот. Эта штука представляет достаточную опасность?

Это был короткоствольный револьвер, маленький, но удивительно тяжелый.

- Да, - сказал Соломон, возвращая его Энглин, - Вполне. У тебя есть только это?

Энглин утвердительно кивнуло. На Соломона оно глядело немного настороженно, явно нервничая, но при этом хорошо владело собой. Это показалось ему добрым знаком.

- Возьми. Кажется, у меня действительно кое-что завалялось. Старый, но, кажется, в хорошем состоянии…

- Нет, - он отстранил руку, протягивающую ему револьвер, - Это ты возьми. И держи при себе, хорошо? И вот что… Ни при каких обстоятельствах не позволяй мне его взять.

Оно взглянуло на него с выражением тревожного любопытства. Внимательные серые глаза пытливо уставились на него. Соломону показалось, что с тех пор, как он в последний раз побывал в квартире под номером сорок два, прошло лет десять. Это Энглин нельзя было спутать с подростком, потому что оно совершенно точно им не было. У подростков не бывает такого взгляда.

На мгновенье у него возникла безумная мысль. Что в этом старом разваливающемся доме существует несколько десятков одинаковых квартир, в которых живут сумасшедшие близнецы, отличающиеся только лишь нравом. Но по всему выходило, что это маловероятно. Второй настолько невозможной комнаты не могло существовать во всем Фуджитсу.

«Оно просто безумно, - подумал Соломон, избавившись от револьвера и наблюдая за озадаченным выражением на лице

Энглин, - Да. Разумеется. Это все объясняет. Этот нейро-вандал просто спятил, уродуя чужие нейронные цепи. И у него, как у всех душевнобольных, часты резкие смены настроения. Это понятно».

Энглин не выглядело безумцем. Просто это было другое Энглин, Соломону до этого момента не знакомое. И, пожалуй, из всех существующих в мире Энглин оно было самым приятным.

- Так, пожалуй, с меня довольно странных вещей на сегодня, - сказало оно, садясь на стул, - Наверно, тебе придется кое-что мне объяснить, да, Соломон? Зачем мне этот револьвер?

- Затем, чтоб я ее не использовал против себя же. По крайней мере, если нейро-бомба сработает, мне придется проявить изобретательность…

Энглин тяжело вздохнуло.

- Какой день? – спросило оно напрямик.

- Шестой, - сухие губы заскрипели, не в силах сложиться в улыбку, - Я на пороге рекорда. Никто из жертв нейро-маньяка не прожил больше недели. Я живу с этой тикающей штукой в голове шесть дней. И полночь уже близко. Значит, я на пороге. Понимаешь? В любой момент… Семь дней. Бум.

- Бум… - рука Энглин дернулась, словно инстинктивно пыталась лечь на плечо Соломону, но все-таки осталась на месте, - Понимаю. Извини.

Семь дней… Невозможно. Соломону казалось, что его новая жизнь длится несколько месяцев. А это были всего семь неполных дней. За семь дней он потерял все. Потерял себя, потерял службу, потерял друзей, жену и будущее. А может, это не он потерял, а весь мир. Огромный мир просто взял – и потерял Соломона Пять. С конвейера с зерном просто упало одно крошечное зернышко. Скользнуло между шестернями, никем не замеченное, и кануло в темноту. Но конвейер этого даже не заметил. Шестерни жизни продолжали вращаться. Всего лишь одно маленькое потерянное зернышко…

- Ты можешь узнать его по голосу? – спросило Энглин. Возможно, чтоб отвлечь Соломона от тягостных размышлений. Размышления эти колыхались, как гнилое тряпье на ветру, заслоняя все окружающее.

- А? Нет, - Соломон помотал головой. Скорее для того, чтоб разогнать хоровод вьющихся стервятниками черных мыслей, - Этот тип хорошо изменял голос. Говорил сквозь ткань и нарочито медленно. Опытен, подлец. Так делают те парни, которые не хотят, чтоб их узнали по телефону, это старый трюк. Нет, я не смогу его опознать, даже если он окликнет меня на улице.

Энглин склонило голову, разглядывая его из-под густых вихров:

- Кое-что ты о нем все-таки узнал.

- Только то, что он следит за мной.

- Не просто следит, - заметило Энглин, подняв тонкий полупрозрачный палец, - Очень внимательно следит. Как ревнивый любовник. Ты ему ужасно интересен, детектив Соломон Пять или детектив Идинахренотсюда... Как видишь, он даже использовал свои нейро-бомбы, только бы не расставаться с тобой на день раньше срока.

- Думаю, у него скопился солидный арсенал. Хватит на меня, и еще на многих. Он может развлекаться до самой старости. Интересно, сколько чужих жизней он уже прожил? Дюжину? Сто?..

- Он использовал нейро-бомбы, свое самое серьезное оружие, - сказало Энглин многозначительно, - Ради тебя. А ведь это не пшик из бутылки. Он стал врагом Мафии. Он привлек к себе внимание множества людей. Хотя именно чужое внимание нужно ему менее всего. Он ведь мог тебя просто бросить там, да? Позволить коновалам Мафии разобрать твой мозг по кусочкам, как мозаику. А сам бы нашел другую игрушку. Что ему стоит?

- А вместо этого он заставил пятерых джентльменов продырявить себе голову, - Соломон вновь достал узкий серебряный портсигар Франчезко Пацци и вытряхнул из него сигарету, - Он психопат, Энглин. Он наслаждается чужой болью и чужими страданиями. Думаю, он просто хотел развлечь себя.

Но Энглин, кажется, отличалось настойчивостью во всех своих ипостасях.

- Ты сам говорил, что он психопат другого рода. Он хищник, бьющий один раз и наверняка. Не выходящий из тени. Скользкий и до крайности осторожный. Такие не устраивают праздничный фейерверк с приглашенными мафиози. И вместо того, чтоб найти новую жертву, как он обычно поступал, нейро-маньяк вдруг изменил правила игры. Это о чем-то ведь говорит, так? Давай подумаем, о чем же.

Соломон выпустил дым под потолок. Табак горчил на языке, а дым изо рта вырывался рваными клочьями, как из старого и разношенного автомобильного глушителя. Надо же, отвык курить за столько лет…

- Он не просто охотник, Энглин. Он безумец, фиксирующийся на своей цели, как ракета. Видимо, жертва, чьей жизнью он живет, на какой-то момент становится для него фетишем, к которому он намертво прикипает. Объект извращенной и безумной любви, - Соломон усмехнулся, но смешок превратился в отрывистый кашель, - Он действительно наслаждается болью и отчаяньем. Но он не просто уличный убийца и вор, он изысканный гурман,

знающий цену деликатесам, его не прельщают объедки. Ему нужны мои боль и отчаянье. Мои и только мои. Поэтому он выжмет меня до капли.

- Бутылку дорогого вина не оставляют недопитой, - кивнуло Энглин, морщась от табачного дыма, - Хотя ты уже стал настолько кислым, что скорее похож на уксус, чем вино. Конечно, повода для радости нету, но ведь, как говорится, даже у каждой палки есть два конца!

- Угу, - Соломон с отвращением взглянул на сигарету в собственной руке и вновь затянулся, - Только иногда с одного конца у нее приклад, а с другой – дуло. А ты слишком поздно понимаешь, каким именно концом она на тебя смотрит.

Смотрит…

Соломона тряхнула изнутри короткая и острая, как удар током, судорога.

Нейро-маньяк, во всех смыслах укравший его мысли, не станет далеко уходить от жертвы. Он всегда будет держаться где-то рядом, незаметный и бесшумный. Смотреть за ним, наблюдать за последними минутами существования Соломона. Возможно, он следит даже сейчас. Какой-нибудь мощный бинокль…

Соломон отодвинулся от окна, в котором была ночь. Здесь, на окраине, ночь была другой, глубокой и пугающей. В ней не было россыпи неоновых светлячков, к которым он привык, не было верениц уличных фонарей, похожих на растянутые вдоль улиц нитки бус. Только пустота, только отсутствие всего сущего. Как внутри него самого.

Соломон переставил стул так, чтоб сидеть подальше от оконного проема. Занавесей в захламленной квартире Энглин не было, оттого всякий, сидевший напротив окна, должен был представлять собой превосходную мишень. Впрочем, одернул он себя, это пустая предосторожность. Оружие этого парня – не винтовка.

Энглин сразу поняло предмет его беспокойства.

- Хвост отсечь не пробовал? – спросило оно, шутливо дергая себя за вихры и изображая растущий из затылка хвост.

Разумеется, он пробовал. Прежде чем зайти в знакомый дом, Соломон несколько часов пытался поймать неуловимого преследователя. Делал резкие повороты, прятался в густой темноте переулков, менял направление, подолгу застывал под прикрытием заборов, в общем, использовал все старые трюки детективов Транс-Пола. Но так никого и не увидел. Если нейро-маньяк и шел по его следу, он делал это столь виртуозно, что тягаться с ним Соломон не мог. Не то, что от него осталось. Будь он самим собой, выход бы нашелся. Настоящий Соломон, с его

чутьем, с его охотничьим хладнокровием, выдержкой и логикой что-нибудь придумал бы. Он всегда придумывал.

- У меня осталось не более дня, - прошептал Соломон, забыв о присутствии Энглин, - И самое паршивое то, что мне некому довериться.

- Как на счет твоих приятелей из Транс-Пола?..

- Я не знаю, кого из них можно считать приятелем. Комиссар Бобель работает на Мафию. Это я знаю наверняка. Подумать только, сам глава Транс-Пола – мафиози! Что тогда можно сказать про его подчиненных? Кому из них я могу верить? Я ведь и самому Бобелю доверял без малого десять лет…Если Транс-Полом командует Мафия, как знать, кто еще у нее на поводке? Может, половина детективов нашего участка?

- А тот, с которым ты приходил? Детектив Шкаф?

Баросса. Верный приятель, старый пират. Всегда плечом к плечу, всегда рядом. Может, он уже мертв. Лежит на грязном полу нейро-клиники, брошенный своим товарищем, с дырой во лбу. А если нет? Если он все еще ищет Соломона? И если ищет – для чего? Из уважения к памяти своего бывшего коллеги, Соломона Пять, которого больше нет? Или он в одной упряжке с Бобелем? Ведь как ловко он умудрился прихватить Соломона с собой на облаву в нейро-клинике… Будто знал, какая участь ему там уготовлена.

«Только не Баросса, - сказал внутренний голос, и получилось это глухо, как будто звучал он в пустом выжженном бункере, а не в человеческой голове, - Ты знаешь его много лет. Это же Баросса. Он всегда был честным детективом и надежным товарищем. Такие не предают».

«Глупец, - фыркнул другой голос, холодный и насмешливый, похожий на голос покойного Пацци, - Ты все еще пытаешься пользоваться глазами в мире, где иллюзий давно стало больше, чем реальных вещей. В мире, где форма не значит ничего, а содержание – и того меньше. В этом мире, в Городе Серого Камня, люди меняются душами по настроению. Здесь давно стало модно быть не собой, а кем-то другим. И ты еще осмеливаешься говорить о дружбе, о постоянстве? Что такое «Баросса»? Имя, сочетание звуков. Щелчок нейро-корректора – и он станет незнакомым тебе человеком. Ты ничего не знаешь о том, что творится у него внутри. Или о том, что будет твориться через минуту».

Этот второй голос был прав. Пока он не может доверять даже Бароссе. Даже Энглин, если на то пошло. Соломон осторожно взглянул на приютившее его существо.

Энглин терпеливо сидело на стуле, ожидая его ответа. Руки

оно по-женски скрестило на груди, да и выражение обеспокоенности, не сходившее с его лица, едва ли подходило мужчине. Мягкий взгляд темных, как брусничный чай, глаз, внезапно успокоил его. Револьвера в руках Энглин не было. В течение всего разговора оно вертело оружие в руках, явно тяготясь его грозным весом и наконец отложило на кофейный столик.

Соломон внезапно рассмеялся. Энглин удивленно взглянуло на него:

- В чем дело?

- Вспомнил кое-что. Неважно. Или важно? Уже сам не пойму.

- Ну так скажи, - попросило Энглин, стараясь скрыть зевок тонкой бледной ладонью. Оно уже выглядело сонным. Неудивительно, учитывая, что до рассвета оставалось всего несколько часов. Всю ночь оно не смыкало глаз.

- Не обращай внимания. Ерунда какая-то вспомнилась.

- Все равно расскажи.

- Это очень скучная штука, - серьезно сказал он, - Ты заснешь.

- Я не хочу засыпать, - сказало Энглин, тряхнув вихрами, - Мне сейчас лучше не спать. Расскажи что-нибудь, а я буду слушать. Так быстрее идет время.

- Я просто вспомнил, как однажды Анна, моя жена, показывала мне один каталог.

- Нейро-софта?

- Нет, это был другой каталог. Очень старый, лишь Макаронный Монстр знает, каких времен. Наверно, его издали при моем деде. Или даже прадеде… Там были странные и смешные товары, которых сейчас нет. Всякие, знаешь, вычислительные машины, старинные автомобили… Кажется, это называется ретро. Мужчины в необычных костюмах, гладкие, как чехлы от зубных щеток, автомобили, нелепые крошечные телефоны, которые тогда носили в кармане…

Энглин слушало его молча, откинувшись на спинку стула. Оно выглядело уставшим, сонным и почти беззащитным. Соломону пришлось напомнить себе, что это не девушка и не ребенок, это матерый преступник, нейро-взломщик и вандал, способный вывернуть человеческую жизнь наизнанку. Взломщик странный, противоречивый, непонятный, загадочный, но все же предельно опасный. Сегодня он ведет себя мягко и предупредительно, но это не значит, что через день он не встретит Соломона отборной бранью или тем самым револьвером, что лежит, забытый, на кофейном столике.

«Если он у меня будет, этот день, - подумал Соломон, наблюдая за тем, как Энглин клюет носом, - Если он у меня

будет…»

- Так вот, я вспомнил одну из картинок. Кажется, она рекламировала какие-то курсы по изучению языков. Или курсы косметики? Не помню совершенно. Там было написано – «Измени себя к лучшему». Измени себя, понимаешь? Это было до изобретения нейро-корректоров. Но и тогда люди хотели изменить себя. Платили огромные деньги, чтоб изменить себя. Понимаешь? Проводили над собой какие-то странные операции, меняли цвет волос, худели, учили языки. Сейчас это кажется нелепо, верно? Если у тебя лишний вес, гораздо проще поставить модуль «Счастливый толстяк» и оказаться в гармонии со своим телом, чем истязать плоть диетами. Ведь человек не здесь, - Соломон коснулся пальцем груди, - Он тут, в голове. И всегда тут был. Человек непостоянен, он всегда хочет того, чего не имеет. И телу за ним никогда не угнаться. Те люди в нелепых костюмах показались мне смешными. Они так искренне хотели поменять самих себя и с такой болезненной настойчивостью колотились в запертую дверь, не понимая, откуда исходят их истинные потребности и что надо менять. Впрочем, все-таки догадывались, пусть и подсознательно. Начинали менять не тело, а что-то другое. Меняли идеологии, вероисповедания, моральные принципы, привычки – и учились заново жить с собой. Болезненный, должно быть, процесс. Словно слепцы, которые каким-то образом умудряются идти на свет, они все-таки двигались в нужном направлении.

- Угу, - Энглин то ли кивнуло, то ли клюнуло носом.

- Ты меня слушаешь?

- Слушаю. Ты говори… - Энглин сладко зевнуло, - Не давай мне спать. Пожалуйста.

- Ты не обидишь меня, если заснешь.

- Нет… Ты не понял. Мне нельзя сейчас спать. Ведь… ты здесь. Поэтому нельзя. Понимаешь? Ну давай, говори.

Соломон улыбнулся. Какое же странное, вздорное и непонятное существо. Он намеренно говорил негромко и даже чуть напевно, чтоб Энглин быстрее уснуло. Видит Макаронный Монстр, он и так причинил ему много хлопот и волнений. Пусть спит. А револьвер… Да и черт с ним. Наивно думать, что Энглин сможет ему противостоять, если нейро-бомба сработает.

«Спи, Энглин, - подумал он с внезапной нежностью, - Не слушай самозваного Соломона с его глупыми воспоминаниями. Скоро для тебя начнется новый день».

У бывшего детектива Соломона Пять не было уверенности в том, что этот день начнется и для него. Кажется, у него вовсе ничего не было, кроме бесконечной усталости, рассыпанной в

душе серым пеплом, как по поверхности пепельницы. Но ему отчего-то казалось, что он должен успеть что-то сказать, прежде чем настанет рассвет.

- Мы всегда хотели меняться, - сказал он, разглядывая смятый окурок, - Всегда были недовольны тем, что имеем, всегда тянулись к чему-то большему, а если нет большего, к чему-то иному. Иногда мне кажется, что боги прокляли нас за это. Не Макаронный Монстр, а другие, старые, боги. Прокляли самым страшным образом. Дали нам то, что мы хотели больше всего. То, что когда-нибудь нас уничтожит. Слепец дошел до ярко горящего пламени и смело ступил в него. Что, слишком пафосно?

Энглин не ответило, только дернуло головой. Свернувшись, как ребенок, оно негромко сопело на стуле, свесив вниз тощую руку. Настоящее дитя своего времени, подумал рассеянно Соломон, корабль под тысячей разнонаправленных ветров. Какой ветер его паруса поймают завтра?..

- Мы получили то, что хотели. Возможность уйти от границ своего несовершенного тела, которые когда-то казались незыблемыми. Научились ковать тонкие материи из собственных нейронов на нейро-наковальне, быть теми, кем хочется, а не теми, кем определила нам быть ДНК или общество. Полная свобода, безбрежное море возможностей, мириады вариантов. Это ослепило нас, я думаю. Мы считали, что движемся вперед, но курс наш стал петлять. Знаешь, что? В древности люди ориентировались по Полярной звезде, она подсказывала им путь. Но одной ночью в небе вспыхнуло бесчисленное множество звезд, и все одинаково ярки. Они все были прекрасны и манили к себе, но среди них отсутствовала одна – путеводная. И мы забыли про свой путь, потому что решили, будто единого пути и вовсе нет, а смысл жизни – в познании и многообразии его способов. Мы бросились ловить звезды, теряя им счет и забывая, откуда начинали. Как заигравшиеся дети. Мы забыли про космические корабли. К чему терпеть ледяной холод безбрежного космоса, если одна-единственная кнопка может сделать так, чтоб родной дом навеки остался чарующим? К чему исследовать человеческое тело, если нажатие кнопки навсегда сделает его таким, которое полностью тебя удовлетворяет? Зачем искусство, если оно – лишь абстракция, проекция нашего внутреннего «я» на стенки разума? Искусства нет, потому что оно в головах, а их содержимое мы можем менять щелчком пальцев. Мы отринули старые лохмотья, чтоб надеть сверкающие одежды, и сами не заметили, что теряем с ними. А ведь наша планета – не бездонная бочка, знаешь ли. Мы отказались от беспроводной связи и вычислительных ЭВМ, связанных друг с другом, чтоб сэкономить электроэнергию и

тающие запасы нефти. И утешали себя тем, что это лишь осколки старого мира, которые никогда не пригодятся нам в новом, всецело покорном человеческому разуму. А ведь это не конец, наш проклятый дар навсегда останется с нами. Ресурсы планеты неизбежно тают, а мы все парим среди звезд, не обращая внимания на подступающий холод. У нас так много блестящих игрушек, что мы редко задумываемся о чем-то всерьез… Я слышал, кое-где уже испытывают автомобили на паровых двигателях. Что будет через сто лет здесь? Впрочем, я уверен, что нейро-терминалы мы отключим в последнюю очередь, прежде чем вернуться в пещеры…

Соломон взглянул в окно. Рассвет в Фуджитсу пришел раньше, чем он рассчитывал. Серая копоть медленно поднималась по небосводу, как по стеклу керосиновой лампы. Рассвет седьмого дня. Но, кажется, он забыл еще что-то сказать. Что?..

- А я, счастливчик, оказался лишен этого проклятья. И теперь смертельно страдаю без него. И буду страдать до самой смерти, я знаю.

Кажется, Энглин мирно спало. Глаза были закрыты, грудь равномерно поднималась и опадала. Непослушные вихры торчали, как и прежде, во все стороны. Наверно, надо переложить его на кровать…

Соломон облизнул губы.

- Я только сейчас подумал… Раньше, знаешь, не было повода… Что, если нейро-софт – это смертельный наркотик, подброшенный кем-то человечеству? Нейро-дурь… От него невозможно отказаться, это не в наших силах. И мы вновь и вновь впрыскиваем его в вену, забывшись в танце среди ослепляющих звезд… Красиво сказал, а? Спишь? Ладно. Я ведь тоже был одним из вас, танцующих между звезд. Я был уверен в себе и, пожалуй, счастлив. Хотя нет, не я. Старый добрый Соломон Пять… Мне кажется, он был неплохим человеком. Слишком въедливым, слишком самоуверенным, но все-таки хорошим.

Соломон в задумчивости взял со стола револьвер. Собственный страх, испытанный перед оружием ранее, показался ему смешным. Как будто револьвер может взмыть в воздух и выстрелить сам. Он всего лишь послушный кусок материи, инструмент. Глупо его бояться.

- А теперь я не вижу звезд, - сказал он так тихо, что даже не понял, вслух ли, - Все потухли. Я иду в темноте и только сейчас понимаю, как далеко забрел. Я теперь бесконечно далеко от вас. Вы – слепцы в стране тысяч огней, а я – зрячий в чертогах вечной темноты. Кто из нас в выигрыше?

Соломон взвел курок. Палец сделал это сам, без команды

мозга, просто соскучившись по знакомому тактильному ощущению. Прикосновение прохладного твердого металла похоже на поцелуй замерзших губ. Сам не зная, отчего, Соломон ощутил приятную усталость, и еще что-то, похожее на умиротворение. Наверно, так чувствует себя зритель, отсидевший долгий спектакль, замечая наконец краем глаза шевеление занавеса. Седьмой день. Долгий же был спектакль…

- Моя жизнь длилась семь дней, - пробормотал Соломон, глядя в окно, из которого потянуло холодным и липким предрассветным воздухом, - Как и полагается, я родился в муках, крича. А ухожу уставшим и спокойным. Только я постоянно думаю, кто жил за меня все остальное время. Кем был этот Соломон Пять на самом деле? Заданной последовательностью нейронов у меня в мозгу? Или тем, кем я мог бы стать? А может, просто призраком?.. Может, Соломона Пять никогда на самом деле не существовало, просто кому-то казалось, что он и есть Соломон?.. Забавно. Очень забавно.

Соломон вздохнул. В груди что-то тревожно кололо, как будто какой-то орган сорвался с крепления и теперь досаждал неправильным положением. Но Соломон отчего-то знал, что достаточно не обращать на это ощущение внимания, и оно быстро улетучится. Все в порядке. Теперь уже – в порядке. Он разобрался и все понял. И даже обидно, что это «все» оказалось таким простым.

Интересно, нейро-модели попадают на небеса? Будет забавно, если он встретит Соломона Пять где-нибудь потом. Это будет славная встреча. Они пожмут руки и подмигнут друг другу, как старые приятели. В конце концов, у них всегда найдется, о чем поговорить…

Соломон следил за тем, как над Фуджитсу поднимается солнце. Рассвет не выглядел торжественным, солнечный свет, ложившийся на кирпичные стены и ровные ряды фабричных труб, казался грязноватым, точно солнце за ночь где-то основательно выпачкалось. Чахлые деревья на пустыре казались колючими и тонкими, а асфальт – ноздреватой рыбьей чешуей.

«Хотел бы я полюбить рассвет, - подумал Соломон устало, чувствуя, как зарождающееся солнце задвигает все скопившиеся в голове тяжелые мысли по темным углам мозга, отчего голова становится тяжелой и непослушной, как несбалансированный грузовик с набитым кузовом, - Не помню, любил ли я его прежде… Впрочем, какая разница?.. Никакой разницы. Никогда никакой разни…»

Боль вспыхнула в запястье так неожиданно, что он, кажется, вскрикнул. Что-то грохнуло рядом, упало, зазвенело разбитой

посудой. Соломону показалось, что он в одно мгновенье перенесся в другой мир. Рассвет в нем не занялся, а лишь едва-едва брезжил. Вместо рассветной сырости пахло тяжелым и неприятно-сладким дымом какой-то фабрики. Были и иные отличия.

Энглин Кейне Нул, спавшее в том, прежнем мире, в этом не спало. Оно стояло напротив Соломона и напряженно глядело на него. Лицо удивительным образом разгладилось, а может, дело было в неверном рассветном освещении. Взгляд сделался уверенным и даже властным. И совершенно, черт возьми, незнакомым. В нем не было ничего от чая с брусникой. И от того Энглин, что забылось сном на стуле. И того колючего огонька ехидной злюки Энглин тоже не было.

Соломон вдруг понял, что в этом мире, куда его выдернула непонятная сила, Энглин был молодым мужчиной лет двадцати с лишним. Лицо, чьи углы вдруг заострились, взгляд, манера держать голову…

- С ума сошел? – холодно спросило его Энглин, разглядывая исподлобья.

- Что… В чем…

- Идиот. Ты чуть не вышиб себе мозги. В моей квартире. Мне кажется, ты ужасный эгоист. Ладно, о себе не думаешь, пусть. Но подумал бы обо мне. Ты представляешь себе, сколько времени у меня ушло бы, чтоб очистить комнату от содержимого твоей головы?

- Да, в ней сейчас… слишком много содержимого, - пробормотал Соломон, чувствуя, как ноги превращаются в быстро тающие свечные огарки, - Мне тоже так всегда казалось. Я… Что произошло?

Энглин наклонилось и достало из-под стола револьвер. Привычно взвесило в руке. Почему-то Соломону показалось, что с этим предметом оно управляться умеет. Хотя еще получасом ранее Энглин крутило оружие в руках так, словно впервые взяло его.

- Ты сидел с этой штукой у виска. И успел взвести курок. Не швырни я в тебя чашкой, сейчас уже лежал бы в углу.

- Я не делал этого, - попытался возразить он.

Ведь не делал. Просто смотрел в окно, чувствуя, как во всем теле собираются затхлые лужицы усталости, как в ржавом трюме давно плывущего корабля, думал о чем-то приятном, был почти счастлив… Рассвет…

- Транс, - пояснило Энглин, коротким отработанным движением пряча револьвер за пояс, - Так обычно и бывает. Твой поезд разогревает двигатели. Понял, нет? Или еще намекнуть?

- Бомба? Ты имеешь в виду, меня только что чуть не ухлопала нейро-бомба? Так она и работает?

- Да. И, судя по всему, она почти сработала.

- Но я еще жив. Значит, не сработала.

Энглин фыркнуло. Не по-детски, как прежде, а с ледяной презрительностью взрослого и уставшего человека. Давно уже не ребенка. Может, даже старика…

- Нейро-бомбы не разряжаются, идиот. Она не убила тебя только потому, что мне не хочется отмывать стену от твоих мозгов. И труп детектива Транс-Пола мне здесь тоже не нужно. Тут и без того достаточно хлама. Но ничего, думаю, в следующий раз нейро-бомба сработает наверняка. И, к счастью, в тот момент меня рядом уже не будет.

Соломон обмер. В новом мире, еще не затронутом рассветом, внезапно стало холодно. И, кажется, дело было не в солнце.

- Энглин…

- Еще не понял? Уходи. Чего смотришь? Я говорю на непонятном тебе языке?

- Энглин! – он ничего не понимал. Кроме того, что случилось что-то плохое. Неожиданное, плохое и в чем-то закономерное… Только он не мог поймать эту закономерность, хоть и чувствовал ее присутствие. Все должно быть просто. Наверняка, все устроено очень просто, он только не может…

- Спасибо за компанию, но тебе пора домой. Приятного дня, детектив.

- Я… Я думал… Думал, ты поможешь мне.

Лицо Энглин исказилось от злости. Это была не знакомая ему дерзость, не хамство, не презрение. Это была злость, которую он прежде на лице Энглин не замечал. Холодная, решительная злость.

- Не буду я тебе больше помогать. Хватит.

- Но мы… договаривались!

- Извини, но мне кажется, что наш договор пора пересмотреть. Слишком уж часто я тебе помогаю, ты не находишь? Взгляни правде в глаза, старый дурак. Ты уже мертвец. Труп. Покойник. Тебя уже ничто не спасет. Твое мертвое тело только причинит мне лишние проблемы. А у меня их и так достаточно. Уходи отсюда. И забудь дорогу обратно.

- Мы договаривались, - повторил он тихо, - Ты же помнишь?

- Помню, - кивнуло оно, - Но чего стоит договор в мире, где нет ничего постоянного? Условия изменились. Договор утратил силу. Уходи, Соломон. Твое общество – недостаточно хорошая плата за опасность. Я не хочу, чтоб сюда вломились агенты Мафии или куча детективов Транс-Пола. Поверь, у меня ушло

слишком много времени и сил, чтобы забыть про их существование.

- Я не могу уйти, - голос едва не дрогнул, - У меня же в голове бомба. Я в любой момент могу убить себя.

- И я надеюсь, что он наступит уже после того, как ты окажешься за пределами этой квартиры.

- Энглин!

- Что? – спросило оно спокойно. Бледное лицо казалось незнакомым, никогда прежде не виденным, чужим, и Соломон вдруг отчетливо понял, что оно и в самом деле чужое. Это было не Энглин, пусть даже рассерженное или ядовито-презрительное, это было нечто другое. Словно…

- Ты убьешь меня, если лишишь своей помощи.

- Да? В таком случае ты в глупом положении, старина. Потому что моя помощь убьет тебя еще быстрее.

Энглин направило на него свой револьвер. Крошечная металлическая игрушка, очень увесистая, но ничуть не дрожащая в маленькой руке. Соломон против воли уставился на нее и увидел круглое отверстие дула, скрывающее в себе кусочек непроглядной темноты. Это было крошечное окно из мира рассвета в мир, где вечно царит ночь.

- Уходи, Соломон, - сказало Энглин жестко, - Иначе я выстрелю. И ты это знаешь.

Он знал. Этот голос принадлежал уверенному в себе человеку, который не бросал слов не ветер. Соломон сделал короткий шаг к двери. Дверь казалась далекой и пугающей, как люк шлюза, единственная преграда между Соломоном и ледяным космическим вакуумом.

«Я – зрячий в чертогах вечной тьмы», - вспомнилось ему, но чьи это слова, он не знал.

Второго шага он не сделал.

- Ты не выстрелишь, Энглин, - сказал Соломон, борясь с желанием облизать губы.

Энглин обожгло его ненавидящим взглядом. Соломону показалось, что он услышал, как скрипнул спусковой крючок. Наверно, его слишком долго не смазывали. Скорее всего, револьвер слишком долго валялся где-то в углу, среди пыли, прежде чем его коснулась нужная рука. Рука одного из тех, что танцуют среди звезд.

- Выстрелю, - пообещало Энглин, неприятно ухмыльнувшись.

- Нет. Не выстрелишь. И еще ты поможешь мне.

Оно насмешливо подняло бровь.

- С чего бы ради мне делать подобную глупость?

- Оттого, что я знаю, кто ты.

В глазах Энглин мелькнуло удивление. Но быстро пропало.

- Я – Энглин. К.Н. Энглин.

- И да и нет. В зависимости от того, как тебе хочется себя называть. У тебя ведь может быть много имен, так ведь?

Энглин нахмурилось. Момент неуверенности был короткий, но Соломон его видел.

Этого было довольно.

- Убирайся, - процедило существо с револьвером в руке, - Иначе, клянусь всем на свете, я размозжу тебе голову. И ты знаешь, что я это сделаю.

- Знаю, - подтвердил Соломон, - Превосходно знаю. Ты – да. А… другие?

- Какие другие?

- Ты знаешь. И я теперь знаю. Забавно, Баросса когда-то отказался мне сказать, что с тобой. Сказал, сам разберусь. Я разобрался. У Соломона Пять ушло бы на это куда меньше времени. Но я тоже в конце концов понял. И знаешь, я сочувствую тебе. Действительно сочувствую. В каком-то смысле тебе не лучше, чем мне.

Хлопок выстрела заставил Соломона отшатнуться. Облако порохового дыма быстро таяло в грязно-сером рассветном свечении, как капля молока в густой луже. Соломон стиснул зубы и заставил себя не поворачиваться. Он знал, что в стене за его спиной, совсем рядом с левым ухом появилась маленькое черное отверстие.

- Не можешь ты знать, - процедило Энглин, тяжело дыша, лицо исказилось от сдерживаемой ярости, - И лучше замолчи, ты, ущербный калека!..

- Я знаю… - Соломон шагнул к сторону Энглин, револьвер едва заметно дернулся, - Ты ведь был нейро-вандалом, да? Хорошее занятие, особенно, если ты достаточно молод. И достаточно безрассуден, как и все вандалы, чтобы играть в нейро-игрушки. Ты ведь любил играть, да? Беззаботно разрывать нейронные цепочки и создавать новые. Все мальчишки любят это. Гораздо веселее, чем бросать камень в окно. Позволяет почувствовать себя по-настоящему сильным, верно? Можно взять человеческую жизнь и несколькими движениями обратить ее в собственную противоположность. Можно вытащить крошечный нейрон из длинного ожерелья и наблюдать за тем, как оно рассыпается. Это ведь так легко, так забавно. А люди так самонадеянны и беззаботны. Они даже не замечают твоих действий. И ты можешь развлекаться целыми днями напролет, превращая самоуверенных тиранов в трусливых недотеп, а похотливых красавиц – в жалких посредственностей.

- Тебе не светит даже это, - прошипело Энглин, - Ты нейро-увечный, понял? Калека. Музейный экспонат. Никто и никогда не вернет тебе то, что ты потерял. Забудь.

- Возможно. Но и тебе не легче. Что с тобой произошло, Энглин? Ты заигрался? Синдром излишней самоуверенности? Стал чувствовать себя нейро-богом, а?

- Ты не знаешь, что со мной случилось! - отрезало Энглин яростно, - И не имеешь права рассуждать об этом! Ты ведь даже не человек, если разобраться. Всего лишь остов, огрызок… Окаменелость. Ты никогда не сможешь измениться, ты обречен оставаться неизменным до самой смерти. Мертвая материя, всегда одинаковая, всегда застывшая в своей форме. Впрочем, сколько там тебе осталось до смерти?..

Энглин поднесло к уху свободную руку, делая вид, что вслушивается в тиканье невидимых часов. Но Соломон лишь покачал головой:

- У меня впереди лишь одна смерть. А ты переживаешь их каждый день. Уверен, что не хотел бы со мной обменяться? - Энглин прошипел что-то нечленораздельное, - Я не знаю, что именно с тобой случилось. Мне нет нужды это знать. Думаю, это было что-то вроде эксперимента. Дерзкие нейро-вандалы иногда ставят эксперименты над собой, правда? Те из них, кто слишком уж заигрался. А может, это было что-то вроде аварии. Нейро-авария – как звучит!.. И какие последствия. Человек, привыкший шутки ради уродовать чужие жизни, сам стал жертвой. Уж не знаю, чего, самоуверенности или случая. Да и неважно. Оказалось, что даже нейро-боги могут падать со своего трона.

- Это было не так. Все было не так!

- Неважно, - отмахнулся Соломон. Он ощущал себя сильным, точно это в его руке был револьвер. Разве что сила эта отдавала полынной горечью, - С тех пор отважный нейро-вандал Энглин Кейне Нул перестал существовать. Не смог справиться со своим новым состоянием. Он, как и прежде, умел легко проникать сквозь нейро-замки и повелевать чужим сознанием, но внутренне он сам сломался. Да? Уже не чувствовал себя способным на это. Ведь отныне он был не только повелителем нейронов, но и их рабом.

Энглин тяжело дышало, казалось, любое слово, сорвавшееся с губ Соломона, может подтолкнуть замерший спусковой крючок. Глаза от ярости казались белыми.

- Ты исчез, Энглин. Твое сознание – множество нейро-образов, блуждающих в темноте. И ты не можешь их контролировать. Ты засыпаешь одним человеком, а просыпаешься другим. При тебе остается твоя память, твой интеллект, но что

это – без того, что ими руководит, без личности? Мое тело пусто без нейро-сути, но твое – всего лишь оболочка, которую каждый день занимают разные жильцы. И ты не можешь им воспрепятствовать. Да и как смог бы? Ведь ты даже не помнишь, кто из них ты на самом деле. Ехидная девчонка? Ребенок? Зрелый мужчина? Твоя жизнь длится один день и ты, наверно, прожил уже тысячи жизней. Каждую ночь ты умираешь, но на смену тебе приходит новый ты, которого ты ненавидишь, и тоже страдает. Нейро-пытка. Вот отчего вокруг тебя столь много разнообразных вещей – у тебя просто нет ни привычек, ни хобби, ни даже вкуса. То, что нравится тебе в понедельник, во вторник станет безразличным, а в среду – ненавистным. Сегодня тебе нравится запах лилий, а завтра тебя будет от него тошнить. Если я потерял свет звезд, то ты стал безумным звездным странником, Энглин. Странником, который уже никогда не вернется домой.

Энглин всхлипнуло. И вслед за этим Соломон явственно услышал скрип стали. Это значило, что спусковой крючок пришел в движение. И еще то, что его собственная жизнь вот-вот подойдет к концу. Утро седьмого дня… Возможно, он успеет увидеть рождение огненного цветка, прежде чем его измотанные нейро-цепи превратятся в остывающую нейро-кашу внутри разбитой головы.

- Ты не убьешь меня, - сказал Соломон, удивляясь тому, как его голосовые связки, эти старые и сухие истершиеся канаты, еще способны издавать звуки, - Знаешь, почему? Нет, ты спокойно можешь спустить курок. Более того, тебе это понравится, обещаю. Ты увидишь, как я шлепнусь кверху брюхом, и испытаешь настоящее удовлетворение. Но завтра ты проснешься и вспомнишь меня. Точнее, не ты, а кто-то, у кого есть твоя память. И, возможно, его вырвет прямо на пол, когда он вспомнит, как он застрелил безоружного человека, который пришел за помощью. Может, рано или поздно в бесконечном ряду твоих постоятельцев окажется тот, для кого этот груз окажется чрезмерным. И тогда он прижмет револьвер, который ты держишь, твоей же рукой к твоему виску. Бум. Совесть будет твоей личной нейро-бомбой. Примитивной, но безотказной. Подумай об этом, Энглин Кейне Нуль, человек с тысячью душ. Подумай. Ведь тебе, как никому из нас, приходится думать о будущем. Которое ты сейчас можешь бесповоротно изменить.

Соломон замолчал. Сперва ему показалось, что Энглин, погрузившееся в подобие транса, выстрелит, только лишь затихнут слова. Но оно не стреляло. Прошла секунда, потом две, пять. Отмерять их ударами сердца Соломон не мог – сердце колотилось, будто сумасшедшее.

Энглин смерило его мерцающим взглядом, в котором была чистая ненависть. И опустило револьвер.

- Я надеюсь, что ты умрешь, человек, который был Соломоном, - отчеканило оно, - За то, что ты сделал. За то, что я всегда буду тебя помнить.

- Не меня, - поправил Соломон с облегчением, - А собственную слабость. И каждый день твои воспоминания будут немного другими. Ведь наша память – всего лишь пыль на фонарном стекле. Все зависит от цвета горящей в нем лампы. Поэтому ты поможешь мне сегодня. Не ради себя, а ради тех Энглин Кейне Нул, у которых окажется больная совесть. Ведь даже ты не знаешь, сколько их будет и насколько сильны морально они окажутся, смогут ли они нести на себе груз, который ты взвалил на себя…

- Хватит! – решительно, по-мужски, велело Энглин, - Я возобновляю договор. И советую тебе поспешить. У меня впереди много времени, и не твое дело, как я им распоряжусь. А вот у тебя его, кажется, не очень много.

- Мне хватит, - сказал Соломон, - У меня прояснились мысли. Кажется, револьвер и в самом деле немного прочистил мне мозги.

- Скоро нейро-бомба сделает это еще лучше.

- У всех твоих жильцов – ужасное чувство юмора… Не забудь передать им это.

- Седьмой день, человек, бывший Соломоном, седьмой день.

- Я знаю. Но на этот день, до самого его конца, ты становишься моим помощником, не так ли?

- Становлюсь. И действительно попытаюсь тебе помочь. Только что толку? Твой нейро-маньяк далек от тебя так же, как и на первый день.

- Нет, он стал гораздо ближе. Собственно говоря, он всегда был близко, это мои мысли были слишком далеко. Я знаю, кто он.

Энглин уставилось на него с недоверием.

- Ты не мог узнать этого так просто.

- Просто взглянул на некоторые вещи под другим углом.

- Кроме нейро-маньяка у тебя есть и другие проблемы, человек, бывший Соломоном. Тебя ищет Мафия. И тебя наверняка ищет Транс-Пол. Даже разобравшись с нейро-маньяком, ты не будешь в безопасности. Тебе не прожить на улицах Фуджитсу и дня.

- Именно поэтому я буду решать все проблемы одновременно, а не по отдельности, - улыбнулся Соломон, - И надеяться, что ни одна из них меня не убьет.

- Хорошо, - кажется, Энглин хотелось сплюнуть, но оно с трудом удержалось, - Что тебе нужно от меня?

Соломон вздохнул. Рассветный воздух был сырым и холодным, от него ныло под ребрами.

- Много чего, дружище Энглин. Во-первых, телефон. Мне придется сделать целую кучу звонков. Во-вторых, сигареты. Этот ублюдок оказался прав, теперь мне тяжело будет от них отказаться.

- А в третьих?.. – спросило Энглин с каменным лицом. Револьвер оно спрятало под одежду, но от этого оружие не казалось более далеким.

- В третьих… Заводи свой нейро-бур, Энглин Кейне Нул, - Нам придется побывать кое у кого в голове и кое что проверить.

ГЛАВА 18

Место он выбрал с таким расчетом, чтобы всякую машину было видно издалека, и теперь похвалил себя за предусмотрительность. Может, он и не был Соломоном Пять, но не был и последним тупицей. Если сооружаешь ловушку на опасного зверя, лучше удостовериться в том, что зверь не явится неожиданно.

Когда-то здесь располагался кинотеатр «Новый Иллюзион», но в последний раз ленту в нем крутили лет двадцать назад. От здания кинотеатра осталась большая каменная чаша, внутри которой плескалась затхлая темнота. Пол здесь был укрыт неровными каменными осколками, отчего казалось, будто ступаешь по чешуе какой-то огромной и давно умершей рыбы, или по хаотической мозаике, не знакомой с привычными пропорциями. Пахло тут так, как обычно пахнет в давно заброшенных помещениях, прелым мусором, гнилым деревом, чем-то едким и солоноватым. Если бы в стенах не разверзлись со временем дыры, в кинотеатре царила бы полная темнота.

Соломон, оглядевшись, удовлетворенно кивнул. Человек, вошедший сюда, не сразу сориентируется, ему придется потратить время, чтоб привыкли к здешнему освещению глаза. И даже после того, как они привыкнут, густой полумрак обтекает фигуру, позволяя различить лишь ее контуры и – смутно – черты лица. Сегодня темнота будет его союзником.

Кроме того, было у старого кинотеатра еще одно достоинство. Единственный подъезд к нему отлично просматривался изнутри. Когда-то перед ним, должно быть, был разбит небольшой сквер, но теперь от него осталось лишь высохшее каменное русло. За долгие годы жилые дома осели, точно пьяницы, опирающиеся друг на друга, наглухо перекрыв несколько переулков и оставив лишь один. За ним Соломон и наблюдал сквозь дыру в стене. Он старался держаться спокойно и, возможно, ему действительно удалось обмануть этим Энглин, но он чувствовал, как гулко и неровно бьется в груди сердце. Кажется, он отдал бы правую руку за нейро-модуль, дарующий хладнокровие – видит Великий Макаронный Монстр, сегодня оно понадобится ему как никогда прежде.

- Не приедет, - сказало Энглин, от скуки разглядывая револьвер и теребя его курок, - Если он настолько хитер, как ты думаешь, он никогда не сунется сюда.

- Сунется, - с уверенностью сказал Соломон, не отрываясь от

дыры, хотя глаза уже зудели от постоянного напряжения и бившего снаружи яркого света, - Я знаю его не хуже, чем он знает меня. Он не сможет отказаться. Он перфекционист в своем роде, никогда не оставит незаконченную работу. Его погонит сюда желание все закончить. И еще – любопытство.

- Смелая затея. Думаю, ты бы смог с ней управиться и без меня.

- Нет. Я не возьму в руки оружия, пока все не закончится.

Энглин устало вздохнуло:

- Я, знаешь ли, не лучший стрелок в этом городе. Если хочешь поиграть в Керти Райфа, не пытайся втянуть в эту игру меня. Кроме того, у тебя ведь есть еще пара козырей, так ведь?

Энглин подмигнуло в темноту, и Соломон едва сдержался, чтоб не шикнуть на него. Словно это могло его выдать.

Действительно, козыри у него еще были. Но в партии, в которой масти подчас рисуются одна поверх другой, иногда бывает сложно сразу разглядеть выигрышный расклад. А еще он сунулся играть с самым ловким шулером Фуджитсу.

«Я как деревенщина, который приперся в город и самоуверенно уселся за игорный стол, рассчитывая на пару старых трюков, - подумал Соломон, чувствуя неприятную и в то же время будоражащую кровь щекотку адреналина в венах, - Говорят, в таких ситуациях наглость иногда заменяет опыт и удачу. Жаль, что я никогда не был хорошим игроком».

Когда он услышал приближающийся рокот двигателя, сердце превратилось в крошечный резиновый мешочек, наполненный водой и колотым льдом, трепещущий в пустой грудной клетке. Автомобиль. Забыв обо всем, Соломон приник к отверстию, не обращая внимания на клочья паутины, мгновенно налившие на плечи и поля шляпы. Слух его не подвел, к разрушенному кинотеатры, поскрипывая тормозами, грациозно подкатился «Умляутмобиль». Остановился он неуверенно, осторожно, точно большой стальной зверь, зашедший в неизвестный ему глухой уголок джунглей и теперь напряженно раздувающий ноздри. Соломон знал, что человек, сидящий за рулем, способен уловить запах опасности за многие километры, это умение составляло часть его натуры.

Баросса выбрался наружу и первым же делом механически проверил ладонью кобуру. Соломон вполне мог его понять.

- Он входит, - предупредил он Энглин, проворно вскочившее на ноги, - Помни, о чем я говорил тебе. И не импровизируй.

Энглин, судя по сверкнувшим глазам, хотело было огрызнуться, но не успело. Детектив Баросса ударил плечом в дверь и ввалился внутрь. Первые несколько секунд он растерянно

моргал, пытаясь привыкнуть к полумраку.

Соломон стоял на расстоянии в несколько шагов от него, но не делал попытки приблизиться.

- Соломон! – Баросса все еще плохо видел, оттого его звучный обычно голос звучал растерянно, непривычно, - Ты тут? Что ты еще выдумал, Соломон? Великий Макаронный Монстр, да что же это за дыра? Что ты вообще натворил?

- Не двигайся, Баросса, - посоветовал ему Соломон.

- Что?

- И к пистолету не тянись. Энглин держит тебя на мушке. И я приказал ему стрелять, если ты вздумаешь шевельнуться. Сам бы я сделать этого, пожалуй, не смог бы, но у Энглин нет предубеждений относительно детектива Шкафа.

Баросса медленно и тяжело вздохнул.

- Соломон, ты задумал что-то плохое, - устало сказал он, выставляя вперед открытые ладони, старый как мир жест добрых намерений, - Слушай, старик, я пришел не захватывать тебя. Если бы у меня были такие планы, будь уверен, я прихватил бы с собой пару десятков патрульных с ружьями. Все в порядке. Слышишь меня? Я знаю, что все произошедшее тебя чертовски сильно тряхнуло… Дьявол, да я бы сам на твоем месте сошел с ума, точно говорю! Но сейчас ты и верно слетел с катушек. Слышишь? Эй! Это уже настоящая глупость.

«Конечно, - подумал Соломон, неотрывно глядя на него и чувствуя, как к горлу подступает липкий и горячий комок, - Старых приятелей не принято арестовывать в одиночку. Но какой же ты подлец…»

Вслух же он сказал:

- Значит, ты готов помочь мне?

- Тысячу раз да! – отозвался Баросса. Он еще не видел Соломона, но верно угадал по голосу направление и повернулся безошибочно, - Выйди на свет. Я обещаю, что не достану ствол. Мы сядем в мою машину – вон она, ждет – и поедем в участок. Не как детектив и задержанный, а как старые приятели. Понимаешь? Мы разберемся, даю тебе слово. Соломон!..

- Что сказал вам Бобель? – жестко спросил Соломон.

- А сам не знаешь?

- Не знаю. Но догадываюсь. Ну же. Советую говорить быстрее. Никто не знает, как сегодня у Энглин обстоят дела с терпением.

- Плохо, - Энглин плотоядно усмехнулось, шевельнув револьвером, тусклый блеск которого Баросса наверняка разглядел в полумраке, - И он прав. Начинай болтать, детектив. Длина твоего языка в данном случае прямо-пропорциональна длине твоей жизни.

- Ладно. Все в порядке, - Баросса кивнул, показывая, что понял угрозу вполне серьезно, - Комиссар Бобель сказал, что тебе нужна помощь.

- Вот как? Какая же помощь мне нужна?

- Он… Ты ведь спокоен, да?

- Невероятно спокоен, - подтвердил Соломон, мысленно заставляя сердце замедлиться, - Говори.

- Он сказал, что у тебя шизофрения. Вот что он сказал. Извини, приятель, - Баросса виновато развел руками, - Я даже не подозревал. Да, это его слова. У тебя в юности диагностировали шизофрению. Говорят, ты был совсем плох. Не мог себя контролировать. Был опасен. И тебе рекомендовали принудительную перманентную нейро-коррекцию. Пересадку специально разработанной личности, которая должна была подавить агрессию.

Гладко и красиво. Соломону вспомнились ровные ряды игрушечных солдатиков в кабинете комиссара Бобеля. Никто никогда не видел, чтоб комиссар к ним прикасался, но Соломон отчего-то решил, что его толстые пальцы переставляли крошечные оловянные фигурки с величайшим изяществом.

- Значит, я психопат? И никто об этом не подозревал за все время, что я работал в участке?

- О таком не пишут даже во внутренних досье. Поэтому никто не знал. И ты сам не знал, приятель. Мне… очень жаль. Поверь.

- Так я шизофреник? И в самом деле, это могло бы кое-что объяснить.

- Да кто из нас нормален, Соломон? Оглянись вокруг… В этом городе психов больше, чем бродячих котов. Нейро-зомби, нейро-неадаптанты, нейро-вандалы… Никто не винит тебя. В конце концов, ты ни в чем не виноват. Это все Анна…

- Анна?

- Твоя жена, - Баросса сделал осторожный шаг вперед, но услышал тонкий скрип спускового крючка Энглин и покорно остановился, - Ее-то ты помнишь? Она ушла от тебя неделю назад.

- Да, но…

- Это стало тем камешком, который вызвал обвал, Соломон. Твоя нейро-личина, как выяснилось, была не идеальна. Своего рода зазоры, нейро-трещины… То, что мучало тебя в молодости, вернулось. Не полностью, но частично. Чтобы заглушить боль и тоску, ты стал покупать нелегальный нейро-софт. Комиссар Бобель запрашивал информацию у Мафии. Он… Знаешь, мне и самому этот разговор не очень, но ты сам…

- Я никогда не делал ничего подобного.

- Мафия говорит, что делал. Извини, Соломон. Мафия говорит, что ты заказывал самые странные наборы, и почти все – из черного списка. Ты делал со своей психикой какие-то жуткие, нечеловеческие опыты. И произошел окончательный обвал. Твоя психика не выдержала. Раскол личности. У тебя появились навязчивые идеи, галлюцинации, страхи. Ты воплотил их все в образе нейро-маньяка. Сделал его своим личным врагом. Начал думать, что это он отобрал у тебя все.

- Он существует. Ты сам видел документы.

- Истлевшие бумажки из архива. Эти люди умерли много лет назад и нет никаких причин считать, что к этому кто-то приложил руку.

- Их нейро-софт обчистили!

- Это Фуджитсу, приятель. Здесь каждый час у кого-то крадут софт. Извини. За то, что я поверил тебе и таким образом дал твоему навязчивому желанию почву. Я ведь… Черт возьми, откуда мне было это знать? Бобель открыл твое досье только тогда, когда стало слишком поздно!

- Что сказал Бобель? – спросил Соломон, пристально глядя в глаза Бароссе, - Что он сказал?!

- Он… Он сказал, что тебя надо задержать, ты стал опасен и больше не контролируешь свои действия.

- И дал вам разрешение применить оружие?

- Да, - тихо сказал Баросса, отводя взгляд, - Да. Он так сказал. Что мы не можем позволить, чтобы…

Не договорив, Баросса напрягся. Как большой мускулистый зверь, услышавший в окружающих джунглях подозрительный шорох.

- Что это? – спросил он резко.

- Автомобиль, - сказал Соломон, вновь приникая к отверстию, - Ты думал, что будешь единственным гостем на сегодняшнем празднике?.. Все в порядке, тебе тоже будет интересно с ним пообщаться.

Дверь скрипнула, пропуская в полумрак еще одну фигуру. Она была ощутимо ниже и субтильнее Бароссы, но двигалась уверенно и почти бесшумно. Соломон разглядел развевающиеся полы старомодного плаща и почувствовал запах одеколона, также давным-давно вышедшего из моды.

- Добрый вечер, комиссар Бобель, - сказал он, - И добро пожаловать. Возле вас стоит детектив Баросса, так что не пугайтесь. Считайте, что сегодня здесь собрались старые друзья.

Баросса напрягся и замер, а комиссар Бобель беспомощно завертел головой, так что заблестели на его носу крохотные лунные светлячки линз.

- Кто тут? – испуганно спросил он, - Это вы, детектив Пять? Что за странный звонок? Что вы хотите?

- Сложно сказать, господин комиссар. Эта история так запуталась, что все труднее говорить наверняка. Мы словно уходим все глубже в темноту, правда, господа? С каждым шагом делается все менее понятно, кто же нас окружает.

- Детектив Пять, я надеюсь, что вы достаточно благоразумны, - забормотал комиссар Бобель, ужас которого можно было явственно разобрать даже без света, - Я приехал сюда только потому, что надеялся помочь вам, и я до сих пор уверен, что все… Все ваши проблемы можно решить, достаточно лишь…

- Достаточно что? – раздражение, дремавшее внутри Соломона, выпростало шипы прямо сквозь кожу, - Вытащить содержимое моего мозга и вышвырнуть в сточную канаву? Чтобы добраться до нейро-приза?

- Опять, - сказал комиссар Бобель, суетливо протирая очки, - Опять это с ним… Детектив Баросса, вы слышите это? Я боюсь, наш друг, детектив Пять снова оказался во власти болезненных фантазий.

- У меня нет никаких фантазий! – крикнул Соломон, не сдержавшись, - Я не шизофреник! Я все осознаю!

- Вчера мне звонила Анна, - нерешительно сказал комиссар,- Рыдала в трубку и просила, чтоб мы не причинили вам вреда. Сказала, что вы снова станете преж…

- Ложь! Вы лжете, комиссар Бобель! И я знаю, почему вы это делаете! – Соломон заставил себя сделать небольшую паузу. Не для драматичности момента, а для того, чтоб унять вышедшее из-под контроля дыхание, - Потому что вы работаете на Мафию!

Баросса и комиссар Бобель переглянулись. Их глаза, должно быть, уже достаточно приспособились к освещению, чтобы разглядеть неуверенность на лицах друг друга.

- Да, комиссар Бобель, - продолжил Соломон, стараясь говорить медленно и размеренно. Возможно, ему придется говорить еще много, будет плохо, если голос не вовремя подведет, - Вы ведь забыли сказать об этом детективу Бароссе? Вы – агент Мафии. Замаскированный, работавший на нее много лет. Отличная маскировка. Этот старый костюм, очки… Ваши чертовы оловянные солдатики… Вы бы никогда не сбросили ее, если бы не я, верно? Но ставки оказались слишком высоки. Вы узнали о том, что я стал жертвой нейро-маньяка. И, что более важно, узнали про его маленький подарок, который я вынужден носить в голове. И мгновенно поняли, какие перспективы он открывает вашей организации. Не Транс-Полу, конечно. Слишком вкусный куш. И вы решились. Вы связались с Франчезко Пацци, который умел

выглядеть важной шишкой, но на деле подчинялся вашим приказам. И вы приказали ему устроить для меня западню в старой нейро-клинике. Все очень просто. Франчезко подбрасывает Бароссе наживку, это замечаю я – и вот уже сам несусь в открытую пасть. Разве не изящно? Ваши нейро-мясники должны были разделать меня на конспиративной квартире и вытянуть драгоценную бомбу. Ну а вы со своей стороны объявили бы о трагической кончине детектива Пять. Но не получилось. Каким-то образом нейро-маньяк разыскал меня и заявил на меня свои права. Ваша затея лопнула, бомба, а вместе с ней и я, сбежала в неизвестном направлении. Что же вам оставалось делать? Вы придумали сказку с внутренним досье и шизофренией. Объявили меня психопатом. Для чего? Чтобы прижать руками Транс-Пола, конечно. Этот старый детектив Пять совсем рехнулся, верно? Надо запереть его в сумасшедший дом для его же блага. И потом под подходящим предлогом покопаться к него в голове. А на худой случай мы всадим ему в голову пулю, чтобы случайно не начал болтать о делишках Мафии, в которые он оказался посвящен.

Комиссар осторожно прочистил горло. Звук вышел не очень мелодичный, как у запылившейся на полке флейты.

- Вы взволнованы, детектив Пять…

- И ваше счастье, что у меня нет оружия в руках, комиссар. Впрочем, как называется ваша настоящая должность? Капо-реджиме? Или даже консельери? Поразительно, борьбой с преступностью в Фуджитсу много лет занимался менеджер Мафии. Какой горький парадокс, верно, Баросса? Волк прикидывается охотником! Вы ошиблись только в одном, комиссар Бобель. Не учли, что кроме вас за мной охотится еще одна хищная рыба. И слишком поздно поняли, насколько серьезны ее намерения. Этот нейро-маньяк и в самом деле очень ловкий малый. Подозрительно, феноменально ловкий.

- Его не существует, - мягко сказал комиссар Бобель, - Признайте это, детектив Пять.

- Он существует, - убежденно сказал Соломон, чувствуя, как сухо становится во рту, - И я сам – живое тому подтверждение. Но как же я был слеп… Я нашел доказательства его существования. И сам мгновенно стал жертвой. Но не увидел связи. Я понимал, насколько он хитер, опытен и ловок, но не мог связать воедино кусочки одной картины. Как ему, этому нейро-маньяку, удавалось так ловко уходить от правосудия столько лет? Как он заметал следы? Почему ни разу не выдал себя? И как он так вовремя пришел мне на помощь? Не много ли загадочных черт для одного человека? Не слишком ли он всеведущ, как для смертного?

- Вы наделяете плод своего воображения вымышленными чертами, детектив Пять. Неудивительно, что в вашем представлении этот нейро-маньяк стал сущим дьяволом. Послушайте меня. Обратитесь к логике.

Комиссар немного освоился в странном интерьере и говорил так, как говорил обычно в своем кабинете – мягко, вкрадчиво, аккомпанируя своим словам осторожными жестами. Такой человек не может быть опасен, слишком интеллигентен, слишком старомоден, слишком нерешителен. Это сквозит в каждом его движении, в каждом слове.

«В этом городе нельзя верить ничему, - Соломону приходится приложить усилие, чтоб не поддаться на этот гипнотизирующий язык, не позволить его мягким волнам увлечь себя в теплое море доверия и открытости, - Здесь все не такое, каким кажется. Здесь белое зачастую кажется белым только потому, что на самом деле оно черное, ловко притворяющееся белым…»

- Он и есть дьявол! И он не плод моего увечного воображения, - сказал Соломон комиссару, резким жестом прерывая размеренное течение его речи, - Опасный дьявол, невидимый и любящий причинять боль. И я его ненавижу, по-настоящему ненавижу. Вы, комиссар Бобель, мне всего лишь отвратительны. Вы жалкий предатель и слизняк. Способны лишь убивать чужими руками. Мне плевать на вас. Но вот кого я ненавижу, так это нейро-маньяка. Того, кто изувечил меня и находил завораживающим наблюдать мои мучения. Его бы я застрелил собственноручно.

Должно быть, Баросса, долгое время стоявший без движения и усыпивший бдительность Энглин, успел что-то шепнуть комиссару Бобелю. Потому что оружие оба выхватили одновременно. Комиссар Бобель двигался на удивление ловко для развалины в старомодных очках. Кажется, он двигался даже быстрее, чем сам Баросса. Соломон видел, как его руки, нырнувшие в кобуру, стремительно поднимаются, но металлического лунного блеска в них нет. Комиссар Бобель, любитель старомодных вещей, предпочитал вороненое оружие, не отбрасывающее света.

- Стоять! – хрипло приказал он, - Никому не двигаться. Соломон у меня на мушке. А детектив Баросса держит на прицеле вас, господин Энглин Кейне Нул. Или госпожа? Неважно. В любом случае, советую вам бросить на землю оружие. Наш разговор окончен.

Говорил он жестко и уверено, совершенно не в манере комиссара Бобеля. И взгляд у него тоже изменился, насколько мог судить Соломон, стал пронзительным, острым, как бритва, таким

взглядом можно отделять мясо от костей. Комиссар Бобель уже не выглядел безобидным любителем оловянных солдатиков. Он выглядел опасным и готовым выстрелить в любую секунду. Баросса целился в Энглин, но держался не так спокойно, как обычно. По его лицу было видно, что его беспокоит какая-то мысль. Так ощущается движение под спокойной внешне поверхностью моря. Энглин, не опуская револьвера, кусало губы. Сегодня оно было полно решимости, но не стреляло, переводя взгляд с Бароссы на комиссара Бобеля и обратно. Впрочем, целилось оно все-таки в Бароссу.

- Закончим, - предложил комиссар своим новым незнакомым голосом, - Так будет лучше для всех. Нас двое, детектив Пять. И ваше протеже не в силах застрелить нас обоих, согласитесь. Оно всего лишь нейро-вандал. Толковый, но едва ли умеющий хорошо обращаться с оружием. Закончим на этом.

- Еще не время, - Соломон покачал головой, - Неужели вы думаете, что я приглашал бы вас сюда, если бы все закончилось так быстро?.. Эй, ребята! Держите их на прицеле!

- Будь спокоен, держим, - сказал из темноты за спиной Соломона новый голос.

- Порядок, - подтвердил еще один, - И надеюсь, господин комиссар не станет сомневаться в моих способностях касательно возможности выпустить чьи-то мозги наружу с пяти шагов. С такого расстояния я промаха не дам даже в кромешной темноте.

Баросса потрясенно вертел головой, пытаясь увидеть бестелесных призраков.

«В темной комнате может уместиться очень много черных котов», - эта неуместная мысль заставила Соломона улыбнуться. Все равно его улыбку никто не мог разглядеть.

- Коротышка Лью? Маркес? Вас сюда как занесло?

- Слетелись на запах жареного, - хихикнул Коротышка Лью, - И догадайся, от кого он исходит.

- Детективы! – комиссар Бобель быстрее сумел подавить удивление, - Я не знаю, как вы оказались здесь и что вам наговорил детектив Пять, но я приказываю вам арестовать его.

- Едва ли это возможно, комиссар. Уж извините. Дело в том, что детектив Пять объяснил нам, что происходит.

- Происходит настоящее безумие, вот что происходит! Этот психопат заставил вас угрожать мне, комиссару Фуджитсу, оружием!

- Возможно, - сказал холодно Маркес, обходя Соломона с другой стороны, - Но будем считать, что это безумие нас заразило. Это очень логичное безумие. Хотя, конечно, совершенно безумное. А ну-ка не шевелитесь, комиссар, мне бы не хотелось

портить вам очки одной небольшой дыркой… Ремонт влетит в копеечку.

- Спасибо, господа, - сказал Соломон, не видя их, - И еще я должен перед вами извиниться. Честно говоря, сперва я считал, что один из вас заложил меня Мафии. Рассказал Пацци про нейро-бомбу и вывел мафиози на мой след. Ведь кроме нас с Бароссой только вы вдвоем были в курсе про мое проклятое сокровище. Но я уже разобрался. Итак, вам не кажется, что вновь настало время поговорить?

- Замолчите, детектив Пять!

- Извините, комиссар, но теперь у нас перевес голосов, вам не кажется? – Коротышка Лью рассмеялся пьяным смехом «Пана», - Говори, Соломон. И не бойся, тебя не перебьют.

- Или останутся без голов, - проворчало Энглин Кейне Нул, судя по всему, уставшее от долгого и напряженного ожидания, но все еще леденяще-спокойное, - Давай.

- Хорошо, - кивнул Соломон, - Конечно. Итак… На самом деле мы собрались здесь не из-за комиссара Бобеля. Он шишка Мафии, он опасен, он едва не убил меня, но ради него одного я бы не стал этого затевать. Нет, я позвонил ему лишь потому, что он – моя вторая неприятность, которую я должен устранить одновременно с первой и самой существенной. Если бы я этого не сделал, комиссар нашел бы меня позже, когда я не был бы готов к нападению. Так что я всего лишь ударил первым. Нет, комиссар, вы мне не интересны, я даже не испытываю к вам настоящей злости. Мы собрались здесь ради другого человека.

- Кого? – нетерпеливо спросил Маркес. Он уже выступил из круга сплошной темноты и теперь выглядел угловатой тенью, направившей на Бароссу столь же угловатую тень пистолета.

По существу, они все здесь были сборищем теней, целящихся друг в друга. Театр теней. В их окружении Соломон ощущал себя единственным живым человеком. Некстати вспомнилось древнее искусство театра теней, способное изобразить на растянутом экране контуры зданий, людей и животных. Соломон был в детстве на нескольких представлениях, до того, как полюбил кинематограф. Это было искусство иллюзии и обмана – сотканный из теней генерал с усами в мгновение ока превращался в беседку, а летящая птица – в конную статую или коренастое дерево.

Тени всегда непостоянны и лживы. Теням нельзя верить, ведь они бесплотны, они лишь оптическое явление, рожденное светом, оттиск реальности на растянутом театральном экране.

Наверно, поэтому он в детстве быстро разочаровался в театре теней. На киноэкране все казалось вещественным, настоящим,

незыблемым. Реальным.

Соломон заставил эти мысли раствориться. Сейчас ничего существеннее и важнее этих теней для него не существовало.

- Нейро-маньяк, - сказал он и ощутил идущий над самым полом ледяной сквозняк, проникающий, казалось, прямо в костный мозг, - Человек, уничтоживший меня, находится здесь. И я поклялся, что он никуда отсюда не уйдет.

ГЛАВА 19

Коротышка Лью кратко выругался. На редкость не изобретательно, как для человека, столько лет проработавшего в Транс-Поле. Кажется, сообразил быстрее других. Несмотря на свою внешность и манеры, он умел делать верные выводы. Соломон всегда знал, что под фамильярностью «Пана» скрывался живой и острый ум прирожденного детектива.

- Это ведь не… не оно, правда? – спросил он, кивая в сторону Энглин, - Иначе ты не дал бы ему оружия. Это один из нас, да?

- Да, - подтвердил Соломон, - И мне очень досадно, что понял я это только сейчас. Мы так долго шли по следу неуловимого нейро-маньяка, что забыли основы, господа. Легче всего спрятаться не в тени, а в пятне света – особенно если ты сам несешь факел. Кто может стать лучшим нейро-маньяком, чем человек с жетоном служащего Транс-Пола?

- Прекратите, детектив Пять, - посоветовал комиссар Бобель, устало поправляя очки, но не опуская при этом оружия, - Ваша маниакальная страсть переходит все границы. Теперь вы видите, господа, что он и в самом деле оторван от реальности? Мы стоим здесь, пятеро служащих Транс-Пола, знающие друг друга много лет. И среди нас детектив Пять уже нашел одного члена Мафии и одного нейро-маньяка. Не много ли?

- Ничуть, - сказал Соломон, - И, согласитесь, есть в этом некоторая ирония. Мне только что пришла в голову мысль о театре теней. Об иллюзиях. У нас тут и в самом деле разыгрался настоящий театр. Со своими героями, злодеями и декорациями. Но в театре теней все построено на иллюзиях. Там нет ничего вещественного, осязаемого, постоянного. Есть только то, что мы видим и то, что, как мы думаем, мы видим. Например, сейчас мы видим шесть человек в темной комнате. Один из них преступник, а пятеро – детективы. Но что для теней значат чины и имена? Кем все мы являемся на самом деле? Кто среди нас жертва, а кто убийца? И кто мы все вообще такие?

Комиссар Бобель вздохнул, и Соломон едва не осекся. Наверно, сейчас он и верно выглядит настоящим психопатом. Надо заканчивать с этими безумными рассуждениями и переходить к сути. Но Соломон не смог заставить себя замолчать. Слова рвались из него, словно были порциями рисовой водки, выплескивающимися наружу после затянувшейся гулянки через сжатое спазмом горло. И ничего сделать с ними он не мог.

- Это все нейро-софт! Наше проклятье и наше благословение.

Эссенция обмана, экстракт вековых человеческих иллюзий. Мы приняли его, как эликсир нового века, лекарство от душевной боли, разочарований, неудовлетворенности и скуки. Но был ли он на самом деле лекарством? Или это всего лишь мутная жижа, вылитая из перегонного нейро-куба, коварный наркотик, заставляющий всех нас галлюцинировать тенями?.. Оглянитесь, вокруг нас скоро не останется ничего реального, кроме покосившихся каменных стен. Мы обрели способность менять себя, подобно теням, но забыли, для чего она нам. И вот к чему это привело. Театр теней без единой постоянной формы, царство иллюзий, обмана и наваждений. В нем давно уже нет людей. Только их силуэты на экране.

- Он болен, - сказал комиссар Бобель глухо, - И, как это свойственно больным, склонен видеть причину не в себе, а в окружающих. Теперь вы убедились? Его разум серьезно поврежден. Нейро-стресс…

- Замолчи, - буркнул Маркес, - Иначе судебный эксперт найдет причину именно в тебе после вскрытия… Ради всего святого, Соломон, назови имя! Если ты действительно знаешь этого нейро-ублюдка, и он среди нас, назови его имя. Дальше мы справимся сами.

- Говори! – кивнул и Коротышка Лью. В минуту напряжения ему изменил даже нейро-софт, по крайней мере, он перестал паясничать и ухмыляться, - Кто бы он ни был, мы устроим ему такое, что мало не покажется.

Соломон обвел их взглядом. Пять теней с оружием в руках, одновременно похожих друг на друга – и совершенно разных.

Комиссар Бобель, напряжен и сух, целится в Соломона. На лице едва заметно поблескивают очки.

Баросса, внешне спокойный, но внутри сжавшийся для броска, как хищник. Целится в Энглин.

Энглин Кайне Нул, зыбкое даже среди окружающих теней. Кажется, насмешливо улыбается, но точно определить невозможно. Целится в комиссара Бобеля.

Коротышка Лью, низкорослый и суетливый, пистолет в его руке немного качает из стороны в сторону. Целится в комиссара Бобеля.

Маркес, угловатый, насупившийся и готовый ко всему. Его можно узнать по шумному, как у работающего на холостом ходу двигателя, дыханию. Целится в Бароссу.

«И я между ними, - подумал Соломон, ощущая, как ссыпаются в бездонную пропасть секунды, каждая из которых наполнена напряженным ожиданием, - Главный герой на сцене этого безумного театра, среди лживых декораций и обманных форм.

Забавно, все они считают меня калекой, а я считаю себя единственным зрячим среди слепых. Может, я и в самом деле болен?..»

- Баросса.

- Что? – спросил Баросса через секунду.

- Брось оружие.

Еще три или четыре секунды полной тишины. Тени глядят друг на друга, вертя головами. Потом тень-пистолет Коротышки Лью медленно перемещается, уставившись на тень-Бароссу. Это выглядит незначительным событием, просто мелкая перестановка декораций.

- Это он? – недоверчиво спросил Коротышка Лью, - Баросса – нейро-маньяк?

- Да, - сказал Соломон, - Баросса – нейро-маньяк. Вам тоже кажется это странным? Иногда действительно приходится ослепнуть, чтоб прозреть по-настоящему. А я слишком долго был слепым.

- Я не нейро-маньяк, - Баросса осторожно покачал головой, словно резкие действия могли служить против него уликой, - Это невозможно. Соломон, прекрати это, иначе я действительно поверю, что твой разум серьезно пострадал.

Но Соломон не собирался его слушать.

- Ты детектив Транс-Пола. Ты занимаешься кражами нейро-софта. Это ли не идеальное прикрытие и идеальная маскировка? Ты расследовал деятельность нейро-вандалов и нейро-воров, ты как никто знал их приемы, методы и ухищрения. И ты достаточно насмотрелся на ребят вроде Эмпирея Тодда, наслушался их жалоб. Ты научился презирать их. Не преступников, а их жертв, тех, кто лишился софта. Всех этих пресытившихся ленивых лжецов, которые покупают грим для своих лживых и порочных душ. Потаскух, которые носят маску скромниц, циничных мерзавцев, которые выглядят добродетельными благодетелями. И не просто выглядят. Никто ведь не осуждает человека, который пытается пудрой замазать бородавку на лице? В желании хорошо выглядеть нет ничего странного. Но эти люди хотели не просто выглядеть, верно? Они хотели так же себя и чувствовать. За это ты стал их ненавидеть. Как можно сочувствовать жертве кражи нейро-софта, если она потеряла лишь накопленную за долгие годы фальш? Как блюсти справедливость, если ты, как никто, видишь обнаженную душу жертвы и понимаешь, что внутри нее лишь гниль и фальшивая позолота? Ты увидел слишком много уродливых лиц под масками. И в какой-то момент ты начал действовать сам.

От напряжения ныли ребра, точно на грудь положили мешок

с мукой. Кровь в венах гудела, как под огромным давлением. Глаза слезились даже в темноте. Но Соломон знал, что закончит.

- Ты ошибаешься, Соломон, - сказала тень Бароссы, предусмотрительно не двигаясь, но и не опуская оружия, - Поверь, ты ужасно ошибаешься, старик. Ничего подобного мне бы и в голову не пришло.

Тень не выглядела опасной, даже с пистолетом в руках.

«Это ведь Баросса, - подсказывала память, мягкими касаниями стирая острые углы его восприятия, - Человек, которого ты знаешь всю свою жизнь. Большой, кажущийся неуклюжим, выглядящий как пират из старого кинофильма, громогласный, по-своему хитрый, но открытый и честный. Это не тот человек, которого ты ищешь. Тут какая-то ошибка».

Но ошибки не было, и Соломон это знал. Чем дольше он смотрел на массивную тень, застывшую в нескольких шагах от него, тем сильнее он ощущал это. Нельзя доверять памяти. Память – не помощник в театре теней, где вещи и люди умеют превращаться друг в друга, где нет цветов и оттенков.

- Из ненависти родилась страсть. Так бывает. Отнимая у людей их набор нейро-софта, их чистенькую свежую душу с еще не отрезанным магазинным ярлыком, выворачивая в сточную канаву истинную требуху, ты стал испытывать от этого похотливое возбуждение. Разве не так? Ты свежевал людей, снимая с них нейро-шкуру, и постепенно эти шкуры, эти трофеи, стали для тебя основной ценностью. Теперь ты шел не за справедливостью, не за воздаянием, как тешил себя поначалу. Ты хотел получить чужую душу, и ты получал ее. Сколько потом длилось удовлетворение? День? Неделю? Прежде, чем чужая душа делалась блеклой, пресыщала тебя, и требовала замены? Я не удивлен, что тебя привлек Эмпирей Тодд. Наверняка, он был подлецом вроде многих, а нейро-грим лишь позволял ему существовать в человеческом обществе, получая от этого удовольствие. Жить чужой жизнью, на которую он не имел права, но имел средства. Ты освежевал его мимоходом, запросто, упиваясь новым трофеем и в то же время – болью его недавнего владельца. Но после Эмпирея Тодда ты взялся за меня. Почему, Баросса? Мы ведь были друзьями. Точнее, наши нейро-софты считали друг друга друзьями. Нейро-Соломон был другом нейро-Бароссы. Что же тут сыграло? Зависть? Соперничество? Нет, я так не считаю. Знаешь, я думаю, дело было в другом. Увидев, как я тщетно пытаюсь вернуть слизняку Эмпирею его собственность, его нейро-душу, ты ощутил досаду. И ты подумал – «Этот Соломон так вьется из-за Эмпирея Тодда, так изображает участие в этом безнадежном деле, так старается добиться справедливости,

выказать себя защитником обокраденных и обездоленных… А ведь кто он, в сущности, такой? Чем он отличается от Эмпирея Тодда? Да ничем. Наверняка его истинная сущность столь же ничтожна и жалка, лишь нейро-модули заставляют его быть человечным и справедливым. Он тоже окутан фальшью, как и все прочие. А ну-ка посмотрим, каков он на самом деле. Снимем-ка с него защитную оболочку».

- Гладко, - сухо оценил Маркес из своего угла, - Но я не вижу фактов. А без фактов дело остается темным, ведь не можем же мы считать твои умозаключения за доказательства. Ведь, если на то пошло, любой из нас может быть нейро-маньяком – мы все служили детективами и все имели дело с нейро-софтом. В том числе и мы с Лью. Так почему Баросса?

- Есть и факты. Во-первых, Эмпирей Тодд, о котором я уже говорил. Его делом занимался детектив Баросса до того, как спихнуть мне. И именно я стал следующей жертвой нейро-маньяка. Не странно ли это – учитывая десятимиллионное население Фуджитсу? Это не случайность. Кто-то очень хотел, чтоб охотник стал жертвой. И он своего добился. Во-вторых, именно Баросса навел меня на след. Когда я рылся в архиве в поисках аналогичных случаев, именно Баросса, словно случайно, дал мне нужную папку. И это не было рисковой игрой с его стороны. Он-то знал, как надежно защищен и превосходно замаскирован. Это было частью его игры. Жестокой игры хищника и его жертвы. Он сам дал мне след, посмеиваясь над моим рвением и зная, что след этот пуст и не приведет к нему самому. В-третьих, мой нейро-терминал взломали сразу после нашего с Бароссой разговора. Рассуждая о сути нейро-маньяка, я, вероятно, сдвинул на последний миллиметр невидимый предохранитель. Баросса знал, что я неуклюже иду по его следу и даже пытался изображать помощь, подсунув мне Энглин. Но услышав, как я рассуждаю о сути нейро-маньяка, о его неутолимой жажде, об отвращении к своему истинному лицу, Баросса не выдержал. Кстати, может быть, что именно тогда он и решил разделаться со мной. Понял, что кусочек правды у меня есть. И пусть этот кусочек не приладить ни к чему целому, затаенная злость сыграла свою роль. Тем же вечером Баросса взломал мой терминал и сделал меня калекой. Таким, как вы сейчас видите. Тенью вашего приятеля и сослуживца Соломона Пять. Тенью без самого тела.

- Чушь! – не выдержал Баросса, скрипнув зубами, - Все это полнейшая чушь, Соломон! Ты болен, и даже серьезней, чем мне казалось!

На тень Бароссы смотрело три пистолета. Четвертый, в руке

комиссара Бобеля, все еще смотрел на Соломона. Но сейчас это не казалось ему важным или опасным. Сейчас пистолеты тоже выглядели тенями, а не кусками смертоносного металла. Интересно, можно ли во вспышке пороха разглядеть тень мчащейся пули?..

- И еще кое-что, - сказал Соломон, не давая себе перебить, - Когда меня похитили люди Мафии - ваши, комиссар, люди - нейро-маньяк удивительно быстро нашел меня, чтобы оказать помощь. Словно он следил за мной. А ведь это не так просто. Как ему удавалось постоянно держать меня в поле зрения? Я детектив Транс-Пола, и так запросто это не получится. По крайней мере, у обычного человека. А вот если это – другой детектив Транс-Пола… Когда Пацци похитил меня в подпольной нейро-клинике, Баросса всего лишь двигался следом. У него достаточно опыта. Он выследил, куда меня переправили мафиози. Ну а после этого – жест фальшивого милосердия. На самом деле, опытный хищник просто разогнал сбежавшихся на запах добычи шакалов. Он хотел все закончить сам. До самого конца наблюдать, как человек, бывший когда-то Соломоном Пять, отсчитывает последние секунды.

- Если он… - комиссар Бобель кашлянул, - Если это действительно так… Нет, детектив Пять, я не верю в ваши фантазии, просто призываю найти в них логическое звено. Если все это так, откуда детектив Баросса мог взять нейро-бомбы, одна из которых якобы находится в вашей голове? На вооружении Транс-Пола они, знаете ли, не состоят.

- Не знаю, - честно сказал Соломон, - Но согласитесь, что опытный нейро-взломщик, да еще и работающий в Транс-Поле, мог каким-то образом получить выход на подобное оружие. Не имею представление, каким образом оно покинуло лаборатории Форда, но, очевидно, детектив Баросса оказался достаточно проворен или удачлив, чтоб проследить его. Удобнейшее оружие для нейро-маньяка, согласитесь. Сколько часов осталось жить мне, Баросса?

Тень Бароссы покачала головой:

- Я не знаю, Соломон. Я действительно не знаю.

- Ладно… Тогда скажи, каково это – быть мной? Каково носить шкуру детектива Соломона Пять? Тебе понравилось? Он не показался тебе каким-то суховатым? Знаешь, детектив Соломон Пять был, как по мне, чересчур флегматичен и прямолинеен. Думаю, тебе не понравилось быть им.

- Быть… им? – нахмурился Маркес. Соломон не мог видеть его лица, но понял, что Маркес нахмурился.

- Ах да, не все из присутствующих в курсе. Энглин!

Энглин оскалилось. В темноте на миг блеснули его ровные зубы.

- Этот парень… детектив Шкаф… он и в самом деле очень хотел быть вашим дорогим Соломоном. Мне удалось сегодня взломать его нейро-терминал. Да, я ведь взломщик, мне легко удаются такие штуки. Нейро-терминал детектива Шкафа был хорошо защищен, но защита оказалась не всесильна. Мне удалось покопаться в залежах его нейро-софта, поднять данные и отчеты об использовании, прочие интересные вещи. Осмотреть домашнюю коллекцию. Знаете, что? У детектива Шкафа в уютном нейро-шкафу нашлась интересная вещица.А именно – нейро-модель «Бейли» и набор нейро-софта, который – удивительное дело – практически полностью совпадал с набором детектива Идинахренотсюда… А, ну да, детектива Пять. Когда он еще был собой. Совпадение на девяносто процентов. Почти весь набор.

По разрушенному кинотеатру пронесся зловещий шелест. Словно чья-то большая когтистая лапа ступила на песок. Или просто все присутствующие напряженно выдохнули.

- У детектива Бароссы в нейро-терминале был пакет нейро-софта, идентичный тому, что похитили у детектива Пять? – Маркес спросил это так осторожно, словно тянулся к проводам заряженной бомбы, - Я правильно понял?

- Куда уж правильнее… - досадливо буркнуло Энглин, - Мало того, согласно записям, этот нейро-софт не был куплен на лицензированном рынке. Остается вопрос, откуда детектив Шкаф его взял? Может, он поклонник старых нейро-образов? «Бейли» - это ведь жуткое старье, вы знали? Хлам для коллекционеров. Такой сосредоточенный, едва ли не карикатурный, детектив, скучный и малословный. Едва ли он мог понравиться кому-то.

- Великий Макаронный Монстр! – прежний комиссар Бобель, рыхлый и деликатный, наверняка бы всплеснул руками, но присутствующий здесь, напряженный и опасный, лишь перехватил удобнее свой пистолет, - Детектив Пять! Если девчонка не врет, вы…

- Не врет, - отрывисто сказал Баросса, - Не думаю этого скрывать.

Соломон подавил желание издать вздох облегчения, хотя легкие и сигнализировали о том, что им нужна срочная вентиляция.

Все кончено. Можно дать гудящему от напряжения позвоночнику возможность расслабиться. В театре теней подходит к концу последний акт. Значит, скоро опустят занавес. А вот что будет происходить за ним, зрители уже не узнают, только участники.

- А еще ты регулярно использовал этот софт, - добавило Энглин с нескрываемым злорадством, - Трижды на протяжении последней недели. Причем исключительно дома, не на службе.

- Тебе так хотелось понять, что значит быть Соломоном Пять? – тихо спросил Бароссу Соломон, - Мог бы спросить у меня… И ты, приходя со службы, становился мной? Трижды за эти семь дней. Все хотел прочувствовать, верно? Словно моя душа, совокупность моих чувств, привычек, слабостей – что-то вроде маскарадного костюма. Можно напялить меня, поносить какое-то время, а потом бросить обратно в шкаф. Надеюсь, я не надоел еще тебе, Баросса? Ты не хочешь запихнуть меня в темный угол, чтоб раздобыть что-то посвежее?.. Энглин право, товар стареват, сейчас такого нигде не достанешь.

- Ты дурак, Соломон, - пробормотал Баросса, от обычного взрывного темперамента которого не осталось и следа, - И вы все дураки. Впрочем, и я дурак, так что это соседство меня не смутит. Да, я использовал нейро-образ «Бейли». Точно такой же, какой был у Соломона. И набор нейро-модулей. Практически такой же, какой был у Соломона. По крайней мере, все, что мне удалось достать. Но я не крал его. Я купил этот нейро-софт на черном рынке. Недостойно детектива, я знаю, но Энглин сказало верно – товар древний, на лицензионном рынке такого не найти. А мне нужна была точная копия Соломона.

- Зачем? Тебе нужна была копия старого Соломона? – Коротышка Лью разразился колючим смехом, - Чтоб было, с кем пропустить по стаканчику, когда нейро-бомба разнесет голову его недавнего носителя? Отлично!

- Мне нужно было понять, как действует нейро-маньяк, - ответил Баросса, - Я считал, что он и в самом деле установил на себя украденный у Соломона софт. А значит, мыслит и поступает практически как он. Ну, за вычетом интеллекта и воспоминаний, они должны были бы быть идентичны. Не как близнецы, но как родные братья. Все это время я шел по следу. Но след никуда меня не привел. Да и глупый был след. Как хорошо, что здесь темно и вы не видите, как я краснею, - Баросса, судя по голосу, устало улыбнулся, - Так что я действительно некоторое время был Соломоном Пять. Эпизодически. Только я не нейро-маньяк. Я всегда возвращался в свою привычную шкуру.

- Я не верю тебе, - сказал Соломон и впервые пожалел, что в его собственной руке нет оружия. В этом не было необходимости, четыре пистолета-тени и так смотрели в грудь Бароссе, но желание ощутить в руке холодную металлическую рукоять было очень сильно, - Ты все это время был моим мучителем. Мои палачом. И моим другом.

- Другом – да. Правда, другом я был не тебе, а настоящему Соломону Пять. Извини, но ты тоже понимаешь, что настоящая дружба меня связывала с ним. Ты – всего лишь его воспоминания и его интеллект, но ты не Соломон Пять. Ведь нельзя сказать, что вынутое из груди донорское сердце – это чей-то друг… Поэтому я действительно выслеживал нейро-маньяка – в память о человеке по имени Соломон. Ради него. Не ради тебя, даже если ты называешь себя тем же именем. А еще мне кажется, что выслеживать его больше не надо. Он действительно здесь.

- Оправдывается, - буркнул Маркес.

- Ну и кого назовешь маньяком ты, хитрющий же ты подлец? – выпалил Коротышка Лью, оттесненный от сцены и оттого пытающийся вновь стать действующим лицом, - Меня? Комиссара? Впрочем, комиссар же, как выяснилось, лапкается с Мафией. Мог ли он быть одновременно и мафиози и нейро-маньяком? Так что…

- Энглин, - произнес Баросса хладнокровно, - Энглин Кейне Нул, как ты себя называешь.

Энглин вздрогнуло. О его существовании можно было забыть, тень Энглин была самая крошечная из всех, и держалась позади. Временами она настолько сливалась с темнотой, что ее можно было принять за очередную декорацию этого безумного театра.

- Совсем из ума выжил? – огрызнулось Энглин, - Я не маньяк! Нейро-взломщик, нейро-вандал – пожалуйста, но настолько паршивыми делами я не занимаюсь!

- Это верно, - поспешил сказать Соломон, - Энглин не может быть нейро-маньяком. Конечно, у него солидный опыт по части нейро-взлома, но против него нет никаких улик. К тому же, ее, как и меня, можно считать скорее жертвой, чем…

- Жертвой?

- Я знаю, что с ним произошло, - твердо сказал Соломон, - Не детально, но знаю. И поверь, никто из здесь присутствующих не позавидует его судьбе. Даже я.

- Оно обмануло тебя, - Баросса спокойно разглядывал направленное на него оружие, - Потому что ты – легковерный простак, не чета настоящему Соломону Пять. Его такими фокусами провести было бы сложнее. Он был подозрителен и никому не верил на слово. А тебя обмануть слишком просто. И оно тебя обмануло. Точнее, позволило тебе обмануть самого себя, что еще эффективнее.

- Энглин никого не обманывало. Я сам пришел к нему за помощью. С твоей, между прочим, подачи.

- Значит, Энглин жертва?

- Да.

- И ты знаешь, что с ним или ней случилось?

- Его личность нестабильна. Точнее, ее личности хаотически меняются местами, уступая друг другу тело. Что-то вроде постоянного перерождения.

- И оно, конечно, сказало, что привело к этому плачевному финалу? Тебя изуродовала встреча с нейро-маньяком, а его?..

- Не имеет значения.

- Имеет, - Баросса повернулся к Энглин, - Ты ведь ответишь ему, если он спросит? Ты ведь скажешь, что случилось?

Энглин стиснуло зубы. Судя по его дыханию, нервы у нейро-взломщика были порядком на взводе. Настолько, что непроизвольное подергивание мышц могло, пожалуй, привести к выстрелу. Соломон мысленно поежился. Слишком много пистолетов в одном помещении, и слишком дрожат держащие их руки. Случайный выстрел может привести к…

- Энглин?..

- Могу помочь с ответом, - сказал Баросса, - Раз уж наше Энглин не горит желанием отвечать. Я могу рассказать его историю. В конце концов, я единственный из всех присутствующих эту историю знаю.

- Сейчас я размажу твои мозги по стене за твоей спиной, детектив, - тон, которым Энглин это произнесло, не сулил ничего хорошего. Но напугать Бароссу было не так-то просто.

- Эй, Соломон! – окликнул он, - Ты ведь хочешь услышать эту историю, а? Ты ведь для этого собрал нас всех здесь? Долой ложь, долой тени?.. Тебе ли бояться правды сейчас?

Соломон покосился на Энглин. Оно выглядело очень напряженным. И очень опасным. Как взведенный капкан, о чувствительности спусковой пружины которого можно лишь догадываться. Но Баросса был прав.

- Я хочу услышать эту истории. Энглин, держи себя в руках. А ты рассказывай.

Баросса вздохнул. Едва ли это был вздох облегчения, скорее просто рефлекторное действие его большого организма.

- История не будет затянутой, не переживай. Итак, история про одного нейро-вандала, которому пришлось платить за свои ошибки. Достаточно хорошо звучит? Нет-нет, я обещал не затягивать… Энглин действительно было нейро-взломщиком. И хорошим, насколько я могу судить. Возможно, одним из лучших в Фуджитсу. Я вел несколько дел по нейро-вандализму, где оно проходило, и был очень впечатлен. Профессиональные взломы, как по учебнику нейро-криминалистики. В лучших традициях вандалов – решительно, дерзко, нагло. И даже с определенным чувством юмора. Одного парня, испытывавшего не вполне

здоровую любовь к несовершеннолетним мальчикам, Энглин заставило любить лягушек. А наследницу торговой империи, вздорную и самодовольную особу, превратило в склочную старуху в теле юной девицы… Нейро-вандалы часто богаты на выдумку.

- Мне неинтересны его былые подвиги, - прервал его Соломон, - Ты затянул со вступлением.

- Тогда я перейду сразу к сути, - покорно сказал Баросса, - Итак, ты уже знаешь, что нейро-взломщики одиночки, но иногда объединяются. Вопрос не комфорта, но эффективности работы. Один взламывает защиту, другой распределяет награбленное, третий заметает следы… Сотрудничество стаи шакалов. А еще, полагаю, чисто спортивный интерес. Нейро-вандалы любят командные соревнования, ведь для них взлом чужого нейро-терминала и превращение чужой жизни в руины – просто спорт. Забавный, связанный с риском, но не более того. Смесь спорта и розыгрыша.

- Надо было взломать тебя, когда была возможность, - процедило Энглин, с ненавистью глядя на детектива, - Поверь, если бы мне удалось взломать твой нейро-интерфейс, тебя родная мать не узнала бы… Самый последний извращенный психопат в городе стал бы по сравнению с тобой образцом добродетели…

- Энглин! – Соломон поднял руку, - Не перебивай его. Пусть говорит все, что сочтет нужным. Сегодня мы все расстаемся с ложью, независимо от того, под сколькими слоями правды она была у нас спрятана. Ты не исключение. До тех пор, пока он говорит правду, пусть продолжает…

Энглин по-змеиному зашипело, глядя исподлобья, но смолчало.

- Значит, мы остановились на проказах Энглин?.. Я хорошо с ними знаком. Как я уже говорил, мне приходилось с ними сталкиваться по службе. И одну из них я помню лучше всего. Полагаю, что и Энглин помнит… Это была самая необычная его проказа, имевшая самые далеко идущие последствия. Что, все еще не хочешь рассказать?.. Тогда я продолжу. Это было около пяти лет назад, если не изменяет память. Наше Энглин ловко взломало нейро-терминал одного ничем не примечательного человека. Я думаю, оно сделало это от скуки. Но то, что оно обнаружило внутри, его удивило. Этот непримечательный человек был обладателем достаточно солидного набора нейро-софта. Причем все его модули говорили о болезненном чувстве самоконтроля, которым он был одержим. Этот человек заставлял себя быть пунктуальным, аккуратным, исполнительным, серьезным, уравновешенным, требовательным к себе, обязательным… Словом, идеальный набор для какого-нибудь офисного клерка.

Наверно, Энглин решило, что будет забавно снести все эти модули разом, установив вместо них другие – модули легкомысленности, беззаботности, наплевательского отношения к окружающим, раскованности…

- Не вижу в этом ничего ужасного, - сказал Соломон, чувствуя безотчетное желание заступиться за Энглин, - Это действительно похоже на шалость.

- Наверняка, это и было шалостью, - согласился Баросса, - Должно быть, Энглин решило, что получится веселая шутка. Строгий тихоня, всю жизнь державший себя в руках, станет вдруг сорви-головой, шутником и хулиганом. Может, он придет на службу в цветастом галстуке и начнет там кидаться пресс-папье, а из важных отчетов делать бумажные самолетики? Об этом ты думало, Энглин? Или же ты знало?

- Что знало? – резко перебил его комиссар Бобель, - Или… О Великий Макаронный Монстр… Уж не имеете ли вы в виду тот случай, что произошел лет пять назад? Он ведь…

- Этот человек, жертва нейро-розыгрыша, не был клерком, - Баросса смотрел на Энглин не отрываясь, даже в темноте его взгляд пробирал жаром до костей, как направленное жесткое излучение, - Он был истопником в школе. Следил за печами. На следующий же день во время обеденного перерыва он бросил свои печи, не проверив давление и не отключив подачу газа. В школе школе произошел пожар. Одиннадцать детей не спасли.

Соломон заставил себя не поворачиваться к Энглин. Но даже если бы он повернулся, что бы он заметил? Все люди похожи в темноте. Он все равно не разглядел бы лица. И не был уверен, что хотел бы.

- Сам истопник на следующий день покончил с собой, - продолжил Баросса в полной тишине, - Так что шутка Энглин вполне удалась. Транс-Пол не смог доказать нейро-взлом, ведь его жертва была уже мертва. Но вот другим нейро-взломщикам не требовалось участие присяжных и судьи в мантии. Они сами были судьями. Очень быстро они провели собственное закрытое следствие и вынесли вердикт. Шутка Энглин тоже показалась им не очень удачной. Поэтому приговор не заставил себя ждать.

- Это не приговор. Это проклятье, - пробормотал Соломон, - Нейро-проклятье.

- Считай его чем угодно. Но с того дня и до конца жизни Энглин лишилось возможности жить своей жизнью. Каждый день оно проживает чью-то чужую жизнь. И сознает это. Ужасная, наверно, пытка. Осознание того, что тебя не существует. Ты – это всего лишь набор воспоминаний, невыразительный и тусклый, как стопка фотографий. Каждый день ты рождаешься другим

человеком, с его страхами, симпатиями и пристрастиями, с привычками, настроениями и складом характера. Зная, что даже его жизнь до конца не доживешь, завтра уже будешь кем-то другим. Бесконечная пытка бабочки-однодневки. И невозможно даже сойти с ума, чтоб это прекратить. День за днем. Только представь… Ты – лишь передвигающийся контейнер для чужих душ. Скрипящий дом с тысячами призраками. Насмешка над человеческой природой. Калека.

- Но отчего Энглин считало себя обязанным тебе?

- Потому что именно я сделал так, чтоб оно не попало за решетку, - без улыбки сказал Баросса, - Я решил, что оно достаточно наказано, даже сверх того. И уничтожил доказательства, которые у меня были. С этого момента мы с Энглин иногда сотрудничали, когда мне нужна была помощь. И вот почему я теперь отправил к нему. Знал бы я, что сам отправляю тебя в пасть дракона… Теперь я понимаю, то, что произошло, не было невинной шуткой, которая трагически закончилась. Оно хотело этого. Планировало. Оно еще не научилось быть достаточно осторожным, не умело маскироваться, как это положено убийце. Но теперь, я вижу, все иначе. Многое переменилось.

Другое Энглин, возможно, зарыдало бы. Но Энглин, которое проснулось сегодня, осталось безмолвно. Только глаза, подобно очкам комиссара Бобеля, холодно сверкнули в полумраке.

- Оно не может быть нейро-маньяком, - заставил себя сказать Соломон, - Ведь его, в сущности, нет. Лишь тело с набором воспоминаний и навыков.

- Вопрос не в теле, а в том, кто оказывается за его рычагами. Я думаю, время от времени в Энглин просыпается что-то особенное. И очень голодное. Может, оно одно, а может, у него в голове поселилась целая стая таких сознаний. Голодных нейро-хищников. Время от времени они срываются с поводка. Что, не веришь, что в калейдоскопе великого множества личностей рано или поздно встречаются психопаты? Знаешь, игровые автоматы время от времени выдают выигрышную комбинацию. А каков шанс вероятности в голове у Энглин?..

- Это существо – нейро-маньяк? – недоверчиво спросил Коротышка Лью. Ствол его пистолета дернулся было к Энглин, но поколебался и вернулся к Бароссе. Точно стрелка компаса в магнитной буре.

- Да, Лью. Я в этом уверен. Некоторые из его фантомных личностей действительно безобидны, но есть в нем и те, что жаждут чужой боли. Уверен, дело именно в ней. Никаких глубинных мотивов, никакой страсти к чужим жизням. Просто

месть – за ту боль, что ему приходится испытывать. И жертвой этой мести пал Соломон. Если вспомнить, его взломали после того, как мы вернулись от Энглин. Его, не меня. Энглин знало меня и понимало, случись со мной нечто подобное, первым делом я схвачусь за тот самый след. Оно ударило по моему другу. Заставило страдать его, а значит, и меня.

- Но ведь…

- Тут нет «но», Лью. Энглин – единственное среди нас существо, гарантированно способное к профессиональному нейро-взлому. Как я уже говорил, оно было одним из лучших в Фуджитсу, пока не позволило себе неосмотрительную шутку. Доступ к нейро-бомбам?.. Да у кого он может быть, если не у бывшего нейро-вандала? Они же собирают такое барахло, понимают и ценят! Это их игрушки!

Соломон качнул головой. Шея была скрипучей и деревянной, как старая рассохшаяся балка, даже непонятно, как голова еще держалась на ней.

- Ты всего лишь пытаешься сбросить с себя подозрения. Это ты – нейро-маньяк, Баросса. Как Энглин могло узнать, куда меня отвезет Мафия?

Баросса фыркнул:

- Банальная слежка, ты, бестолочь! Если нейро-маньяк интересовался Мафией настолько, что внедрил нейро-бомбы всем известным мафиози города, его любопытство могло распространяться и дальше.

- Но нейро-маньяк сам позвонил мне, услышав выстрелы. А выстрелы в тот день звучали на другом конце города от дома Энглин.

- Замаскированные микрофоны. Ничего сложного. Когда ты позвонил Энглин, чтоб попросить о помощи, ты, скорее всего, позвонил на тот же номер, с которого говорил нейро-маньяк. Есть в этом что-то ироничное, да?

Соломон попытался сосредоточиться. Сегодня на сцене театра теней разыгралось слишком фантасмагорическое даже для него представление. Слишком много теней сплелись друг с другом, сделавшись неотличимыми, образовав новые, непонятные ему, фигуры. Соломон Пять был умен, это отмечали все. Значит, и он сможет понять, если только сообразит, куда завели его сотканные из теней декорации-лабиринты. Если разберется в направлениях.

Все не может быть слишком сложно. В комнате – шесть человек. Из этих шести – пятеро служащих Транс-Пола и одно гражданское лицо. Из этих шести – один нейро-маньяк, одна жертва и один мафиози. Надо лишь понять, кто есть кто.

«А ведь Коротышка Лью и Маркес тоже могут оказаться

замешаны, - острой ледышкой заскреблась в затылке мысль, - Каждый из них может быть нейро-маньяком. Маркес был на зачистке нейро-клиники, но я его не видел внутри. Он мог проследить за мной. Коротышки Лью и вовсе не было во время облавы, значит, он с удобством мог следить за представлением от начала и до конца, незаметно следуя за нашими машинами. И они оба – детективы Транс-Пола. Значит…»

Слишком сложно. Пять человек из шести могут быть подозреваемыми. Нет, четыре. Потому что вина одного из них уже доказана, только он не нейро-маньяк, он…

Голос комиссара Бобеля хлестнул по комнате звенящей цепью с литыми металлическими звеньями:

- Хватит, господа. По-моему, мы все слишком запутались. Я не хочу судить, кто из вас виноват больше, кто меньше, а кто вовсе не виноват. Поэтому мы упростим ситуацию до предела. А именно, сейчас вы все положите оружие на пол.

Они забыли про комиссара. Совсем забыли про Бобеля, агента Мафии.

Баросса – грузная тень, силуэтом похожая на большого, начавшего толстеть, пирата. Целится в Энглин.

Энглин – маленькая угловатая тень, держит пистолет двумя руками. Соломон вспоминает неуклюжий дамский револьвер. Целится в Бароссу.

Маркес – невидимая Соломону тень, расположившаяся где-то за спиной. Но ее оружие видно. Оно целится в Энглин.

Коротышка Лью – переминающаяся с ноги на ногу неуверенная тень. Целится в Бароссу.

Никто не целится в тень комиссара Бобеля. А его тень целится во всех сразу. Вот что бывает, если надолго выпустить человека из виду.

ГЛАВА 20

- Стоять! – приказал комиссар Бобель, делая быстрый шаг назад, чтоб удобнее было держать на прицеле сразу всех собравшихся. Он сказал это так громко, что от трухлявого потолка отделились чешуйки штукатурки, истлевшими мотыльками планирующие вниз, - Я знаю, что у вас всех тоже чешутся пальцы, но поверьте, в первого, кто двинется слишком резко, я всажу пулю без размышлений.

Голос Бобеля напоминал металл игрушечных солдатских шеренг. Только там было мягкое олово, а здесь – настоящая оружейная сталь. Соломон стиснул зубы. Сам виноват. Ведь знал, насколько опасен этот человек, много лет живший под личиной безобидного болтуна и коллекционера. Знал, и все равно недооценил. Нельзя верить теням, особенно когда находишься в царстве теней. Ведь любая тень может оказаться чем-то совсем другим.

- Не время вспоминать о ваших корпоративных интересах, комиссар, - слово «комиссар» само спрыгнуло с языка. Некоторые привычки, оказывается, не уходят вместе с нейро-софтом, - Лучше бы Мафии немного подождать в свете… сложившейся ситуации.

Я знаю, что я вам нужен, и даже догадываюсь, насколько. Но вы выбрали не лучший момент.

- Детектив Баросса прав, ты дурак, - комиссар Бобель снова поправил очки. Надо думать, тоже глупая привычка, - А теперь ступай ко мне, Соломон. Мы с тобой уходим. Встреча получилась интригующей, но в моем возрасте вредно волноваться. А ты заставил меня поволноваться… Ох, черт возьми, заставил…

- Не двигайтесь! – предупредил Соломон всех, - Он не шутит. Лучше не давайте ему повода стрелять.

- Тогда он заберет тебя, идиот! – сказал Баросса сквозь зубы, - Этого хочешь?

- Не заберет.

- Да? – комиссар удивленно склонил на бок голову, - Не заберу? Отчего же, Соломон? Что заставляет тебя так думать? Только не говори мне, что у тебя остались козыри в рукаве, которые ты забыл предъявить в начале игры.

- Козырей у меня нет. Но есть кое-что другое. У меня есть заклинание против Мафии. И вы вынуждаете меня использовать его.

- Что? – удивление комиссара было искренним и оттого выглядело даже немного неестественным, - Заклинание? Очень

интересно, детектив. Заклинание против Мафии… Я заинтригован, несмотря на то, что в последнее время мне по твоей милости пришлось выслушать множество глупейших и нелепейших вещей. И что это заклинание сотворит, позволь спросить?

- Убьет вас, - сказал Соломон. На пистолет в руках комиссара он старался не смотреть, но взгляд против воли сам сползал на него.

- Понимаю. Оно поразит меня молнией или что-то вроде того?

- Не совсем. Дело в том, что нейро-маньяк в свое время позаботился о собственной безопасности. Он не хотел проблем с Мафией, и гарантировал себе безопасность весьма необычным, но характерным для него способом. Вы не слышите тиканье в голове, комиссар?..

Бобель нахмурился. Едва ли он обратился в слух, скорее, пытался сообразить, куда ведет Соломон. А соображал он быстро.

- Нейро-бомба?

- Совершенно верно. Более девяноста процентов членов Мафии в Фуджитсу заминированы, сами об этом не зная. Как думаете, вы в их числе? Из всех присутствующих об этом знает только сам нейро-маньяк. Но он не торопится срывать с себя маскировку, как видите. Если он произнесет заклинание, то неизбежно выдаст себя. А это последнее, чего он хочет. Значит, заклинание остается произнести мне. Это мой единственный козырь на руках. У вас же – пистолет и интуиция. Так что, комиссар, вы слышите тиканье?..

Комиссар Бобель издал короткий смешок.

- Отлично, Соломон. Если бы я был дураком, то наверняка купился бы на такое. Но, видишь ли, я не дурак. Это во-первых. А во-вторых, я совершенно точно знаю, что в моей голове ничего не тикает. А теперь иди сюда. Мне надоело терять время.

Соломон пожал плечами.

- Воля ваша, комиссар. Вы сами выбрали свою судьбу. Значит, мне остается задать только один вопрос.

Комиссар поднял пистолет повыше. Незначительно, всего на несколько миллиметров:

- Вопрос? Какой вопрос? Мне кажется, сегодня здесь прозвучало достаточно глупых вопросов.

- Вы знаете, что в этом мире убивает не только курение?..

Керти Рейф был бы доволен. Правда, Керти Рейфа больше не существовало в природе, как не существовало и Соломона Пять. Скорее всего, их вообще никогда не существовало, они были лишь игрой теней на стенах Города Серого Камня. Иногда тени

становятся излишне самостоятельны.

Неважно.

Соломон ожидал выстрела. Глаза сами собой сощурились, готовые к резкой пороховой вспышке в темноте – когда нейробомба в голове комиссара Бобеля заставит его вставить ствол пистолета в рот. И потянуть спусковой крючок. Он почти видел, как слетают с его носа очки и, кувыркаясь, летят на пол, испачканные в густом и алом…

Выстрел грохнул в темноте и прокатился по заброшенному кинотеатру быстро тухнущей волной. Соломон ощутил пронзительный и соленый запах сгоревшего пороха. Порох щекотал носоглотку, словно Соломон нюхнул щепотку перца. И еще был запах чего-то паленого, тревожный острый запах, образующийся в забегаловках, где слишком поздно вытаскивают мясо из духовки.

«Почтим память комиссара Бобеля, - пронеслась по спутанным нейронным проводам непроизвольная, но радостная мысль, - Человека, который отдал свою жизнь служению закону…»

Комиссар Бобель остался стоять на ногах, с интересом разглядывая Соломона. Зато где-то рядом раздался приглушенный шелест и тяжелый шлепок сродни тому, что бывает, если небрежно бросить на стол бумажный пакет с чем-то плотным и липким.

Маркес лежал на полу, не заботясь о том, что мусор может испачкать костюм. Соломон увидел легкий белый дым, поднимающийся из его рта. Секундой спустя ему подумалось, что дым ему лишь показался – света в кинотеатре было недостаточно для того, чтоб он мог на самом деле увидеть это. Но что ему не показалось, так это содержимое головы Маркеса, в которое он наступил ногой, когда испуганно шагнул в сторону. Или же кто-то забыл в заброшенном кинотеатре открытую банку мясного желе. В узкой полосе света под самой стеной Соломон разглядел кусок скальпа Маркеса – лоскут желтоватой кожи в обрамлении жестких рыжеватых волос.

- Дурак, - повторил комиссар Бобель, разглядывая мертвеца, стекла его очков мягко блестели, - У теней, про которые ты столько болтал, есть еще одно любопытное свойство. Они обладают особенностью казаться тем, что тебе хочется. Всякую расплывчатую тень можно принять за монстра – если ты ожидаешь увидеть монстра. А другому она покажется пушистым котенком. Ты так ничего и не понял. Собирайся, детектив Пять, у нас и в самом деле мало времени. Если… если у тебя нет еще одного заклинания.

- Мафия? – выдавил Соломон, все еще ощущая запах сгоревшего пороха. Язык во рту ворочался вяло, как умирающая рыба в пересохшем русле реки, - Маркес был из Мафии? Невозможно. Это ведь вы…

Комиссар покачал головой.

- Я никогда не был связан с Мафией, детектив Пять. Ты просто увидел то, что хотел увидеть. Детектив Маркес был мафиози. И мне это давно известно. Именно он шепнул их менеджерам про то, что некий бедолага Соломон Пять носит в голове забавную и очень интересную вещицу. Именно его рапорт привел к тому, что вас взяли в оборот. Он работал на Мафию уже много лет. Поразительно, но я сам не знал этого до последнего момента.

Вся эта Мафия – дети, напялившие папины подтяжки. Сопляки. Играются в международные корпорации, а сами не способны решить даже простого дела. Не хватает им нашего опыта, старой школы. Зато амбиций…

- А вы?

Соломон не собирался спрашивать, но голос беспомощно звякнул – и получился вопрос.

- Я, - комиссар Бобель улыбнулся улыбкой усталого и немолодого человека, которую Соломон видел сотни раз на его морщинистом лице, таком же привычном, как фасад участка Транс-Пола, но теперь с новыми, не виденными им прежде, глазами, - Я не имею к этим остолопам никакого отношения. Видишь ли, я не работаю на Мафию. Я работаю на Форд.

- Мерзавец! Крысиное семя! – крикнул Баросса в ярости. Контроль над собственным телом у него был выдающийся, ни одна мышца даже не дернулась, - Так ты агент! Иностранный агент! Шпион!

- А еще – комиссар Транс-Пола в Фуджитсу, - добавил комиссар своим обычным мягким тоном, - Оружие на пол, детектив Баросса! И вы, детектив Лью, тоже. Уверяю вас, опыта в стрельбе у меня более чем достаточно. Пусть даже и в таком скверном освещении. Вот так. Спасибо.

Они положили оружие. Медленно, осторожно, почти бесшумно. Где-то звякнул разбросанный по полу мусор. И только с большим опозданием Соломон заметил, что только две тени из четырех послушно нагнулись. Две все еще держали оружие в руках. Одной из них, разумеется, был сам комиссар Бобель. Стекла очков не давали его с кем-то спутать. Он – и еще одна угловатая тень. Совсем незаметная, которую даже можно спутать с декорациями.

- Энглин…

Оно не ответило. Кажется, даже отвернулось. И он хорошо успел узнать сегодняшнее Энглин, чтобы понять – ничего и не скажет.

Энглин… Соломон стиснул зубы так, что тупая боль пронзила виски. Оно помогало ему готовить засаду для комиссара Бобеля, и самого начала знало, что ловушка на самом деле предназначается для самого охотника. Потому и согласилось помочь так легко. Энглин и комиссар Бобель. Комиссар Бобель и Энглин…

Соломону едва не застонал. Кретин. Настоящий кретин. Слепой и безумный кретин…

- С вами… Все это время с вами! – выдохнул Баросса, трясясь от ярости, - Оно не просто нейро-маньяк, оно тоже работало с вами на Форд!

- Не работало, - мягко поправил комиссар Бобель, - Ассистировало. Я – оперативный агент, а милое Энглин – мой технический ассистент. Я – мозг, а оно - мои нейро-мышцы, если можно так выразиться. Иначе мне сложно было бы контролировать события на здешнем нейро-рынке. Кроме того, разумеется, Энглин не нейро-маньяк. За это я могу поручиться.

- Зачем вам Соломон, старая макака? – спросил Коротышка Лью. Кажется, он хотел добавить еще несколько слов, но сдержался. Что весьма сложно, если используешь нейро-модель «Пан».

- Могу заверить, сам он мне без надобности, - голос у комиссара звучал мягко, как прежде, сложно было представить, что минуту назад он гудел, как литая сталь. Улыбки Соломон не видел, но догадывался, что она вновь выступила на рыхлом комиссарском лице, - Мне нужно то, что у него в голове. Не комплексы и не страхи, а та самая тикающая штучка…

- На складах Форда больше ничего не осталось? – язвительно спросил Лью, - Вам-то она зачем?

- О, я не собираюсь ее изымать. К чему? Я всего лишь помещу детектива Пять в нейро-корректор и с помощью Энглин проведу одну небольшую, но эффективную операцию. Проще говоря, выжгу все нейро-цепи вперемешку с синапсами. Пять секунд – и голова детектива Пять будет напоминать горящий мусорник. Надежный способ уничтожить все следы какого бы то ни было нейро-софта. Я бы даже сказал, гарантированный.

Баросса понимающе кивнул.

- Конечно. Вся эта история вышла из-под контроля, верно? И вы пытаетесь обрезать все концы.

- Он зачищает все следы Форда, - пробормотал Соломон. Странное дело, мышцы челюсти свело от напряжения, а слова

даются легко, и язык болтается, как у пьяного, - Я понял. Ваши игрушки каким-то образом сбежали из нейро-лабораторий Форда, так? Игрушки, которые вы готовили на случай непредвиденных обстоятельств. Маленькие милые военные игрушки Форда. Вам не удалось их полностью контролировать. Шкатулка Пандоры с ее нейро-проклятьем… Бомбы попали в другие страны. И в Фуджитсу в том числе.

- Верно, детектив Пять, - сказал комиссар, - И позвольте похвалить вашу запоздалую проницательность. Если бы обладали ею раньше, были бы лучшим детективом в участке. Увы, она посещает вас только в исключительных обстоятельствах. Вы много лет проработали в участке, но когда настал решающий момент, возомнили, что я работаю на Мафию, а ее действительного агента считали своим верным приятелем. Вы и в самом деле заблудились в тенях…

- Я думаю, игрушки Форда покинули свои полки не сами собой, - прервал его Баросса, - Я думаю, тут не обошлось без нашего нейро-маньяка. Это он взломал вашу лавочку и забрал оттуда все конфеты.

- Возможно, детектив Баросса, вполне возможно. Проклятый нейро-маньяк, кем бы он ни был, прилично мне напакостил. Если бы все закончилось на самоубийстве детектива Пять… Ах, как бы это было удобно. Но, как вы верно заметили, история вышла из-под контроля. Слишком много людей оказались в нее втянуты, и слишком многое произошло. Пара десятков мертвецов, слухи о нейро-бомбе уже ползут по городу, Мафия стягивает силы и не намерена отказываться от приза. Спецслужбы Фуджитсу готовят грандиозную проверку. А я не могу допустить, чтоб нейро-бомба, спрятанная в твоем черепе, Соломон, досталась кому-то из них. Я бы с радостью разбил его кувалдой, если бы это дало гарантию, но увы, даже из мертвой нервной ткани можно вытянуть информацию. У правительства есть технологии… Поэтому мне придется выжечь все подчистую, микрон за микроном, синапс за синапсом. Нейро-бомба будет уничтожена вместе в нервной тканью. Она так и останется жутковатой сказкой, которую будут рассказывать друг другу юные нейро-вандалы.

- А три мертвых детектива в заброшенном кинотеатре? Тоже сказка? – спросил Баросса, усмешка которого стала холоднее сухого льда.

- О, это будет печальной данностью. Но, думаю, Транс-Пол под моим руководством раскроет причины этой трагедии. В любом случае, заверяю вас, ваши имена будут увековечены, и я лично произнесу перед общественностью приличествующую моменту речь. О вашем вкладе в дело общей безопасности

Фуджитсу, о том, что вы навсегда останетесь в наших сердцах, и что-нибудь еще, столь же пафосное и медоточивое.

Комиссар Бобель погладил пистолет так, точно он был пушистым котенком. Некоторые видят пушистых котят там, где иные видят монстра. Тень всегда подстраивается под то, что ты хочешь увидеть.

- Погодите… - Соломон выставил вперед руку в нелепой попытке задержать Бобеля, выиграть у него несколько секунд, - Но если вы из служб Форда… Почему вы сами отдали меня Мафии?

- Я не отдавал тебя никому, Соломон. Ты слишком ценен, чтоб я позволил себе столь дорогой подарок.

- Но Пацци перед смертью назвал ваше имя! Он сказал – «комиссар Бобель»! Комиссар Бобель приказал Мафии взять меня во время облавы!

- О нет, я бы никогда такого не сделал. Как это часто бывает, простые вещи обросли великим множеством дополнительных факторов и стали весьма непросты. Видите ли, от нашего милого Энглин я узнал, что у вас в голове находится нейро-бомба. Мы не знали, кто ее туда засунул и где взял, но определенно расстроились. А наше начальство в Форде могло бы расстроиться еще сильнее. Эти игрушки – для ограниченного круга, их не полагается выносить из дома… Но кто-то захватил такую игрушку – и оставил в песочнице. Энглин известило меня сразу же после того, как вы побывали у него. Экстренный случай. Как вы понимаете, я должен был приложить все силы, чтобы эта маленькая штучка нигде не всплыла. Дело-то щекотливое, а правительство Фуджитсу едва ли обрадовалось бы подобному случаю. Узнав про ваш случай, я вынужден был принять соответствующие меры. Например, уничтожить носителя. Самый естественный вариант, который на тот момент еще не вызвал бы подозрений. Детективы Транс-Пола периодически гибнут, это печальный, но неизбежный факт.

- Так почему не устранили меня лично? – спросил Соломон, - Неужели это было так сложно?

Комиссар поморщился.

- Ох, причем здесь сложность… Дорогой Соломон, я оперативный агент высокого класса, а не какой-нибудь лейтенант. Я не могу себе позволить самолично устранять людей с риском себя скомпрометировать, иначе сложнейшая многолетняя работа по легализации пойдет псу под хвост. Ну, сейчас-то уже ситуация особая, сами понимаете… Новые правила, так сказать.

- Побоялись испачкать руки. Неудивительно.

- Шеф-повар не чистит картошку, - вздохнул комиссар Бобель,

- Я не мог убить тебя так запросто, Соломон. Конечно, у Форда есть… специалисты для такой работы, и высококлассные, но ведь их не пришлют в Фуджитсу в два дня. Мне же надо было действовать быстро, потому что твои действия уже начали привносить хаос и путать многим карты. Мне требовалось устранить тебя быстро, не бросив на себя подозрений. Кому же предстояло нажать на спусковой крючок? Не Энглин же?.. Я обратился к Мафии.

- С просьбой о похищении?

- Об убийстве, Соломон, об убийстве, - мягко сказал комиссар Бобель, - Я никогда особо не доверял этой организации, но в тот момент мне показалось, что выход весьма удачен. Разумеется, я не стал раскрывать истинных целей, как и истинную личность. Просто сообщил, что детектив Соломон Пять стал мне неудобен. И я хочу применить к нему дисциплинарное взыскание. Убрать его навсегда из участка. Подробностей у меня не спрашивали. Наверно, решили, что Соломон вынюхал какие-то мои служебные секреты. Сеньор Пацци с готовностью ухватился за возможность помочь комиссару города в таком щекотливом деле. Наверно, рассчитывал, что после этого я буду в его власти, амбициозный дурак… Он не знал, что имеет дело с Фордом. А ведь у меня было все рассчитано. Через пару дней после того, как тело детектива Соломона нашли бы в переулке со следами насильственной смерти от руки какого-нибудь психопата, сеньор Пации тоже покинул бы наш грешный мир тем или иным способом. Видите, какая красивая картинка могла бы сложиться?

- Если бы не Маркес.

- Да. Если бы не чертов Маркес, который, как оказалось, сам работал на Мафию. Столько лет, под моим крылом… Я рад, что он мертв. Он поставил под угрозу всю операцию. Узнав о том, что Соломон не просто взломан, но и стал обладателем нейро-бомбы, он незамедлительно поставил своего шефа в известность. И сеньор Пации оказался перед выбором. С одной стороны, желание клиента – закон. С другой, он слишком хорошо знал цену этой милой безделушки, что у тебя в голове. Интересы разных лиц вступили в конфликт. Поэтому он принял то решение, которое позволяло ему принести выгоду своей организации. Организовал в подпольной нейро-клинике шум со стрельбой, под покровом которого выкрал тебя. Мне же он сообщил, что детектив Соломон мертв, а тело обезображено до неузнаваемости… Я не слишком много говорю, господа?.. Это нервное. Хочется наконец объяснить вам всем, какими вы были дураками. Выплеснуть, так сказать, накопившееся…

- Продолжайте, - насмешливо бросил Баросса, - Очень увлекательно.

- Спасибо, детектив. Дальше игра стала горячее. Слишком уж много игроков столпилось на поле, и каждый спешил ударить по мячу. Да, Соломон, мяч – это ты. Представьте мое изумление, когда я узнал, что кроме Форда в моем лице за вами охотится Мафия, а также неизвестный нейро-маньяк. Ничего себе популярность!

- Могу лишь сказать, что вам повезло, - процедил Соломон, - Два игрока схватились между собой. Нейро-маньяк обнаружил, что Мафия посягает на его игрушку – и наказал ее. Освободив дорогу вам.

- Возможно. Всегда лучше быть тем игроком, который принимает мяч последним… Так кто из вас нейро-маньяк, господа? Детектив Баросса, это действительно вы? Детектив Лью, а может, вы? Впрочем, честно говоря, мне все равно. Меня интересует только нейро-софт. А нейро-маньяки – это не мое ведомство. Вас обоих, как вы понимаете, я тоже вынужден буду убить. Так что, по большому счету, даже неважно, кто именно был нейро-маньяком.

- Все равно чушь! – вскинулся Коротышка Лью. Видно, и его обожгло страхом близкой смерти, - Если Энглин работало на вас, то зачем оно рассказало Соломону о нейро-бомбах? Зачем нашло бомбу у него в голове? А? Что? Видите же, чушь! Если Энглин работало вместе с вами на Форд, оно бы просто промолчало. И Соломона тихо сняли бы еще до того, как он узнал про свой тикающий подарочек!..

- Даже у хороших агентов есть слабости, - вздохнул комиссар, - Энглин не всегда может себя контролировать. Иногда у него бывают дни, когда… Скажем так, когда оно делается чересчур жалостливым. Или инфантильным. Видимо, это и произошло. Конечно, ужасная и досадная ошибка, едва не сгубившая всю операцию, но для Энглин она простительна. Специалиста такого класса я терять не готов. В будущем, надеюсь, подобных проколов не будет. К слову, кто бы из вас ни был нейро-маньяком, я очень рад тому, что он оказался тут. Этот нейро-маньяк сослужил Форду очень плохую службу. Он использовал то, что ему не принадлежит, причем так неаккуратно, что это едва не привело к большой беде. Даже международной беде. Но, как выражаются сеньоры из Мафии, индивид ничто, а рабочий коллектив – все. Одиночки долго не живут, будь они хоть трижды гениальными нейро-взломщиками. По счастью, детектив Пять очень вовремя сообразил устроить эту ловушку, сам не зная, на кого. И очень удачно, господа, что мы все вместе в нее попались. Серьезная

экономия времени. А теперь, если вы не против, мы все-таки поставим точку в этой истории. Энглин, ты готово?.. Замечательно. Бери Соломона под руку и выходи отсюда. Я выйду последним.

Соломон разглядел смутную тень пистолетного ствола. Дула он не видел, но ощущал его, как ощущают чужой взгляд, даже не видя его обладателя. Взгляд этот был нехороший, тяжелый и безразличный, как у змеи.

Может, броситься на него, пока есть возможность, пока есть тень шанса?.. Бобелю придется выстрелить, он не станет рисковать. В конце концов, смерть от пули честнее смерти под нейро-корректором.

«Больно не будет, - пообещал ему бесплотный голос, соткавшийся из шелест ветра под потолком, - Просто толчок в грудь – и падение в мягкую прохладную тень, которая навеки сомкнется над головой. Тень может быть зыбкой, обманчивой, но может быть и окончательной, не имеющей дна…»

- С Соломоном мы еще немного пообщаемся, а вы прощайте, господа, - сказал комиссар Бобель, - И позвольте еще раз выразить вас свою благодарность за долгую беспорочную службу. Не знаю, будет ли вас помнить Фуджитсу, но я точно буду…

- Иди ты к дьяволу, свиная голова! – визгливо крикнул Коротышка Лью.

Баросса добавил несколько звучных ругательств. Но прозвучали они неуклюже, как-то беспомощно. Должно быть, старый пират Баросса услышал шелест висельной петли над головой.

- Прощайте, господа, - комиссарский голос был необычно мягким, в нем даже ощущалось некоторое сожаление, - Могу лишь уверить вас, что ваша память надолго переживет вас. Полагаю, уже сегодня весь Фуджитсу узнает о невероятной утрате, которую он понес. Сразу четверо детективов пали смертью храбрых, защищая покой жителей города, вверивших им сво…

Выстрел хлопнул буднично и сухо, как лопнувшая шина. Соломон видел рваный оранжевый язык, на мгновенье развернувшийся темноте и оставшийся на сетчатке глаза зеленовато-лиловым пятном. Тело само отшатнулось, в голове горячим пузырем лопнула мысль «Как? Так быстро?..» - лопнула и обрывками стекла прямо в съежившийся желудок. Но боли не было. Кажется, так и бывает, когда тебя убивают. Соломон не мог вспомнить, где слышал это. Наверно, так когда-то сказал Керти Рейф. Да, наверняка так и есть, тело просто не успевает почувствовать смертельное ранение, просто сползает в тень и…

А потом он услышал хруст. На самом деле хруст раздался

сразу же после выстрела или одновременно с ним, но наполненный ужасом мозг подавал события по частям, как если бы их отделяли друг от друга секунды или даже минуты. Хруст – тонкий, едва различимый. Хруст и легкий невесомый звон. А за ним влажный шлепок. Что-то подобное можно услышать, если малокалиберная пуля ударится в легкую преграду, а потом врежется во что-то плотное и достаточно прочное, но при этом влажное внутри.

Соломон не сразу понял, куда смотреть, сполох выстрела на мгновенье ослепил его. Но он все же определил направление – по тому, куда смотрели Коротышка Лью и Баросса. Комиссар Бобель стоял на прежнем месте, но что-то в нем переменилось. Сложно сказать, что изменилось в человеке, если видишь в полумраке лишь его силуэт.

Очки – сообразил Соломон. Там, где прежде висели два светлячка линз, остался только один. Другого не было. Но Соломон догадывался, где он. Скорее всего, пуля заставила тонкую линзу разлететься на тысячу крохотных полупрозрачных осколков. Часть осколков вместе с пулей врезалась в лицо, превратившись в микроскопические занозы, часть рассеялась вокруг или засела на воротнике плаща. Но только у пули могло быть достаточно кинетической энергии, чтобы пробить кость черепа и глубоко увязнуть в его содержимом.

- Что… - неожиданно ясным и удивленным голосом сказал комиссар Бобель. Слышно было, как он переступил с ноги на ногу, под подошвой ботинка захрустела пыль вперемешку со стеклом. Но Энглин Кейне Нул выстрелило еще раз – и оранжевый язык, вырвавшийся вторично из ствола, отбросил комиссара в сторону, словно тот был лишь крохотной мошкой. Комиссар Бобель свалился лицом в груду строительного мусора, перекатился на бок и остался недвижим.

Человек превратился в предмет обстановки заброшенного кинотеатра вроде забытого рабочими тюка с утеплителем. Еще одна маленькая метаморфоза на сегодняшнем представлении театра теней.

Энглин еще некоторое время стояло с пистолетом в вытянутой руке… Это была странная и страшная картина. Лицо Энглин выглядело пустым, как если бы пороховые газы выжгли с него все чувства и эмоции, оставив лишь бледную плоть и острые кости под ней. Не мужское лицо и не женское, не молодое и не старое. Только тающие льдинки в глазах.

- Как вовремя! – Коротышка Лью истерично рассмеялся, но смех быстро сменился хрипом, - Ох, как вовремя… Еще немного, и он положил бы нас. Не бойся, все в порядке. Мы будем

свидетельствовать!.. Комиссар работал на Форд, он был шпионом. Если что, мы подтвердим, что он заставил тебя помогать ему. Но, клянусь, вовремя ты это…

Баросса молчал, и Соломону даже показалось, что тот тоже мертв, но каким-то образом все еще держится на ногах. Но он не был мертв. Просто о чем-то размышлял, столь напряженно, что глаза сделались похожи на мелкие лужицы, не покрытые даже рябью, вроде тех, что возникают на улицах Фуджитсу после мелкого и холодного осеннего дождя.

- Слушай… - сказал он, точно проснувшись, - Конечно… А ведь мы и верно дураки с тобой, Соломон. Круглые дураки.

- Что ты имеешь в виду? – спросил Соломон.

Энглин все еще разглядывало мертвого комиссара. Наверно, когда-нибудь ему будет стыдно за этот поступок. Нет, поправил себя Соломон, не ему. А какому-то другому Энглин. Но какая разница…

- Нейро-маньяк, - Баросса произнес это медленно и отчетливо, - Ты хотел узнать, кто он. Ты узнал это.

- Энглин? Хватит. Ты просто пытаешься ему отомстить за то, что…

- Подумай! – крикнул Баросса почти страдальчески, - Подумай же, идиот! Оно было нейро-маньяком с самого начала! Как я и говорил!

На лице Энглин появилось какое-то выражение и, хоть лицо это Соломон знал уже больше недели, выражения он не понял. Оно показалось ему незнакомым.

- Оно работало с Бобелем! Оно не могло быть нейро-маньяком. Шпионом – да, но…

- Оно было и тем и другим! – выпалил Баросса в отчаянии, - Бобель считал, что Энглин – его помощник, технический ассистент, его личный нейро-скальпель для вскрытия. Он просто не знал, чем его помощник занимается по ночам! Глупый мертвый Бобель, он оказался не умнее нас, дураков. Ему было бы обидно знать… Энглин работало на две ставки.

- Д-две ставки?.. Что ты…

- И на Форда, и на свою больную психику! Нейро-маньяк на службе нейро-шпиона! Вот что!

- Стой, Баросса, - Соломону захотелось нажать на какую-нибудь кнопку, чтоб время хотя бы на несколько секунд замерло, и мозг успел переварить каскадом льющуюся информацию. Но этой кнопки у него не было и магнитная лента жизни тянулась, все ускоряясь и ускоряясь, - А нейро-бомбы, а…

- Вот откуда оно взяло нейро-бомбы! У своего шефа, у Бобеля! Из чертовых арсеналов Форда! Ну соображай же, тупица! Это

Энглин уничтожило твой нейро-софт, оставило вместо него бомбу, а потом помогало Бобелю тебя искать. А тебе помогало спасаться. Оно больно, Соломон, как ты можешь этого не замечать? Оно само давно перестало понимать, что делает. Безумный нейро-бог, палач и благодетель в одном лице. Ты все это время искал логику, а логики не было! Тебя уничтожало и спасало одно и то же существо. Оно ограбило тебя и подкинуло тебе бомбу, как всегда поступало со своими жертвами. Потом оно сообщило о тебе своему хозяину, Бобелю. Потом оно помогло тебе подсказав про нейро-бомбу. Потом оно помогало ему в охоте на тебя. И, когда охота близилась к развязке, вновь помогло тебе. Оно считает тебя своей игрушкой. Оно не выпустит тебя, Соломон. А Бобеля оно убило только потому, что тот начал догадываться. Слишком уж странная вышла история. Он все равно бы в итоге понял. Не сейчас, но позже… Он был умен, он все равно сообразил бы, что Энглин тут замешано. Поэтому он умер здесь. На редкость удачный расклад для смерти, верно? Уверен, когда вы все это планировали, Энглин уже знало, что Бобель не выйдет отсюда живым. Ты поставил ловушку на меня, а оно – на Бобеля!..

Энглин. Бобель. Баросса.

Соломон приложил руку ко лбу. Давление вытесняющих друг друга мыслей было так высоко, что грозило разорвать череп изнутри.

Бобель. Энглин. Баросса.

Если нейро-маньяк – это Энглин, тогда все сходится. Нейро-маньяк – подручный Бобеля, много лет выполнявший за него грязную работу, связанную с нейро-взломом. Самонадеянный Бобель никогда бы не сообразил, что творится прямо у него под носом. Нелегко признавать то, что тот, кого ты используешь как пешку, гораздо хитрее тебя – и сам тебя использует.

Энглин. Нейро-вандал без пола и возраста. Человек без личности. Слепое биологическое оружие, брошенное в пропасть и способное лишь ощущать ее бездонную глубину. Мстящее всему миру – за то, чего оно само лишено. За возможность быть личностью и человеком.

А ведь это было бы так просто… Энглин много лет работало под прикрытием Бобеля, изображая послушного исполнителя. Но Баросса прав, Бобель рано или поздно сообразил бы, несмотря на всю свою самонадеянность. Заметил бы странности в действиях своего протеже, необъяснимые закономерности… Он бы понял, что Энглин – это нейро-маньяк. И… И устранил бы его, конечно. В рискованной шпионской работе опасно сотрудничать с психопатами. А Энглин… Соломон чуть не задохнулся. Энглин

понимало это. Что его работа с Бобелем рано или поздно закончится – и закончится его смертью. Оно просто сделало ход первым.

Нарочно выбрало жертвой детектива Транс-Пола. Нарочно подложило ему игрушку из тайника Бобеля. Чтоб тот запаниковал и начал действовать в попытке уничтожить своего подчиненного. Из-за Маркеса в игру вступила Мафия, но это, по большому счету, ничего не изменило. Энглин требовалось убрать своего властного работодателя, и так, чтоб на счет него ни у кого не возникло подозрений. Оно добилось своего. В отчаянной гонке за нейро-бомбой Бобель сам скомпрометировал себя. Показал истинное лицо. И умер.

- Энглин?.. – запинаясь, пробормотал Соломон, - Энглин Кайне Нул?

Серые глаза Энглин сверкнули в бешенстве. Непонятное выражение на лице сменилось почти детской гримасой злости.

- Ложь! – взвизгнуло оно, - Этот ублюдок Баросса лжет тебе! Он и есть нейро-маньяк! Он хочет свалить все на меня! Открой глаза! Он не твой приятель, он лицемерный и хитрый убийца! И он доберется до тебя!

- Дьявол… - выдохнул Баросса.

Баросса. Энглин.

Две зыбкие тени в царстве кромешной темноты.

Одна тень, массивная и плотная, тянется отростком руки вниз. Соломон не видит куда, но знает, что где-то там лежит маленькая тень, от металлического предмета на полу.

Другая тень, угловатая и неловкая, поворачивается к первой с револьвером в руке. Сперва кажется, что она поворачивается очень быстро, затем – что очень медленно. Сложно судить об этом там, где нет света, лишь темнота и полумрак. Сложно понять, успеет ли она повернуться до того, как другая тень коснется рукой земли и что-то поднимет с нее.

- Нет, - говорит Соломон. А потом понимает, что губы остались неподвижны, он успел лишь подумать это.

Выстрелы звучат почти одновременно. Тягучий грохот пистолета Бароссы и хлопок маленького дамского револьвера. В тесном помещении эти звуки переплетаются и сплавляются друг с другом, превратившись в беспокойное гулкое эхо. Сверху сыпется мусор, опять невыносимо пахнет сгоревшим порохом. Кажется, Соломон слышит тонкий вскрик.

Все заканчивается прежде, чем он успевает сделать шаг.

Одна тень лежит у стены, неподвижная, руки ее вытянуты вдоль тела.

Другая тень протянулась в нескольких метрах от нее, руки

раскинуты, как если бы она собиралась махнуть кому-то. Движения нет. Невероятно остро пахнет порохом.

Соломон пытается шагнуть к ним, но не может, ноги совершенно одеревенели, а в голове оглушительно гудит. Когда он наконец делает шаг, то едва не падает, потому что под подошвой – что-то мягкое, податливое. Конечно, он же совсем забыл про… Кто это? Комиссар? Маркес? Теперь, когда тени лежат на полу, не различаясь по размеру, он не может их узнать. Они бесповоротно стали одинаковыми. Это так нелепо. Но Соломон понимает, что такими они и останутся.

Он стоит так какое-то время, не зная, что делать. Окружающий мир вдруг стал плоским и пустым, как столешница, с которой смели крошки. Еще недавно мир казался ему сложным и запутанным, но теперь Соломон понимает, что все, в сущности, устроено очень просто.

Все с самого начала было очень просто. Он сам сделал его сложным. Игра света и тени одурачила его.

Что-то твердое касается его позвоночника. Соломон понимает, что это ствол пистолета, но это понимание не вызывает у него никаких ощущений, даже страха.

Ему все равно.

- Иди, - говорит голос у него за спиной, - Давай выберемся из этой дыры. У меня от полумрака скоро сделается мигрень. А здесь, к тому же, нечем дышать…

Они идут к выходу, попеременно спотыкаясь, но не обращая на это внимания. Соломону кажется, что он видит осколки очков на полу, но это может быть остатками оконного стекла. В любом случае, сейчас это не имеет значения.

Они выходят и обнаруживают, что на Фуджитсу уже опускаются сумерки. Легкие, почти невесомые, скоро они придавят город и заберутся в каждую щель, поползут каньонами улиц, захватят площади и проспекты, и затопят Город Серого Камня, оставив в воздухе лишь неоновые пунктиры уличных фонарей. Они делают это каждый день по старому, как сама планета, сценарию. Свет и тень вечно играют друг с другом, но в этой игре нет победителей и проигравших.

- Хороший вечерок, - говорит голос у него за спиной. Соломон слышит его не впервые, но впервые тот звучит так спокойно. Наверно, потому, что впервые он звучит естественно. В нем больше нет фальшивых интонаций и искусственного смеха. Он звучит как обычный человеческий голос.

- Да, - говорит Соломон, не пытаясь обернуться, - Хороший.

Может, за спиной у него никого и нет, просто еще одна тень? Ему не хочется проверять. И еще ему кажется, что нет никакой

разницы. Вечерний воздух отчего-то пахнет прохладным цементом.

- Знаешь, а ты хорошо сказал, старик. Ну, что все не такое, каким кажется. Тени лгут, а там, где больше света, там и больше теней. Если ты приблизишься к ослепляющим звездам и станешь гулять между них, каждая из них отбросит твою тень куда-нибудь. Иногда заметную и жирную, иногда едва видимую. Тени всегда искажены, они просто не умеют быть правдивыми. Другое дело, кто в этом виноват? Ты сам? Свет? Что-то еще?

- Неважно.

- Да, я тоже так думаю. Но было бы странно не завершить этот вечер еще парой бессмысленных вопросов. Наверняка, и у тебя найдется пара достаточно бессмысленных, я угадал?..

- Ты спланировал все это?

- Шутишь, что ли? Зачем мне это надо? Я никогда не строю сложных планов. Моя работа проста, и я с ней отлично справляюсь. Это ты все запутал, Соломон. Множество людей и событий. Впрочем, я немного помог тебе с Бобелем. Виноват.

- Энглин убило его не по своей воле, ведь так?

У Соломона возникает ощущение, что человек за его спиной улыбается. Он каким-то образом даже видит эту улыбку, тонкую и усталую.

- Конечно. Это был мой страховочный трюк. Еще одна маленькая нейро-хлопушка. Бобель никогда не причинял мне беспокойства, но когда-то он мог стать проблемой. Слишком уж пекся о наследстве Форда. К нему самому я подобраться не смог, слишком уж он осторожен. Поэтому я оставил его прелестному ассистенту небольшой подарок. Тайный, разумеется. В этом тоже есть ирония – нейро-вандал даже не подозревал, что сам является носителем уникального дара. Я запрограммировал его на ненависть. Не очень-то хорошо для подарка, а? Наверно, невежливо дарить человеку ненависть?..

- И каким был код в этот раз?

- «Свиная голова».

- Личный код для бомбы Энглин?

- Ага. Услышав кодовые слова, Энглин попросту испытало ослепляющую ненависть к своему патрону. Как уместно, что в этот момент у него было оружие!

- Забавно, - говорит Соломон, наблюдая за тем, как на краю неба сумерки медленно густеют, придавливая дома. Если бы они были материальными, камень уже треснул бы и рассыпался. Но это всего лишь оптический эффект. Никого еще не убил оптический эффект.

- Что тебе кажется забавным, Соломон?

- Как тяжело быть именно тем, кем кажешься. Из всех собравшихся ни один не был тем, за кого я его принимал. Баросса не был взломщиком, Бобель не был членом Мафии, Маркес не был обычным детективом, а Энглин не было простым нейро-вандалом. Да и ты…

Коротышка Лью смеется. Но не издевательским смехом «Пана», а одобрительно, почти мелодично.

- Мы живем в мире иллюзий, Соломон. Здесь ничего не бывает правдивым. Тени. И слишком много звезд. Это все нейро-софт. Ядовитый сок проклятых времен.

- Ты ведь не…

- Разумеется. Я никогда его не использовал.

- Страшно?

- Страшно. Это ведь страшная вещь, Соломон. Она превращает человека во что-то… нечеловеческое. Что-то завораживающее и жуткое. Во что-то другое. И изменить это невозможно. Можно лишь следить за тем, что происходит. Самое обидное в достоинстве зрячего то, что приходится провожать взглядом уходящих. Им проще. Они не видят, куда идут. А ты видишь, но что ты можешь сделать, кроме как смотреть им в спину?..

- Значит, ты…

Коротышка Лью вновь не дает ему закончить.

- Да. Просто ставлю опыты. Я ученый. Не палач, не психопат, не убийца. Я изучаю человеческую душу или то, что от нее осталось. Проверяю, как далеко люди могут зайти. И смогут ли вернуться обратно. Способны ли люди отказаться от своих нейро-паразитов или они настолько глубоко вплелись в наше сознание, в нашу цивилизацию, что гибель паразита влечет смерть хозяина?.. И еще - не перешло ли человечество ту черту невозврата, за которым оно перестанет быть человечеством, а станет бесконечно распространяющейся нейро-культурой сродни грибам.

- И что говорят исследования? – Соломон усмехается, чувствуя, как ночь набрасывает ему на плечи свой холодный плащ, - Как далеко мы можем зайти?

- Слишком далеко, - вздыхает Коротышка Лью, - Недоверие к нейро-софту осталось в прошлом, наш естественный защитный механизм больше не работает. Как бы сказать… Мы теперь не боимся ходить по темным тропинкам. И редко задумываемся о том, как далеко эти тропинки уводят нас от садовой калитки… Извини, я просто болтаю. Ты один из немногих людей, способных меня понять. В Фуджитсу, например, только ты и способен. Остальные не выдерживают. Ломаются. И неудивительно. Я

стаскиваю с них все то, что они на себя навьючили - от страха, от бессилия, от зависти. Это огромный стресс, убийственный. Как оказалось, справиться с этим человеческая психика почти не в состоянии. Люди ведь так привыкают к тому, что тащат. Оказавшись без ноши, они чувствуют себя беспомощными и голыми, не замечая того, что творится вокруг. И больше ни о чем не могут думать. Это сродни ломки у наркоманов. Только во сто крат болезненнее.

- Тогда почему ты даешь им срок?

- Срок? – искренне удивляется Коротышка Лью.

- Ты же отмеряешь им жизнь. Почему максимум семь дней? Боишься вести опыт до конца? Хочешь его контролировать?

Коротышка Лью вновь гортанно смеется. Сейчас он действительно похож на «Пака», которым никогда не был.

- Срок!.. Да нет никакого срока, Соломон! В чем бы тогда был смысл моего эксперимента? Нейро-бомба ведь программируется на любое событие, на любую психическую реакцию, а не по календарю. У моих нейро-бомб специальная настройка. Они срабатывают тогда, когда человек окончательно опускает руки. Свыкается с мыслью о том, что без нейро-софта он мусор, калека, беспомощное животное. Теряет себя. Отказывается от жизни, превращаясь в бездумное растение. Это означает, что эксперимент заканчивается, ведь дальше проводить его бессмысленно. И нейро-бомба прибирает за меня использованные реактивы. У каждого свой срок, знаешь ли. И каждый его определяет сам. Три дня, неделя, месяц, год… Каждый сам заводит свои часы, понял?

- И как долго обычно живут?

Коротышка Лью уклончиво разводит руками.

- Да по-разному. Крепкие – по нескольку лет. Кто послабее, ломается через тря дня. Как тот… Эмпирей Тодд. И многие другие. Люди так привыкают ко лжи, что их нервная система перестраивается на высшем уровне. Ложь встраивается в их метаболизм и в их нейроны. Без лжи они уже не могут существовать. Они просто не умеют быть собой. Они уже не люди, лишь вешалки для костюмов.

- Но я еще человек? – зачем-то спрашивает Соломон.

Коротышка Лью глядит на него со своей обычной лягушачьей усмешкой, печальной и некрасивой.

- Возможно. Мне откуда знать? На этот вопрос тебе придется ответить самому себе. И, может быть, отвечать еще множество раз до конца своих дней.

- Я найду тебя, - говорит Соломон и с удивлением замечает, насколько безразлично звучит его голос, - В Фуджитсу или где-то

еще. И уничтожу. За все то, что ты сделал. За меня. За них.

Город Серого Камня темнеет на глазах. Ночь заполняет его, стирая промежутки между домами, стирая улицы, перекрестки и замершие автомобили. Бесконечная игра света и тени, начала и конца, дня и ночи. Соломон как загипнотизированный наблюдает за тем, как стираются границы между камнем и небом.

- Иногда я думаю, что Прометей был мерзавцем, - неожиданно говорит Коротышка Лью, - он принес людям огонь, а вместе с ним и свет. Не подумав о том, что свет разгонит тени внутри пещер. А человеку иногда тень важнее света. Прометея наказали не за его дерзость, а за его глупость. Возможно, когда-нибудь ты накажешь меня. Возможно.

Они молчат. Соломон смотрит на сгущающиеся сумерки, растворяющие в себе город. Коротышка Лью смотрит на что-то еще. Но когда Соломон поворачивается, чтобы задать еще один вопрос, он обнаруживает, что стоит в одиночестве. Возле него никого нет, лишь разрушенный остов старого кинотеатра. Но он понимает, что в этом нет ничего страшного. В эту минуту он понимает еще многое.

Соломон делает первый шаг, оставляя кинотеатр за спиной. Он чувствует необычайную легкость. Он углубляется в город и идет по треснувшему асфальту между остывающих каменных глыб. Он пока еще видит свою тень – та послушно идет рядом, повторяя его движения. Она искажена, как все тени, у нее нечеловеческие пропорции, но она следует за ним до тех пор, пока накатывающие волнами сумерки не начинают растворять и ее. В следующий раз, когда он бросает взгляд вниз, тени уже нет.

Но Соломон по привычке улыбается ей, прежде чем исчезает в темноте сам.

notes

Примечания

1

Уильям Блейк, английский поэт